
Selena Cross
18+
Ты моя
Война

Ты моя Война
Selena Cross

Аннотация
Selena Cross. Ты моя Война
Глава 1. "Моя война начинается здесь"
Глава 2."Добро пожаловать в ад"
Глава 3. «Ад под фамилией Уинтерс»
Глава 4. "Хищники закона"
Глава 5. «Когда враг слишком близко»
Глава 6."Смотреть нельзя коснуться"
Глава 7. Холодный разум? Легко сказать...
Глава 8. «Когда контроль скользит из рук»
Глава 9. "Поцелуй на прощание"
Глава 10. "Тонкая грань"
Глава.11. "Между двумя мирами"
Глава 12. "Границы, которые тают"
Глава 13. "Предатель в тени"
Глава 14. "Алое Искушение"
Глава 15. "Под пристальным взглядом"
Глава 16. «Первый глоток яда»
Глава 17. "Когда никто не видит"
Глава 18. "Обожжённая сердцем"
Глава 19. «По семейному сценарию»
Глава 20. «Доброе утро, невеста»

Глава 21. "В плену своих чувств"
Глава 22. «Когда мир сужается до неё»
Глава 23. «Ускользая от Соблазна»
Глава 24. «Без неё я зверь»
Глава 25. «На краю дозволенного»
Глава 26. «Между двух огней»
Глава 27. «Всё или ничего»
Глава 28. "Сладкая месть"
Глава 29. "Ходы в тени"
Глава 30. Паутина
Глава 31. «Упрямое сердце»
Глава 32. " Правда без прикрас "
Глава 33. «Полшага до безумия»
Глава 34. "Долгая ночь перед рассветом"
Глава 35. «За тонкой дверью»
Глава 36. "Партия на двоих"
Глава 37. " Ход Королевы "
Глава 38. «Выкрутиться красиво»
Глава 39. «Тонкая линия между нами»
Глава 40. "Нежность, ставшая ядом"

Аннотация

"Ты думаешь, что можешь просто так вернуться в мою жизнь? После всего, что ты сделал? Поздно, Уинтерс… слишком поздно."

Тесса Чон была лучшей в своём деле — умная, амбициозная, бесстрашная. Блестящий юрист, мечтающий работать в крупнейшем холдинге мира. Но её наставником стал Александр Уинтерс — наследник огромной империи, тиран в инвалидном кресле, человек, которому, казалось, неведомы эмоции.

Одна ошибка — и её жизнь превратилась в руины. Обвинение в предательстве. Унижение. Общественное презрение. Разрушенная карьера. Разбитое сердце. Александр Уинтерс стёр её имя с юридической карты мира. Он уничтожил её репутацию, мечты, всю её жизнь.

Но Тесса не сдалась. Подставленная, опозоренная, отвергнутая собственной семьёй, она исчезла. Сменив страну, профессию, окружение, она начала с нуля, поклявшись, что никогда больше не позволит кому-то разрушить её мир.

А теперь он здесь. Встал на ноги ради неё. Ради той, кого предал. Он готов пойти на всё, чтобы вернуть её.

Но Тесса больше не та девушка, что когда-то дрожала от его ледяного взгляда.

Она не простит. Она не поддастся. Или?..

"Я уничтожил её. Теперь моя цель — вернуть её любой ценой. Даже если мне придётся вести войну с ней — за неё. Потому что без неё я уже не живу. Я существую."

Selena Cross
Ты моя Война

Глава 1. "Моя война начинается здесь"

— Тесса Чон~

«Никогда не сдавайся. Даже если твой враг — сама судьба».

Я всегда знала, чего хочу.

С детства мои цели были чёткими, как выверенные стрелки на военной карте моего отца. Родись я мальчиком, наверняка стала бы солдатом, как мой брат Чон Иль-хун, как сам и отец. Но я выбрала другой путь — не оружие, а законы. Моим полем боя должны были стать залы судебных заседаний, моим оружием — знания, логика, безупречные аргументы.

Я — Тесса Чон. Дочь генерала армии США Чон Мин- Суна и военного врача Ли Ми- Ён. Девушка, выросшая в строгой дисциплине, но с сердцем, которое никогда не умело подчиняться.

В десять лет, когда семья переехала из Сеула в Вашингтон, мне понадобился всего год, чтобы заговорить на английском без акцента. Через два я уже обгоняла сверстников в учебе, а к выпускному была первой в классе, принимая поздравления

родителей с той же холодной сдержанностью, что переняла у них.

Поступление в Гарвард — очередная ступень к цели. Диплом с отличием, стажировка в Париже, свободное владение четырьмя языками. Всё ради одной мечты — работать в Winters Co.

Самый престижный юридический холдинг страны. Место, где вершатся судьбы корпораций и их владельцев. Где выигрываются и проигрываются состояния, а слово имеет вес больше, чем миллионы на счетах.

Я знала: если хочу стать лучшей, мне нужно быть там.

Поэтому в день собеседования я собрала волосы в строгий хвост, надела серый костюм, который идеально подчеркивал мою безупречную выдержку, и вошла в здание Winters Co. с поднятой головой.

Секунду спустя я уже сидела напротив троих членов совета. Вопросы сыпались, как пули. Я отвечала четко, расчетливо, с хищной улыбкой. Они говорили о жесткой конкуренции, о сотнях претендентов на место.

Когда всё закончилось, глава отдела кадров внимательно посмотрел на меня и произнёс:

— Ваши знания впечатляют, мисс Чон. У вас

есть потенциал. Мы готовы дать вам шанс.

— Значит, я принята? — моё сердце подпрыгнуло.

— Почти.

Я нахмурилась.

— Что это значит?

Он открыл папку и протянул мне документ.

— Вам предстоит пройти шестимесячную стажировку. В качестве наставника вам назначен ведущий юрист компании. Если он одобрит вашу работу, мы возьмём вас в штат.

Полгода испытаний. Полгода борьбы за место в этом мире.

Я знала, что будет непросто, но я была готова.

— Кто мой наставник? — спросила я, подписывая бумаги.

И тут я услышала имя, от которого у меня по спине пробежал холод.

— Александр Уинтерс.

Я знала, кто он такой.

Гений юриспруденции. Человек, который в тридцать лет был признан лучшим корпоративным адвокатом мира. Человек, чьё слово могло решить судьбу многомиллионной сделки. Человек, чья слава в юридическом мире гремела громче, чем империя, которую он должен был

унаследовать.

Но также он был известен своей беспощадностью.

Его боялись. Его ненавидели. О нём ходили легенды.

Говорили, что он никогда не улыбался. Что его сердце — лёд. Что он всегда выигрывает.

Три года назад он попал в автокатастрофу и остался прикованным к инвалидному креслу. Многие думали, что его карьера закончилась, но он вернулся. И теперь он станет моим наставником.

Я смотрела на совет, пытаясь понять — это шутка? Испытание?

Но никто не смеялся.

Я вышла из кабинета с дрожащими руками.

Этот человек будет решать мою судьбу.

Или сделает меня лучшей.

Или уничтожит.

Но я никогда не сдаюсь.

Мне придется работать под началом***Алекса Уинтерса.***

Именно с этого момента моя война и началась.

Даже если мой враг — сама судьба...

После собеседования я вышла из здания**Winters Co.**с идеально ровной осанкой и бесстрастным

выражением лица. Внутри всё еще звучало имя, которое теперь стало для меня испытанием — **Александр Уинтерс. Этот человек был легендой в юридическом мире — и теперь он станет моим наставником.**

Я не верила в удачу. Никогда. Всё, чего я достигла, было результатом упорного труда. И всё же… Что это было? Судьба? Или чья-то злая шутка?

Я села в такси и направилась в небольшое уютное кафе, которое мы часто посещали в центре Вашингтона, где меня уже ждал**Эндрю.**

Он поднялся со своего места, едва я вошла, и улыбнулся. Высокий, сдержанный, в идеально сидящем темно-синем костюме, он излучал уверенность — именно за это я его и ценила.

— **Моя будущая акула юриспруденции!** — его голос был теплым, а взгляд гордился мной. — **Ты прошла?** — спросил он, когда я подошла ближе.

— **Разумеется,** — ответила я, и он усмехнулся, зная, что ответ был предсказуем.

Я присела напротив, заказала кофе, и только тогда позволила себе чуть расслабиться.

— **Но есть одно “но”…**— добавила я, и он приподнял бровь.

— **Условия?**

— **Полгода стажировки.**

— **Хм…** — он подался вперед, сцепив пальцы. — **Кто твой наставник?**

Я сделала паузу, выжидая момент, прежде чем произнести:

— **Александр Уинтерс.**

Его пальцы чуть напряглись. Лёгкое напряжение пробежало по лицу.

— **Алекс Уинтерс? Тот самый?**

— **Других вроде нет.**

Он тихо выругался и убрал руку.

— **Ты шутишь?**

— **Нет.**

Он выдохнул и покачал головой, потом откинулся на спинку кресла, явно переваривая информацию.

— **Тесса, ты понимаешь, с кем имеешь дело?**

— **О да, я прекрасно знаю, кто он.**

— **Он безжалостный человек,** — тихо сказал он, наклоняясь ко мне. — **Я как-то сталкивался с его семьей. Это люди, с которыми не стоит играть.**

Я склонила голову на бок, наблюдая за выражением его лица.

— **Что за история?**

Эндрю на секунду задумался, но всё же ответил:

— Когда я работал на одного сенатора, пришлось участвовать в переговорах с Уинтерсами. Они добиваются своего, Тесса, любыми способами. Это было грязно.

— Политика тоже грязная игра, Эндрю.

— Ты не понимаешь, о чем говоришь.

— Это мой шанс.

— Шанс? — Эндрю покачал головой, скрестив руки на груди. — **Ты даже не представляешь, с кем связалась. Я видел, как эта семья уничтожает людей. Им не важно, кто перед ними — если ты встанешь на их пути, они сотрут тебя в порошок.**

— Я не стану им мешать. Я просто хочу работать.

— Ты слишком наивна. Никто не может предугадатьдействий Алекса Уинтерса. Он хищник, и ты для него — просто очередная пешка.

— Я юрист. Мне придется иметь дело с разными людьми.

— Да, но это не просто "разные люди".

Я поджала губы, понимая его беспокойство, но отказывалась его разделять.

— Мне не нужно с ним дружить. Нужно просто работать.

— **Будь осторожна, Тесс. Он может быть монстром в своем деле, но не позволяй ему сделать из тебя жертву.**

Я чуть улыбнулась, наклоняясь ближе.

— **Ты же знаешь, что я не из тех, кто становится жертвой.**

Он вздохнул, но улыбнулся в ответ.

— **Иногда ты слишком уверена в себе.**

— **Это мой секрет успеха.**

— **Я так тобой горжусь,** — он взял мою руку в свои и крепко сжал.

Я почувствовала тепло его пальцев, его силу. На секунду позволила себе расслабиться, просто находясь в его обществе. Он был стабильностью в моей жизни, человеком, который всегда поддерживал, кем-то, с кем я могла быть собой.

— **Я люблю тебя,** — тихо сказал он, глядя мне в глаза.

Он притянул меня к себе, заключая в крепкие объятия. Тёплые, надежные. В них было спокойно.

Я закрыла глаза, наслаждаясь этим моментом. Мне предстояли долгие месяцы работы под началом самого беспощадного человека, и я не знала, чем это обернётся.

— **И я тебя,** — ответила я, позволив ему при-

жать меня к себе в легких объятиях.

Это был мой мир. Стабильный, надежный.

Но я знала — с завтрашнего дня он может измениться.

Вечером я встретилась с Оливией и Кэти в нашем любимом баре.

— **Ну, рассказывай!** — потребовала она.

Я взяла бокал и усмехнулась.

— **Меня приняли в Winters Co.**

Кэти присвистнула.

— **Ну, конечно. Я бы удивилась, если бы было иначе.**

— **Но… есть нюанс.**

— **Всегда есть,** — кивнула Оливия.

— **Мой наставник — Александр Уинтерс.**

Повисла пауза.

— **Что**?! — Кэти подавилась коктейлем, когда я сообщила о своём наставнике. — **Тот самый Алекс Уинтерс? Господи, Тесс, у тебя что, судьба экстрима**?

— **Это не смешно**, — буркнула я, потягивая бокал белого вина.

— **Ты понимаешь, кто он**? — Оливия подалась вперёд. — **Этот человек не просто жёсткий. Он разрушает людей**.

— **Я не собираюсь давать ему повод разру-**

шать меня.

Кэти покачала головой.

— **Не важно, даёшь ты повод или нет. Если ты ему не понравишься, тебе конец.**

Я закатила глаза.

— **Может, хватит сгущать краски?**

Они переглянулись.

— **Ты вляпалась в чертов эксклюзив, Тесс,** — протянула Оливия, допивая свой бокал. — **Этот человек не просто известен, он легенда.**

— **И холодный ублюдок,** — добавила Кэти.

— **Откуда ты знаешь?**

— **Технологический мир следит за корпоративными гигантами. Все знают, что Уинтерс был гением до аварии. Теперь он миф, который закрыт ото всех.**

— **Ну, мне повезло, я его увижу,** — хмыкнула я.

— **И он увидит тебя.**

Я проигнорировала этот тон.

— **В общем, девочки, завтра моя война начинается.**

Оливия усмехнулась.

— **Просто будь осторожна, ладно? Если что, мы рядом.**

Я кивнула, и девочки тут же сменили тему,

начав болтать о новостях, сплетнях, о своих проблемах. Я чувствовала, как в их словах сквозит беспокойство за меня, но никто не стал давить.

И я была им за это благодарна.

Вернувшись домой, я застала родителей и брата в гостиной.

— **Уже дома?** — спросил Иль-хун, взглянув на часы.

— **Какое наблюдение, капитан,** — усмехнулась я.

Отец поднял на меня взгляд.

— **Ну?**

— **Меня взяли в Winters Co.!** — сообщила я, заходя в гостиную.

— Что?! — Иль-хун поднял глаза

Мама привсталаи сложиларуки на груди, отец отложил бумаги. Все взгляды были прикованы ко мне.

— **Ты молодец,** — мама с гордостью улыбнулась.

— Меня приняли на стажировку.

— Стажировку? — отец нахмурился. — Какие условия?

— Полгода под наставничеством…

Я сделала паузу.

— Александра Уинтерса.

— Александр Уинтерс твой наставник? — уточнил Иль-хун.

Пауза.

— **Ты уверена?** — спросил он.

— **Да. Это моя цель.**

— **Ты издеваешься**?

— **Что с ним не так?** — спросила я с невинным видом.

— **Ты правда этого не знаешь**?

Отец пристально посмотрел на меня.

— **Этот человек—холодный расчетливый игрок. Если он решит, что ты ему не нужна, он тебя выкинет.**

— **Я справлюсь. А ты откуда его знаешь**?

Я нахмурилась.

— **Ты забыла, кем я работаю?**

Он служил в военной разведке и имел доступ к закрытой информации.

— **Этот человек — ледяной хищник,** — продолжил он. — **Будь осторожна.**

— **Что все так взъелись на него?**

— **Тесса**, — мама вздохнула. — **Мы всегда поддерживаем твои решения, но, может, тебе стоит подумать ещё раз?**

— Нет. Это мой шанс, и я не откажусь от него.

Отец и брат переглянулись.

— **Ладно, забудьте. Мне пора спать.**

— **Тесс…**

— **Пап, я справлюсь.**

Отец кивнул, изучая меня взглядом.

— **Тогда сделай всё, чтобы победить.**

Я ушла в свою комнату и закрыла дверь.

Завтра я войду в офис**Winters Co.**

И окажусь лицом к лицу с**Александром Уинтерсом.**

И эта***Война***только начиналась.

Глава 2."Добро пожаловать в ад"

Сегодня мой первый день стажировки в Winters Co.

Проснулась я раньше будильника. Волнение не давало уснуть, и стоило открыть глаза, как мысли уже начали кружиться в голове, отбрасывая любую надежду на спокойствие.

Я быстро привела себя в порядок: тёмно-синее классическое платье чуть ниже колен, аккуратно уложенные волнами волосы, спадающие ниже поясницы. Я знала, что сегодня меня встретят по одежке, а проводить будут по уму, поэтому мой образ должен быть идеальным.

Вот только желудок решил выйти из игры — аппетита не было вовсе. Допив кофе, я схватила сумку и направилась к метро.

Первый шаг в новый мир

Здание Winters Co. поражало с первого взгляда: массивное, стеклянное, символизирующее силу и влияние. Стоило переступить порог, как меня окутала деловая суета. Мужчины и женщины в дорогих костюмах, загруженные работой, стремительно передвигались по офису, не обращая

внимания на новенькую.

Муравейник.

На ресепшене мне махнули в сторону отдела кадров, где меня ждали документы.

Я быстро нашла нужный мне кабинет — моё первое обязательное место назначения.

Сотрудница отдела, взглянув на бумаги, усмехнулась:

— "Тесса Чон? Ваш наставник — Александр Уинтерс?"

Я кивнула.

— Вот ваше подтверждение стажировки, — девушка за стойкой протянула мне документы с печатями.

— "Ну, что ж… Огромного вам терпения. Не пуха ни пера."

Она многозначительно улыбнулась, и мне показалось, что в её голосе прозвучало искреннее сочувствие.

— Спасибо... — пробормотала я.

— И удачи! — добавила она, прежде чем я вышла.

Ну что ж. Начало неплохое.

Я забрала документы и направилась в кабинет Уинтерса.

Теперь главное — встреча с наставником.

Лицом к лицу с легендой.

Подойдя к кабинету Александра Уинтерса, я почувствовала, как сердце сжалось от напряжения.

Дверь в его кабинет выглядела так, будто за ней скрывалась сама бездна.

Я сделала глубокий вдох, затем выдох.

Раз-два-три…

Стучусь. Тишина.

Стучу ещё раз.

— Входите уже! — раздался твёрдый, резкий голос.

Я открыла дверь и вошла.

Первое впечатление? Этот кабинет — олицетворение власти.

Широкие панорамные окна, строгая мебель из чёрного дерева, минимум лишних деталей. Всё подчинено функциональности и порядку.

Кабинет сразу же отразил характер его владельца: чёрный массивный стол, идеально разложенные бумаги, стеклянные полки с юридическими томами, минимализм, холодные оттенки, никакой лишней детали. Единственная мягкая мебель — кожаный чёрный диван строгих геометрических форм, без намёка на излишний комфорт. Рядом — два таких же кресла с прямыми подлокотниками. Холодная элегантность,

подчёркивающая его характер: без излишеств, но с явным превосходством. Всё дышало властью, точностью и абсолютным контролем.

И сам хозяин…

За этим столом восседал человек, чьё имя было легендой.

Александр Уинтерс.

32 года. Наследник Winters Co. Жестокий. Гениальный. Безжалостный.

Мужчина, который одним взглядом может заставить тебя усомниться в своей значимости.

Сильные, резкие черты лица, словно выточенные из мрамора. Чёрные волосы — слегка небрежные, но подчёркнуты стильно. Глаза — серые, холодные, будто сталь, не выдающие ни капли эмоций. Его лицо словно вырезано из камня, застывшее в вечном выражении безразличия и надменности.

Руки — сильные, жилистые, покрытые татуировками, которые лишь добавляют к его образу опасности, каждая из которых, кажется, несёт свой смысл. На правой руке — чёрный змей, обвивающий кинжал, символизирующий опасность, силу и преданность собственным принципам. На левой руке — латинская фраза “Vincit qui se vincit” (*"Побеждает тот, кто побеждает себя*"),

отражающая его непреклонный характер. Чуть выше, едва заметный рисунок феникса, скрытый под тенью рукава — намёк на его возрождение после аварии, но сам он вряд ли когда-либо это признает. Он не человек, с которым можно спорить. Он — хищник, привыкший контролировать всё вокруг.

И если ты не готова подчиняться его правилам, то лучше сразу убирайся.

Александр был одет в безупречно сидящую чёрную рубашку с чуть расстёгнутым воротом, подчёркивающую силу его плеч и грудной клетки. Ткань дорогая, не мнётся, подчёркивает его статус. Чёрные классические брюки, идеально выглаженные. На запястье дорогие часы с массивным стальным браслетом — не украшение, а символ контроля над временем. Он не носит ничего лишнего, лишь то, что подчёркивает его статус и сдержанный, но безупречный стиль.

Он сидит в инвалидном кресле, но это не делает его слабее. Напротив. Кажется, что именно это усиливает ауру власти, словно он не прикован к коляске, а сам сделал её продолжением своего трона.

Но самым пугающим было презрение в его взгляде.

Я ожидала чего угодно, но не этого.

Он поднял бровь, лениво осмотрел меня с головы до ног и сказал холодным, отточенным голосом:

— Я вас слушаю. Кто вы?

Я моргнула.

— Тесса Чон, ваш стажёр. Вот бумаги.

Протянула документы. Он даже не потянулся их взять.

— "Что у тебя за внешний вид?" — в голосе прозвучал сарказм. — "Ты куда пришла? В клуб? Или найти кого-то на ночь?"

Я замерла, не веря своим ушам.

Что?!

Мои пальцы сжались в кулак.

— "Прошу прощения… но что вы сейчас сказали?

Он продолжал смотреть на меня с откровенным презрением.

— Я спросил, ты случайно не перепутала место? Это юридическая фирма, а не подиум для эскортниц.

Внутри меня вспыхнуло возмущение.

— Александр Уинтерс, мы с вами за одним столом не сидели, на "ты" не переходили, и уж точно я не позволю так со мной разговаривать.

Он ухмыльнулся.

— Девочка, я перехожу на "ты" с теми, кто для меня никто. Если тебя это не устраивает — дверь вон там.

Всё. Коса нашла свой камень.

Я сжала зубы, глядя ему прямо в глаза.

— Если вы хотите, чтобы ваш стажёр ушёл в первый же день — скажите это прямо. А если нет, то давайте соблюдать элементарные нормы профессионального общения.

Его губы дрогнули, словно он не ожидал от меня сопротивления.

— "Дерзкая."

— "Самоуважение — не дерзость."

Мы несколько секунд смотрели друг на друга. Затем он взял мои документы и медленно перелистал их.

— "Хорошо. Посмотрим, как долго ты продержишься."

Он наклонился вперёд, мельком взглянул на бумаги и бросил их на стол.

— Выпускница Гарварда, отличница, умница.

Губы Уинтерса тронула едва заметная насмешливая улыбка.

— Хорошо. Посмотрим...Правила просты. Вы работаете так, как я говорю. Вы слушаете, что я

говорю. Вы не задаёте лишних вопросов. Вам дают задание — вы выполняете. И если я увижу, что вы не тянете, я избавлюсь от вас без сожаления.

Я подняла подбородок.

— Принято.

Он посмотрел на меня чуть дольше, чем следовало.

— Первое задание. Сегодня вам нужно ознакомиться с делом “Райт против Фокс Технолоджис”.

Я кивнула, но он продолжил:

— Срок — к завтрашнему утру.

Я моргнула.

— Но там же больше трёхсот страниц!

— Уже триста две, — он взглянул на часы. — Вы теряете время.

Я сжала кулаки. Это был вызов.

И я его приму.

После инструктажа, состоявшего в основном из холодных приказов и язвительных комментариев, я вышла из кабинета, с кипой бумаг и с трудом сдерживая ярость.

Он не просто суровый. Он садист.

— Эй, новенькая!

— Тесса?

Я обернулась. Передо мной стояли две девушки,

обе в элегантных деловых костюмах.

— Ты же новенькая?

— Да, Тесса Чон.

— Дженна Форд, — представилась первая. Высокая блондинка с зелёными глазами и острой улыбкой.

— Кэссиди Уайт, — вторая, брюнетка, казалась чуть мягче, но в её глазах мелькала та же хитрая искорка.

— Добро пожаловать в ад, Тесса. — Дженна ухмыльнулась.

Я закатила глаза.

— Кажется, все считают своим долгом предупредить меня.

Кэссиди пожала плечами.

— Ну, тебя прикрепили к самому “зубастому монстру” фирмы, это ожидаемо.

— И ты первая, кто не сбежал с первого же диалога с Уинтерсом."

— Он правда настолько ужасен?

Дженна фыркнула.

— Ты сама скоро поймёшь.

Я прикусила губу.

— И как долго вы тут работаете?

— Три года, — ответила Дженна.

— Два с половиной, — добавила Кэссиди.

— И вы выжили?

Они переглянулись и рассмеялись.

— Ещё как, детка.

Я почувствовала, как напряжение чуть-чуть спадает. Они мне понравились.

— Привыкай, Тесса, — Дженна пожала мне руку. — "Здесь либо ты, либо тебя."

— "Что ж… Тогда я выберу первый вариант."

Игра началась.

И теперь у меня был всего один шанс доказать Александру Уинтерсу, что я не та, кого он сможет сломать.

Глава 3. «Ад под фамилией Уинтерс»

*— **Тесса Чон~***

Прошла неделя. Неделя ада. Работа в этом месте — сущий ад.

Я не преувеличиваю — по-другому это место назвать нельзя. Я варюсь в нём, как в кипящем котле, и чем дальше, тем сильнее раскаляются угли подо мной. А управляет этим адом сам дьявол — Александр Уинтерс.

Беспощадный. Холодный, как айсберг в самом сердце Арктики. Он будто создан из чистой стали, не поддающейся ни теплу, ни чувствам, ни эмоциям. И он явно наслаждается тем, как медленно меня уничтожает.

Каждый день — пытка. Каждый день — новый вызов. Судебные разбирательства, контракты, махинации, замусоленные проблемы, которые тянутся годами. А он требует объяснений на следующее утро, будто я суперкомпьютер, способный обработать терабайты информации за ночь. Иногда мне кажется, что он делает это специально — не даёт мне ни минуты передышки,

словно испытывает, сколько я выдержу, прежде чем сломаюсь.

Я просиживаю часы, зарывшись в документы, архивы, судебные разбирательства. Многие бумаги вообще не скорректированы, а значит, мне приходится спускаться в архив, разбираться в юридической каше, составлять хронологию событий. Это как искать иглу в стоге сена, когда на кону — твой собственный рассудок.

Я не сплю. Я уже забыла, что такое нормально поесть, выпить кофе, не ощущая при этом, как желудок протестует от переизбытка нервов. Всё, что у меня есть — это бесконечная работа и его голос.

Но хуже всего даже не работа, а он. Этот выродок не упускает случая, чтобы вонзить в меня свои ледяные насмешки, пропитанные сарказмом.

Он жесток.

Когда не в настроении — а это чаще всего — лучше не заходить к нему в кабинет. Он швыряет папки, кричит, разносит всё к чертям и накидывает в десять раз больше работы.

Я на пределе.

Еще чуть-чуть, и я взорвусь, как атомная бомба.

Единственное, что меня спасает, — это Дженна

и Кессэди.

Они стали для меня чем-то вроде якоря в этом хаосе. Дженна — живая, острая на язык, она легко может поставить кого угодно на место, но при этом с ней невероятно уютно. А Кессэди — мягкая, заботливая, умеет найти нужные слова, когда ты на грани истерики.

Когда я закипаю от злости или бессилия, они ловко меня успокаивают. Дженна шутит, что я стала любимой мишенью Уинтерса. Кессэди успокаивающе гладит по плечу и напоминает, что я должна держаться, и я в очередной раз зарываюсь в эту треклятую документацию.

Но я не уверена, что смогу долго это терпеть. Уинтерс слишком жесток.

И в один момент я обязательно взорвусь.

И сегодняшний день обещает превзойти все предыдущие.

Я сижу за своим столом, по уши погружённая в судебное дело риелторской компании, пытаясь удержать глаза открытыми. В руке пятая кружка кофе, но он уже не спасает. Разбирая бесконечные бумаги, я чувствую, как мой мозг плавится.

И тут я вижу, как ко мне несётся Тина, секретарь Александра. Лицо бледное, глаза распахнуты так, будто она только что увидела саму смерть. Она

нервно кусает губу, и в этот момент я понимаю: полный кабздец.

Чёрт. Это плохой знак.

— Тесса, бегом в кабинет Уинтерса. Он тебя вызывает, — выдыхает она, хватая меня за руку.

— Что? Зачем? Он злой? — я тут же заваливаю её вопросами, внутренне ощущая, как по спине пробегает холодок. — Если да, скажи, что меня нет. Что я уехала из города. Нет, из страны! Всё!

— Тесс, ты в своём уме? Как я ему это скажу? Я жить хочу! — она хватает меня крепче и тянет за собой. — Иди к нему. Быстро!

— Нет! Не пойду! — я резко вырываю руку. — Он злой, я чувствую это!

— Тесса! Не зли его ещё больше, он хочет видеть тебя!

Я в ужасе.

— Тина, он не хочет меня видеть, он хочет моей смерти!

— ВСТАВАЙ!

Я тяну время, но Тина не сдаётся. Она буквально толкает меня в сторону кабинета, а я чувствую себя жертвенной овцой, которую ведут на убой.

Когда я стою перед массивной дверью, сердце бешено колотится. Я глубоко вдыхаю, стучу.

— Войдите! — раздаётся грозный голос изнут-

ри.

Чёрт. Всё. Это мой конец.

Я медленно открываю дверь и вхожу.

И вот он.

Александр Уинтерс сидит за своим огромным тёмным столом. Весь его вид буквально источает ярость. Он похож на бомбу, которая вот-вот взорвётся, и стоит мне войти, как он поднимает на меня свои ледяные глаза.

Я едва удерживаюсь, чтобы не отшатнуться.

— Я вот думаю, ты дура или меня считаешь идиотом? — его голос звенит от злости.

Я моргаю.

— Что?..

— ЧТО ТЫ МНЕ ПРИНЕСЛА ЗА ХРЕНЬ?! — Его голос срывается в яростный рык. Он швыряет на стол папку, которая едва не летит мне в лицо. — Это полный бред! Ты хоть читала это?!

Я стискиваю зубы. Чувствую, как во мне закипает гнев.

— Если у тебя плохо со зрением, обратись к врачу! — продолжает он, вонзая в меня ледяной взгляд. — И избавь меня от своего присутствия! Дура!

Щёлк.

Что-то внутри меня ломается.

Я, наверное, держалась как могла, но это был мой предел.

Я взорвалась.

— Да как ты смеешь вообще меня оскорблять?! — я буквально кричу, ощущая, как меня захлёстывает бешенство. — А?! Кто дал тебе такое право?!

Его холодные глаза прищуриваются, но я уже не останавливаюсь.

— Сидишь тут, как чёртов царь Мумбая, раскидываешь дела, за которые сам бы не взялся, и считаешь, что имеешь право говорить со мной так?! Ты думаешь, я это терпеть буду?!

Он моргает удивлённо.

Но мне уже плевать.

Я делаю шаг вперёд, в бешенстве сжимая кулаки.

— Мудак!

По его взгляду понятно, что он просто охренел от моих слов. В кабинете воцаряется напряжённая тишина. Он медленно облокачивается на стол, и его мышцы напрягаются.

— Как ты меня назвала? Повтори. — его голос понижается, становится хищным, опасным.

Я встречаю его взгляд, не отступая.

— Ты прекрасно всё слышал! Ты Му-дак. — зло

выпаливаю я. — Ты никого не уважаешь! Ты относишься к людям, как к собакам! Даже к собакам больше уважения проявляют, чем ты к нам! Да, ты босс! Но это не даёт тебе права обращаться с людьми, как с дерьмом и вести себя, как последний ублюдок!

Сердце стучит, как бешеное.

Я вижу, как в его глазах вспыхивает что-то опасное.

— Ты слишком много на себя берёшь, мисс Чон, — его голос звучит низко, грозно. — Думаешь, можешь вот так со мной говорить?

— Думаю? Да я уверена! Всё имеет предел, Уинтерс. Мы здесь не для того, чтобы выяснять, кто круче, а для работы. Так что, будь добр, соблюдай элементарные рабочие нормы.

Мои слова отдают эхом в его яростном взгляде.

Он медленно поднимает на меня взгляд. Опасный, прожигающий, с прищуром, будто готов разорвать меня прямо здесь, на этом самом месте.

— Ты сейчас с кем разговариваешь, Тесса? — его голос низкий, предупреждающий, будто перед бурей.

— С вами, мистер Уинтерс, — бросаю я ему в ответ, скрестив руки на груди.

Он усмехается. Это не веселье. Это злость.

— Ты действительно думаешь, что можешь говорить со мной в таком тоне и выйти отсюда без последствий?

— О, значит, теперь вы ещё и угрожаете? Как оригинально.

— Я не угрожаю, Тесса. Я констатирую факт.

Я не отступаю, хоть сердце бешено колотится.

— Знаете что, мистер Уинтерс? Ваше эго такое огромное, что удивительно, как вы вообще умещаетесь в этой комнате.

В его глазах вспыхивает огонь.

— Ты нарываешься.

— Нет, я ставлю границы. Вам это не нравится? Как жаль.

— Зря ты так, Тесса. Очень зря.

Мгновение он смотрит на меня, потом откидывается на спинку кресла.

— Покиньте мой кабинет, мисс Чон, — его голос звучит жёстко, почти угрожающе.

Кажется, сегодня мой последний день в этом офисе…

Я даже не раздумываю. Разворачиваюсь и с шумом вылетаю из кабинета, чувствуя, как сердце бешено колотится, а ноги несутся сами по себе. В следующую секунду я врезаюсь в чью-то твёрдую,

словно каменную, грудь. Меня тут же подхватывают сильные руки, удерживая от падения.

— Осторожнее, красавица, — раздаётся глубокий баритон, полный лёгкого веселья.

Я резко поднимаю голову и встречаюсь взглядом с незнакомцем. Он высокий, крепкий, выглядит так, будто сошёл с обложки мужского журнала — безупречно уложенные тёмные волосы, резкие, но аристократичные черты лица и идеально сидящий дорогой костюм.

— Давно в мои руки не падали девушки, — усмехается он, не отпуская меня.

Я тут же отшатываюсь, чуть не спотыкаясь.

— Прошу прощения, я вас не заметила, — бормочу, всё ещё приходя в себя.

— Не страшно, даже приятно, — он протягивает мне руку. — Джейкоб Уокер. Можно просто Джейк.

Я машинально беру его ладонь, крепкое рукопожатие заставляет меня взглянуть на него внимательнее.

— Тесса Чон.

— Приятно познакомиться, Тесса, — Джейк улыбается открыто и тепло, его взгляд цепляет, будто проникая под кожу.

Я собираюсь ответить тем же, но ледяной голос

за спиной заставляет моё тело вздрогнуть.

— Мисс Чон, вы забыли, для чего находитесь здесь? — холодный, злой, голос Александра режет, как лезвие бритвы.

Я медленно оборачиваюсь. В его глазах — мрак. Я уже не раз видела его в гневе, но сейчас... сейчас это что-то иное.

— Нет, не забыла, мистер Уинтерс, — отвечаю ровно, хотя внутри всё сжимается.

Джейк переводит взгляд с меня на него, в его глазах вспыхивает интерес, будто он только что стал свидетелем чего-то увлекательного.

— Рада знакомству, Джейк, — говорю я, выдавливая улыбку. — Извините, но мне нужно вернуться к работе.

Я делаю шаг назад, стараясь не встречаться взглядом с Александром, и иду к своему столу. За спиной остаются два мужчины, и воздух между ними будто накаляется.

Что-то мне подсказывает, что я только что оказалась между двух огней.

— ***Тесса Чон***~

После напряжённого разговора с Александром, всё внутри меня было словно натянутая струна. Нервы горели, сердце глухо стучало, а в ушах звенело так, будто я только что выбежала из эпи-

центра бури. У меня даже руки слегка дрожали, пока я пыталась разобраться с документами на столе.

Ну что, Чон, довольна? Добилась своего? — ехидно проговорил внутренний голос.

Промолчать не могла? Надо было обязательно назвать его мудаком? А теперь что? Он выкинет меня к чёртовой матери, и всё. Да ещё и с таким удовольствием, что даже не моргнёт.

Я провела ладонью по лицу, пытаясь прийти в себя, но в голове словно кто-то заел заевшую пластинку — снова и снова я возвращалась к тому моменту в кабинете. Его глаза, сверкающие ледяной яростью. Его голос, режущий, как бритва. Его пальцы, сжимающиеся в кулаки, словно он из последних сил сдерживал желание вышвырнуть меня через окно.

— Тесс, что с тобой? — голос Кэссиди прорвал мои мысли.

Я подняла голову. Она стояла рядом с моим столом, склонив голову на бок и разглядывая меня с беспокойством.

— На тебе лица нет, — добавила она, присаживаясь на край стола и потягивая кофе.

— Лучше не спрашивай, — буркнула я, откидываясь на спинку кресла.

— Опять Уинтерс?

Кэссиди довольно ухмыльнулась, а я тяжело вздохнула.

— Ты знаешь, детка, мне кажется, он на тебя запал, — хихикнула она.

— Что?! — я чуть не подавилась воздухом. — Ты серьёзно?!

— Абсолютно. Ты единственная, кого он вот так достаёт. Конечно, от него всем достаётся, но чтобы*так*…

— Кэсс, не неси чушь, — я устало потерла виски. — И потом, у меня есть парень. Красивый, высокий. Политик. Без ума от меня. У нас любовь, и всё такое…

Я неосознанно говорила это с каким-то отчаянным убеждением, словно старалась убедить в этом себя больше, чем её.

Но тут я подняла глаза и увидела Александра.

Он двигался на коляске в сопровождении Джейка, и, чёрт возьми, от него веяло таким холодом и злостью, что даже воздух вокруг казался тяжелее. Весь его облик буквально пульсировал напряжением, и если бы взгляды могли убивать, я бы уже лежала мёртвая на полу.

Кэссиди тоже притихла. Мы обе смотрели, как двое мужчин проходят мимо нас, и, несмотря на

то что Александр был в кресле, он по-прежнему выглядел грозным, властным.

Я поймала себя на мысли, что даже его присутствие в пространстве ощущается сильнее, чем у большинства мужчин, которых я встречала.

Джейк что-то негромко говорил, но Александр молчал, и от этого его молчание давило на меня сильнее, чем любые слова.

Когда они скрылись за дверями лифта, Кэссиди громко выдохнула.

— Фух. Можно расслабиться.

— Да уж… — я провела рукой по волосам.

К нам подошла Дженна, сияя, как новогодняя гирлянда.

— Привет, девочки! О чём сплетничаете?

— Уинтерс снова не в духе, — хмыкнула Кэссиди. — Наша Тесс уже получила свою утреннюю дозу радушия.

— Чёрт, Тесс, мне кажется, он тобой*интересуется*, — Дженна присвистнула, глядя на меня с азартом.

— Да ну хватит уже! — простонала я, закатив глаза.

— А кто ещё это заметил?

— Я! — Кэссиди подняла руку. — Это же очевидно! Он от тебя требует того, чего никогда бы не

потребовал от других.

— Да-да, он будто *прощупывает почву*, — поддакнула Дженна, толкнув Кэсс в плечо.

— Может, если бы ты не взрывалась, а наоборот…

— Так, стоп! Никаких «может»! — я подняла руку, пресекая их болтовню. — Давайте лучше пойдём перекусим. Мой желудок уже бастует.

— О, это отличная идея, — согласилась Дженна. — Я знаю классное кафе неподалёку… Там кофе… Ммм…

— Или бариста? — поддела её Кэсс.

— Ну и он тоже!

Мы рассмеялись, будто и не было всего этого напряжения.

Но пока мы заходили в лифт, в моей голове крутилась только одна мысль:

А вдруг они правы?

Я тряхнула головой.

Нет. Александр Уинтерс не способен на тёплые чувства. Он не человек, а ледяной чёртов айсберг. Меня не должно волновать, что он думает. Не должно…

Выйдя из здания компании, я глубоко вдохнула свежий воздух. Голова прояснилась, но внутри всё ещё оставался осадок после стычки с Алек-

сандром Уинтерсом. Этот человек умел вывести меня из себя буквально парой фраз. Но разве я виновата, что он такой... сложный? Высокомерный, резкий, холодный. Хотя, чего уж там, я тоже не из лёгких.

— Боже, Тесс, да расслабься ты уже, — Кэссиди легонько толкает меня в бок, подмигивая. — Мы идём в кафе с самым горячим бариста в городе, а ты вся в мыслях о боссе.

— Да не думаю я о нём! — бурчу в ответ, но девочки лишь переглядываются и смеются.

— Ага, конечно.

Мы продолжаем путь, пока Кэссиди с Дженной наперебой рассказывают, как этот самый бариста виртуозно готовит кофе, и делают на это упор так, будто речь идёт вовсе не о напитке.

Я улыбаюсь.

Всё-таки мне повезло с коллегами. Надо будет познакомить их с Лив и Кэти — они точно найдут общий язык.

Наконец, мы подходим к кафе.

Снаружи оно выглядит вполне обычно: нейтральные оттенки, большие окна, уютная веранда — одно из тех мест, которые можно легко пройти мимо, не обратив внимания.

Обычное заведение в Вашингтоне, коих десят-

ки. Но стоило нам войти внутрь, как я тут же поменяла своё мнение.

Café Lumière— это не просто кафе.

Это настоящий уголок уюта в самом сердце города. Просторное помещение наполняет аромат свежесваренного кофе и чего-то сладкого, с лёгким ненавязчивым джазом, который звучит фоном, создавая атмосферу уюта и спокойствия.

Деревянные столики, мягкие диванчики, тёплый свет ламп — здесь всё будто продумано до мелочей, чтобы заставить забыть обо всём и раствориться в моменте. В углу — камин, где всегда горит огонь, а стены украшают черно-белые фотографии города.

Этот интерьер — симфония простоты и элегантности. Вдохнув воздух, чувствуешь, как уходит напряжение, и мир становится медленнее, спокойнее.

Здесь легко ощущать себя в безопасности, как будто в другом, более тихом и красивом мире, где нет места для спешки.

Мы занимаем столик у окна. Солнце светит ярко, и я ловлю его тёплые лучи, подставляя лицо. В такие моменты понимаешь, насколько редко удаётся просто выдохнуть и ни о чём не думать.

— Заказываем по стейку и кофе? — предлагает

Кэссиди, и мы дружно соглашаемся.

Пока мы делаем заказ, Кэссиди уже строит глазки бариста. Надо признать, парень и вправду хорош: высокий, с лёгкой небрежной щетиной, обаятельная улыбка. Он подмигивает нам, и девочки моментально начинают перешёптываться.

— Ну как, Тесс, есть шанс бросить своего политика ради кофе-искусителя? — подначивает Дженна, усмехаясь.

— Ох, прекрати, — фыркаю я, делая вид, что меня это не волнует.

Обед проходит отлично. Стейк великолепен, кофе бодрит, а девочки не устают обсуждать предстоящий корпоратив в компании.

— Кстати, ты же идёшь со своим парнем, Тесс? — спрашивает Дженна, делая глоток кофе.

— А можно просто не пойти? — надеясь на чудо, задаю я риторический вопрос.

— Ты на стажировке. Конечно, же тебе лучше будет быть там, — пожимает плечами Кэссиди. — Тем более, это не просто корпоратив, это ещё и день рождения Александра Уинтерса.

— Два праздника в одном, — ухмыляется Дженна.

Я тяжело вздыхаю.

— Если Эндрю будет свободен, то... почему бы и нет?

Девочки тут же начинают обсуждать наряды, в которые собираются облачиться. Но я вдруг ощущаю что-то странное. Как будто на меня кто-то смотрит. Причём не просто взглядом праздного наблюдателя, а... прожигает насквозь.

Я незаметно осматриваюсь, но никто из посетителей кафе на меня не смотрит.

Отмахиваюсь, решая, что это просто нервное перенапряжение, и возвращаюсь в разговор.

Но ощущение не исчезает.

Оно становится сильнее.

Тогда я поворачиваю голову чуть левее, в сторону дальних столиков, куда почти не попадает свет.

И встречаюсь взглядом с ним.

Александр Уинтерс.

Он сидит в полумраке, неподвижный, словно статуя, а его ледяные глаза сверлят меня, будто рентгеном. Рядом Джейк, который что-то говорит, но сам Александр, кажется, его не слушает.

Моё сердце на мгновение останавливается.

Мы просто смотрим друг на друга, и я теряю счёт времени.

Почему он здесь? Почему именно сейчас?

— Тесса, ты с нами? Ты чего застыла? — голос Дженны вырывает меня из транса.

Я резко отвожу взгляд.

— Да, я здесь. Может, уже пойдём?

Быстро расплачиваюсь, стараясь не оглядываться, но чувствую на себе его взгляд до самой двери. Будто он прощупывает меня, разгадывает.

Я как можно скорее покидаю кафе, но даже на улице ощущение не исчезает. Он всё ещё в моей голове...

--- ~ Тесса ~ —-

После вкусного обеда, казалось бы, должно было стать легче. Тело расслабилось, желудок доволен, девочки болтали о нарядах, праздниках и предстоящих мужчинах в их жизни. Всё выглядело таким... нормальным. Настолько нормальным, что я почти поверила в собственную безмятежность. Почти. Потому что стоило нам вернуться в офис, реальность накрыла с новой силой.

Мы с Кэссиди и Дженной переглянулись, стоило пересечь порог. Атмосфера была напряжённая, будто кто-то незримо тянул нити наших движений. Чувство тревоги никуда не ушло, хотя я пыталась убедить себя в обратном. Может, это кофе был крепче обычного? Может, это нервы?

Но времени на лишние мысли не было. Работы

было полно, и я намеренно нырнула в рутину с головой, цепляясь за каждую букву, за каждую запятую, чтобы заглушить голос в голове. Я перечитывала судебные иски, вникала в положения контрактов, вписывала примечания в поля, даже пыталась исправлять мелкие огрехи — лишь бы не думать о нём. О том, как его взгляд прожигал меня насквозь в кафе. О том, как он наблюдал, не моргая. Чёрт бы побрал этого Александра Уинтерса.

Голова гудела, как высоковольтные провода в шторм, внутри всё клокотало. Слова, которые я выпалила ему, крутились в мыслях, как заевшая пластинка. Холод его взгляда всё ещё стоял у меня перед глазами. Он не был из тех людей, кто проглатывает подобное. Я знала это слишком хорошо, чтобы себя обманывать.

"*Если враг не ответил сразу — жди нож в спину*", — как учил меня папа. Эта его фраза теперь словно выжжена на моём подсознании. И от этого воспоминания по спине пробежал холодный морозец, заставив поёжиться. Папа редко ошибался. Надо быть на чеку. Постоянно. Бессонные ночи и тревожные мысли теперь гарантированы.

Мысли резко прервались, когда чьи-то руки легли мне на плечи. Тёплые, лёгкие… но в теле

всё равно взвилось напряжение, будто меня поймали за чем-то страшным.

— Боже, Кэсс, ты меня напугала, — облегчённо выдохнула я, чувствуя, как мышцы всё-таки немного расслабляются.

— Ты чего такая напряжённая? — спросила Дженна, склонив голову набок, изучая меня с той самой внимательностью, которая не оставляла шанса на отговорки.

Я только открыла рот, чтобы что-то ответить, но Кэссиди опередила меня, приподняв бровь и отхлебнув кофе, как будто всё происходящее — просто продолжение захватывающего сериала.

— Ты реально думаешь, что он тебя уволит? За что? За то, что ты назвала его… как ты его назвала? Давай, напомни нам ещё раз, чтоб мы смеялись дольше!

— Мудаком, — простонала я, прикрывая лицо ладонями. Оно горело. Горело так, будто я и правда только что призналась в чем-то ужасно неприличном. — Причём в лицо. В его лицо. Я. Своими словами. В лоб.

— Крутая ты девчонка! — фыркнула Дженна, закидывая ногу на ногу и откидываясь на спинку стула с видом человека, который устроился поудобнее, чтобы наблюдать за цирком. — Прям

хочется взять у тебя автограф на визитке "Самая бесстрашная стажёрка года". Ставлю пять баксов, что он этого в жизни не забудет.

Я застонала, прижимая пальцы к вискам.

— Бесстрашная? Это когда перед казнью шутки травишь? Потому что, кажется, я именно этим и занимаюсь.

Кэссиди ухмыльнулась, словно мы обсуждали не мою потенциальную профессиональную смерть, а последний модный тренд.

— О, да. Ты просто шутница перед лицом апокалипсиса. Только вместо палача у тебя мистер Уинтерс в роли ледяной глыбы. Хотя… — она сделала паузу, и, черт бы её побрал, подмигнула мне! — Такую глыбу, я сама бы не прочь растопить.

Я вытаращилась на неё.

— Кэссиди!

Дженна тут же вмешалась.

— Кэссиди! Ну ты даёшь!

— Что? — пожала плечами она, изображая невинность с выражением лица, которому я не поверила бы ни за что. — Мы же видели, как он на тебя смотрит? Прям как лев на зебру… нет, на тигрицу! Не просто так, я вам скажу. Там такой заряд, что лампочка на потолке вот-вот перегорит.

Я шумно выдохнула, чувствуя, как лицо становится всё горячее.

— Он смотрит на меня так, будто хочет вычеркнуть меня из жизни, а не… ну, вы поняли! — я взмахнула руками, почти сбив Дженну её латте. — И вообще, мы говорили о том, что меня могут уволить, а не о фантазиях на тему "Что, если мистер Уинтерс…"

— Пфф, да никто тебя не уволит! — уверенно заявила Дженна. — Ты слишком полезная. И, между прочим, очень интересная, чтобы вот так взять и выгнать.

Кэссиди усмехнулась, откидываясь на стуле назад, сцепив руки за головой.

— Да уж, ты вон сегодня заявила, как в кино. Он явно офигел от такой дерзости. Парни вроде него обожают вызовы. Раз пошла война характеров — готовься к битве.

— Вы сами-то в это верите? — спросила я, не особо надеясь на честный ответ.

— Абсолютно! — Дженна хрустнула пальцами, как будто готовилась к спарингу. — Я ставлю кофе на то, что он тебя не уволит. Более того, он тебя приручить захочет. Станешь у него типа личного… домашнего львёнка.

— Домашнего львёнка?! — рассмеялась я нерв-

но. — Джен, ну ты скажешь тоже.

— А что? — Дженна пожала плечами, безмятежно потягивая свой напиток. — Ты сама слышала, что сказала Кэсс, он смотрит на тебя как лев. А ты — будешь для него как маленькая, пушистая, но царапающаяся тигрица. А это уже половина успеха.

Кэссиди лениво усмехнулась и добавила с каким-то дьявольским огоньком:

— Мужики в костюмах не просто так такие суровые. Им просто нужнен человек рядом, чтобы снять галстук и… расслабиться.

Я фыркнула, стараясь держать лицо.

— Галстук он может снять где угодно. Без меня. Ой, девчонки… — я тяжело вздохнула, позволяя голове опуститься на руки, — Я просто хочу пережить эту неделю. А потом, может быть, месяц. Если он меня не сожрёт в течение ближайших суток.

— Он тебя точно не сожрёт, — Кэссиди улыбнулась, как кошка, добравшаяся до сметаны. — Скорее всего, просто будет хмуриться, строить из себя мистера Ледышку, а потом неожиданно растает. Или вспыхнет. Я вообще думаю, что у него там внутри вулкан.

— Скрытый вулкан, ага, — хмыкнула Дженна. —

На вид айсберг, на ощупь пламя. Вот увидишь.

— О, да, айсберг! — Кэссиди закатила глаза. — Снаружи ледяной, внутри сто процентов вулкан. Ты просто ещё не увидела, как он извергается.

Я поперхнулась водой, закашлялась, прижав кулак к губам.

— Спасибо, Кэсс, образ у меня теперь тот ещё. Очень… вдохновляющий. В стиле фильмов для взрослых.

Кэссиди подмигнула.

— Мечтай шире, Тесс, мечтай шире.

Я метнула на Дженну умоляющий взгляд, надеясь на здравомыслие.

Она лишь развела руками, но глаза у неё смеялись.

— Она права, знаешь ли. Мистер Уинтерс на вид весь такой строгий и неприступный, но глаза у него… Ммм… Ты заметила?

— Какие ещё глаза?! — Я замотала головой. — Он смотрит так, как будто хочет меня сжечь на месте!

— Или сжечь тебя… в другом смысле, — протянула Кэссиди, мурлыча как кошка.

Я сдалась, рассмеявшись, не в силах больше сопротивляться этой безумной энергетике.

— Господи, девочки, остановитесь! Я же на

грани увольнения, а вы обсуждаете вулканы и взгляды! Он меня в порошок сотрёт после всего этого.

Дженна уверенно кивнула.

— Никто тебя не уволит. Он тебя воспитывать будет. Воспитывать и дрессировать.

— Чего?! — я едва не уронила свою чашку. — Вы с ума сошли! Он меня ненавидит!

— Ты его зацепила, Тесс, — поправила Кэссиди, голос у неё был серьёзный, почти наставнический. — А это не одно и то же. Наоборот, это уже почти признание. Это редкий талант.

Я опустила взгляд на свои руки, чувствуя, как внутри что-то переворачивается.

— Если вы правы, то я уже жалею. Я не умею играть в эти игры.

Дженна ткнула меня в бок локтем.

— Да ладно тебе. Ты и не заметила, как стала главной героиней своего собственного фильма. Вот так живёшь, носишь папки, а потом бац! — и ты уже в эпицентре самого горячего ромкома года.

Я снова усмехнулась, позволяя себе расслабиться. Сердце больше не колотилось, как сумасшедшее. Эти две могли развеять любую бурю, даже если она бушует внутри меня.

— Слушайте, — сказала я, наклоняясь вперёд, — а если всё-таки уволит? Что я буду делать?

Дженна вскинула палец.

— Во-первых, мы с Кэссиди пригласим тебя в бар. Во-вторых, устроим вечер караоке. В-третьих, наберём тебе новых интервью на утро.

— И в-четвёртых, — добавила Кэссиди, — мы запишем твой монолог про «самодовольного сноба» на стендап-открытый микрофон. Ты взорвёшь зал!

Я фыркнула и рассмеялась.

— Может, лучше не надо?

— Надо! — хором сказали обе.

И тут я осознала, что готова идти с ними хоть в огонь. Они — моя броня в этом мире.

— Ладно. Но если всё обойдётся, вы обязаны помочь мне выбрать платье на корпоратив.

Кэссиди подмигнула.

— Считай, что у тебя два личных стилиста.

— Да, и мы сделаем тебя такой, что мистер Уинтерс сам заикаться начнёт, — добавила Дженна. — Ты же знаешь, каким должно быть это платье?

Я задумалась.

— Красное?

— О, да! — Кэссиди хлопнула в ладони. — Крас-

ное. Обтягивающее. И с открытой спиной.

— Мы из тебя конфетку сделаем, — добавила Дженна. — Хотя ты и так конфетка, только обёртку поменяем на более эффектную.

— Он умрёт, — протянула Дженна, и в голосе её звучала довольная нотка. — От зависти. К другим мужикам. Придёшь на вечеринку в красном платье, а он такой: «Ого…». Всё, карта ляжет иначе.

Я смеялась вместе с ними, впервые за этот день чувствуя, что не всё потеряно. И кто знает… может, мистер Уинтерс действительно узнает, кто такая настоящая Тесса Чон.

И когда мне уже показалось, что я наконец-то вынырнула на поверхность, воздух прорезал звонок телефона.

— Тесса, тебя вызывает мистер Уинтерс. У тебя две минуты. — Голос Тины, его секретаря, был спокоен, но в нём звенел металл.

Две минуты. В голове крутилось лишь одно: «Ну вот и всё. Сейчас он меня отправит в далёкое плавание». Пожалуй, по заслугам. Он имеет право. Я ведь не просто перегнула палку — я перешагнула через все допустимые границы и сделала это с дерзостью. Чон, ты вляпалась.

Я молча собрала бумаги, сняла с крючка пиджак и, словно на автомате, сунула в сумку личные

вещи. Кэссиди бросила на меня быстрый взгляд, полный сочувствия, но промолчала. Дженна шумно вздохнула, но не сказала ни слова.

Пальцы скрестила сама по себе, как ребёнок, который шепчет себе заклинание на удачу. Вот только кто меня услышит?

Когда я подошла к кабинету, Тина приподняла брови.

— Ты как будто на казнь собралась. — Скорее всего так и есть, — выдохнула я и постучала. — Входите, мисс Чон, — раздался его голос. Спокойный, ровный, властный. Как всегда.

Он сидел за огромным тёмным столом, согнувшись над бумагами. В кресле-каталке, но этой детали уже никто в офисе не замечал. Его харизма, его сила, энергия — всё это заполняло собой пространство так, что ты забывал, как он передвигается. Он казался не человеком, а каменной глыбой, которая сдвинется только тогда, когда сама этого захочет.

Я подошла к его столу, остановилась в метре и ждала. Он что-то писал. Сосредоточенно, скрупулёзно. Миг, два, три... пять. Пальцы начали неметь, сердце колотиться, как бешеное. Может, он просто делает вид, что занят? Или уже заполняет моё увольнение? Чёрт, Чон, останови этот

поток мыслей.

Я сделала шаг вперёд и, заговорила:

— Мистер Уинтерс, перед тем как вы меня уволите, мне хотелось бы извиниться. За свои слова сегодня днём. Я была резка, позволила себе лишнее. Это непрофессионально и недопустимо с моей стороны. Я это осознаю. Мне...очень жаль.

Он продолжал писать, будто не слышал. Сердце ухнуло в живот. А потом он заговорил:

— Не утруждайтесь, мисс Чон.

Его голос был ровным, но я слышала сарказм между строчек. Он уже решил мою судьбу. И в этой судьбе я, похоже, безработная.

— Значит, я могу собирать свои вещи? — спросила я. Пожалуй, удивительно, что мой голос не дрожал.

— Да, можете, — бросил он. Коротко. Холодно.

Вот и всё.

Мои ноги начали двигаться сами собой. Поворот. Дверная ручка холодна, как лёд. Ладонь скользит по металлу, и я почти выхожу, когда слышу:

— Чон, вы куда?

Я замерла.

— За вещами, — говорю, едва шевеля губами.

— Какими? — Его голос стал мягче. Но в нём

снова была эта насмешка.

Злая, ледяная.

— Моя сумка осталась в кабинете. Не переживайте, я быстро. Покину здание через пять минут.

Он усмехнулся.

Я это почувствовала, хотя и не смотрела на него. Потом, как на замедленной съёмке, повернулась и встретила его взгляд.

Чистый лёд.

Но за этим льдом вдруг мелькнула искра. Тёплая, почти... хищная.

— Вы о чём сейчас говорите? — спрашивает он, пристально следя за каждым движением моего лица.

Я сглатываю комок в горле:

— Ну, вы же меня уволили.

— Уволил? — В его голосе раздалось недоумение. — Разве? — Для тебя это будет слишком легко, Чон. Я не могу тебя просто так отпустить.

Он подаётся вперёд.

— Ты не научилась даже самому главному.

— И чему же? — Всё-таки спрашиваю, хотя внутри всё сжимается.

Он медленно откидывается назад, сцепляет руки перед собой.

— Самообладанию.

Я молчала. Его слова падали на меня, как удары по тонкой броне. Я даже не знала, что именно чувствую. Гнев? Страх? Обида? Или, может, что-то совсем другое?

— С сегодняшнего дня, мисс Чон, вы будете работать непосредственно под контролем Джейкоба Уокера, — произнёс он так спокойно, как будто объявлял время обеденного перерыва.

— Простите? — переспросила я, чуть наклонившись вперёд.

Он усмехнулся.

— Ты меня слышала. Хочешь научиться? Будешь учиться у одного из лучших. Или нет?

Я даже не знаю, когда мой рот приоткрылся, но, похоже, именно в тот момент.

— Вы серьёзно?

— Более чем. — Его ледяной взгляд впился в меня ещё сильнее. — У тебя нет права на ошибку.

— А если я откажусь? — Вызов в голосе прозвучал сам собой.

Он смотрит так, будто видит меня насквозь.

— Тогда можешь действительно собрать свои вещи и уйти.

Пауза.

— Вы ведь не шутите?!

— Нет, Чон. Я абсолютно серьёзен.

Время сдвинулось с места.

Я стояла, чувствуя, как пот капает по позвоночнику, хотя в кабинете было прохладно.

Этот мужчина… он сводил меня с ума.

И я не понимала, что именно меня держит на этом месте. Страх провала? Желание доказать себе и ему, что я могу справиться? Или что-то ещё, более опасное?

Я глубоко вдохнула.

— Хорошо. Я принимаю.

Он кивает, будто этого и ждал.

— С сегодняшнего дня ты переходишь ко нему отдел. Новая должность. Новый уровень ответственности.

— А зарплата старая?

Его усмешка была настоящей.

— Смотря как себя проявишь.

Он молча откинулся в кресле, сцепил пальцы перед собой, словно выжидая. И в этой тишине я вдруг поняла, насколько он опасен. Не физически, нет. Его сила была в другом — в умении видеть слабости и вытаскивать их наружу, заставлять тебя либо становиться сильнее, либо рассыпаться прямо у него на глазах.

— Ты свободна, Чон, — сказал он наконец.

Я развернулась, руки дрожали — только этого нельзя было показывать. Не здесь, не перед ним.

Пальцы легли на дверную ручку. Холод металла под ладонью был почти приятным, напоминая: ты всё ещё здесь. Ты держишь себя в руках.

— И ещё, — вдруг добавил он, и голос снова стал низким, с хрипотцой. Я замерла, но не обернулась. — Ты мне будешь должна. Не забывай об этом.

Я медленно кивнула, не поворачивая головы.

— Хорошо.

И вышла, закрыв за собой дверь.

Глава 4. "Хищники закона"

Коридор показался длиннее обычного, шаги отдавались эхом, хотя я старалась идти уверенно. Мимо проходили сотрудники, пара взглядов прилипли к моей спине, но я не оглянулась. Даже на Тину не посмотрела. Хотя, кажется, она что-то сказала вслед, но слова тонули в шуме крови в ушах.

В офисе на меня уставились сразу.

Кэссиди первой поднялась со своего места.

— Ну?! — выпалила она, будто не могла больше молчать.

Я положила пиджак на спинку кресла, медленно села, глядя на документы, которые сама же и разбросала полчаса назад.

— Меня перевели к Уокеру, — произнесла я почти спокойно.

— Господи, да ты шутишь?! — Дженна выдохнула, опираясь на стол. — Мы думали... ну, ты знаешь.

Я кивнула, приглаживая волосы.

— Я знаю.

Кэссиди подошла ближе.

— И что теперь?

Я подняла глаза.

— Четырнадцатый этаж. Уокер. Новый отдел. Новый уровень ответственности. Новый уровень ада, скорее всего.

Они переглянулись, лица вытянулись.

Все знали, кто такой Джейкоб Уокер. Его не зря называли Хищником, а иногда и Палачом.

Он не терпел ошибок.

Не прощал слабости.

И мало кому удавалось выдержать под его руководством дольше пары месяцев.

— Ты справишься, — сказала Кэссиди с такой уверенностью, что мне самой захотелось в это поверить.

Я кивнула.

— У меня нет выбора...

Джейкоб Уокер ждал меня в своём офисе.

Тина проводила меня до его дверей и исчезла, как только я коснулась ручки. Металл был тёплым, что показалось странным после ледяного холода кабинета Уинтерса. Будто это был не офис в небоскрёбе, а какая-то другая, живая территория, где всё по-другому.

Отдел Джейкоба жил своей жизнью — точной, быстрой, напряжённой.

Здесь никто не сидел без дела: пальцы стучали по клавишам, дисплеи ноутбуков отражали скупой свет на сосредоточенные лица, телефоны звонили коротко и резко, будто выстрелы.

Переговорные — прозрачные, как аквариумы, за стеклом шли бесшумные баталии юристов. Папки с делами лежали ровными рядами, метки на них — цвета тревоги: алый, графит, сталь.

Запах свежесваренного кофе вперемешку с бумагой и металлом. Шум принтеров, шуршание бумаги, тихие, но напряжённые разговоры.

Каждый здесь знал своё место и цену ошибки. Чёткий ритм, как пульс большого города. Отдел напоминал нервный центр — живой организм, где Джейкоб был мозгом, а команда — руками, глазами, слухом.

И всё работало безупречно.

До тех пор, пока кто-то не делал неверный шаг.

Я глубоко вдохнула и вошла в кабинет Уокера.

Он сидел за массивным, угольно-чёрным столом из стекла и металла, сосредоточенно глядя в экран ноутбука. Пальцы быстро стучали по клавишам, с точностью хирурга рассекая тишину офиса. Он не поднял глаз, но сказал, почти равнодушно, как будто подтверждая сам факт моего появления в его жизни:

— Тесса Чон. Поздравляю с переводом в мой отдел.

Это звучало как сухое извещение на похоронах. Только вместо венка — ноутбук, а вместо соболезнований — его спокойный, но тяжёлый голос.

— Спасибо, сэр, — выдала я на автомате. Даже слегка наклонила голову, как учили на стажировке.

И тут он поднял взгляд. Тяжёлый. Пронзительный. Он буквально пробивал насквозь, лишая всяких иллюзий.

Глаза светло-серые, холодные и умные. Он смотрел так, как хирург осматривает сложный случай. С интересом. Я поняла — либо вскроет, либо вылечит, других вариантов нет.

— Привыкай работать на пределе, — спокойно сказал он, словно перечисляя пункт меню. — С сегодняшнего дня твоя жизнь изменится. Ты посмотришь на свою профессию под другим углом. Здесь либо работаешь, либо проваливаешь. Без серых зон.

Я кивнула, и это было моё первое правильное решение за день.

Пункт первый: не спорь с Джейкобом Уокером.

Пункт второй: никогда не проси объяснений.

Пункт третий: если хочешь выжить — держи рот закрытым и уши открытыми.

— Приступай, — коротко сказал он и указал рукой на место рядом с его столом. Не отдельный кабинет. Не даже стол. Место. Указал точно так же, как выдают инструменты на операционном столе. — Ты мой личный помощник. Всегда под рукой. Без исключений.

Я моргнула. Несколько раз.

Я думала, что хотя бы мне дадут стол у окна или отдельный угол на общем этаже… Но место прямо рядом с ним? В радиусе метра от его глаз и ушей? Это даже не проверка. Это расстрельная команда.

— И ещё, Тесса, — добавил он, пристально вглядываясь в меня. — Ты можешь обращаться ко мне просто Джейк. Договорились?

Я поморщилась, даже не пытаясь скрыть сомнение.

— Вы же мой начальник, — начала я. — Да и... коллеги могут это воспринять не совсем правильно.

Он хмыкнул, наклонившись ближе.

— Ты меня умиляешь, маленькая Тесса. — В его голосе мелькнула тёплая насмешка, а во взгляде промелькнула искра лукавства. — Хорошо. Сегод-

ня я тебе уступлю. Но когда мы наедине — зови меня на "ты". Иначе урежу тебе зарплату.

— Так-так, — фыркнула я, — мою зарплату не трогать!

Он рассмеялся, коротко, грудным бархатистым звуком, от которого мурашки прокатились по спине.

— Вот это другое дело, — кивнул Джейк. — Пойдём знакомиться с отделом. Думаю, тебе здесь понравится.

Он двинулся по коридору так, будто у него была цель. Он шагал быстро, уверенно, а я поспевала за ним с трудом.

— Этот отдел не совсем обычный, Тесса. — начал он, когда мы вошли в рабочую зону с прозрачными стенами переговорок и рядами рабочих столов.

— Мы занимаемся комплексными судебными процессами. Тяжбы с многомиллионными контрактами. Финансовые расследования. Корпоративные споры. Арбитраж международного уровня. Ты попала туда, где выигрывают либо гении, либо чудовища. Лучше, если ты будешь и тем, и другим.

На секунду я забыла, как дышать.

Джейкоб останавливался у каждого стола.

Представлял меня.

— Это Харрисон. — Он кивнул в сторону высокого брюнета с колючими глазами. — Финансовое право, слияния, поглощения. Его называют Чистильщиком. Если сделка воняет, он её вычистит или похоронит так, что никто не найдёт.

Харрисон только слегка наклонил голову, продолжая печатать.

— Дальше… Бетти Кларк. — Джейк показал на худощавую женщину с волосами, собранными в идеальный пучок. — Арбитраж, международные контракты, санкционные режимы. Знает налоговые схемы всех оффшоров лучше любого банкира.

Бетти мельком взглянула на меня, кивнула.

Её взгляд был как рентгеновский сканер. Точно определила, кто я и чего стою.

— А это Томас. — Джейк ткнул пальцем в парня с татту рукава и круглой бородкой. — Уголовка белых воротничков. Мошенничество, отмывание, киберпреступность. Бывший хакер. Теперь он на стороне закона. Почти всегда.

Томас улыбнулся. Широко. Чуть хищно.

Я впитывала информацию, пытаясь запомнить не только имена, но и ту атмосферу, которая витала в этом отделе. Строгость. Чёткость. Холодный

профессионализм.

Но за этим — страсть к своей работе, почти фанатичная. И преданность Джейку Уокеру, которая напоминала религию.

Мы обошли весь этаж.

Каждый здесь был акулой.

И каждый — специалистом.

Мир Уокера — это не про мягкие кресла и обеды в ресторанах. Здесь пахло кофе, стрессом и победами.

В конце он завёл меня в просторную комнату отдыха. Нас ждал мягкий кожаный диван и панорамное окно с видом на город. В этой зоне всё располагало к отдыху — современный дизайн, приглушённый свет и кофе-машина, которой бы позавидовал хороший бариста. На стенах — схемы процессов, расписания заседаний.

— Здесь мы отстаиваем, когда прижмёт, — объяснил Джейк.

Мы сели в кресла. Он достал планшет, открыл документы.

— Итак. Перейдём к делу.

Он показал мне несколько папок.

— «Интек Глобал» против «Вандерсон Корп». Иск на 50 миллионов долларов. Нарушение условий соглашения о поставках компонентов для

авиастроения. Мы представляем «Интек».

Я мельком пробежалась по тексту. Нарушение сроков поставки, форс-мажор по вине подрядчика, недобросовестная конкуренция.

— Ты займёшься доказательной базой. Соберёшь документы. Свяжешься с экспертами. Нужно доказать, что их материалы не соответствуют стандартам ISO, а партнёр пытался затянуть сроки умышленно.

Он продолжал, как будто отдавал приказы на поле боя.

— Второе дело. — Он передал мне ещё одну папку. — «Брайтон Энерджи» против налоговой инспекции. Арбитраж. Требуется отменить доначисление налогов в 200 миллионов долларов. В основе — схема оптимизации, которую мы же и разрабатывали два года назад. Теперь нам надо доказать, что она не фиктивна, а законна. Ты подключишься к проверке банковских транзакций. Томас поможет.

У меня закружилась голова.

— А суды? — спросила я, всё ещё пытаясь осознать объём.

Джейк кивнул.

— Ты пойдёшь со мной на предварительные слушания по первому делу. Твоё задание — ве-

сти протоколы, отслеживать реакцию судьи и стороны оппонента. И подготовить проект возражений по заявлению о встречном иске. Успеешь за три дня?

— Да, — выдохнула я, хотя на душе было тревожно.

— Хорошо. — Он хмыкнул. — Запомни: в нашем деле нельзя быть почти уверенным. Нужно знать наверняка.

Мы вернулись в его кабинет.

Лианна, его секретарь, принесла нам зелёный чай и тарелку с миндальным печеньем, фисташковыми макаронсами и маленькими эклерами с карамелью.

— Спасибо, Ли, — сказал он и кивнул в её сторону.

Лианна молча ушла.

— Ты любишь сладкое? — спросил он, наливая мне чай.

— В стрессе — да, — призналась я.

Он рассмеялся тихо, по-настоящему.

— Значит, будешь есть его ведрами.

Джейк налил мне чашку, двигаясь спокойно, с той самой хирургической точностью.

Он говорил легко, но внимательно наблюдал за моей реакцией, пока рассказывал о деле, в

которое собирался меня ввести.

— И ещё, — Джейк посмотрел прямо в глаза, — ты будешь завтра присутствовать на заседании со мной. Если справишься, следующий процесс поведёшь сама.

Чай стал вкуснее. Мир — острее.

Это было больше, чем я ожидала. И именно этого я всегда хотела.

Мы ели, обсуждая детали дел, а он между делом отпускал такие шутки, что я пару раз чуть не поперхнулась чаем.

Джейк умел располагать к себе.

Без лишних слов.

Без фальши.

Когда я вышла из его кабинета в шесть вечера, у меня было ощущение, что я только что прошла боевое крещение.

И, чёрт возьми, мне это нравилось.

Глава 5. «Когда враг слишком близко»

Эта неделя была… насыщенной? Нет, скорее — взрывной.

В голове всё гудело от информации, расписаний, голосов и судебных заседаний. Руки не просто кипели от работы — казалось, я могла бы ими варить кофе, экономя на кухонной технике. Мы с Джейкобом сработались почти идеально.

Почти, потому что, черт побери, иногда мне хотелось вцепиться в его безупречный галстук и потрясти. Но в зале суда он был виртуозом.

Его логика, его удары по слабым местам оппонента… я видела, как рушатся доводы, словно карточные домики.

И да, меня можно поздравить — мой первый суд прошёл блестяще. Это был не просто опыт — это был вызов самой себе. И, как оказалось, я справилась.

Джейкоб всегда рядом.

Где-то за спиной, где-то на краю стола, где-то в моей голове голосом, который говорит: «Ты можешь лучше». И я стараюсь.

В отделе, кстати, всё стало проще.

Мы будто нашли общий ритм, работая как единый механизм. Взгляд, короткая команда, мимолётная улыбка — этого хватало, чтобы понимать, кто и что делает.

Джейкоб шутил, что мы теперь как экипаж гоночной машины: на пределе скорости, но слаженно.

На выходных я встретилась с девочками. Лив и Кэти наконец познакомились с Кэсси и Дженной.

И как я и думала — они с полуслова нашли общий язык. Теперь у меня есть целая банда, которая может поддержать, даже если рухнет весь мир.

А вот Эндрю… он пропал.

Без звонков, без сообщений.

Ни "доброе утро", ни "спокойной ночи".

Его отсутствие стало странным привкусом тревоги, который не уходил даже за работой.

Наверное, придётся самой к нему наведаться.

Но сейчас я была здесь.

— Тесс, вот на этой флешке вся инфа, которая тебе нужна, — Бетти положила носитель мне на ладонь и чуть наклонилась ближе. — И там ещё кое-что. Посмотри отдельную папку.

Её голос был почти заговорщическим.

Я подняла взгляд — в глазах Бетти плескалась усталость, но и что-то ещё… настороженность?

— Спасибо, Бет, ты моя палочка-выручалочка, — ответила я, пробуя улыбнуться, но внутри снова кольнуло странное беспокойство.

Быстрым шагом я пошла к кабинету Уокера. Стандартная процедура: лёгкий стук, краткая пауза, поворот ручки.

Дверь открылась, и я вошла.

А потом… потом как будто мир стал другим.

Его ледяные глаза встретили меня, и я на мгновение замерла, как зверёк в луче автомобильных фар.

Александр Уинтерс.

Хищник.

Человек, вокруг которого воздух становится тоньше. Он сидел в кресле, один локоть опирался на подлокотник, пальцы сцеплены в замок.

Спокойный. Мощный. Красиво опасный.

На его запястье сверкнула стальная цепочка часов, и я поймала себя на мысли, что даже они выглядят как оружие.

Он смотрел на меня так, что мне захотелось отвернуться. Но я не позволила себе этого.

— Здравствуйте, мистер Уинтерс, — сказала я,

чувствуя, как горло стало сухим, будто я ела мел.

— Здравствуй, Чон, — ответил он, голосом, от которого становится холодно, даже если вокруг жара.

— Я, наверное, позже зайду… — сделала шаг назад.

— Нет-нет, Тесс, ты вовремя, — вмешался Джейкоб, его голос был спокойный, как всегда. — Александр как раз по делу. Ты нам нужна.

Вот и всё.

Сердце ухнуло вниз, и я заставила себя сделать шаг вперёд.

«Дыши, Тесс. Сейчас не время умирать от паники».

— Хорошо. Тогда приступим.

Я обошла стол, чувствуя на себе взгляд Уинтерса, как иглы.

Села на своё место, на краю кресла, как будто при первом удобном случае готова была вскочить и сбежать.

Джейкоб подъехал ближе, Александр сделал то же самое.

Эти двое… как бетонные стены по обе стороны. Воздуха стало ощутимо меньше.

Включаю флешку.

Стараюсь сосредоточиться. Чёрт, руки не дро-

жат. Молодец, Чон.

И тут в кабинет заходит Лианна, секретарь. Улыбчивая, как всегда, только сейчас в её движениях какая-то острота.

— Простите, Тесс. Тут для вас конверт.

— Конверт? От кого?

— Нет адреса отправителя, — спокойно сказала она.

Я взяла оранжевый конверт, шершавый, плотный.

Тяжёлый.

Сердце вдруг ударило в груди сильнее.

Мужчины смотрели на меня с вниманием. Мне казалось, что этот конверт вот-вот начнёт гореть у меня в руках.

Вернулась на место, положила его рядом с ноутбуком. Сделала вид, что меня это не волнует.

— Не посмотришь? — спросил Уинтерс.

— Нет. Давайте к делу, — ответила я, пытаясь звучать твёрдо.

— Вдруг что-то важное, — мягко сказал Джейкоб. Слишком мягко.

Я сдалась.

— Ладно.

Оторвала край, раскрыла клапан и достала содержимое.

Первое, что попалось — фотография.

Девушка. Молодая. Лицо худое, глаза тёмные. Взгляд… лучезарный, сияет.

— Это кто? — голос Джейкоба стал жёстче.

— Я не знаю, — сказала я, но сердце уже сжалось. Я перевернула следующий снимок.

И вот тогда холод прошёлся по коже.

На фото был человек, которого я знала. Которому доверяла. Которого считала семьёй.

Я подняла взгляд.

Александр и Джейкоб ждали. Я смотрела на них… и поняла.

…это был Эндрю.

Мой Эндрю.

На фотографии он сидел за рулём машины, а рядом та самая девушка с первого снимка.

Они о чём-то оживлённо говорили, смеялись.

Он держал её за руку.

И это была не рабочая встреча, не случайная поездка. Это было что-то другое.

Что-то, что разрезало мне грудь, как лезвие.

На третьем снимке они целуются, причём не просто невинное прикосновение, а полное поглощение друг друга в страсти.

Остальные я уже смотреть не стала.

Потому что я была сейчас под пристальным

взглядом Джейка и Александра.

— Тесс, ты в порядке? — тихо спросил Джейкоб, наклоняясь ко мне ближе. Его голос был ровным, но взгляд внимательно изучал мою реакцию. Хищный, внимательный, как всегда.

Я моргнула.

— Да, — выдавила я.

Сжимая фотографии в руке, чувствуя, как ногти впиваются в кожу через глянцевую бумагу.

Нет, я не в порядке.

— Кто этот мужчина? — продолжил Уинтерс, откидываясь на спинку кресла, но его ледяной взгляд не отпускал меня ни на секунду.

— Может это ошибка, — прошептала я, убирая фотографии обратно в конверт.

— Не думаю, — протянул Александр, смотря так, будто видел меня насквозь. — Слишком очевидно для ошибки.

Джейк обменялся с ним каким-то взглядом.

Этот молчаливый обмен, который в их мире был красноречивее слов.

У меня внутри всё сжалось.

Я ненавидела чувствовать себя пешкой, объектом чьего-то наблюдения.

Но сейчас именно так и было.

— Давай закончим с делом, Тесс, — спокойно

сказал Уокер, и его пальцы едва заметно коснулись моего локтя.

Почти дружески.

Почти...

Но достаточно, чтобы вернуть меня в реальность.

Я вставила флешку в разъём ноутбука, сделала глубокий вдох.

Надо сосредоточиться.

Чёрт с ним, с Эндрю, с этой девушкой, с этими проклятыми фотографиями.

Сейчас важнее дело.

Документы открылись быстро.

Я прокрутила первую папку — стандартные файлы по делу Eastman Corp., финансовые отчёты, транзакции, список сотрудников. Но в отдельной папке, о которой говорила Бетти, хранилось кое-что другое.

— Это их внутренние документы, — говорю я, открывая первый файл.

— С чего ты взяла? — приподнял бровь Джейк. — Формат. Они не для внешних проверок. Тут есть служебные записки между членами совета директоров, приказы, которые никогда бы не вышли за стены компании. — Я пролистываю дальше. — Вот, например, об одобрении взятки

для подрядчика. — Хорошая работа, — кивает Уокер, голос становится теплее. — Доказательств хватит, чтобы разорвать их в суде? — вмешивается Александр, глядя на монитор. — Более чем, — отвечаю. — Особенно если связать это с их офшорными счетами. Вот транзакции на Кайманах. — Ты уверена, что хочешь вести это дело в суде? — вдруг спрашивает Уинтерс, поворачиваясь ко мне всем корпусом.

Его колени почти касаются моих.

— Уверена, — твёрдо отвечаю, глядя ему в глаза.

— Это будет захватывающе, Чон. Очень хочу на это посмотреть. — Его голос звучит низко, опасно. — Они начнут копаться в твоей жизни.

— Пусть копаются, — я пожимаю плечами. — Там нечего искать.

Он долго смотрит на меня, потом медленно улыбается.

— Посмотрим.

Эти два слова звучат как вызов.

Работаем долго.

Почти до самого вечера.

Джейкоб то кидает мне быстрые команды, то спрашивает мнения. Он цепкий, внимательный, и его аналитика поражает.

А Уинтерс… он просто наблюдает. Холодно, спокойно, как акула, выжидающая момента. Но я чувствую: он знает больше, чем говорит. Играет в долгую.

Когда документы отсортированы, доказательства собраны, я была уставшая так, как будто пробежала марафон.

Джейк садится на край стола, протягивает мне стакан воды. — Отлично сработано, Тесс. Готовься к первому раунду завтра. Мы их вынесем.

Я улыбаюсь, хоть и устало.

— Вместе? Он смотрит на меня. — Вместе.

Когда я, наконец, выхожу из кабинета, ноги гудят от напряжения, а в голове всё ещё крутятся строчки из контрактов и финансовых сводок. Но мысли не об этом.

Эндрю.

Фотографии. И Уинтерс. Он опасно близко.

Глава 6."Смотреть нельзя коснуться"

Я иду по коридору, чувствуя, как затекают плечи после долгого рабочего дня. Каблуки стучат по мраморному полу, а в ушах всё ещё звенит от напряжённой работы с документами.

Но внутри…

Внутри не отпускает.

Тупая боль под рёбрами, как будто меня вывернули наизнанку.

Эндрю.

Он был моим убежищем.

Точкой опоры, когда всё вокруг шаталось. Тот, кто держал меня за руку, когда было трудно. Кто ночами помогал мне зубрить сложные кейсы. Кто верил. Или делал вид.

А теперь? Его поцелуи другой. Его руки на чужом теле. И эти чёртовы снимки, как ножи в спину.

Я резко останавливаюсь, упираясь рукой в стену. Закрываю глаза. Дышу глубоко. Чёрт, Тесса Чон, ты же адвокат. Ты сильная. Ты не плачешь. Это потом. Дома. Когда стены не слышат.

А тут? А тут, мать его, ты снова превращаешься в девчонку, которую предали. Достаточно.

Но стоило выйти за пределы нашего отдела — жара сменилась ледяным холодом. Точнее, его источником. Я почувствовала, что меня уже ждут.

Александр Уинтерс.

Его кресло стояло у стены, будто хищник, затаившийся в засаде. Свет из окна падал на его лицо так, что резкие скулы казались вырезанными из мрамора. Пальцы медленно вращали обод колеса, как будто он обдумывал, сколько мне ещё осталось жить.

Его глаза встретили мои. Спокойные. Ледяные. Опасные.

— Как мило, — произнёс он, и голос его разрезал тишину как лезвие. — Ты и Уокер. Почти как семейная пара.

Слова были обыденны. Почти безобидны.

Но в тоне — яд.

Он смотрит на меня прищуром, лениво, но в этом ленивом взгляде таится что-то более опасное, чем если бы он прикрикнул или ударил кулаком по столу.

Я медленно выдохнула.

— Сотрудники. Коллеги, Александр. — Уверен-

ный тон. Сухой. Как я и привыкла.

Он приподнял одну бровь, медленно.

— О, я видел. Это куда больше, чем коллегиальность.

Он делает паузу, скользя по мне взглядом, в котором сквозит знакомый сарказм.

— У тебя даже лицо светится, когда он смотрит. Ты уверена, что он не заглядывает к тебе под блузку, когда ты не смотришь? Пауза. — Хотя… не важно. Ты и не возражаешь, да?

Скулы свело от того, как сильно мне хотелось не реагировать. Но он, чёрт побери, как всегда, знал, куда бить.

— Что за чушь вы несёте? Вы Следите мной? — бросаю.

Он чуть наклоняет голову набок, а в уголке рта рождается хищная улыбка.

— Скорее… замечаю. Мне нравится замечать детали. Ты… например. Ты — весьма приметная деталь, Тесс. Особенно когда так мило прижимаешься к Уокеру после тяжёлого дня.

Моё имя на его губах звучит, как вызов. Или угроза. Я не уверена, что различаю границы с этим человеком.

— Вам что-то нужно? — спрашиваю, скрестив руки на груди, создавая между нами иллюзию

защиты.

Он даёт креслу мягкий толчок и, не торопясь, подкатывается ближе. Его колени почти касаются моих.

— Уже не терпишь моего общества? — тихо спрашивает он. — А ещё недавно так смело держала мой взгляд в кабинете Уокера.

Чёрт. Моё сердце снова делает этот дурацкий рывок.

— Я здесь не ради разговоров, — сказала я резко. — Переходите к делу.

Он усмехнулся уголком губ.

— По делу? — Переплёл пальцы. Медленно. Продуманно. — Хорошо. Тебя отправили сюда на стажировку. Для опыта. Чтобы учиться. А не чтобы крутить роман под носом у начальства.

Я почувствовала, как что-то внутри сжимается.

— У нас с Джейкобом ничего нет, — бросила я.

Александр хмыкнул.

— Пока. — Он делает паузу, взгляд его лениво скользит по моему лицу, будто он примеряется к тому, как я выгляжу в слабости. — Или ты уже решила, что пора заменить одного мужчину на другого? Стабильность, как говорится.

Я вздохнула. Глубоко.

— Вы себя хоть слышите, о чём говорите?!

Он мягко рассмеялся. Хриплый звук, застрявший где-то между угрозой и обещанием.

— О, Тесс, — его голос опустился ещё ниже, стал бархатным. — Я знаю больше, чем тебе кажется. И вижу больше, чем ты хочешь показать.

Я шагнула ближе, резко, почти агрессивно.

— Я не ищу здесь никакую замену! — голос дрожит, но я стараюсь удержать его твёрдым. — И мне неприятно, что вы так плохо отзываетесь о Джейкобе. Он хороший человек. Воспитанный. И между нами исключительно рабочие отношения. В конце концов, он мой наставник.

Я сказала это на одном дыхании, словно пыталась оправдаться… или защититься. Я не знала точно. Только чувствовала, как сердце гулко бьётся в груди, отбивая тревожный ритм.

Александр молчит. Его взгляд становится другим. Сталь. Лёд. Острие ножа, поднесённое к горлу. Он даже не моргает, не двигается. Только смотрит. Изнутри всё сжимается в плотный клубок.

— Хороший, значит? — его голос занижен, почти рычание, но в нём столько злости, что я едва удерживаюсь, чтобы не сделать шаг назад.

— Вообще-то это я твой наставник, Тесс. — его голос тяжелеет, каждое слово будто падает кам-

нем. — А он просто делает то, что я не могу в данном случае.

Он почти выплёвывает эти слова, как будто они оставляют горечь во рту.

И я, не раздумывая, бросаюсь в ответ, с иронией, с вызовом:

— И что же вы не можете, Александр? — произношу ровно, даже с лёгкой, почти насмешливой интонацией.

Я не успела закончить мысль, как он почти кричит, его голос гремит по стенам коридора:

— ХОДИТЬ!

Это одно короткое слово сносит меня с ног. Я физически ощущаю, как в груди что-то рвётся, срывается вниз тяжёлым грузом. Мои пальцы медленно разжимаются, ремешок сумки предательски соскальзывает.

А я замираю.

Молча.

Он не сказал этого с жалостью или болью.

Нет.

Это была правда, обнажённая, как сталь ножа, который он держит прямо перед моим лицом.

Теперь становится ясно почему он держит меня подальше. Почему отправил работать с Джейком. Почему сам остаётся в тени. Александр не терпит

слабости — в себе или других. А быть в его положении и допустить, чтобы кто-то увидел его так… он не может. Он просто не может.

Я опускаю голову, чтобы он не видел, как дрожат мои губы. Взгляд падает на руки — они слишком бледные, пальцы вцепились в ткань кофты так, что побелели костяшки. Но я не могу отпустить.

В его взгляде нет пощады. Нет облегчения. Он напряжён до предела, и я чувствую, как в нём всё натянуто, как стальные тросы. Но он не отводит глаз от меня.

Я поднимаю взгляд.

И вижу, что он изучает меня.

Его взгляд скользит по моим рукам, по линии шеи, к пульсу на ключице, который выдает моё напряжение.

Он замечает слишком много. Как всегда.

— Ты уверена, что завтра справишься? — его голос опускается ниже, мягче. Но это не забота. Это испытание. Его глаза на миг касаются моих губ, и я чувствую, как сердце снова срывается с ритма.

Я собираю остатки воли в кулак и выдавливаю ровно:

— Думаю, да. — выдыхаю, злясь на себя за эту дрожь в голосе.

Он склоняет голову чуть вбок, словно сканируя меня под другим углом. Его губы чуть дрожат, едва заметная улыбка, но в глазах — снова лёд.

— Думать недостаточно, Тесс, — он подаётся вперёд. — Я не беру в команду тех, кто сомневается. Здесь остаются только сильные. Только те, кто точно знает, чего хочет. И куда идёт.

Его рука едва не касается моей. Воздух между нами натянут, как канат. Он проверяет меня. Снова и снова.

Я выравниваю спину. Убираю дрожь из голоса.

— Тогда считайте, что я знаю.

Он замирает.

Смотрит пристально, хмуро, будто ещё решает — верить или нет. Между нами тишина. Густая, как смола. Но его глаза всё ещё на мне. Они скользят по лицу, по шее, на мгновение задерживаются на ключице. И я чувствую этот взгляд на коже, как прикосновение.

Горло пересыхает. Сердце грохочет.

— Завтра будь готова, — его голос стал ниже, мягче, почти бархатный. — Собрана. Без чувств. Без эмоций.

Я киваю. Резко. По-военному. И делаю шаг назад, чтобы сбить с себя наваждение от его близости.

Но он снова подаётся вперёд.

— Не подведи меня, Тесса, — его голос становится тише, почти интимным. Словно он говорит это не как приказ, а как нечто личное.

Слишком личное.

Он разворачивается.

Колёса кресла почти не слышны, но я слышу, как он уезжает. Слышу, как уходит воздух из груди. Я стою посреди холла, как на пустой сцене после финального акта.

Губы дрожат. Сердце бешено стучит. А в голове — его голос, тихий и грозный одновременно.

Не подведи меня.

И чёрт подери, мне хочется быть лучшей.

Но внутри… внутри всё ещё дрожит что-то, что он уже успел разбудить. И оно больше не даёт мне покоя.

Дома было странно тихо.

Настолько тихо, что я даже вздрогнула, когда захлопнулась за спиной дверь.

Щёлкнул замок, оставляя меня внутри этой хрупкой тишины, где всё казалось искусственным.

Нереальным.

Будто я просто гость в собственной жизни.

Туфли соскользнули с ног почти сами по себе.

Они глухо упали у входа.

Сумка соскользнула с плеча и тяжело рухнула в кресло. Я включила свет — он ударил в глаза холодным жёлтым, будто бы слишком ярким, слишком честным.

Свет всегда показывает правду, да?

Но сейчас он только подчеркивал, как пусто и мертво всё вокруг.

Я шла по дому, не чувствуя под собой пола. Все движения — чужие, автоматические.

На кухне машинально запустила руку в конверт, достала фотографии. Те самые. Они шуршали, когда я их перекладывала из одной руки в другую, как что-то грязное, липкое.

Я снова посмотрела.

Хотя зареклась, что больше не буду.

Эндрю.

Его лицо.

Та самая улыбка, которая когда-то казалась только моей.

Та, в которой я находила себя.

Но теперь...

Теперь она была другой. И глаза его были другими. В них отражалась не я. Она.

Кто она? Чёрт её знает. Да и уже не важно. Важен он. Важно то, как легко он сделал выбор.

И то, как мне об этом сообщили. Не разговор. Не честно, глаза в глаза. А анонимный конверт. Фотографии.

Чайник свистел.

Пронзительно, раздражающе.

Я смотрела на него, но не шевелилась. Только когда звук стал почти болью, я выключила его. Медленно забрала телефон со стола. Экран дрожал в моей руке, как будто и он чувствовал. Я набрала его номер.

Гудки. Долгие. Тягучие.

Каждый — как шаг к краю, откуда уже не вернуться.

На четвёртом он ответил.

— Тесс, привет!

Будто всё по-прежнему.

Будто он не изменил мне.

Будто он не разрушил мир, который мы строили.

— Прости, загружен был последние дни…

Я молчала.

Не могла даже вдохнуть.

Только слушала, как легко ложится ложь ему на язык.

— Ты в порядке? — теперь в его голосе настороженность. Чует. Понимает.

Но поздно.

— Мы можем встретиться? Сейчас.

Голос звучал ровно, чуждо.

Как будто это не я говорила.

Холодно. Отстранённо.

Почти как Уинтерс, когда объявляет свой приговор.

— Конечно. Через сколько будешь?

Не удивлён. Он привык, что я иду первой.

Но сегодня будет иначе.

— Нет. Встретимся парке. На улице Гровед-роуд.

— Тесс…

Он колеблется.

Я слышу это.

Но ему нечего сказать, нечем прикрыться.

— Всё нормально?

— Всё отлично.

Я сбрасываю вызов.

Через полчаса я стою на месте.

Холодный воздух пробирает до костей, но я не чувствую.

Он идёт ко мне, как всегда.

Пиджак, рубашка, те самые часы на запястье, парфюм. Тот, что я раньше любила.

Тот, что ночами искала на простынях.

Теперь этот запах вызывает тошноту.

— Привет, — его голос мягкий, как всегда. Но глаза…

Глаза бегают.

Он нервничает.

Я молча подаю ему конверт.

Его пальцы встречаются с моими на долю секунды. Он замедляется. Потом открывает. Фотографии выскальзывают наружу, как яд из пробирки.

Он смотрит.

Молча. Минуту, две. Он знает. Он понял, что больше нет смысла.

— Это…

Он делает шаг ко мне.

— Тесс, я могу объяснить.

— Объясни, — говорю я тихо.

Мой голос режет, как стекло.

Скрещиваю руки на груди, чтобы не дрожать.

Хотя… может, пусть дрожу. Какая разница теперь?

— Это не то, что ты думаешь. Это…

— Это что? — голос выходит твёрже, чем я ожидала.

— Деловая встреча? С поцелуями? С её рукой в твоей? Ты смотришь мне в глаза и врёшь, как

дышишь, Эндрю.

Он хочет коснуться моего плеча.

Я вижу. Он тянет руку.

Но я отступаю. Его рука замирает в воздухе. Потом падает. Медленно.

— Я не хотел, чтобы ты узнала так...

Классика.

— Это ошибка. Я был сам не свой, всё навалилось... я попал в сложную ситуацию. А тут рядом оказалась она... и я...

Он заикается. Он даже не называет её имени.

Трус.

Я почти смеюсь.

Почти.

Но боль скребёт глотку изнутри, не даёт дышать.

— В сложной ситуации ты можешь выпить. Можешь позвонить мне. Можешь сдохнуть, в конце концов. Но ты выбрал трахнуть её. Это не ошибка. Это выбор.

И я вижу, как он замирает.

Глаза становятся жёсткими. Почти злыми.

— Тебе не понять... Всё не просто ...

— Мне не нужно понимать, — я делаю шаг вперёд. — Между нами всё кончено.

И на этот раз он молчит.

Молчит слишком долго. А потом просто… поворачивается и уходит.

Легко. Слишком легко...

Дверь дома закрывается с глухим щелчком.

Туфли валяются там, где упали. Сумка на кресле. Фотографии остались в его руках. Или, может, где-то на земле, если он их выбросил.

Я дохожу до середины коридора и не могу больше держать спину прямо.

Оседаю на пол. Сжимаю колени руками, прячу лицо.

И молчу.

Потому что кричать бессмысленно. Потому что никто не услышит.

Только я.

Только мой пульс, который стучит в висках, как молот. Живая. Но внутри — пустая.

Утро было тяжёлым.

Гораздо тяжелее, чем я ожидала.

Голова будто в тисках, боль ровная, глухая, как набат. Стучит внутри черепа, будто кто-то раскачивает маятник прямо между висками.

Я не помнила, как уснула вчера.

Скорее, просто выключилась.

На полу.

На холодном ламинате.

Очнулась только под утро, когда сквозь шторы протиснулся первый блеклый свет.

С усилием поднимаюсь на ноги.

Мышцы затекли. Тело ломит, как после болезни. Но хуже всего — пустота внутри.

Как выжженное поле. Ни гнева. Ни слёз.

Только тишина.

Я шатаюсь в сторону ванной, включаю холодную воду, плескаю в лицо.

Смотрю на себя в зеркало. Покрасневшие глаза. Серые круги под ними. Молча открываю аптечку, вытаскиваю таблетки. Две. Без запивки. Они с трудом проходят по пересохшему горлу.

«Соберись», — говорю себе.

И начинаю собирать остатки себя по кусочкам.

Не для него. Не для кого-то ещё. Для себя.

Половину жизни я мечтала стать сильной.

Сейчас — подходящий момент.

Выбираю одежду медленно, осознанно.

Белые классические брюки. Безупречные линии. Белый кроп топ — контраст с кожей, чистый, как будто способен стереть ночь. И приталенный чёрный жакет — он садится по фигуре, подчёркивая талию. Это не просто одежда. Это доспехи.

Волосы укладываю в мягкие волны, но чёткие,

ухоженные.

Ни одной случайной пряди.

Макияж — только чтобы спрятать усталость. Подчеркнуть глаза.

Губы касаюсь нюдовой помадой, чуть прикусываю, чтобы они выглядели живыми.

И парфюм. Тот самый. Который всегда придавал мне сил.

Дорогой. Чёткий. Запах уверенности. Запах женщины, которая знает себе цену.

Я смотрю на себя в зеркало перед выходом.

Тесса Чон, которую он знал, умерла вчера ночью. Сегодня на её месте стоит другая.

Спускаюсь вниз.

Запах кофе и свежих тостов тянется из кухни, как якорь в реальность. Голоса. Смех. Мама, папа и Иль-Хун сидят за завтраком. Семья. Моё безопасное место. И как же сейчас больно прикидываться, что всё в порядке.

— Вы только посмотрите на эту красотку! — восклицает Иль-Хун, мой брат. Его глаза светятся доброй насмешкой.

Он делает глоток апельсинового сока и ставит стакан обратно, наблюдая за мной с интересом. — А я думал, в адвокатской конторе все хмурые, серые и всегда в чёрном.

— Иль-Хун, не неси глупостей, — говорю я.

Моя улыбка даже выглядит искренне. Почти.

Папа отрывает взгляд от планшета, смотрит на меня внимательно.

В его глазах отражается что-то насторожённое, что он не может объяснить. — Ты выглядишь красиво, дочка. Пауза. — У тебя сегодня важный день?

Я киваю, будто это действительно что-то значительное.

И это так. Но не по той причине, которую он ожидает. — Да, папа. Подхожу, целую его в щёку. Его щетина чуть колет кожу. — Сегодня мы с мистером Джейкобом ведём переговоры по одному крупному делу.

Я произнесла это с профессиональной сдержанностью.

Мама тут же машет мне рукой, приглашая к столу.

— Тесс, поешь что-нибудь. Тосты горячие, сыр расплавленный. Твой любимый.

— Спасибо, мам, но нет.

Я беру чашку кофе, вдыхаю его аромат. — Кофе — всё, что мне сейчас нужно.

Она кивает, хотя я вижу в её глазах беспокойство.

Но молчит. И это лучшее, что она могла сделать.

Тонкая белая фарфоровая посуда кажется хрупкой в моих пальцах.

Я обхватываю её крепко, почти так, будто она может удержать меня на плаву. Горячий, крепкий кофе обжигает, и это хорошо.

Брат болтает о своём.

Папа даёт советы по переговорам, хотя я знаю их наизусть.

Я улыбаюсь.

Поддакиваю.

И где-то внутри себя благодарю их за это утро.

За этот остров нормальности, который держит меня на поверхности.

Хотя бы сейчас.

После кофе я чувствую себя немного лучше.

Встаю из-за стола, беру сумку и ключи. — Я поехала. — Удачи, Тесс! — кричит Иль-Хун вслед. — Порви их там всех систр!

Я улыбаюсь краем губ.

— Даже не сомневайся.

Папа просто кивает, как генерал, отпуская солдата в бой.

Мама идёт за мной до прихожей.

Тихо говорит — У тебя всё получится! Её рука

сжимает мою на секунду. И я снова чувствую, что могу идти дальше.

Дверь за мной захлопывается.

Холодный утренний воздух встречает меня. Я иду к машине уверенно.

И если вчера кто-то разбил моё сердце…

Сегодня я собираю его обратно. Не ради него. Ради себя.

Глава 7. Холодный разум? Легко сказать…

По дороге в Winters Co. я включаю радио.

Какой-то парень поёт про разбитое сердце и кофе по утрам. «Банально», — мысленно хмыкаю я, поворачивая руль одной рукой, а второй держа телефон с заказом. В этот раз не забываю: два капучино с корицей. Один для меня, второй для Джейкоба. Сегодня нам действительно понадобится полный заряд бодрости. И, как ни странно, мне хочется, чтобы Джейк был в хорошем настроении. Мы на одной стороне. Пока что.

Я останавливаюсь у небольшой кофейни на углу.

Тут всегда пахнет свежей выпечкой и корицей так, что хочется плюнуть на фигуру и заказать всё сразу.

Но я держу себя в руках.

Беру кофе. Глубоко вдыхаю аромат.

Да.

Это тот самый запах — бодрость, уверенность и немного тепла.

А ещё… воспоминания о том, как я впервые

поняла, что Джейк предпочитает капучино с корицей, как и я.

Совпадение? Не думаю.

Парковка Winters Co как всегда забита, но я ловко нахожу местечко поближе к входу.

С чувством маленькой победы выхожу из машины, на ходу проверяя почту на телефоне. В голове только мысли о предстоящих переговорах и как именно мы их провернём.

В офисе тихо.

Джейка ещё нет.

Ну, конечно.

Раньше восьми он и глазом не моргнёт, — усмехнулась про себя, усаживаясь за стол.

Выкладываю перед собой документы, тщательно их пролистываю. Ищу слабые места. Смотрю, где можно сыграть на эмоциях, а где на логике.

Это почти как шахматы.

Только ставки выше, чем фигуры на доске.

И я чётко знаю: любой промах может дорого стоить.

В этот момент дверь в кабинет открывается, и на пороге появляется Джейкоб.

Он всегда появляется так — спокойно, уверенно, как будто за его спиной не просто юристы, а целая армия.

— Ты сегодня рано, — хмуро, но тепло говорит он.

В его голосе почти удивление. Как будто кто-то другой всегда опаздывал, а не он.

— Доброе утро, — улыбаюсь, протягивая ему стакан кофе. — Ваш капучино с корицей. Подумала, вам не помешает сегодня.

Джейкоб смотрит на меня пару секунд, словно анализирует: что здесь скрыто, подвох или забота?

Потом берёт стакан, наклоняется ближе и вдыхает аромат. Его лицо смягчается.

— Ты моя спасительница, Тесса.

Голос становится легче, как будто за окном вдруг выглянуло солнце.

Он делает глоток, кивает, словно подтверждая, что это именно то, что нужно.

— Капучино с корицей?

— Да, — отвечаю я, немного неуверенно. — Вам не нравится?

Он усмехается.

— Что ты, наоборот, обожаю. Глаза Джейкоба сверкнули. — Как ты узнала?

— В прошлый раз у вас на столе стоял точно такой же стакан, — объясняю я просто.

— Ты удивительная, Тесса, — отвечает он. И

вдруг наклоняется, аккуратно целует меня в макушку, как будто мы давно близки.

Я замираю, но не успеваю ничего сказать.

Потому что дверь снова открывается.

И в помещение входит Александр.

Блин. Ну почему именно сейчас?

Сердце сжимается.

Он застыл на пороге, будто статуя из стали.

Тот самый взгляд, от которого даже кофе в моих руках будто стынет.

В его глазах молчаливый упрёк. Ревность.

Словно он застал нас с Джейкобом не за кофе, а за чем-то гораздо большим.

Джейк быстро отходит от меня и подходит к нему, протягивает руку.

Но Александр почти не замечает этого жеста.

Он смотрит только на меня.

Как будто сейчас разберёт на части и сложит обратно по собственному желанию.

— Вы готовы? — голос Александра холоден, как лезвие ножа.

Он смотрит сквозь меня. Или в меня. Уже не понимаю.

— Да, — отвечает Джейк. — Тесса тут с раннего утра в бумагах.

В голосе чуть больше тепла. Может, чтобы раз-

рядить обстановку.

Александр тихо рычит что-то себе под нос.

Похоже на "неудивительно", но я могу ошибаться. Хотя вряд ли.

Джейк смотрит на часы.

— Пора, Тесс. Он идёт к двери, ожидая меня. Я делаю шаг, но в тот же миг рука Александра хватает меня за запястье. Чёрт.

Меня словно током прошибает.

Его пальцы крепкие, горячие. Глаза цепляются за мои, не отпуская. В этот момент кажется, что воздуха нет. Только он.

Его рука.

Его взгляд.

И его голос.

— Тесса, — произносит он моё имя медленно, с какой-то тяжестью. — Холодный разум. Запомни. Не дай им себя запугать.

Холодный разум?

Ты серьёзно? После этого взгляда, после того, как ты держишь мою руку так, что я забываю, как дышать? Я вообще думать забыла.

Но я киваю.

По-другому никак. Он медленно отпускает меня, и я на ватных ногах следую за Джейком.

Арбитражная комиссия штата.

Здание современное, стеклянные фасады, внутри холодный, стерильный лоск.

Но холод здесь не только от кондиционеров.

Здесь решаются судьбы бизнеса.

200 миллионов долларов — не просто цифра.

Это репутация Brighton Energy, это наши проекты, наши рабочие места.

И сейчас мы с Джейком должны сделать так, чтобы эти деньги остались у хозяина.

Должны. Точка.

Мы заходим в зал переговоров.

Всё как всегда: длинный стол, три арбитра во главе комиссии, напротив — представители IRS и их юристы.

Главный на той стороне — **Мэрилин Стюарт**, женщина с лицом из стали, идущая на победу всегда.

Если проигрывает, значит, это не она.

Рядом с ней — её советник по аудиту и внешний консультант из частной налоговой практики.

В глазах — скука, как будто мы очередные неудачники, которых они сейчас будут разбирать на винтики.

— Джейкоб Уокер и Тесса Чон, защита Brighton Energy, — представляемся.

Арбитры кивают. — Мисс Стюарт, начинайте.

IRSпервым делает ход.

Мэрилин встаёт, её тёмно-серый костюм сидит безупречно, как и её речь.

— Brighton Energy обвиняется в сокрытии доходов и применении схем оптимизации налогообложения, не имеющих под собой деловой цели.

Она выкладывает на стол папку.

— Мы говорим о доначислении налогов на сумму 200 миллионов долларов, включая штрафы и пени. Основания: неправомерное использование вычетов на амортизацию, схемы с дочерними компаниями, недостоверные договоры субподрядчиков.

В зале тишина.

Джейк дышит ровно. Я тоже. Хотя внутри... ну вы поняли...

Теперь мы.

Я киваю Джейку — он даёт мне слово.

— Уважаемая комиссия, уважаемые представители IRS.

Я открываю свой ноутбук, подключаюсь к экрану зала. — Brighton Energy полностью соблюдала все требования налогового законодательства США. И мы готовы это доказать.

На экране появляется схема корпоративной структуры.

Я выделяю три дочерние компании, которые IRS пытается приписать к схеме уклонения.

— Первое. Наши дочерние компании зарегистрированы и функционируют в штатах с прозрачной налоговой системой. Они обладают лицензиями, ведут независимую деятельность, имеют собственный штат сотрудников. Это подтверждено аудитами Deloitte и PwC.

Кладу на стол отчёты, каждый в оригинале и с апостилем.

Комиссия перелистывает страницы.

Я вижу, как меняется выражение лица одного из арбитров.

Хорошо.

— Второе. IRS утверждает, что амортизационные списания завышены на сорок процентов. Но капитальные вложения компании в модернизацию оборудования на сумму 600 миллионов долларов подтверждены:

актами приёмки,

отчётами инженеров,

сертифицированными независимыми экспертами.

Вывожу на экран фото наших станций, доку-

ментацию по каждому объекту.

— Благодаря модернизации, — добавляет Джейк, — производительность Brighton Energy выросла на 18 %, что подтверждается квартальными отчётами и заключением независимого консалтинга McKinsey.

Мэрилин Стюарт хмурится.

Скука у неё в глазах исчезла. Теперь она слушает.

— Третье. Оспариваемые договоры с субподрядчиками. IRS полагает, что работы не были выполнены.

Я нажимаю на следующую вкладку презентации.

— Вот отчёты о приёмке, подписи инспекторов, фотографии объектов до и после работ. У нас есть показания третьих лиц, независимых подрядчиков, а также заключения экспертизы, подтверждающие фактическое выполнение всех услуг.

Комиссия листает документы.

Арбитр с тёмными очками задаёт вопрос:

— Brighton Energy считает, что IRS превысила свои полномочия при доначислении налогов?

— Да, уважаемый арбитр, — отвечаю. — По нашему мнению, IRS не учла положения**IRC**

Section 482, допускающие законную оптимизацию налоговой базы в рамках трансфертного ценообразования при наличии экономической обоснованности операций.

Я выделяю на экране документы по ценам сделок, которые подтверждают, что все цены рыночные.

— У нас есть заключение Ernst Young по трансфертному ценообразованию за прошлый и текущий периоды. Оно однозначно подтверждает соответствие операций рыночным условиям.

Стюарт резко поднимает голову.

— Вы утверждаете, что Brighton Energy использовала исключительно законные методы налоговой оптимизации? — Мы утверждаем, что Brighton Energy использовала законные механизмы, предусмотренные Налоговым кодексом США, и не нарушала ни одного федерального или штатного закона, — отвечаю я.

Джейк добавляет:

— Более того, мы настаиваем на полном снятии доначислений, а также на компенсации судебных издержек.

Наступает пауза.

Комиссия уходит на совещание.

Через двадцать минут они возвращаются.

— На основании представленных доказательств и заслушанных аргументов, арбитражная комиссия принимает решение:

Снять доначисления в размере 200 миллионов долларов.

Признать действия Brighton Energy законными.

Возложить на IRS компенсацию судебных расходов в размере 20 миллионов долларов.

Я чувствую, как Джейк сжимает моё плечо.

Внутри что-то расправляется, как крылья. Мы сделали это.

Но Мэрилин смотрит так, будто этот раунд мы выиграли, а вот следующую игру — она не простит.

Мы молча собираем бумаги, движения чёткие, уверенные.

Джейк смотрит на меня и, прежде чем выйти из зала, наклоняется ко мне говорит — Ты была огонь, Чон. Я усмехаюсь — Холодный разум, Джейк. Только он. — Тогда с таким разумом можно выигрывать любые войны.

Он хлопает меня по плечу, как равную, и это чертовски приятно.

На улице я наконец вдыхаю воздух.

Живой. Свежий. И вкус победы — острее корицы в его капучино.

Глава 8. «Когда контроль сколь-зит из рук»

«И кто вообще сказал, что жизнь корпоративного юриста скучна?»— мелькнуло у меня в голове, когда мы с Джейком перешагнули порог офиса и оказались в эпицентре всеобщего ликования.

— ОНИ ЭТО СДЕЛАЛИ! — кто-то выкрикнул из бухгалтерии, и в ту же секунду раздались аплодисменты.

Девчонки из аналитики подпрыгивали у кофемашины так, что я испугалась за их латте. Джейк, черт его дери, выглядел так, будто только что выиграл чемпионат мира по бейсболу, а не отстоял нашу компанию в арбитраже на 200 миллионов долларов.

— Тесса! — голос Томаса, нашего ведущего программиста, донёсся сквозь гул. — Ты просто... ну... мать твою, это было гениально!

Я, конечно, профессионал. Я умею держать лицо. Но когда к тебе подходит тридцатилетний бывший морпех, который обычно ворчит на всех, как старый скрипучий стул, и сжимает твою руку

в своих мощных лапах — тут даже у меня щёки начинают предательски гореть.

— Всё дело в холодном разуме, — спокойно отвечаю, хотя внутри всё ещё качает адреналиновая волна. — И в кофе. Много кофе.

Джейк хохочет, обнимает меня за плечи и, прижав к себе, почти шепчет на ухо:

— Это была ТВОЯ победа, Чон. Я просто сидел и выглядел красиво.

— Ну... ты хотя бы в костюме был. Это уже вклад. — Я подмигиваю ему и похлопываю по спине.

Мы пробиваемся сквозь поздравления, рукопожатия и бесконечные хлопки по плечам, пока, наконец, не добираемся до его кабинета.

Джейк тут же бросается в кресло, как будто пробежал марафон, и откидывается назад с долгим выдохом.

— Господи, Чон, напомни мне никогда больше не брать дела по налогам. Это был ад.

— Ты? Не брать? — я скидываю туфли и плюхаюсь на диван, поджимая под себя ноги. — Ты бы продал душу за ещё одну такую сделку.

— Возможно, — ухмыляется он, — но ты была огонь.

Я вытягиваю ноги, разминая пальцы. Боже, да

у меня ноги просто отваливаются. Кто вообще придумал эти пыточные туфли? Ах да. Я сама. По дури.

Только я собираюсь закрыть глаза и хотя бы пару минут полежать, как раздаётся вежливый стук в дверь. В комнату входит Лианна, наша ассистентка, с лицом, на котором написано *"Проблемы идут"*.

— Мистер Уокер, к вам мисс Мэрилин Стюарт.

И тут у нас с Джейком срабатывает синхронное поднятие: оба вскакиваем, как будто по команде.

— Да, да... пусть пройдёт, — почти нервно говорит он.

Дверь распахивается, и на каблуках, словно модель на показе, заходит Мэрилин Стюарт. Медленно, уверенно, покачивая бёдрами, будто у нас тут не офис, а съёмки для обложки *Forbes*.

Я чувствую, как Джейк сглатывает. Мужик, серьёзно? После всего, что мы сегодня сделали? Она? Ты? Серьёзно?

— Чон, — голос его становится на тон ниже, деловой, холодный, как айсберг. — Ты не могла бы отнести Александру эти документы? А я пока переговорю с мисс Стюарт.

А вот и первый звонок. Он назвал меня Чон. Не Тесса. Не Тесс. А *Чон*. Официально. Чопорно.

Держим дистанцию, мистер Уокер? Записала.

— Конечно, мистер Уокер, — ровно отвечаю я, забирая папку. Холодный разум, говоришь? Будет тебе холодный разум.

На этаже главного офиса ко мне несутся Кессэди и Дженна, сияя, как две лампы освещения в тёмном тоннеле.

— Ты потрясла весь отдел, Чон! — орёт Кессэди, обнимая меня так крепко, что у меня хрустит позвоночник.

— Это теперь нам нужно у тебя учиться, — смеётся Дженна.

— Девочки, не перехвалите. Я всего лишь шептала судье на ухо сладкие слова.*"Налоговая ошибка","практика Верховного суда","незаконное доначисление"*. Он просто не устоял.

Мы ржём, как школьницы после первого урока сексуального воспитания, пока я не пытаюсь уже уйти.

— А ты куда так спешишь? — прищуривается Кессэди.

— Передать документы Уинтерсу. — Я пожимаю плечами.

— В таком виде? — она показывает пальцем на мои ноги.

Я смотрю вниз и понимаю, что стою БОСИКОМ.

Босиком. Как последняя ленивая домохозяйка, которая вышла вынести мусор и встретила экспарня с новой пассией.

— Чёрт... мои туфли... — зажмуриваюсь. — Остались в кабинете Уокера. Ну и ладно. Сценарий "Босая и беспощадная". Погнали.

Девчонки смеются, а я пружинисто, на цыпочках, направляюсь к кабинету Уинтерса.

Тина кивает мне на вход.

— Он у себя. Но... готовься. Сегодня он не в духе.

Прекрасно. Как раз под стать моим босым ногам и отсутствию терпения.

Я стучу, вхожу, и...

— Охренеть... — выдыхаю я.

Александр Уинтерс лежит на полу. Его кресло перевёрнуто. Он пыхтит, злится, ругается так, что мои уши вянут.

— Твою мать! Поднимайся, кусок железа!

Я бросаю документы и подскакиваю к нему.

— Мистер Уинтерс, вы в порядке?!

— А как ты думаешь, Чон? — рычит он. — Прогуливаюсь по парку? Уйди отсюда!

— Нет! — рявкаю в ответ. — Не уйду! Вы меня с места не сдвинете.

Он шипит, как загнанная в угол змея. Но я уже

обошла стол, уцепилась за кресло и с усилием его ставлю на место.

Ставлю на тормоз.

— Теперь вы держитесь за меня и за кресло, мы вместе вас поднимем.

— Ты совсем обалдела?

— У меня есть хуже идеи. Могу тебе их озвучить.

Он стиснул зубы так, что я услышала, как они скрипят. Но поддался. И вот мы уже вместе, тяжело дыша, усаживаем его обратно.

И тут происходит то, чего я не ожидала. Он смотрит на меня. Долго. Глубоко. Как будто сканирует все мои слабые места. Его лицо почти рядом. Рука на моей талии. Моя — на его плече.

Он опускает взгляд на мои губы.

А я замечаю... пятно на его брюках.

— Боже... вы... мокрые? — спрашиваю, и взгляд падает на стол. Кофе. Пролилось. Я осознаю всё.

— Да блять! Обоссался! — резко отбрасывает он мою руку. — Хватит!

Но я возвращаю руку. Ощупываю.

— У вас ожог может быть. Штаны снимайте!

— Ты вообще нормальная? — глаза Уинтерса округляются.

— Снимайте. Или это сделаю я.

И, к своему же ужасу, я тянусь к ремню. Он хватает меня за запястье.

— Тесса, твою мать! Что ты творишь?!

— Работаю. Я не хочу потом оформлять тебе компенсацию по инвалидности*второго уровня*, если ты тут ещё и кожу обожжёшь!

Он вдруг отпускает запястье и... откидывается на спинку кресла. Смотрит на меня с лукавой полуулыбкой.

— Ладно. Делай.

Чёрт. Я. Снимаю. Штаны. С. Начальника.

И в этот самый момент...

Щёлк.

Дверь закрывается за кем-то. Кто-то вошёл. Или вышел. Или застыл. Я не знаю.

Я знаю только, что стою на коленях перед Александром Уинтерсом, с его ремнём в одной руке и расстёгнутыми брюками в другой. И что сейчас кто-то стал свидетелем моего профессионализма в... очень узком направлении.

Чёрт.

— Мы вам не помешали? — спрашивает один из мужчин, глядя прямо на меня.

— Похоже, мы не вовремя, — поддакивает второй с таким выражением лица, будто только что застал соседа в женском халате.

Я в этот момент, кажется, разучилась дышать. Мысленно прокручиваю в голове все возможные сценарии побега… вплоть до ползком под стол.

Господи, ну почему именно я? Почему именно сейчас? Почему он?!

Я зажмуриваюсь, надеясь, что когда открою глаза, окажусь в другой вселенной. Но нет. Открываю — я по-прежнему стою, на коленях перед Александром, а его ремень всё ещё в моих руках. Отлично. Просто великолепно.

— На что уставились? Здесь что, свадьба что ли? — рычит Александр, ни капли не смутившись. Голос его ленивый, с хрипотцой, а в глазах явный блеск.

— Подумаешь, с меня девушка штаны снимает. Что тут такого? — добавляет он с наглой ухмылкой.

У меня челюсть отвисает. Нет, ну правда?! Он серьёзно сейчас? Да кто вообще так отвечает?!

Я тут же отскакиваю от него, будто от горячей плиты. Сердце в горле, руки дрожат. А он… улыбается. Спокойно. Довольно. Этот человек, кажется, вообще никогда не теряет хладнокровие.

Ну и сучёныш.

— Далеко не убегай, Чон. Мы ещё с тобой не закончили, — говорит он с лукавым прищуром,

будто я это блюдо, которое он заказал, но ему подали только аперитив.

Меня как будто кипятком ошпарили. Нет, хуже. Как будто я только что включила фен, стоя по колено в воде.

— Что?! — у меня срывается голос. — Я всё закончила! Дальше вы сами справитесь! — вываливаю я и, не дожидаясь ещё одной его реплики, пулей выскакиваю из кабинета.

Тапки мне под ноги! Я лечу. Босиком. Да какая разница?! Главное — подальше от этого кабинета, от него, от его взгляда, от всего этого цирка с дрессированными тиграми.

Вбегаю в лифт, жму кнопку с такой силой, будто лифт должен взлететь, как космический шаттл.

— Давай, давай, давай… — бормочу себе под нос, пока двери не закрываются.

Через минуту я уже на своём этаже. Выдыхаю.

— Всё, Чон. Выдыхаем. Всё кончилось. Ты молодец. — Самоподдержка на уровне.

Вываливаюсь из лифта, подхожу к кабинету, дергаю за ручку…

— Ну нет, ну что за день такой! — бормочу я себе под нос.

Дверь закрыта. Причём капитально. Ни туда, ни сюда.

Я шмонаю карманы… и понимаю: ключи в кармане пиджака.

Молча перевожу взгляд на себя. Туфель нет. Они остались в кабинете Джейка.

Пиджак… ПИДЖАК! — вспоминаю я с ужасом. Где мой пиджак? Ах да… В кабинете Уинтерса. На кресле. Ну ты вообще молодец, Чон! Просто гений логистики. То ли раздеть босса, то ли самой раздетой бегать по офису — тут, как говорится, без вариантов.

Стою, босая, как сирота, без пиджака, по офису гуляет кондиционер, я, значит, трясусь, как кролик на сквозняке. И тут возвращается Лианна с кофе. Красотка, как всегда.

— Чон? Ты чего здесь стоишь? — глаза её прищурились подозрительно.

— Кабинет закрыт, — отвечаю я обречённо. — А ключи, ну… они там. Ты случайно не знаешь, где мистер Уокер?

— Был недавно у себя в кабинете. — Она ставит кофе на столик у окна. — У меня есть запасной ключ, сейчас…

И в этот самый момент дверь кабинета Уокера распахивается.

Мы с Лианной замираем.

Как в плохом кино.

Выходит Мэрилин Стюарт.

Вся раскрасневшаяся, волосы растрёпаны, помада смазана так, будто у неё была буря эмоций в районе губ.

А за ней Джейк Уокер собственной персоной. Взъерошенный, рубашка мятая, галстук криво, лоб в поту. По нему, клянусь, только что не видно надписи: «*Только что оторвался».*

Мэрилин улыбается, как будто только что выиграла Оскар за лучший актёрский дебют… Кивает нам и идёт к лифту. Джейк же провожает её взглядом таким… Ну, знаете, как мужчина смотрит на пиццу после трёхдневной диеты.

Мы с Лианной переглядываемся, а потом смотрим на него. Он мигом стирает свою довольную ухмылку.

— Что? — говорит он, пытаясь выглядеть деловым. — У нас были серьёзные переговоры!

— Серьёзные? — приподнимаю бровь я. — А после ваших переговоров в кабинете безопасно находиться или нам костюмы химзащиты надевать?

— Очень смешно, Тесса. — Он усмехается, почесав затылок.

Он оглядывает меня с ног до головы и приподнимает бровь.

— Ты почему без обуви? Тебе не холодно? Где твой пиджак?

— Лучше не спрашивай, Джейк…

— А вот нет, рассказывай! — настаивает он.

Вздохнув, я захожу в кабинет.

Лианна следует за мной, прикрывая рот ладонью, чтобы не заржать прямо в коридоре.

И я рассказываю…

Как зашла к Уинтерсу, как он залил штаны кофе, как я, в лучших традициях «скорой помощи», полезла расстёгивать ремень…

— Вы представляете? Он спокойно сидел, откинувшись на спинку кресла, как какой-нибудь император. А я на коленях перед ним, расстёгиваю ему ремень! — я машу руками, как будто этим смогу стряхнуть с себя остатки этого позора.

— И тут… ХЛОП! Дверь. Открывается. А там двое парней, глядят на нас, как на порно лайв в прямом эфире!

— Ты хочешь сказать… — Джейкоб начинает медленно, будто проглатывая каждый звук, — что ты сняла с Уинтерса штаны?

Лианна давится кофе. Джейк облокотившись на свой стул, запрокидывает голову и громко смеётся, как будто ему миллион на счёт упал.

— Господи, Чон, да ты живёшь интереснее

любого сериала! — выдыхает он, вытирая слёзы со щёк. — Ты точно адвокат, а не экзорцист по выбиванию демонов из ледяных сердец?

— Ой, да хорош тебе! — отмахиваюсь я, чувствуя, как снова начинаю краснеть. — Помогла человеку, между прочим! А он... он... вёл себя, как будто я ему пощечину из ласки дала!

— Он тебе понравился? — Джейк поднимает брови.

— Нет! — выпаливаю я слишком быстро, а Лианна прищуривается.

— Ммм... — протягивает она. — А ведь говорят, что Уинтерс после аварии стал замкнутым и мрачным. Но, похоже, он оттаял.

— Да уж, как снеговик под феном, — фыркаю я. — Причём, при мне.

Лианна, всё ещё держа стаканчик с кофе, качает головой:

— Честно говоря, я думала, что он вообще никого к себе не подпускает. А ты ему штаны чуть не сняла. Прогресс, я считаю.

— Прогресс, блин, — бурчу я, скидывая волосы с лица.

Джейк поднимается, подходит ко мне вплотную, кладёт руки на мои плечи и делает серьёзное лицо:

— Чон, я горжусь тобой. Ты блестяще провела переговоры с налоговой, отстояла компанию и, как вишенка на торте, чуть не устроила приватный медосмотр Уинтерсу.

— Джейк! — фыркаю я, кидая в него подушкой с кресла. — А с Мэрилин, значит, переговоры у тебя, да? Судя по состоянию её волос, ты ей предложил альтернативные условия сделки.

— Профессиональная тайна, — ухмыляется он, отводя взгляд и попивая воду, будто его тут вообще не при чём. — Иди, звезда моя. Только туфли надень, а то не дай бог на тебя снова кто-то наткнётся. Решат, что у нас тут йога с элементами стриптиза.

— Ах вот вы где, родимые, — произношу вслух, подтягивая их к себе. — Ну что, возвращаемся к цивилизации?

— А пиджак? — спрашивает Лианна.

— Туда я не вернусь. Пусть его сожгут. Вместе с моим достоинством, которое осталось в том кабинете.

Чёрт, и ведь всё началось так обычно. Арбитраж, документы, бой за правду и справедливость. А закончилось… штанами Уинтерса.

Моё сознание невольно возвращается к тому моменту, когда он посмотрел на меня. Так, будто

видел всё. Не просто одежду или лицо, а прямо сквозь.

И его голос:

«*Далеко не убегай, Чон…*»

Тесса, ты вообще нормальная? — сама себе задаю вопрос, потирая виски. — Он просто мужчина. Просто шеф. Просто... чертовски привлекателен. Чёрт побери.

И тут раздаётся стук в дверь.

Мы замираем.

— Входите! — прикрикнул Джейк.

Дверь открывается, и на пороге появляется молодой парень с огромным букетом белых орхидей.

Он окидывает кабинет взглядом, достаёт из внутреннего кармана бумажку и спокойно произносит:

— Где я могу найти Тессу Чон?

Удивились все.

Даже Джейк с Лианной переглянулись.

Но больше всех, разумеется, удивилась я.

Я сглатываю и машинально поднимаю руку.

— Это я, — выдавливаю из себя.

Парень кивает, делает шаг вперёд и протягивает мне букет. Одной рукой держит цветы, другой — маленький конверт.

— Это для вас.

Я принимаю букет, который оказался тяжелее, чем я ожидала, и с трудом удерживаю его на руках. Аромат цветов был настолько сильным, что мне показалось — сейчас упаду в обморок.

Подписываю накладную, почти не глядя, и возвращаю ручку курьеру.

— Спасибо, — бормочу я, но парень уже разворачивается и выходит, оставляя за собой лёгкий аромат дорогого парфюма.

Дверь мягко закрывается.

В кабинете наступает тишина.

Очень насыщенная тишина.

Я кладу букет на диван, чтобы хоть как-то разгрузить руки, и медленно открываю конверт.

Внутри аккуратная записка.

Чёрным чернилами, твёрдым почерком написано:

"*Жду продолжения, Чон. А.У.*"

Я чувствую, как кровь отливает от лица.

Лианна резко вырывает у меня записку, зачитывает вслух ещё раз — на случай, если кто-то не понял с первого.

— А.У. — Лианна округляет глаза. — Александр Уинтерс?!

Джейк заливается смехом, хлопает в ладоши.

— Вот это ход! Уинтерс — молодец! Надо у него мастер-классы брать. — Чон, ты его покорила, я тебе говорю!

Лианна только согласно кивает, глядя на меня, как на редкий экспонат.

— Это он меня, походу, добивает... окончательно. — бубню я, чувствуя, что сейчас снова начну задыхаться от стыда.

Но они меня уже не слушают.

Лианна фоткает букет, Джейк комментирует размер орхидей, а я стою в центре этого цирка, пытаясь понять, как теперь вообще жить.

И главное — что он имел в виду под "*продолжением*"?..

Попрощавшись с Джейкобом и Лианной, я крепче перехватила огромный букет белых орхидей и направилась к выходу.

Кажется, руки у меня отсохнут, прежде чем я дотащу эту красоту до машины. Зато благо — я сегодня за рулём. Удивительно, как иногда судьба подбрасывает маленькие радости среди сплошного позора.

Проходя мимо лифта, я мельком бросила взгляд на кнопку с номером этажа Уинтерса. Нет, Тесса. Хватит. За пиджаком не пойдёшь. Пусть висит. Пусть там хоть птицы гнездо свьют — ты туда не

вернёшься. Не сегодня. И вообще никогда.

Хотя, конечно, звучит неубедительно.

Парковка встретила меня порывом прохладного воздуха. Сквознячок приятно, или не очень, напомнил, что на мне нет пиджака.

Кожа покрылась мурашками, зубы предательски прикусили губу, а я мысленно выдала себе «пять баллов» за гениальность.

Открываю машину, аккуратно кладу букет на заднее сиденье. Он такой большой, что, кажется, занимает всё пространство.

Закрываю дверь и тут…

— Ой, боже мой! — вскрик вырывается сам собой, и я почти хватаюсь за сердце, потому что за спиной стоит…

Александр.

Чёрт.

— Не боже, но за комплимент спасибо, — говорит он спокойно, а на губах появляется лёгкая усмешка.

Чёрт побери, она ему идёт. И это ещё больше меня нервирует.

Я таращусь на него.

Он спокойный, уверенный, как всегда. Но есть что-то другое… расслабленное? Чуть мягче, чем обычно.

— Что вы здесь делаете? — выдыхаю я и, как ни странно, ловлю себя на том, что первым делом осматриваю его… ну… ноги. Точнее, его штаны.

Они другие. Не те, что… Боже, Тесса, хватит.

Он замечает. Конечно, замечает.

— Да, я переоделся. Как ты заметила, — говорит, и я готова клясться, он специально делает акцент на этом «заметила». — Не совсем я уж такой беспомощный.

Я открываю рот, потом закрываю. Говорю. Хотя лучше бы промолчала.

— А… ой… нет! Что вы… я так не думаю… просто… глаза сами… — О господи. Тесса, остановись.

Я хватаюсь за лицо ладонями, потому что краснею с такой скоростью, что могла бы обогнать любое транспортное средство на этой парковке.

Позор 2.0. Добро пожаловать в эфир.

— Простите меня за сегодня. Я… я только хотела помочь, — выдыхаю, и почему-то это звучит как исповедь.

Он улыбается. По-настоящему.

— Я знаю, — отвечает просто.

Между нами на секунду воцаряется тишина. Такая, что даже этот пронизывающий ветер становится фоном.

— Тебе понравились цветы? — спрашивает он, как будто просто интересуется прогнозом погоды.

— Да, очень, — отвечаю я, и почему-то в груди становится теплее.

— Спасибо, — добавляю тихо и ловлю его взгляд.

И вот в этом свете парковочных огней, которые придают всему странный серебристый оттенок, я вижу его иначе.

Красивее, чем прежде.

Холодные серые глаза, которые почему-то больше не пугают, а завораживают. Чёткие скулы, спокойная, почти ленивая улыбка. И он… тёплый. Несмотря на ветер и этот его вечно строгий костюм.

— Тесс… — начинает, и я замираю. — Я благодарен тебе за твою помощь сегодня.

Он слегка хмурится.

Я замечаю, как его пальцы чуть сжимаются в кулак, а потом расслабляются. Он нервничает. Александр Уинтерс нервничает. Передо мной.

Это… неожиданно приятно.

— Я хотел бы провести с тобой вечер за ужином, — продолжает он. Голос ровный, спокойный, но в нём слышна та самая нотка волнения.

— Уверен, это будет не просто вкусно, но и по-настоящему приятно для нас обоих. У меня как раз забронирован столик… остаётся только получить твоё согласие.

Мир на секунду застыл.

Моя челюсть, похоже, решила отдохнуть где-то в районе пола.

Этот мужчина… этот человек… только что пригласил меня на ужин? Нет, ну он, конечно, мог бы и написать об этом в записке, как с цветами. Но зачем, если можно выбить меня из колеи прямо здесь, на парковке, где я выгляжу как замёрзшая девочка.

Он ждет. Не торопит. Просто ждёт. И смотрит.

Холодный серый взгляд, в котором вдруг много тепла. Без права на сопротивление.

— Почему бы и нет? — выдавливаю я из себя, а потом добавляю, чуть лукаво улыбаясь: — Я как раз очень голодная.

На его лице появляется та самая улыбка. Она редкая. Искренняя. И от которой сносит крышу даже в самую морозную ночь.

— Отлично, — произносит он. — Тогда поехали.

Когда мы подошли ближе к машине Александра, меня… мягко говоря, накрыло.

Шок — это даже слабо сказано.

Перед нами стоял настоящий монстр на колёсах. Огромная, чёрная, глянцевая, с тонированными стёклами в зеркало и бронированным корпусом. Она будто из будущего — или как минимум из какого-нибудь боевика про спецслужбы.

Но больше всего меня поразило другое: вся эта махина была оборудована под человека с ограниченными возможностями. Специальные двери, подъемники, элементы управления... Я сама повидала немало, но сейчас стояла как школьница на экскурсии.

А потом... из машины вынырнул он.

Нет, не Александр.

Другой. Гигант.

На вид — гора мышц в дорогом костюме.

Как только он двинулся на нас, я едва не сделала шаг назад. Его фигура заслонила половину машины, и казалось, он вот-вот сметёт всё на своём пути. Даже воздух рядом с ним будто стал тяжелее.

Я нервно сглотнула.

Александр, заметив мою насторожённость, хмыкнул — Не бойся, Тесса. Это Дэвид. Мой телохранитель, мои ноги... и иногда руки, — сказал он с усмешкой, покачивая головой, будто рассказы-

вает о проделках старого друга.

Дэвид остановился в паре шагов от нас, кивнул мне и заговорил мягким, абсолютно не сочетающимся с его внешностью голосом:

— Добрый вечер, мисс Чон. Прошу, присаживайтесь в машину.

Он открыл дверь, как официант в отеле класса люкс, подал мне руку.

Я осторожно сделала шаг вперёд и в этот момент с лёгким шипением из-под порогов машины выдвинулись аккуратные металлические ступени.

Почти как в фильмах.

Ну, или как в секретных правительственных разработках, к которым я раньше не имела ни малейшего отношения.

Забираясь внутрь, я невольно коснулась обивки. Бархат? Нет, алькантара. Сиденья мягкие, как пух. Уровень комфорта запредельный. Запах дорогой кожи и чего-то мужского, терпкого, заполнял салон.

Я села, стараясь выглядеть спокойно, хотя внутри немного дрожала. Машина казалась микроавтобусом, но на деле это было нечто гораздо более впечатляющее — пространство, удобство, технологии.

Тем временем Дэвид нажал на кнопку, и с другой стороны мягко выдвинулся пандус. Александр спокойно развернул кресло, подрулил к пандусу и с той же лёгкостью, как на асфальте, заехал внутрь. Его движения были отточены и уверенные, как у пилота истребителя. Он нажал на какие-то кнопки на подлокотнике, и кресло плавно развернулось ко мне лицом. Раздался едва слышный щелчок — фиксация.

— Готов, — проговорил он просто, бросив взгляд на Дэвида.

Тот аккуратно закрыл за ним дверь, обогнал машину буквально в два шага и вскоре мы уже мчались по ночному Вашингтону.

Александр сидел напротив меня и... смотрел. Просто смотрел. Я поймала себя на мысли, что нервно поправляю волосы. Пару раз украдкой пыталась проверить, нет ли чего на лице. Может, тушь размазалась? Нет, всё чисто. Но он продолжал смотреть. В упор. Без стеснения. Как будто изучал. Исследовал. И этот взгляд сводил с ума.

— Хочешь спросить, почему? — вдруг сказал он, не отрываясь.

— Хм? — я чуть дёрнулась, возвращаясь в реальность. — Почему я смотрю, — уточнил он. — Да... — честно призналась я. — Немного... смущает. —

Привыкай, Тесса, — усмехнулся он. — Я всегда наблюдаю за тем, кто мне интересен.

Я замерла, не зная, что ответить.

Но дальше уже некогда было думать. Мы подъехали к ресторану.

Дэвид вышел первым, снова открыл дверь и подал мне руку. Его ухоженная, сильная ладонь показалась на удивление тёплой.

Я аккуратно выбралась наружу. Александр, как будто соревнуясь, за секунды оказался рядом. Его кресло спустилось по пандусу, плавно, без рывков, а Дэвид ловко его подстраховывал, хотя, кажется, Александр и сам справился бы.

Мы вошли в ресторан.

Ресторан оказался именно таким, каким и должен быть: легендарным. «***Pineapple and Pearls***» — место, о котором говорили все, но которое видели немногие. Самое дорогое заведение города, попасть в которое было сродни выигрышу в лотерею. Один из лучших ресторанов Вашингтона.

Здесь ужинали президенты.

Или Уинтерс.

Однозначно один из этих двух вариантов.

Только когда мы вошли внутрь, меня накрыло осознание происходящего.

Внутри было пусто.

Ни одного гостя.

Ни суеты, ни шороха посуды.

Только пара официантов, бармен и музыкант за роялем. Тонкая, чувственная мелодия заполнила зал.

Я непроизвольно остановилась, переводя взгляд с Александра на окружающее пространство.

— Почему здесь никого нет? — спросила я почти шёпотом, чувствуя, как тишина заполняет меня.

Он приподнял одну бровь и его серые глаза стали ещё темнее.

— А тебе кто-то нужен? — его голос был ниже, чем обычно. Бархатный, обволакивающий.

Я повернулась к нему, встретив его взгляд. Он был спокоен, но за этой маской что-то тлело. Что-то опасное. И манящее.

— Нет, — призналась я. — Просто странно... ведь сюда так непросто попасть.

— Я не люблю есть на публике, — его тон был окончательным. — Поэтому мы здесь одни. Сегодня забронировал весь ресторан.

Слово сегодня он произнёс, с особой интонацией.

— Только сегодня? — наивно спросила я.

— Да, — его голос был ровным, но с явной

усмешкой.

Столик был в самом центре, идеально накрытый: закуски, дорогие соусы, деликатесы. Я сразу заметила изысканные тарелки, тончайшие приборы и бокалы, словно хрусталь.

Мы сели.

Точнее, он подъехал к моему стулу, вплотную.

Официанты двигались точно вальсируя — один ставил приборы, второй наполнял графины, третий приносил свежеиспечённый хлеб с маслом трюфеля. Всё тихо, быстро и без малейшей суеты.

— Тебе нравится здесь? — спросил Александр спокойно, но я уловила в его голосе интерес.

— Здесь прекрасно, — призналась я, снова чувствуя на себе его пристальный взгляд.

Перед нами вскоре оказался целый оркестр вкусов: тартары из тунца, карпаччо из говядины с трюфельным маслом, миниатюрные тарталетки с лососем и кремом из авокадо. Блюдо выглядело, как произведение искусства, и пахло божественно.

Когда подошёл официант с вином, Александр остановил его.

— Я сам, — твёрдо сказал он, забирая бутылку и два бокала.

Его пальцы уверенно держали стекло, когда он наливал вино в мой бокал, затем в свой.

Подал мне хрустальный бокал, не сводя глаз с моего лица.

— За мокрые штаны, — произнёс он, и уголки его губ едва заметно приподнялись.

Я не сдержалась — рассмеялась, пряча лицо ладонями. Смех освободил меня, прогнал внутреннее напряжение.

А Александр... он смотрел на меня так, как будто этот смех был самым красивым, что он когда-либо слышал. Улыбнулся уголками губ, и его глаза впервые за вечер стали по-настоящему тёплыми.

Ужин пошёл как по маслу.

Мы говорили обо всём и ни о чём. Он слушал, внимательно, не перебивая, только изредка кивая или подбадривая взглядом.

Я рассказывала про последнее дело с Джейкобом, а он, кажется, даже запомнил детали, которые и сама бы забыла.

Но взгляд... его взгляд не отпускал.

Он скользил по мне, по глазам, лицу, губам. И я чувствовала его тепло даже на расстоянии.

Потом нам подали чай и десерты.

Я подняла кружку и тут же зашипела, — тонкий фарфор оказался слишком горячим. — Ааашш...

как горячо... — я резко отдёрнула руку.

Александр среагировал мгновенно.

Он поймал мою ладонь своими прохладными пальцами. — Обожглась? — спросил он, нахмурившись, осматривая мои пальцы.

Потом слегка подул на них.

Его дыхание обожгло сильнее, чем чай.

А после... он поднёс мои пальцы к губам и стал целовать каждый из них.

Медленно. Смакуя.

И мир, кажется, исчез.

Я сидела, потеряв дар речи. Мой мозг отключился. Сердце билось как бешеное.

— Ещё болит? — его голос стал таким низким, что я ощутила его вибрацией по коже.

— Не... нет, — прошептала я.

Он опустил мою руку к себе на колени, не отпуская.

А другой рукой взял мою кружку и стал аккуратно дуть на чай.

В этот момент он выглядел так... заботливо, почти нежно. Но внутри я чувствовала — этот человек как океан: снаружи гладь и спокойствие, а под ней — шторм, который может затянуть тебя в свои глубины. И самое страшное — я уже начинала хотеть этого шторма.

Всё так просто.

Но именно это заставляло моё сердце колотиться сильнее.

Я поняла, что ухожу с головой в эту игру. Или в эту жизнь. Пока не ясно. Но что-то начинается. Что-то, к чему я точно не была готова.

Глава 9. "Поцелуй на прощание"

После ужина Александр настоял на том, чтобы отвезти меня домой.

Хотя сердце бешено колотилось, а ладони стали холодными и влажными. Я сидела в его машине, которая напоминала мне скорее передвижной бронепоезд, чем транспортное средство.

Стёкла — словно непробиваемая стена, снаружи ничего не видно, а внутри — этот приглушённый свет, тёплый, интимный, будто мы не в машине, а где-то в другом мире, где никого нет.

Александр молчал.

Всё время дороги он просто смотрел на меня в отражении бокового зеркала. Его взгляд обжигал сильнее, чем кружка с горячим чаем в ресторане.

Сложно объяснить, что он делал этими глазами, но мне было трудно дышать.

Я сидела прямо, как на экзамене, скрестив руки на коленях, и делала вид, что всё под контролем. Хотя контроль я потеряла, как только он взял меня за руку за тем столиком.

Когда мы подъехали к моему дому, я почти

вздохнула с облегчением. Но, конечно, рано.

Я потянулась к дверце, но вдруг поняла:

— Вот чёрт…

— Что? — его голос был спокойным, но настороженным.

— Ключи от дома… Они в моей сумке… А сумка… — я медленно повернула голову к нему, понимая, насколько я сейчас нелепо выгляжу. — В моей машине. Которая…

Я даже не успела договорить.

Александр чуть ухмыльнулся.

— Отдай ключи Дэвиду. Он пригонит тебе машину.

Как по команде, Дэвид уже разворачивался к нам, будто знал заранее и согласно кивнул. Я почувствовала себя школьницей, которую папа пришёл забирать с дискотеки.

— Ты живёшь с родителями? — вдруг спросил Александр, его взгляд стал изучающим.

— Да… А что? — я нахмурилась, почувствовав в голосе подвох.

Он склонил голову на бок.

— Тебе не кажется, что ты уже большая девочка, чтобы жить с мамой и папой?

Я медленно вдохнула, на ходу обдумывая, насколько вежливо можно послать миллиардера

куда подальше.

— Нет, не кажется. У нас в семье свои понятия. Это корейский менталитет — семья и традиции на первом месте, знаешь ли, несмотря на то, что мы живём здесь. Так что, — я сделала кружок пальцем в воздухе вокруг его лица, — не надо смотреть на меня вот ТАК.

Он приподнял бровь, улыбаясь уголками губ.

— И что же это за менталитет?

— Во-первых, жениться должен старший брат. Он должен привести невестку домой. Только потом я могу выйти замуж и съехать от родителей. Отец иначе с меня шкуру снимет.

— Старший брат, значит… Есть девушка? Сколько ему лет?

— 28. Есть девушка. Но она ещё учится, и он ждёт.

— Обалдеть… Ждать тебе ещё лет пять, как минимум.

— Кого ждать? — не поняла я, нахмурившись.

Он хмыкнул.

— Всё, Чон, тебе пора топать домой.

— Вот так значит? Выгоняете?

— А ты хочешь остаться со мной? — его глаза сузились, голос стал ниже и глубже.

Мурашки по коже. Я чуть не села обратно в

кресло.

— Нет уж. Я домой пойду.

Я открыла дверь, но его голос остановил меня.

— Чон.

— Что ещё? — обернулась я, на пределе терпения.

Он протянул руку.

— Ключи от машины.

Ах да… Чёртовы ключи!

Я на автомате сунула руку в карман брюк и вложила ключи ему в ладонь.

И зря. Очень зря.

В следующее мгновение он крепко схватил меня за запястье и притянул к себе.

Я ахнула, сердце взлетело к горлу.

— Даже не попрощаешься? — его голос стал хриплым, а дыхание участилось.

— Доброй ночи вам, Александр, — твёрдо сказала я, как на допросе.

— И это всё? Как-то неубедительно… Целуй.

Я моргнула. Он указывает пальцем на свою щёку.

— Не стесняйся, — его глаза горят.

Я, наверно, была цвета спелого граната.

Чёрт-чёрт-чёрт!

Делаю шаг вперёд, медленно тянусь к его ще-

ке, а в груди барабанит так, что я боюсь, он это слышит.

И в тот момент, когда мои губы почти касаются его кожи, он резко поворачивается и целует меня в губы.

Быстро, твёрдо, без шансов.

Мягко, но с таким давлением, что мне хочется либо провалиться под землю, либо зависнуть в этом мгновении навсегда.

Я отстраняюсь, прячу глаза.

Он отпускает меня, и мне будто сразу стало холодно.

— Дэвид скоро пригонит тебе машину, — его голос ровный, спокойный, но я вижу, как он облизывает свою нижнюю губу. Как будто вспоминает вкус.

Я быстро киваю и выскакиваю из машины.

Почти бегом направляюсь к дому.

На полпути оглядываюсь.

Он всё ещё смотрит.

Поднимает руку, словно говорит «пока». Я машинально махаю в ответ. В глазах мутнеет, потому что внутри всё бурлит. Как после бури.

Дверь резко распахнулась, и на пороге появилась мама. Её внимательный взгляд тут же впился в моё лицо.

— Тесса? — голос у неё встревоженный. — С тобой всё в порядке? Ты вся красная… Дочка, тебе плохо?

Я поспешно покачала головой, чувствуя, как жар расползается по щекам ещё сильнее. Чёрт. Только не это.

— Нет-нет, мам, всё хорошо. Правда. Просто… — я запнулась, подбирая хоть какое-то оправдание, — прохладно на улице. Немного замёрзла.

Мама хмуро посмотрела на меня, скрестив руки на груди. Она всегда так делает, когда пытается докопаться до правды.

— Тебя привёз Эндрю? — её голос спокойный, но я уже слышу: подозрения копятся. — Почему он не зашёл поздороваться?

Я фыркаю. Эндрю. Серьёзно?

— Нет, мама, — качаю головой и начинаю снимать туфли, аккуратно ставлю их к стенке, чтобы потянуть время. — Это не Эндрю.

Стараюсь проскользнуть мимо, но мама — стена. Закрывает мне проход, опуская руки на бёдра, как всегда перед допросом.

— Кто тебя тогда привёз?

Я медленно поднимаю голову и неохотно признаюсь:

— Александр. Мистер Уинтерс.

Мама хмурится, словно это имя ей не нравится, хотя она его почти не знает.

— Ваш босс? Он что, привёз тебя домой? Почему? — вопросов больше, чем ответов.

— Мама, у меня машина заглохла, — устало объясняю я, чувствуя, как внутри всё сжимается. — Он просто предложил подвезти.

Чувствую, как сжимаются пальцы у неё на поясе.

Стараюсь пройти мимо, но её взгляд буквально прожигает спину. Она молчит, но я знаю — позже она обязательно задаст ещё тысячу вопросов. Сейчас меня спасает только молчание.

Как только за мной захлопнулась дверь, я прислонилась к ней спиной и выдохнула, прижимая ладони к груди. Сердце колотилось, как будто я пробежала марафон. Закрыла глаза, и первое, что всплыло передо мной — его лицо.

Александр.

Его взгляд, слишком пристальный. Его голос, хриплый и тёплый. Его губы, сжавшиеся в ту самую короткую, но жадную поцелуйную линию.

— Господи... — прошептала я. Провела пальцами по губам. Они всё ещё горели. Почему я позволила? Или... это он мне не оставил выбора? Хотя, если быть честной, я и не особо сопротив-

лялась.

Сбросив одежду, я направилась в ванную. Пальцы дрожали, когда включала воду. Тёплые струи стекали по телу, а мысли возвращались к тому вечеру.

К тому, как он смотрел на меня в машине, как его пальцы легли на мою талию, как он заставил меня податься вперёд. Его голос, когда он сказал «Целуй». Его губы, тёплые и твёрдые на моих.

Проклятье. Как я теперь смогу смотреть ему в глаза?

Нет, Тесса, остановись! Это твой босс, и это был простой ужин, после которого довёз тебя домой.

Но почему рядом с ним я дрожу как осиновый лист?

Я сжала губы, чтобы не выдать тихий стон, и быстрее вытерлась полотенцем, натянув свободную футболку и спортивные штаны.

В комнате раздался виброзвонок телефона. Подошла, глянув на экран. Сердце на мгновение замерло.

Сообщения. Одно за другим.

— Ох...

«Спасибо за ужин, Крошка.»

«И то, что было после.»

«Как твои сладкие пальчики? Не болят?»

«Дэвид должен быть уже у тебя.»

«Почему молчишь?»

«Тесс, ответь!»

Я уставилась в экран, будто он мог мне объяснить, что вообще происходит.

Крошка? Это... это нормально вообще? Или это что-то значит?

— Чёрт... — тихо шепчу я, пальцы предательски дрожат, когда тянусь к экрану. Но не успеваю напечатать ни слова — кто-то стучит в дверь.

— Систр, к тебе пришли, — раздаётся голос брата. Иль-Хун даже не заходит, просто открывает на пару сантиметров.

— Наверное, Дэвид, — говорю я и прохожу мимо брата.

— Кто ещё такой Дэвид? — нахмурился он. — И почему он приходит к тебе в это время?

Вздыхаю.

— Дэвид работает на Александра. Он должен привезти ключи от машины. Моей машины.

— Чего? — хмурится Иль-Хун, как будто я сейчас на корейском сказала что-то совершенно невозможное. — Какие ещё ключи? И с каких пор Уинтерс...?

— Потом расскажу! — перехватываю его вопросы и быстрее спускаюсь вниз.

— Тесса, подожди... — сердито говорит. — Что вообще происходит?

Он медленно отпускает мою руку, но хмурится так, что мне хочется сбежать. Я с трудом сдерживаюсь и иду к двери.

Молюсь, чтобы мама не вынырнула откуда-нибудь из кухни.

Открываю дверь. На крыльце — Дэвид, строгий, как всегда.

— Мисс Чон, ваши ключи, — сухо произносит он и протягивает связку. Я торопливо забираю.

— Спасибо, Дэвид.

— Машина припаркована у дома. Доброй ночи. — Он разворачивается, не теряя ни секунды.

Закрываю дверь и оборачиваюсь.

Брат стоит рядом, скрестив руки на груди, смотрит на меня из-под нахмуренных бровей.

— Объяснишь?

— Объясню, но не сейчас. — Я стараюсь не встретиться с ним взглядом. — Давай завтра? Или... на следующих выходных?

— Сестрёнка... — он цокает языком мне вслед, но я уже бегу к себе. Мне нужно уйти, спрятаться, обдумать всё, что случилось за этот вечер.

Захлопнув дверь комнаты, падаю лицом в подушку. Хочу провалиться в неё с головой и

исчезнуть хотя бы до утра.

Но телефон светится. Сообщения Александра ждут ответа.

Сердце стучит так, что я думаю — сейчас точно сорвётся с места.

Печатаю:

«*Дэвид привёз ключи. Спасибо.*»

✔ прочитано.

«*Спасибо за ужин.*»

✔ прочитано.

«*Пальчики в полном порядке.*»

✔ прочитано.

Он не отвечает.

Он просто читает.

Ждёт.

Я не выдерживаю. Пальцы набирают вопрос, от которого у меня внутри всё скручивает.

«*Зачем вы меня поцеловали?*»

Отправляю. Молча втыкаюсь в экран. Пять секунд — и ответ.

«*Захотел.*»

Я замираю. Это всё? Захотел? Он так просто о таких вещах говорит?

Откладываю телефон на тумбочку, прижимаю ладони к щекам, чувствуя жар под кожей.

В голове вспыхивает мысль о забытых в ма-

шине цветах. Чёрт. Я схватила со стола ключи, накинула на плечи тёплую кофту — мягкую, уютную, с запахом дома — и, стараясь не издать ни звука, выскользнула на первый этаж. Дом погружён в полумрак и сонную тишину. Шаги едва касаются пола, сердце бьётся чуть быстрее от этого маленького ночного приключения.

На лёгком бегу я добралась до своей машины, где под мягким светом уличного фонаря ждал меня тот самый букет — огромный, роскошный, белоснежный. Орхидеи пахли так, словно только что сорваны в саду, где вечная весна. Я осторожно открыла заднюю дверь, и аромат тут же окутал меня, будто мягкое облако, словно целый рай в моих руках.

Так же бесшумно пробравшись обратно, я направилась на кухню. Взяла вазу — хрустальную, прозрачную, словно созданную именно для этих цветов — наполнила её прохладной водой, наблюдая, как тонкие пузырьки поднимаются к поверхности. Орхидеи аккуратно опустились в неё, их лепестки дрогнули от касания воды.

Я бережно обняла вазу обеими руками, словно боялась расплескать эту красоту, и поднялась наверх, стараясь не выдать себя ни единым звуком.

На цыпочках вошла в свою комнату. Там пахло

свежим бельём и ночной прохладой. Я поставила цветы на стол напротив кровати, чтобы просыпаясь, первым делом видеть эту утонченную белоснежную роскошь. Лепестки отбрасывали лёгкие тени на стену, а комната наполнилась тонким, изысканным ароматом, от которого внутри стало чуть теплее.

На мгновение я замерла, разглядывая этот небольшой оазис посреди ночи. И только тогда позволила себе тихо выдохнуть.

— Ах ты... Уинтерс... — выдыхаю я в темноту комнаты, откидываясь на кровать.

Но заснуть теперь будет непросто..

Глава 10. "Тонкая грань"

--- ~ Александр Уинтерс ~ —-

Дэвид осторожно закатывает кресло по холлу, словно очередную фамильную ценность Уинтерсов. Колёса гулко катятся по мрамору, отражая раздражение, что клокочет у меня внутри. Он снова тащит меня, как хрупкий фарфор. Будто вот-вот уронит, разобьёт. Порой я сам себя так чувствую. Осколком. Будто я не мужчина. А то, что осталось после взрыва.

Твою мать, как я ненавижу эти взгляды.

Дэвид молчит, как обычно.

Он знает, что лучше меня не трогать, когда я такой. Я не отвечаю ни на одно его слово, просто позволяю закатить кресло в гостиную.

Дом встречает тишиной.

Лишь глухой звук шин по мрамору. Я почти не слышу его из-за пульса в висках.

Срываю пиджак, бросаю на подлокотник кресла, прокатываюсь к бару, достаю бутылку виски. Наливаю почти полный стакан и подношу ко рту.

Обжигающе.

Точно так же жжёт внутри.

Знаю, о чём думают люди, когда смотрят на меня. Жалость. Страх. Вина.

И даже те, кто считает, что скрывают свои мысли, не понимают, насколько я читаю их насквозь. Я прожил в этой броне слишком долго, чтобы верить в искренность.

И если бы не она...

Если бы не её глаза, чёрные, как ночь без звёзд, я давно бы окончательно смирился. Жил бы как привык. Разбирал бы дела, разбивал компании, рубил сделки, сидя в этом треклятом кресле. Привычно. Холодно. Цинично.

Но она… Тесса Чон с её ровной спиной и упрямыми бровями, с кофейными глазами, от которых становится тесно в груди.

Неотвратимо.

Её взгляд не жалел меня.

Никогда.

И не восхищался тем, что я Уинтерс.

Смотрела просто.

Видела меня, а не мой паралич.

Не фамилию.

Не деньги.

Меня.

Её глаза — глубокие, тёмные, в них нет ни кап-

ли жалости.

Там — интерес. Там — что-то ещё. Что-то, от чего я давно отучил себя мечтать.

И это выбивает почву из-под ног сильнее, чем любая болезнь.

Сегодня я не выдержал.

Пригласил её на ужин.

Да, как будто всё случайно, по-дружески, по-деловому. Ха. Смешно самому от этой наивной игры.

Не должен был.

Не хотел.

Но снова проиграл себе.

Её смущение, когда она пришла, напоминало мне раннюю весну. Когда холодный воздух, но солнце уже жжёт кожу.

Она горела.

Боялась, но шла дальше.

Мне нравилась эта её двойственность: трепет и сила.

Когда она стояла передо мной, выговаривая, что «по корпоративным нормам» неэтично совмещать работу и… чёрт, я уже не слушал.

Я думал о том, как сдёрну с неё эту одежду. Как будут дрожать её бедра у меня на коленях. Как она тихо выдохнет моё имя, когда я коснусь её губ.

А как она хотела снять с меня брюки в кабинете…

Я хрипло рассмеялся, вспоминая. Но Грейсон с Кристианом, эти двое идиотов, выбрали идеальный момент. Вломились в кабинет, словно у нас семейный совет..

Я бы взял её прямо там, в моём кресле. На моём столе. На полу. Где угодно. Но она сбежала, как Золушка с бала. Оставив после себя аромат шампуня спелой вишни. Моя Вишенка. И да, я знаю, что прозвища — глупость. Но мне плевать.

Теперь вот сижу у окна, пью виски.

Сам себя раздражаю.

Пьян, наверное. Или нет. Уже не важно.

Лёд в стакане тает быстрее, чем я выпиваю, а мысли медленнее, чем хотелось бы. Что я делаю, твою мать?!Какой, к чёрту, Уинтерс может позволить себе думать о чувствах? Это слабость. Она не выберет меня.

Не должна выбирать.

Твою мать, Тесса.

Зачем она здесь? Зачем появилась в моей жизни? Разве ей нужен мужчина, который не может подняться с кресла? Нет.

Я в инвалидном кресле. Мужчина, у которого нижняя половина тела — напоминание о слабо-

сти и боли.

Кто я ей? Жалость? Благотворительность? Увлечение?

Плевать. Но когда думаю, что она может быть с другим… С этим Эн-д-рю… Я готов взорвать грёбаный город. Я приказал собрать о нём всю информацию. Узнал всё. До последней грязной подробности. Его измены, его пошлые фотографии с дочкой какого-то придурочного конгрессмена… Он даже не удосужился ей признаться, она бы до сих пор жила бы в иллюзиях. Я сделал это за него. Сломал эту иллюзию. Разбил её мечты… своими руками. Идиот.

Меня разрывает изнутри при мысли о том, что она могла принадлежать кому-то ещё.

Почему это так важно? Почему я чувствую, будто она уже моя, хотя не имею на неё никакого права?

Снова тишина.

Только лёд в бокале негромко стукает о стекло. И я пишу ей. Смс за смс. Как мальчишка.

"***Спасибо за ужин, Крошка."***

"И за то, что было после."

И чем дольше не отвечает, тем больше я бешусь.

Снова пишу.

"***Как твои сладкие пальчики?***"

Идиот. Чёртов идиот.

Мне нравится называть её так. Крошка. Моя.

Никакого права. Но мне плевать.

Вдруг телефон светится.

Сообщение. Тесса. Улыбка сама всползает на губы, и я ненавижу себя за эту глупую надежду.

Чувствую, как сердце стучит быстрее.

Это глупо. Это не имеет смысла.

Но я нажимаю.

Читаю. Она пишет, благодарит. Сообщает, что Дэвид привёз ключи. Мелочь, но будто кто-то раскрыл окно в комнате, где я задыхаюсь. И потом… её вопрос.

"***Зачем вы меня поцеловали?"***

Я смотрю в экран.

И сам себе отвечаю. Почему?

Ладони сжимаются в кулаки.

Как ей сказать, что я хотел гораздо большего? Что я до сих пор хочу большего?

Потому что её губы созданы для моих поцелуев.

Потому что хочу сорвать с неё всю эту правильность, воспоминания о долге, семье, традициях. Потому что хочу быть последним и единственным мужчиной, которого она познает.

Нет.

Я не могу этого написать. Не имею права.

Поэтому отвечаю коротко.

"Захотел."

В этих словах — всё, что я могу ей дать сейчас.

И всё, что я боюсь ей дать. Потому что, если она сделает хоть шаг навстречу… Я не смогу остановиться. Она молчит. И пусть. Но я всё равно думаю о ней. Думаю о том, как она смеётся. Как говорит, переводя взгляд. Как вздрагивает, когда я приближаюсь. Она пробирается ко мне под кожу. И я ничего не могу с этим поделать.

Я хочу её.

Но не могу позволить себе этого. Мир слишком грязный, чтобы верить в чистоту чувств. Она хорошая. А я слишком испорчен, чтобы её заслужить. Но если бы она сказала "да"…Я бы продал душу, чтобы снова испытать, как её губы дрожат под моими. И даже чёртово кресло не помешает мне доказать ей, что я всё ещё мужчина. И что она будет моей.

Сижу в полумраке, разглядывая отражение в стекле.

Кто этот человек, смотрящий на меня? Мужчина, который потерял всё. И который готов на всё, чтобы получить её. Тессу. Мою Вишенку. Не могу

позволить. Но не могу и отказаться.

Я снова наливаю виски, медленно обхватывая стакан ладонью.

Телефон молчит. Но внутри меня война. Между тем, кем я был. И тем, кем становлюсь рядом с ней.

После самобичевания и внутреннего противоречия я отправился в душ. Долго просидел под ледяной водой, надеясь, что холод заглушит кипящий внутри пожар. Не помогло.

Взобрался на кровать, раскинул руки, уставился в потолок. Сон не шёл, мысли сводили с ума.

Но стоило мне закрыть глаза, как реальность растворилась.

Тёплый воздух. Запах свежей травы, цветов, влажной земли после утренней росы. Солнце приглушённое, нежное.

Я стою босыми ногами на лужайке, зелёные стебли щекочут кожу.

Босыми.

Осознание приходит не сразу. Но когда я понимаю, что чувствую ноги, что могу ими двигать, что я стою — настоящий, цельный, а не прикованный к чёртову креслу — мне хочется засмеяться.

Ага. Мечты космонавта.

Часть мозга всё равно помнит, что мои ноги

бесполезны. Но чувствовать это — что-то из ряда фантастики.

И вместе с этим я ощущаю что-то другое.

Лёгкое прикосновение.

Вижу, как по моей груди скользит чья-то рука. Женская. Нежная, маленькая. Она гладит, выводя узоры, заставляя кожу отзываться на каждое прикосновение. Горячо.

Хватаю за запястье, оборачиваюсь. И замираю.

Дыхание, сердце, глаза. Всё внутри замирает.

Тесса.

Она лежит рядом, прижимается ко мне, накрывая моё тело своим. Её тёмные волосы каскадом спадают на лицо, губы приоткрыты в лукавой улыбке. Она смотрит на меня… по-настоящему.

— Ну что, дорогой? Давай вставай! Хватит валяться без дела, — её голос звучит звонко, тепло, слишком реально.

Я в шоке смотрю на неё.

— Ты сейчас издеваешься надо мной?

Она хихикает, наклоняется ближе, её волосы щекочут моё лицо.

— Ну же, вставай! — её пальцы скользят по моему плечу, потом ниже, к руке, и она начинает тянуть меня вверх.

Я как околдованный тянусь к ней.

Чувствую, как меня окутывает тепло, кожа горит от её прикосновений.

Пальцы теряются в её волосах, я притягиваю её ближе, вдыхаю её запах, сладкий, дурманящий. Тесса нависает надо мной, её губы дрожат, приоткрываются, я готов утонуть в этом…

Она лукаво смотрит на меня, продолжая тянуть за собой.

Я иду.

Нет.

Я не просто иду. Я хочу идти за ней.

Она ведёт меня в глубину сада, туда, где кусты роз сплетаются в живую арку. Ветер раскачивает ветви, солнце пробивается сквозь листву, и где-то в этом танце света и тени она оборачивается ко мне.

Смотрит.

Я тону в её глазах.

Её рука скользит выше, по шее, пальцы чуть касаются моих губ. Я хватаю её за запястье, притягиваю ближе.

— Ты затеваешь опасную игру, малышка, — голос дрожит от сдержанной страсти.

— Не переживай, я знаю правила игры, — шепчет она, губами касаясь моей щеки.

Мгновение. И её губы оказываются на моих.

Мягкие. Тёплые. Жадные.

Поцелуй взрывается внутри меня. Я вдавливаю её в себя, смакуя каждый миг. Её руки сжимают мою рубашку, тело прижимается теснее, я чувствую её биение сердца. Оно бьётся в такт с моим.

Я хочу её.

Здесь, сейчас, без сожалений.

— Александр!

Мир рушится.

Рывком распахиваю глаза.

Сон улетучивается, оставляя после себя ломающее изнутри желание.

Мамина рука на моём плече, встревоженный взгляд.

— Сынок, проснись!

— О боже, Виктория, оставь его в покое! Сейчас он проснётся, — голос отца, раздражённый, властный.

Отец стоит рядом, смотрит на меня с непроницаемым выражением.

— Что случилось? — мой голос хриплый, наполненный сном и остатками того, что я только что пережил. — Почему вы здесь так рано?

— Ты не отвечал на звонки, и мама сильно переживала, поэтому мы здесь, — объясняет отец.

— Александр, ты заболел? Ты такой бледный. Нужно вызвать врача, Уильям, — запричитала мама.

— Мама, не нужно. Со мной всё в порядке. Успокойтесь! — рычу я. — Просто… дайте мне минуту. Вы не против?

— Да-да, сынок, — мама хлопочет вокруг, как обычно. — Мы ждём тебя в гостиной.

Как только дверь закрывается, я откидываюсь на подушку и тяжело выдыхаю.

Этот сон… он был слишком реален.

И, чёрт возьми, я хотел бы вернуться в него снова.

Я закрыл глаза, пытаясь снова утонуть в этом проклятом сне. Там, в той иллюзорной реальности, Тесса смотрела на меня с теплом, её пальцы едва ощутимо касались моей кожи, будто я — не сломанный мужчина, а тот, кто способен стоять рядом с ней.

Но, чёрт возьми, этого не случится.

Всё это — ложь.

Резкий гул в висках вернул в реальность. Чёрт, снова это ощущение — разрыв между тем, чего я хочу, и тем, что никогда не получу.

Протянув руку, я нащупал кнопку звонка. Почти сразу дверь отворилась, и в комнату вошёл

Арчи.

— Доброе утро, мистер Уинтерс.

Доброе? Какое нахрен доброе?

— Вам помочь?

— Нет. Накрой завтрак для родителей.

— Да, сэр.

Когда он ушёл, я провёл рукой по постели, словно проверяя, был ли кто-то рядом. Конечно же, нет.

Ещё бы.

Всё, что мне хотелось, — это снова оказаться там, среди зелёной лужайки, с её рукой на моей груди. Хотелось снова услышать её смех.

Я сжал пальцы в кулак.

Почему именно она? Почему сейчас? Словно судьба смеётся мне в лицо, издеваясь над тем, чего я никогда не смогу иметь.

Грудь сдавило, злость вспыхнула мгновенно, толчком. Сон — всего лишь иллюзия, но, проснувшись, я ощущаю себя ещё беспомощнее, чем прежде.

Я поднялся, цепляясь за поручень, и, перетянув своё бесполезное тело в кресло, направился в ванную.

Тусклый свет резанул глаза. В зеркале на меня смотрел мужчина, в глазах которого отражалось

слишком многое.

Боль. Гнев. Желание. Тоска.

Я вымыл лицо, провёл рукой по щетине. Надо бы побриться.

Серые, почти потемневшие глаза, щетина, напряжённая линия челюсти. Тёмные круги под глазами напоминали о ночах, наполненных кошмарами и ненавистью к самому себе.

Я хотел её.

Тессу.

И ненавидел её за это.

Она вцепилась в моё сознание, проросла в мыслях, не оставляя мне ни шанса на покой.

Но внизу ждала другая проблема — мама.

Её вечное беспокойство, её попытки спасти меня от того, чего спасти уже невозможно. Для неё я всё ещё тот самый мальчишка, которого нужно оберегать.

Как же это бесило.

Я быстро привёл себя в порядок, надел рубашку, закатал рукава, выехал из комнаты.

Внизу отец что-то говорил по телефону, а мать уже ждала меня с чашкой кофе.

— Александр, нам нужно поговорить.

Я медленно поднял на неё взгляд.

— О чём?

— О тебе. О твоей жизни.

— Со мной всё в порядке.

— Нет, не в порядке.

Я стиснул зубы.

— Виктория, — вмешался отец, — не сейчас.

Но мать продолжила:

— Я вижу, что ты мучаешься. Ты отдаляешься от нас, от семьи, от всего мира.

— И? — холодно бросил я.

— Может, тебе стоит впустить кого-то в свою жизнь?

Я замер.

— Ты говоришь, будто у меня нет женщин.

— Есть ли?

Тишина.

Я не ответил.

Потому что она права. После аварии, после предательства Изабеллы, я не был с женщиной. Да и не думал об этом. До одного дня. Пока в моей жизни не появилась Чон.

— Вот видишь, — она вздохнула. — Сынок, я не могу видеть тебя таким.

— Мам, хватит.

— Нет, выслушай меня. Я долго ждала, пока ты оправишься от случившегося. Но жизнь идёт дальше, и... и к тому же... — замялась мама.

— Ну договаривай уже, мама, — сержусь я..

— Изабелла вернулась... она очень сожалеет и хочет встретиться с тобой.

Моё терпение лопнуло.

— Так! Всё! Хватит! — терпение моё лопнуло..

В этот момент в гостиную вошёл Арчибальд.

— Мистер Уинтерс, завтрак подан.

Я даже не смотрю в его сторону.

— Подготовь машину.

Он кивает и уходит.

Я поворачиваюсь к родителям:

— Завтрак подан, приятного аппетита вам, — говорю, разворачивая кресло.

— Но, Александр... — говорит мама.

— Всё, мама. Больше не говори мне об Изабелле. Она сделала свой выбор.

Подъехав к лифту, я нажал кнопку. Двери открылись, и я въехал внутрь.

Мне нужно было выбраться из этого дома, из этой удушающей атмосферы.

А главное — из собственных мыслей о Тессе.

Двери лифта закрываются, отрезая меня от их взглядов, полных беспокойства и навязчивого желания контролировать мою жизнь.

Я сжимаю подлокотники кресла, чувствуя, как гнев медленно кипит внутри.

Изабелла.

Это имя, которое я давно похоронил, которое стало для меня синонимом предательства и боли. И вот теперь мать посмела сказать мне, что она хочет вернуться?

Как будто можно просто стереть все, что было, одним взмахом руки.

Лифт плавно опускается вниз, и я вжимаюсь в спинку кресла, закрывая глаза. Я не позволю этой женщине снова войти в мою жизнь.

Никогда.

Когда двери открываются, я резко выезжаю в холл. Дэвид уже стоит у выхода, держа двери машины открытыми.

— Куда направляемся, сэр? — с уважением спрашивает он.

Я на секунду задумываюсь. В офис? Нет. Сегодня не тот день.

— Просто поезжай.

— Конечно, мистер Уинтерс.

Сколько бы меня не возил по городу Дэвид, в конечном итоге я всё равно приехал в холдинг.

Но какого было моё удивление, когда я увидел Тессу и Грейсона мило беседующих в холле.

Какого хрена вообще?

Меня охватила ужасная злость.

На Тессу, что так мило улыбается моему младшему брату. На самого Грейсона за сам факт его существования. На самого себя, потому что не могу встать с этого чёртового кресла и просто взять то, что так отчаянно хочу.

Я сжал подлокотники кресла, вонзая пальцы в кожу. Грейсон. Этот ублюдок всегда умел вывести меня из себя. Но сейчас… Сейчас он разговаривал с ней.

Грейсон увидел меня первым. Его губы тронула ухмылка, слишком самодовольная.

За его взглядом проследила Тесса, и её глаза встретились с моими.

Чёрт.

Моё сердце тут же затрепетало при виде этой девушки.

Блять. Я не хочу так на неё реагировать. Не хочу.

— Доброе утро, Алекс, — весело приветствует меня Грейсон.

— Ага, да. Доброе, — я делаю лицо беспристрастным, хоть внутри уже всё закипает. — Вижу.

— Здравствуйте, мистер Уинтерс, — вежливо говорит Тесса. — Грейсон, приятно было познакомиться с вами, я пойду.

Тесса посмотрела на меня. На одно мгновение

я уловил нечто в её взгляде. Что это было? Вина? Смущение? Или же мне просто хочется верить, что ей не всё равно?

— Увидимся, Тесса, — отвечает Грей.

Увидимся?

Ещё чего. В следующей жизни если только.

Но и там не допущу этого.

Чёрт, я не мог избавиться от этого ощущения, словно кто-то вгрызся в мою грудь и тянет жилы.

Тесса быстро скрывается в коридоре, а я перевожу тяжёлый взгляд на брата.

— Ты что-то сюда зачастил, — говорю, прищурившись.

— А то. У тебя тут такие девушки работают. Я вообще подумываю занять своё кресло рядом с тобой в управлении.

Я рассмеялся, но в этом смехе было мало веселья.

— Ну, если только сядешь вместо меня в это кресло, — бросаю ему чёрную шутку.

Грейсон усмехается.

— Нет, дорогой братец. Оставь это кресло себе, оно тебе отлично подходит.

Я сжал челюсти.

Желание вмазать ему по самодовольной роже было слишком велико. Мы никогда не ладили. В

детстве я мог ему противостоять, теперь же — я привязан к этому чёртову креслу, и он прекрасно это знал.

— И зачем ты здесь, Грейсон? — процедил я.

— Просто решил заглянуть. Да и хотелось посмотреть, как ты справляешься. — Он делает паузу. — Вижу, у тебя тут кое-кто интересный работает.

Я напрягаюсь.

— О ком это ты?

Грейсон хмыкает.

— О Тессе, конечно.

Я сжимаю кулаки, но держу лицо.

— Она мой стажёр.

— Ну, знаешь, — он лукаво ухмыляется, — если ты не против, я бы пригласил её на ужин.

Я медленно поворачиваю голову к нему.

— Ты шутишь?

— А почему бы и нет? Она красивая, умная, и, похоже, ей нравятся мужчины из семьи Уинтерс.

Этого уже слишком.

Я резко разворачиваю кресло к нему.

— Даже не смей.

Грейсон насмешливо приподнимает брови.

— Оу. Я что, попал в больную точку?

— Я сказал, держись. От. Неё. Подальше.

Он делает вид, что размышляет.

— Расслабься, братец. Или ты боишься, что она выберет меня?

Я сжимаю зубы.

— Убирайся, Грейсон.

— Ладно, ладно, не кипятись. Просто мысли вслух.

Он бросил на меня последний взгляд, полный самодовольства, а затем удалился, насвистывая что-то себе под нос.

Я смотрю ему в спину, а внутри всё пылает яростью.

Если этот ублюдок действительно посмеет прикоснуться к Тессе…

Чёрт...

Я сотру его в порошок.

Глава.11. "Между двумя мирами"

---~ ***Тесса*** ~--

Что это сейчас было?!

Александр смотрел на меня так, будто я его предала. В его глазах бушевала злость, губы сжались в тонкую линию, а челюсть напряглась настолько, что, казалось, он готов был кого-то убить. Меня? Возможно.

Может, дело в том, что я не ответила на его сообщение? Чушь. Это просто глупо. Но в груди всё равно неприятно заныло от этой мысли.

А знакомство с его младшим братом — это вообще шок. Грейсон был полной противоположностью Александра: общительный, обаятельный, открытый. С ним легко говорить, он буквально притягивает к себе людей.

Александр же… холодный, отстранённый, скрытный. Он держит всех на расстоянии, будто боится подпустить кого-то ближе.

Но именно рядом с ним у меня замирает сердце.

Я вздохнула, пытаясь прогнать странные мысли, и быстрым шагом направилась к лифту.

Когда я поднялась на свой этаж, в отделе уже кипела работа. Юристы ходили между кабинетами, ассистенты с кипами бумаг переговаривались, кто-то на ходу обсуждал судебные процессы. Здесь всегда было так — жизнь не останавливается ни на секунду.

Я вошла в кабинет, где Джейкоб уже полностью погрузился в работу.

— Доброе утро, Джейк, — сказала я, закрывая за собой дверь.

Он мельком взглянул на меня, не отрываясь от документов.

— Доброе… Ты опоздала.

— Меня задержали, — пожала я плечами.

Джейкоб поднял голову и прищурился:

— Кто?

— Грейсон Уинтерс. Мы случайно встретились в холле.

— Грейсон? Что он здесь забыл?

— По его словам, приходил к Александру. Но его не оказалось в кабинете.

Джейкоб усмехнулся, качнув головой.

— Будь осторожнее с Грейсоном. Он… скользкий тип.

Я нахмурилась.

— Почему ты так говоришь?

— Просто совет, Тесс. Он умеет обольщать, манипулировать. У него свои цели, всегда.

Я медленно кивнула. В голосе Джейка звучало что-то странное — не просто недоверие, а что-то большее.

— Поняла тебя, — ответила я.

Он посмотрел на меня, словно оценивая, насколько я серьёзно восприняла его слова, затем перевёл взгляд на документы.

— Ну что, приступим к работе?

— Конечно.

— Отлично. Тогда начни с этих судебных дел.

Он сдвинул в мою сторону внушительную стопку папок.

Я подавила вздох и принялась разбирать бумаги, но мысли всё равно ускользали в другое русло.

Грейсон. Александр. Два брата, такие разные. Один — лёгкий, улыбчивый, будто луч солнца. Второй — мрачный, отстранённый, словно буря, готовая сорваться в любую секунду.

Но почему сердце бьётся быстрее только рядом с Александром?

Я не сразу обратила внимание, но среди судебных дел, которые разбирала, оказались два дела, подписанные Александром Уинтерсом. Я

нахмурилась — разве он когда-то передавал свои дела в чужие руки?

— Джейкоб, пока я разбирала дела, то заметила, что Александр Уинтерс был ведущим адвокатом фармацевтической корпорации в Нью-Йорке.

Джейкоб приподнял голову от бумаг и задумчиво потер подбородок.

— Странно… Он никогда не передаёт свои дела.

— Может, ошибка?

— Можешь передать их через Лианну… или отнести сама. — Он хитро посмотрел на меня. — Заодно узнаешь, как он себя чувствует.

— Думаю, он чувствует себя прекрасно.

— Всё равно сходи. И передай, что мне нужно с ним кое о чём поговорить. Пусть на обед ничего не планирует.

Я тяжело вздохнула, понимая, что спорить бессмысленно.

— Хорошо.

Поднявшись со стула, я взяла папки и направилась к кабинету самого холодного человека в этом здании.

Лифт слишком быстро поднял меня на его этаж. Проходя по коридору, я столкнулась с Дженной и Кэссиди.

— Вау, вы только гляньте, кто до нас дошёл!

Сама Тесса Чон! — с улыбкой сказала Кэссиди, обнимая меня.

— Привет, девочки! Я так соскучилась по вам.

— Мы тоже скучали, — подмигнула Дженна.

— Какими судьбами? — поинтересовалась Кэсс.

— Мне нужно передать дела мистеру Уинтерсу.

— Ох, ты всегда вовремя, Тесс, — рассмеялась Дженна. — Сегодня наш босс с утра не в духе. Может, тебе повезёт.

— Повезёт, как утопленнику, — пробормотала я.

Но выбора не было.

— Кстати, Тесс, на обеденный перерыв ты наша. И вечером тоже ничего не планируй.

— А вечером что за планы?

— Едем в*Сити-Молл*выбирать платья.

Я улыбнулась.

— Хорошо, я вся ваша.

Направляясь к кабинету Уинтерса, я встретила Тину.

— О, Тесса…

— Привет, Тина. Могу пройти к мистеру Уинтерсу?

Она закатила глаза.

— Если честно, он сегодня метает молнии.

Я вздохнула.

Постучавшись, вошла в кабинет.

— Я же сказал меня не беспокоить! Что не понятного?! — рявкнул Александр.

Я замерла у двери.

— Прошу прощения за беспокойство…

Он поднял голову. Его холодные глаза впились в меня, заставляя сердце на мгновение остановиться.

— В чём дело?

— Так получилось, что два ваших судебных дела случайно попали в наш отдел, — произнесла я, подходя ближе.

— Покажи, — его голос звучал ровно и твёрдо.

Я передала ему папки. Он открыл их, изучая бумаги.

— Эти документы попали к вам не случайно.

— Что? — я нахмурилась. — Но Джейкоб сказал, что вы не передаёте свои дела…

— Верно, — спокойно ответил он, откидываясь на спинку кресла. — Я передал их, чтобы ты ознакомилась с тем, над чем мы будем работать.

— Ознакомилась? — повторила я, не понимая, к чему он клонит.

— Да. Потому что через три дня мы уезжаем в

Нью-Йорк. У нас судебное разбирательство. Если всё пойдёт по плану, вернёмся через четыре дня.

Я уставилась на него, словно он только что объявил, что мы летим на Луну.

— Под словом «мы»… вы имеете в виду?..

— Ты и я, — его голос прозвучал бескомпромиссно. — Через три дня вылетаем в Нью-Йорк.

Я открыла рот, но слова застряли в горле.

Командировка. В Нью-Йорк. На несколько дней. С Александром Уинтерсом.

— Что-то не так? — его голос был ровным, но я уловила в нём скрытую усмешку.

Я быстро захлопнула рот и сглотнула.

— Просто… неожиданно, — призналась я, стараясь сохранять спокойствие. — Обычно стажёров не отправляют на такие дела.

Александр сложил руки на груди, пристально наблюдая за моей реакцией.

— Ты уже не просто стажёр, Тесса. Ты работаешь в юридическом холдинге, а не в студенческой лаборатории. Пора привыкать к ответственности.

Я прикусила губу, злясь на себя за эту реакцию. Чёрт, я должна быть профессионалом.

— Конечно, мистер Уинтерс. — Я выпрямилась. — Буду готова.

— Хорошо. Выезд в среду утром. Билет и детали

поездки получишь от Тины.

Он кивнул, давая понять, что разговор окончен.

— Мистер Уинтерс, Джейкоб хотел бы встретиться с вами на обеденный перерыв, и обговорить несколько вопросов, — сказала я, держась ровно, хотя его пристальный взгляд уже начинал прожигать меня насквозь.

Александр не сразу ответил.

Он смотрел на меня, прищурив глаза, словно оценивая что-то, что было видно только ему.

— А ты с кем на обед идёшь? — его голос прозвучал ровно, но в нём было что-то… контролирующее.

— Я встречаюсь с Дженной и Кэссиди, — сказала я, немного растерявшись от неожиданного вопроса.

— Ммм… — он кивнул, и на миг мне показалось, что уголки его губ чуть дрогнули, но, возможно, это было просто игрой света.

Я уже собиралась развернуться, но его голос остановил меня прямо у двери:

— Подожди.

Я повернулась обратно, сжимая в руках планшет.

Александр лениво откинулся на спинку кресла,

сцепив пальцы в замок. В его взгляде появилось что-то новое — что-то изучающее, почти… собственническое.

— Ты часто с ними обедаешь, — заметил он будничным тоном.

— Ну… да, — я моргнула, начиная ощущать странное напряжение в воздухе. — Мы давно дружим, и…

— И о чём же вы обычно говорите за обедом?

Я нахмурилась.

— О чём девушки могут говорить? О работе, жизни, иногда обсуждаем новости…

— Новости, значит, — повторил он, слегка качнув головой.

В его голосе послышалась едва уловимая насмешка.

— Ну да… — я слегка пожала плечами.

— И о мужчинах тоже?

Я почувствовала, как мои щёки вспыхнули.

— Конечно, нет! — слишком быстро ответила я, отчего это прозвучало ещё более подозрительно.

Александр чуть склонил голову, изучая меня взглядом, от которого у меня по спине побежали мурашки.

— Уверена?

— Абсолютно, — я сжала планшет крепче,

словно это могло помочь мне сохранить самообладание.

Он кивнул, но в его глазах промелькнуло что-то опасное.

— Хорошо, если так. Не хочу, чтобы ты обсуждала других мужчин.

Я закатила глаза, решив не отвечать, развернулась, но снова застыла, когда он спокойно добавил:

— Не задерживайся.

Я оглянулась через плечо.

— Простите?

— После обеда, — его голос был ровным, но требовательным. — У нас ещё работа.

Я поняла намёк. Он хотел, чтобы я вернулась точно в срок.

— Конечно, мистер Уинтерс, — сказала я нейтральным тоном и вышла.

Этот мужчина действительно сведёт меня с ума.

Я развернулась и направилась к выходу, но не успела дотянуться до дверной ручки, как он добавил:

— Ах да, Тесса…

Я обернулась.

— Да?

Александр опустил взгляд на папки в своих руках, а затем снова посмотрел на меня.

— В следующий раз отвечай на сообщения.

Его голос был спокойным, но в нём чувствовалась твёрдая нотка, от которой у меня побежали мурашки по коже.

Я не сразу поняла, о чём он. Но потом… Чёрт. Смс.

Той ночью.

Горячая волна пробежала по телу, но я заставила себя сдержать эмоции.

— Конечно, мистер Уинтерс.

Я вышла из кабинета и только тогда позволила себе выдохнуть.

Что ж… Похоже, эта поездка будет жаркой.

Глава 12. "Границы, которые тают"

--- ~ Тесса ~---

Я шла по коридору, но мысли продолжали кружиться вокруг его слов.

«*Не хочу, чтобы ты обсуждала других мужчин*».

Что за чёрт?

Почему его это вообще волнует? Мы коллеги. Босс и подчинённая. Да, между нами было… что-то непроизнесённое, что-то неразрешённое... Но это не даёт ему права так себя вести.

Я спустилась в холл, пытаясь избавиться от жара, который разлился по моему телу после разговора с Александром. Его тон, его взгляд… Проклятье, он просто мастер в том, чтобы выбивать меня из равновесия.

Мой мозг пытался осознать услышанное, но сердце уже бешено колотилось.

Нью-Йорк.

Несколько дней с Александром Уинтерсом.

Один на один.

Обед с Дженной и Кэссиди — именно то, что мне

нужно. Они помогут мне выкинуть это из головы. Или наоборот, раскрутят меня на анализ ситуации, после которого я сойду с ума окончательно.

— Тесс! — радостно окликнула меня Дженна, как только я вошла в кафе. — Мы уже заказали тебе кофе.

Я направилась к столику, за которым сидели Дженна и Кэссиди, уже наслаждаясь кофе.

— Боги, какая ты напряжённая, — заметила Кэссиди, скрестив руки на груди. — Опять Уинтерс мозги выносит?

Я фыркнула, садясь на стул.

— Я назвала бы это несколько иначе.

— Опять сверлил тебя этим своим ледяным взглядом? — ухмыльнулась Дженна.

— Не без этого… заявил, что не хочет, чтобы я обсуждала других мужчин, — пробормотала я, помешивая кофе.

— Что?! — хором воскликнули обе.

— Ну, он сказал это в общем, но с подтекстом, — призналась я.

Дженна и Кэссиди переглянулись.

— Охренеть, — выдохнула Дженна. — Может, он ревнует?

— Полный бред! — тут же отрезала я, но где-то в глубине души это предположение заставило

меня задуматься.

— Ты правда так думаешь? — подмигнула Кэсиди.

Я хотела ответить, что, конечно, да. Но… на языке так и застряли слова. Потому что сомнения уже поселились внутри.

Всю оставшуюся часть обеда я пыталась не думать об этом. Мы обсуждали платья для вечеринки, последние офисные слухи и планы на выходные. Но мысль об Александре и его странных словах не покидала меня.

Когда я вернулась в офис, то обнаружила, что Джейкоба нет на месте. Отлично. Значит, смогу спокойно поработать и выкинуть весь этот бред из головы.

Я включила ноутбук, но он тут же завис.

— Ты издеваешься, да? — пробормотала я, стуча по клавиатуре.

Ноль реакции. Только бесконечная загрузка и зависшая программа.

С тяжёлым вздохом я вышла из кабинета и направилась к нашему офисному гению.

— Томас, не мог бы ты мне помочь?

— С чем же? — спросил он, поднимая глаза от монитора.

— У меня ноутбук завис, вообще работать не

хочет. Посмотришь, что с ним?

— А что я получу взамен? — с ухмылкой спросил он.

— А взамен я не дам тебе в лоб, — шутливо ответила я. — Так что, поможет мне наш великий мастер технологий или мне идти искать другого гения?

— Ой, ладно тебе, Чон, — фыркнул он. — Давай сюда свой ноут. Посмотрим, смогу ли я спасти его от неминуемой гибели.

Я протянула ему ноутбук и села рядом, наблюдая, как он ловко вводит какие-то команды. Надеюсь работа спасёт меня от мыслей об Александре Уинтерсе. Хотя бы на время.

— Чего это ты такая задумчивая? — вдруг спросил он.

— Да так, ничего особенного, — ответила я, стараясь уйти от темы.

Но Томас не был бы Томасом, если бы не попытался докопаться до сути.

— Ничего особенного, но при этом краснеешь и вздыхаешь каждые пять минут? — поддел он меня.

Я закатила глаза.

— Просто рабочие моменты.

— Ага, рабочие моменты с мистером Уинтер-

сом? — он поднял брови.

— Томас! — возмутилась я.

— Ладно-ладно, молчу. Но если что — я первый в очереди на инсайды, — подмигнул он и вернулся к моему ноутбуку.

Я усмехнулась, но внутри меня всё ещё бурлили мысли об Александре. Что-то мне подсказывало, что эта поездка в Нью-Йорк изменит многое.

---~Александр ~---

Мы уехали с Джейкобом подальше от ушей и глаз. Если он хотел поговорить, то значит, разговор того стоил. Зря он не станет меня дёргать.

Приехав в наш ресторан, мы заняли VIP-комнату. Нам принесли два горячих блюда: стейк «Рибай» с пряным травяным маслом и жареные тигровые креветки в соусе из белого вина с чесноком. К кофе подали лёгкий шоколадный мусс.

Я не стал затягивать:

— Давай рассказывай уже.

Джейкоб облокотился на спинку кресла, скрестив руки на груди.

— Тебе не кажется, что Грей частенько наведываться стал?

Я откинулся назад, пригубил кофе и мрачно усмехнулся:

— Очень даже кажется. Он мне сегодня заявил,

что хочет занять кресло в совете директоров. Ещё и возле Тессы крутится.

Джейкоб усмехнулся, наблюдая за мной с неприкрытым интересом.

— Я смотрю, ты тоже момента не упускаешь. Цветы, ужин… Теперь ещё и дела свои в мой отдел подкидываешь.

Я спокойно посмотрел на него, не выдавая эмоций:

— Не понимаю, о чём ты.

— Ах да? — Джейкоб скептически приподнял бровь. — Ну хорошо. Тогда голову девушке не морочь. На следующей неделе она мне нужна собрана, мысленно и физически.

Его слова вызвали во мне странное, неприятное ощущение. Напряжение внутри сгустилось, как перед грозой. Я медленно поставил чашку на стол и посмотрел на него холодно.

— На следующей неделе я её забираю. Она будет моей ассистенткой.

Джейкоб с прищуром посмотрел на меня и ухмыльнулся. — Так вот для чего ты ей нью-йоркские дела подкинул. Хах, умён.

Я лишь молча наблюдал за ним, но внутри меня бурлило что-то тёмное и необъяснимое.

Джейкоб продолжал улыбаться, будто знал всё

на свете, но одно он не понимал: Тесса уже была в моей орбите. И я не собирался её отпускать.

— Завтра твой день рождения. Какие планы? — спрашивает Джейк, склонившись вперёд с хитрой ухмылкой.

Я фыркаю, откидываясь на спинку кресла.

— Нашёл что спросить. Родители уже составили план, как вывести меня из себя. Очередной вечер, где все будут смотреть на меня с жалостью, будто я нуждаюсь в их сочувствии.

Я тяжело выдыхаю, берясь за чашку кофе, но даже его терпкий вкус не может заглушить раздражение.

— А ты сам чего хочешь? — Джейк склонил голову набок, наблюдая за моей реакцией.

— Хотелось бы чего-то другого… — бросаю вполголоса.

— Чего же? — ухмыляется он, явно зная, куда копать.

Я лишь пожимаю плечами, не желая развивать тему, но он, конечно, не отступает.

— Можно вопрос? — спрашивает он, теперь уже серьёзнее.

— Говори.

— Ну… ты вообще можешь с женщиной... или?

Мои пальцы на секунду замирают на чашке.

Я поднимаю на него взгляд, полный холодного предупреждения.

— После аварии я не был с женщиной. — произношу ровно.

Джейк на мгновение теряет свой задор, но тут же снова приходит в себя, ухмыляясь краешком губ.

— Думаю, Тесса исправит это недоразумение. Тем более, что между вами такое напряжение, что можно генератор заряжать.

Моё дыхание становится глубже. Я чувствую, как внутри меня закипает раздражение. Джейк отлично знает, куда бить.

— Мы с Чон придерживаемся только рабочих взаимодействий. — говорю с нажимом.

— Ну конечно, конечно… И в Нью-Йорк ты тоже её забираешь только по рабочим моментам? — протягивает он, подняв бровь.

— Ай, всё, заткнись! — рычу я, бросая салфетку на стол.

Джейк лишь усмехается, качая головой. Он слишком хорошо меня знает. Слишком хорошо понимает, что я сейчас вру в первую очередь себе.

Глава 13. "Предатель в тени"

-- ~ Тесса ~--

Я сидела в кабинете, разбирая завершённые судебные процессы, когда дверь распахнулась, и внутрь зашёл Джейкоб.

— О, ты уже вся в работе, — усмехнулся он, бросив взгляд на кипу документов. — Обработала файлы, которые я тебе скинул на почту?

Я оторвалась от экрана и устало вздохнула:

— К сожалению, нет. Мой ноутбук завис. Программа просто отказывается работать.

Прежде чем Джейкоб успел что-то сказать, дверь снова открылась, и в кабинет со стуком вошёл Томас, держа в руках мой ноутбук.

— Джейкоб… Тесса… Ну что, радость моя, новости неутешительные. Я посмотрел твой ноут, — начал он, нахмурившись. — И могу сказать, что он забит вирусами под завязку. Пытался хоть как-то его реабилитировать, но оказалось сложнее, чем я предполагал. Нужно обратиться в тех. отдел.

— Вирусы? — нахмурился Джейкоб. — Какого чёрта? Что за вирусы? У нас же стоит защита,

последняя модель. Она не должна была пропустить угрозу!

— Конечно, стоит, но, как оказалось, этого недостаточно, — Томас покачал головой. — Вирус проник через USB-носитель. Кто-то явно постарался.

Его слова повисли в воздухе. Через секунду оба мужчины синхронно уставились на меня, в их взглядах читался немой вопрос.

Я моргнула, пытаясь понять, в чём дело, а потом, осознав намёк, возмущённо вскинула брови.

— Почему вы на меня так смотрите? — оторопело спросила я. — Все данные мне приходят либо на почту, либо я вношу их вручную в систему!

— Мы тебя не обвиняем, Тесс, но ты работаешь с самыми важными документами, — осторожно сказал Джейкоб. — Нам просто нужно понять, откуда это пришло.

Джейкоб медленно выдохнул, затем перевёл взгляд на Томаса:

— Ладно, с этим разобрались. Отнеси ноут Тессы в тех. отдел, пусть разберутся, а ей принеси замену на первое время.

Томас кивнул и вышел.

Джейкоб подошёл к столу, поставил передо мной свой ноутбук.

— Пользуйся пока моим. Но у тебя есть время до вечера, чтобы закончить с этими вопросами.

Я кивнула, принимая технику.

— Ладно, я на совещание. Если что-то срочное, звони, хорошо?

— Принято, босс, — пробормотала я, включая ноутбук..

Он чуть улыбнулся краем губ и скрылся за дверью.

Когда дверь закрылась за ним, я задержала дыхание, чувствуя, как внутри нарастает беспокойство. Вирус в системе, неизвестный источник заражения… А ведь я работаю с конфиденциальными документами. И если кто-то целенаправленно пытался их взломать, значит, впереди нас ждут проблемы. Большие проблемы.

--- ~ *Александр* ~ —-

Я собрал всех начальников и заместителей по одной очень важной проблеме на сегодняшний момент. Кто-то сливает конфиденциальные и важные документы как конкурирующим компаниям, так и просто на просторы интернета.

Я бы, может, не так уж и сильно волновался, если бы весь этот балаган не снижал наши акции и не портил репутацию не только холдинга, но и фамилию моей семьи.

В зале совещания собрались все.

Начиная от моего отца и младшего ненавистного братца до людей, которые раз в год появляются в этом здании. Конечно же, я как генеральный директор сидел во главе стола. Слева от меня Грейсон, справа — отец и Джейкоб.

Также присутствовал технический специалист Мэйсон, который первым заметил утечку данных.

В зале чувствовалось напряжение. Все смотрели друг на друга с подозрением и недоверием.

— Так, — я хлопнул ладонью по столу, привлекая всеобщее внимание. — Думаю, не стоит затягивать с обсуждением. Кто-то из присутствующих или людей, работающих под вашим началом, решил сыграть против нас. Вопрос один: кто?

— Александр, может, это ошибка? — попытался смягчить ситуацию папа. — Возможно, система дала сбой…

— Система дала сбой? — я хмыкнул. — Тогда объясни мне, отец, почему эти "сбои" происходят уже третий раз за месяц? И как так выходит, что утечки касаются исключительно самых ценных данных?

Тишина.

— Ошибка не стоит компании миллионов. Ошибка не приводит к падению акций. Это предательство. Намеренный слив.

Только тихий стук пальцев Мэйсона по клавиатуре. Он вывел на экран список документов, которые попали в чужие руки.

— Это ключевые стратегии развития, сведения о сделках и переговоры с партнёрами, — разъяснил он. — Кто-то получает доступ изнутри. Это не хакерская атака.

— Мы провели первичный анализ, — продолжает Мэйсон, подключая ноутбук к экрану. — Утечка идёт через внутреннюю систему, но источник пока не выявлен. Кто-то либо использует служебный доступ, либо передаёт данные с носителей.

— Как долго идут утечки? — спросил я, сводя брови.

— Последний месяц. Сначала небольшие фрагменты информации, теперь — целые файлы, — ответил Мэйсон.

— То есть внутри есть крыса? — хмыкнул Грейсон, откидываясь на спинку стула. — Интересно.

— И крыса эта сидит среди нас, — добавил Джейкоб, скрестив руки на груди.

— Не крыса, а целый предатель, — отозвался я, сверля взглядом собравшихся. — Вопрос только

в том, кто.

Все молчали.

Я чувствовал, что кто-то сейчас старательно делает вид, будто ему эта тема неинтересна, но мне нужно было больше информации.

— Нам нужен полный анализ всех действий сотрудников за этот период. Кто имел доступ, кто работал с конфиденциальными документами, кто подключал внешние носители, — приказал я. — Каждый шаг должен быть проверен.

— Это займёт время, — предупредил Мэйсон.

— У вас три дня, — жёстко отрезал я. — Кто бы это ни был, он дорого заплатит за предательство.

Я обвёл взглядом всех присутствующих. В воздухе повисло напряжение. Кто-то знал больше, чем говорил. И я во что бы то ни стало выясню, кто это.

Совещание оставило после себя тяжёлый осадок. Предатель был где-то рядом, а значит, пока он не найден — никто не в безопасности. Все разошлись, но в кабинете остались только отец и Джейкоб.

Я сжал кулаки, чувствуя, как злость накатывает новой волной.

— Надо бы отменить все вечеринки, — рыкнул я, глядя на отца.

— Даже не думай, — твёрдо ответил он. — Твоя мать так старалась, всё спланировала до мелочей. Если ты не придёшь, это её расстроит. А расстроенная женщина — это хуже падения акций.

Я провёл рукой по лицу, сдерживая раздражение. Сейчас не до светских раутов и фальшивых улыбок. Мне хотелось как можно скорее вычислить крысу и вышвырнуть её на улицу.

— Так, Джейкоб. Сообщи Тессе Чон, стажёру нашему, что поездка отменяется на неопределённый срок, — бросил я.

Джейкоб вскинул брови, явно не веря своим ушам.

— Ты серьёзно? — спросил он. — Клиент и так долго ждал. Ты не можешь просто взять и отложить это дело. За пару дней твоего отсутствия здесь ничего не случится.

— Ты едешь в Нью-Йорк? — вмешался отец.

— Видимо, уже нет, — процедил я сквозь зубы.

— Нет, ты поедешь, — уверенно заявил Джейкоб. — Вместе с Тессой и завершишь этот судебный процесс. Или ты собираешься всё бросить на полпути?

Я только собрался возразить, но отец перебил нас:

— Прошу прощения… А кто такая Тесс?

Джейкоб тут же оживился, ухмыляясь:

— Тесса Чон — наша новенькая. Очень хорошая девушка, умная, целеустремлённая. Она сразу после Гарварда пришла. Вас познакомить?

— Джейкоб, успокойся… — предостерёг я.

Но он уже с явным удовольствием наблюдал за моей реакцией. Он прекрасно понимал, что у меня с Тессой непростые отношения, но, похоже, ему доставляло удовольствие дразнить меня.

Отец посмотрел на меня с интересом:

— Значит, она талантливая? Хорошо, когда в компании такие кадры. Надеюсь, ты её ценишь.

— Она перспективный специалист, — сухо ответил я.

— И ещё как ценит! — ухмыльнулся Джейкоб. — Особенно после их… плотного рабочего взаимодействия.

Я пронзил его убийственным взглядом.

— Если не хочешь потерять свой зубной ряд, лучше заткнись.

Джейкоб лишь рассмеялся. Отец же покачал головой и поднялся с кресла.

— Ладно, дети, играйте без меня. Александр, завтра вечером жду тебя на приёме. Не подведи.

Он вышел, оставляя нас вдвоём.

Я сжал челюсти, понимая, что выбора у меня

нет.

Нью-Йоркская поездка всё-таки состоится.

И, чёрт подери, это грозит обернуться не просто рабочей командировкой, а чем-то гораздо большим.

"Дорогие мои, спасибо за ваш интерес и время, проведённое с моей историей! Буду очень рада вашим откликам и комментариям. А если хочется ещё больше эмоций — заглядывайте в профиль, там вас ждут другие увлекательные сюжеты!"

Глава 14. "Алое Искушение"

--- ~ Тесса ~ —-

День закончился благополучно, если вообще это можно так назвать.

Офис будто впал в коллективную тень: все ходили мрачные, сосредоточенные, отрешённые. Даже Джейкоб, всегда балагур и сердце отдела, сегодня был подозрительно тих.

Пара вежливых фраз — и всё.

У него было напряжение в челюсти, взгляд, как у человека, который знает слишком много, но не имеет права делиться. Я ощущала это повсюду — в коротких переглядах сотрудников, в сухом шелесте документов, даже в слишком громком тиканье часов.

После работы мы встретились с девчонками на парковке и без лишних разговоров поехали в*CityPlaza Washington*— элитный торговый дом, жемчужина центра столицы.

Белоснежное здание сияло огнями, как дворец на закате, обещая роскошь, шепот шелка и беззастенчивое соблазнение через ткань и крой.

Внутри было царство эстетики.

Паркет блестел, зеркала отражали потолки, усыпанные хрустальными люстрами. Нас встретили как долгожданных гостей: персональные ассистенты, игристое шампанское, вежливые улыбки, всё на уровне королевского сервиса. В сотне бутиков мы сразу нашли нужный — *Maison d'Étoile*, французский бренд, славящийся своими роскошными вечерними нарядами.

— Так, девочки, — Кэссиди хлопнула в ладоши и повернулась к продавцам. — Нам нужно платье. Но не просто платье. Нам нужно*то самое*, которое поможет этой милой девушке соблазнить большого босса.

— Кэсс! — я чуть не поперхнулась. — Ты с ума сошла? Я не собираюсь его соблазнять.

— Тесс, — вступила Дженна, сдерживая смех. — Мы найдём тебе такое платье, в котором вообще не нужно будет ничего делать. Просто появись в нём, и всё.

— Он увидит тебя — и его холодное, корпоративное сердце растает, — театрально добавила Кэссиди, сверкнув глазами.

Я закатила глаза, но сердце всё же дрогнуло.

Мысль о том, как он мог бы на меня посмотреть — настоящим, внимательным взглядом, не как на стажёра, а как на женщину, — задела что-то

внутри. Я выдохнула и сдалась:

— Ладно. Показывайте.

Час прошёл в вихре примерок, как в кино.

Атлас, бархат, струящийся шифон… Но ни одно платье не цепляло.

Дженна уже нашла идеальный наряд — изумрудное с нежными переливами. Кэссиди, как всегда, блеснула со вкусом и выбрала черное, с провокационным вырезом и глубоким декольте. А я чувствовала себя Золушкой без туфельки — всё вроде красиво, но не моё.

— Если хотите, — вкрадчиво сказала одна из стилисток, — у нас есть один эксклюзивный вариант. Он только поступил, но клиент в последний момент отказался. Это платье не выставлялось. Хотите взглянуть?

— Конечно, — ответила я, чувствуя, как внутри зародился лёгкий трепет.

Она вернулась с чехлом цвета шампанского. Открыла — и я замерла.

Платье было цвета бордо, глубокого, как бокал вина в полумраке. Блестки были в меру, как ночное небо, лишь слегка усыпанное звёздами. На тонких бретелях, с открытой спиной и разрезом до бедра — оно дышало дерзостью и элегантностью одновременно.

Я вошла в примерочную, где мне помогли его надеть. Ткань скользнула по телу, обняла фигуру как влитая. Я вышла — и девочки разом вскрикнули.

— Чёрт побери, ты богиня! — выдохнула Дженна.

— Босс не переживёт, — Кэссиди приложила руку к сердцу. — Мы тут свидетелями преступления станем — покушение на корпоративную стабильность.

Я подошла к зеркалу.

И замерла.

Это была не я — точнее, это была *новая* я. Женщина, уверенная в себе. Женщина, способная покорять залы и мужчин с ледяными взглядами. Женщина, которую даже Александр Уинтерс заметит.

Я посмотрела на отражение и тихо, но уверенно произнесла:

— Я его беру.

…Мы расплатились, и, прижимая золотой чехол с платьем к груди, я вышла из бутика вместе с девочками.

CityPlaza медленно наполнялся вечерними огнями, на фоне стеклянных витрин отражались наши силуэты — и всё казалось каким-то нере-

альным. Как будто это всё не моя жизнь, а кадры из чьей-то романтической драмы.

Нам нужно было немного отдышаться и перевести дух после этого шопинга, и мы решили, что пора бы поужинать. После всех покупок настроение было приподнятым, и я не могла дождаться, когда наконец смогу вернуться домой и оценить платье. Мы выбрали угловой столик в кафе. Кэсс уже делала заказ, а Дженна в это время разговаривала по телефону. В голове всё вертелось, я чувствовала, как нарастает внутреннее напряжение.

Мой телефон в кармане внезапно завибрировал, и я с удивлением достала его.

Сообщение..

На экране — Александр Уинтерс.

"Добрый вечер Тесс. Завтра вечером состоится торжественный приём по случаю юбилея компании. Я бы хотел, чтобы ты присутствовала."

Перечитала. Нет, не пригрезилось.

Я замерла на месте. Девочки тут же склонились ко мне, заглядывая через плечо.

— Что с тобой? — спросила Кэссиди.

— Он меня приглашает...- тихо говорю я.

— Кто это? Он? Он написал? — Дженна чуть не задохнулась от любопытства.

— Александр- отвечаю я им.

Я сделала вид, что ничего особенного.

Я глубоко вдохнула и написала сдержанный, дипломатичный ответ:

"Да я знаю. Джейкоб меня предупредил чтобы присутствовали все сотрудники компании..- ответила на сообщение Александру.

Ровно. Формально. Без эмоций.

Удержалась от лишнего выражения эмоций, будто такие сообщения — моя рутина.

— Ну что там? — волнительно пробивает Кэсс.

— Пишет, что будет корпоративный вечер. Хотел бы, чтобы я пришла, — спокойно проговорила я. — А ты ему что? — Кэссиди хлопает ресницами. — Что все сотрудники обязаны быть на таких мероприятиях. — Типа «ничего личного, босс»? — хмыкнула Дженна.

Телефон снова завибрировал.

Ответ пришёл почти сразу.

"***Нет, Тесса. Я хочу, чтобы именно ты была***

там."

Вот тут внутри что-то сжалось.

Сердце отозвалось глухим ударом, будто он прошёл сквозь экран и прикоснулся к самой сути.

В груди — лёгкое землетрясение. Он не просто пригласил.

Он вытащил из всей толпы. Отделил.

Почему?

Я старалась сохранять спокойствие, но взгляд выдал моё волнение. Дженна прищурилась:

— Ох… ну всё. Он тебя выделил. Это не просто корпоратив, детка. Это приглашение, завёрнутое в красивую обёртку делового повода.

— Ну что, теперь точно не отвертишься, — усмехнулась Кэссиди. — И платье ты выбрала идеальное. Поверь, он не отведёт от тебя глаз. — Ну? — Дженна едва не вырвала у меня телефон. — Он прямым текстом зовёт тебя на свидание в деловом формате. — Это не свидание, — возразила я. — Нет, конечно, — кивнула Кэссиди. — Просто тебе под руку подсунули платье богини и пригласили на вечер с шампанским и дорогими часами. Совпадение. — Очень рабочее совпадение, — подтвердила Дженна.

Я сглотнула и набрала ответ:

"Я приду. Благодарю за приглашение."

Отправила.

Положила телефон.

И поняла — вечер будет совсем не обычным.

— Не забудь про туфли-убийцы, — сказала Кэссиди. — Они делают любую женщину либо королевой, либо вдовой. Обе роли тебе подойдут.

Я хмыкнула.

Но на душе было неспокойно.

Как будто я шагнула в зону турбулентности, не пристегнув ремень.

Его слова не выходили из головы.*“Хочу, чтобы именно ты была там.”*И только сейчас я поняла, как сильно на меня это подействовало. Он хотел, чтобы я там была. Среди десятков юристов, топов, советников и партнёров.

Зачем?..

Он просто хочет удостовериться, что я "в деле"? Или… это намёк?

И если да — готова ли я к такому повороту?

Кэссиди хлопнула в ладоши:

— Девочки! У нас красное платье, у нас горячее приглашение, и у нас вечер, который изменит жизнь Тессы Чон.

Я рассмеялась.
Хотя внутри всё было совсем не смешно...

Глава 15. "Под пристальным взглядом"

Воскресенье.

Этот день наступил с каким-то особым, гулким напряжением, как будто сама реальность затаила дыхание. Я проснулась рано — слишком рано для выходного. И всё утро в голове крутилась только одна мысль: Сегодня.

Сегодня — не просто юбилей компании. Не просто торжественный вечер. Сегодня — день рождения Александра Уинтерса. И он хочет, чтобы я была там. Он ясно дал понять — не как сотрудница, не как фоновая фигура. Как… кто?

Я старалась отогнать эти мысли, но сердце всё равно билось быстрее. Словно приближалась буря. Или, наоборот, прорыв.

С обеда началась подготовка. Я включила лёгкую музыку — что-то в духе Ланы Дель Рей — и шаг за шагом стала превращаться из Тессы-юриста в Тессу, которую он захочет не отпускать взглядом.

Сначала — волосы. Долго мыла, нанесла бальзам с ароматом кокоса и ванили, потом увлаж-

няющую маску. Пока она впитывалась, я уже мечтала, как он проведёт рукой по этим волнам. Смыв состав, я аккуратно просушила их феном, добавив мусс, чтобы держали форму. Локоны, мягкие, но упругие, спадали на плечи, создавая лёгкую небрежность, будто я не старалась час, чтобы они выглядели именно так.

Следом — уход за лицом. Маски. Патчи под глаза. Крем с лёгким сиянием. Я хотела, чтобы кожа светилась изнутри, как будто я — сама свеча, и он не сможет не заметить.

Макияж — в тонком балансе между "я просто проснулась такой" и "ты не оторвёшься". Глаза — чуть затемнённые, с едва заметным блеском на веках. Ресницы — удлинённые, как у кино-дивы. Брови подчёркнуты мягко. И, конечно, губы.

Красная помада. Не кукольный, а глубокий, сдержанно-кровавый оттенок. Сексуальный и опасный.

Я распылила**Tom Ford Lost Cherry**на запястья и за ушки — аромат густой, чувственный, с оттенком терпкой вишни. Он был как обещание — непослушный, манящий, опасный… Такой, который не забудешь, даже если захочешь.

Вечер подкрался незаметно. Время будто ускорилось.

Я стояла у зеркала в нижнем белье, на секунду замерла. Всё внутри дрожало. Это был не страх. Это было… предвкушение.

Платье я надела медленно, будто обряд. Тёмное, облегающее, с открытыми ключицами и пикантным вырезом на бедре. Бархат ложился по телу, как вторая кожа. Словно он уже держит меня взглядом. Туфли — на высокой шпильке, почти десять сантиметров. Я надевала их как оружие. Сегодня мне нужна была сила.

Я посмотрела на себя. В зеркало смотрела женщина. Не стажёр. Не тихая девочка из офиса. Женщина, которую он увидит. Женщина, которая может вызвать грех.

С блеском в глазах я вызвала такси.

Пока ехала, всё внутри дрожало, как натянутая струна. Город за окном переливался огнями. Я прижимала к себе клатч, а внутри бурлило: А что, если он будет не один? Что, если это просто его стиль общения? А вдруг я всё придумала?

Но сердце знало: нет, ты ничего не придумала.

— ***Отель "Премьер Холл" ~***

Место было роскошным.

Огромные арочные окна, канделябры, красная ковровая дорожка у входа. Всё блестело и искрилось, как будто сам вечер был соткан из дорогого

шампанского.

Я вышла из такси, и тут же почувствовала — на меня смотрят.

Мужчины, женщины, официанты, охрана. Никто не знал, кто я, но все смотрели. Как будто чувствовали: что-то важное сейчас начнётся.

Я прошла мимо зала регистрации, показала приглашение.

В дверях — ещё вдох. Один шаг. И всё.

Я вошла.

Зал был огромный.

Потолок уходил куда-то вверх.

Люстры, словно ледяные грозди винограда, свисали с потолка. Звуки фортепиано, звон бокалов, смех. Всё дорого, стильно, уверенно. Воздух пах деньгами, властью и дорогим парфюмом.

Пока я медленно осматривала зал, ловя каждый отблеск света на хрустальных люстрах, ко мне подошли Дженна и Кэссиди. Обе с сияющими глазами и коктейлями в руках, они ловко подхватили меня под руки, как будто я уже давно им была должна появление за их столиком.

— Пойдём, красавица, ты не можешь провести весь вечер в одиночестве, — весело щебетала Кэссиди.

— Мы уже окопались в самом интересном ме-

сте, — добавила Дженна, с загадочной улыбкой глядя куда-то за мою спину. — И с весьма неплохим сопровождением, — хмыкнула она, когда мы подошли к столу.

За столиком сидели двое мужчин — оба в костюмах, оба ухожены, оба излучали ту самую энергию «нам нравится зарабатывать много и шутить по пятницам». Майкл и Питер — представители финансового отдела Winters Co., как позже выяснилось.

Мы разговорились.

Оказались оба на редкость не занудные: шутили, рассказывали интересные байки с корпоративов, обсуждали рынок и, что удивительно, умудрились не скатиться в разговоры про налоги и отчётности. За это им можно было простить даже слегка навязчивые взгляды в мою сторону.

Я выбрала коктейль*Negroni Sbagliato*— лёгкий, с горчинкой. Идеален, чтобы оставаться на волне и при этом сохранять голову ясной. Кто-то пил шампанское, кто-то — виски, но я знала, что этот вечер может потребовать от меня полной собранности.

Людей было много.

Даже чересчур.

Всё такие изысканные, блестящие, в безупреч-

ных костюмах и с безупречными улыбками. Иногда казалось, что попала в серию какого-то дорогого сериала о Нью-Йорке и большой политике. Слишком глянцево. Слишком театрально.

И тут…

— Всем добрый вечер, — раздался уверенный голос рядом. К нашему столику подошёл Грейсон Уинтерс — младший представитель империи, сын Виктории и Уильяма, младший брат Александра.

— Вау… Тесса, ты выглядишь просто сногсшибательно, — его глаза прошлись по мне от головы до ног.

Я слегка смутилась, но постаралась сохранить лицо. — Благодарю, Грейсон.

— Я хотел бы тебя кое с кем познакомить. Уделишь мне минутку? — мягко спросил он, подавая мне руку.

— Конечно. А с кем? Он не стал отвечать сразу, только обернулся к остальным — Извините, дамы и господа, я украду на минуту эту прекрасную леди. — Ну если только на минуту, — с ухмылкой позволила Кэссиди.

Мы шли сквозь зал, и я чувствовала на себе взгляды. Я шла рядом с Грейсоном, словно сопровождение наследника трона — уверенно,

но с лёгким волнением внутри. Сердце начало биться чаще, когда я поняла, куда именно он меня ведёт.

Они стояли у дальнего столика — Уильям и Виктория Уинтерс, окружённые другой знатной парой. Очевидно, друзья семьи.

— Мама, папа, — окликнул их Грейсон, — позвольте представить вам очаровательную Тессу Чон.

Я на секунду перестала дышать.

Что он делает? Неужели… знакомит меня с родителями? На глазах у всех?

— Приятно познакомиться, Тесса, — Виктория посмотрела на меня с интересом и лёгкой улыбкой. — Мы о вас наслышаны.

— Надеюсь, только хорошее, — ответила я, собрав всю вежливость мира в одной фразе.

— Чон? — вдруг нахмурился Уильям. — Знакомая фамилия. Не самая распространённая. Где-то я её слышал…

Я прочистила горло, стараясь говорить спокойно — Возможно, вы смотрите военные новости.

— Конечно, смотрю, — кивнул он. — Считаю, каждый должен знать, что происходит с нашей армией. И я искренне уважаю генерала Чон Мин-Суна. Настоящий стратег.

— Благодарю. Мне приятно это слышать. Он слегка прищурился. — Простите, вы… родственники? — Да. Я его дочь.

Молчание.

Даже зал будто замер.

— Вы шутите? — выдохнул Уильям Уинтерс.

— Никак нет, — сдержанно улыбнулась я. — Я его младшая дочь.

Мгновение — и рядом стоящие начали перешёптываться. Кто-то удивлённо глянул в нашу сторону.

— Невероятно! — воскликнул он. — В нашей компании работает дочь самого генерала Чон Мин-Суна!

Я чувствовала, как взгляды пронзают меня, как будто я вдруг стала не просто юристом на стажировке, а фигурой на шахматной доске, которую теперь видят все.

Грейсон стоял рядом, с какой-то странной гордостью. А Виктория будто уже пересматривала своё мнение обо мне.

И вдруг я поняла — сейчас изменилось больше, чем я думала.

И возможно, я оказалась в центре игры, о которой ещё даже не знаю всех правил.

И тут я увидела его.

Александр Уинтерс.

Он сидел у сцены, окружённый мужчинами в дорогих костюмах. Его профиль — как высеченный из мрамора. Чёрный смокинг, волосы чуть небрежно убраны назад, часы на запястье блеснули в свете. Он смотрел на кого-то, смеялся, говорил что-то, но...

...а потом он обернулся. И увидел меня.

Его взгляд замер. Остальное исчезло. Его глаза медленно скользнули по мне — от ключиц до щиколоток — и снова вверх, в глаза. Он не улыбался. Он просто смотрел. Долго. Словно забыл, где находится.

Иногда судьба не спрашивает. Она просто берёт тебя за руку и ведёт в центр зала, под прицел внимания, к началу перемен...

-- ~*На пике внимания*~--

Меня окружили, словно я зажгла в центре зала невидимый маяк. Слова “*дочь генерала Чон Мин-Суна*”расползлись по залу с такой скоростью, будто кто-то прокричал их в рупор. Я чувствовала, как любопытство, интерес, а местами и зависть буквально липли ко мне, оставляя на коже невидимые следы.

Уильям Уинтерс-старший держал мою руку чуть дольше, чем позволял светский этикет, с

ноткой собственничества и нескрываемого уважения.

— Моя дорогая, вы — как редкая орхидея в саду политических акул, — мурлыкал он, и если бы мог, наверняка приколол бы к моему платью значок “гордость нации”.

Грейсон стоял рядом, его рука лежала чуть выше моей талии — легко, но настойчиво. Словно он объявил всем присутствующим, что я “принадлежу” этому моменту — и ему.

— Ваш отец… — начинали люди.

— А брат? — продолжали. — А вы такая молодая, и уже в юриспруденции? — заканчивали.

Я кивала, улыбалась, держала осанку и слова под контролем, но внутри... внутри я чувствовала себя зверем в клетке, за которым пришли глазеющие.

Если бы вы только знали, что это значит — быть “дочерью генерала”…

Как меня будили в пять утра, как я бежала по лужам и щебёнке до крови на пятках, как училась выбивать оружие из рук тренера, когда была ещё подростком. Никаких вечеринок, никаких секретных поцелуев в коридоре общежития. Только план, график, контроль, сила, выдержка, дисциплина и “девочки не плачут”. Хотя пару раз

в Гарварде я всё же выбиралась — в основном, чтобы убедиться, что тусовки не для меня.

И всё-таки я прошла это.

И я здесь.

В платье от Versace и с лёгкой помадой, на которую ушло полчаса колдовства.

Появился Джейкоб — уверенный, спокойный, как всегда. А рядом с ним — мужчина с такой улыбкой, от которой девочки обычно забывают, как дышать.

— Тесса, познакомься. Это Кристиан Холт. Нейрохирург и мой… к сожалению, очень настойчивый друг, — сказал Джейкоб с полуулыбкой. — Если я не представлю вас друг другу, он намотает мои нервы себе на кулак. Без анестезии.

Все засмеялись. Я тоже, чуть-чуть, больше из вежливости.

— Приятно познакомиться, доктор Холт, — сказала я, протягивая руку.

Кристиан шагнул ко мне.

Его взгляд был скользящим, оценивающим, как будто он анализировал анатомию моей уверенности.

— Очень рад. — Он взял мою руку, но не пожал её. Он*поцеловал* её. Мягко, как в старых романах.

У меня вспыхнули щёки. Чёрт.

— Боже, Тесса… вы великолепны, — сказал он с ноткой откровенного восхищения.

— Благодарю вас. — Слишком вежливо. Надо было сказать *“держите себя в руках, доктор”*.

И тут Уильям старший вдруг хлопнул в ладони, будто всё это была сцена, а он — режиссёр:

— Джейкоб, ты знал? Ты держал у себя в команде дочь генерала, и ни слова?

— Что? — Джейкоб удивлённо изогнул бровь. — Нет, серьёзно?

— *Тесса — дочь генерала Чон Мин-Суна!* Да ты хоть понимаешь, какого калибра у тебя юрист?!

Все взгляды вновь пронзили меня.

— Не вините Джейкоба, мистер Уинтерс, — голос у меня вышел спокойный, но холодный. — Это не тема, которую я выкладываю на витрину. Я предпочитаю добиваться всего сама. Не по фамилии. По заслугам.

Сначала — пауза. А потом Виктория, до этого молчавшая, вдруг сказала:

— Это заслуживает уважения.

Кристиан слегка кивнул. А Грейсон внезапно подался вперёд:

— И именно это делает тебя такой особенной.

— Позволь пригласить тебя на танец?

Все замерли. Отказать? В этой толпе? В этом

обществе? Слишком рискованно.

Я посмотрела ему в глаза. Они были красивые. Но… какие-то пустые. Не мои.

Я вложила руку в его — по инерции, из вежливости. Он обнял меня за талию и повёл в танце, будто мы в эпизоде старинного фильма. Всё было… правильно. Но никак.

Сердце молчало.

Никаких искр. Ни одной мурашки. Как будто я танцую с красивым манекеном, который выучил движения, но не душу.

— Не обращай на них внимания, — прошептал он. — Наслаждайся моментом..

Я кивнула. Но где-то внутри уже знала — **это не тот, кто может заставить мою броню треснуть.**

Когда музыка стихла, я едва сделала шаг назад, как в игру включился Кристиан. Он схватил мою руку — крепко, как охотник, упустивший один шанс и не намеренный терять второй.

— Разрешите следующий танец?

Я устала. Ноги ныли от каблуков. Но вся публика смотрела. Поэтому — я кивнула.

Уже хотелось сесть, снять каблуки и спрятаться в уголке с бокалом вина. Но игра продолжалась.

Игра, где я была не только фигурой, но и призом.

Кристиан вёл танец иначе. Не технично — *животно*. Его пальцы на моей талии чувствовали мою кожу через ткань. Его взгляд был внимательным, читающим, прожигающим. Он почти не отрывался от моего лица.

— Ты… совсем не такая, как ожидалось, — сказал он. — Сильная. Закрытая. Но в тебе есть что-то дикое, что ты прячешь. Напрасно, кстати.

Я подняла взгляд.

— И вы прочли это за один танец?

— Я — нейрохирург, помнишь? Я замечаю, когда кто-то делает вид, что всё под контролем. Когда внутри — буря.

Я усмехнулась.

— Возможно, вы правы.

В танце я краем глаза заметила Джейкоба, танцующего с Мэрилин. Ага. Понятненько. Значит, всё-таки вместе.

Я посмотрела снова на Кристиана.

— Ты прекрасна, Тесса, — вдруг произнёс Кристиан, наклоняясь ближе. — И, думаю, тебе не нужно быть ничьей дочерью, чтобы затмевать остальных.

— Благодарю за комплимент, Кристиан — ответила я, спокойно. — Но поверь, я слишком долго училась не зависеть от чужого восхищения.

Он усмехнулся. Но в его глазах мелькнул интерес — живой, хищный.

— Ты можешь звать меня просто Крис, — произнёс он, медленно улыбаясь. — Я уверен, это не последняя наша встреча...

— Хорошо... Крис, — выдохнула я.

Он приблизился.

Неуловимо, но уверенно.

Между нашими телами было меньше сантиметра. Его рука крепко держала меня за талию, другая — слегка сжимала мою ладонь.

Музыка текла, как мед.

Мягкая, чувственная, будто создана для того, чтобы мы с Кристианом растворились в этом танце.

Я не могла понять — то ли от жара, то ли от того, как он смотрел на меня, в висках стучало громко. Сердце будто пробивало грудную клетку. Этот человек был слишком прямолинеен, слишком уверенный... и слишком опасный в плане контроля над эмоциями.

— Значит, ты дочь самого генерала Чон Мин-Суна. Признайся, ты знаешь, как обезоружить человека за 3 секунды? — усмехнулся он, приподнимая бровь.

— Ну... в зависимости от человека, — ответила

я с лёгкой улыбкой, — некоторых обезоруживает просто взгляд.

— Ты прямо сейчас обезоруживаешь весь зал, Тесс. Ты даже не представляешь, как ты потрясающе выглядишь...

— Ты всегда такой галантный, Крис? Или это просто реакция на дочь генерала? — подначила я, чтобы сбить накал.

— Нет. Это реакция на женщину, которая меня заинтересовала. И неважно, чья она дочь. Впрочем... — он наклонился ближе, — ...с такими генами неудивительно, что ты такая сильная и притягательная.

Мне вдруг стало тесно в этом роскошном зале. Воздух как будто стал тяжелее. Я отвела взгляд в сторону, а взгляд мой — снова упал на Александра.

Он откинулся на спинку кресла, с лёгким безразличием на лице, глядя на нас через край бокала. Внешне — полное спокойствие, но в его глазах — всё, что нельзя было скрыть. Ревность леденела воздух, её можно было почувствовать.

Дорогие мои, благодарю за ваше внимание, за каждую звёздочку, каждый комментарий и просто за то, что вы здесь. Добавляйте ис-

торию в библиотеку, если хотите быть с ней до самого финала, и не забудьте подписаться — впереди много интересного. А я, как всегда, пишу с любовью — для вас. Крепко обнимаю!

--- ~ Александр ~ —-

Тридцать три.

Число Христа, возраст, когда по идее должен быть уже на пике: успешный, уравновешенный, с женой, парой наследников и чётким планом на жизнь.

Ага. Мечтай, Уинтерс.

Ровно три года назад в этот день я планировал ужин при свечах с женщиной, которую собирался сделать своей женой. Мы собирались открывать новые офисы в Европе, ехать в свадебное путешествие и… чёрт, я собирался бегать по утрам. А сейчас? Я сижу в инвалидной коляске, с виски в руке, и наблюдаю за лицами, которые мне почти все безразличны.

Ресторан оформленный в благородных тёмных тонах, освещён хрустальными люстрами, отражающимися в бокалах и нарядах гостей. Кто-то смеётся, кто-то строит карьеру за тостами.

Улыбки гостей, официанты, блеск бокалов, брендированный торт — всё под контролем.

Кроме моего ебучего настроения. Я смотрел в

бокал, как в пустоту. Джек Дэниэлс — единственный, кто сегодня не врёт.

Вся эта мишура с фуршетами, официантами и пафосом — не для меня. Я бы с радостью сорвался домой, закрылся, снял пиджак, к чёрту этот галстук, и ушёл в ночь с бутылкой.

Я сижу у панорамного окна, наблюдая, как за стеклом медленно гаснет закат. Город сверкает огнями, а я хочу, чтобы кто-то просто выдернул вилку из розетки и обесточил весь этот грёбаный вечер.

Но я ждал. Сука, я ждал её.

Каждые пять минут ловил себя на том, что опять сканирую зал.

Какой-то голос внутри ржал надо мной:

"Думаешь, она придёт? Она тебе кто вообще, Алекс?"

Я злился. Серьёзно. На себя, на неё, на этот вечер, на этот галдёж. Джейкоб, конечно, не мог не заметить.

— Ты чего такой дёрганый сегодня, Алекс? — спросил, прихлёбывая виски.

— Всё нормально, — отрезал я, чувствуя, как челюсть хрустит от напряжения. — Я просто устал.

— Если это "нормально", то я — монах.

Усмехнулся, скользнув взглядом по залу.

К нам подошёл Кристиан. Старый друг, врач от Бога и постоянный моралист. Он всегда был тем, кто лечит, спасает, а теперь ещё и следит за моими показателями, как мать-наседка.

— С днём рождения, дружище, — хлопнул по плечу, влезая в личное пространство.

— Спасибо, — буркнул я. — Ты мрачнее, чем морг ночью. — Обычный день, — фыркнул я, убирая руку с плеча.

— А ещё — раздражительный, — добавляет Джейк. — Особенно когда ждёт одну конкретную женщину.

— Уймись, — рыкнул я. — Это не имеет значения.

— Конечно. И именно поэтому ты пялишься на дверь каждые двадцать секунд.

Я отворачиваюсь.

Меня трясёт. Как она могла?

Я лично сказал ей прийти.

Лично. А она…

Я уже представлял, как вызову её к себе в офис, уволю к чертям, заблокирую все проходы к дальнейшей карьере. Я такой злой, что пальцы немеют.

Мимо проходили люди, кто-то поднимал бокал, кто-то поздравлял, но я не слышал ни слова.

Всё моё внимание — к чёртовой двери.

— Джейкоб, с твоего отдела все пришли? — спросил я, стараясь звучать спокойно.

— Вроде бы. Кто именно тебя интересует? — Никто. Просто хочу, чтобы все сотрудники следовали протоколу, — ответил я слишком резко.

— Окей… я проверю, если тебе это важно, — нехотя буркнул Джейк.

Пока он ушёл, я был как на иголках.

Меня окружают люди, поздравляют, желают счастья, успеха, здоровья — блядь, особенно здоровья. А я хочу лишь одного — увидеть, как она войдёт. Чтобы снова почувствовать себя человеком, а не развалиной на колёсиках.

Джейкоб возвращается, в руках список.

— Алекс, список длинный, давай потом, а?

Я выхватываю его, пролистываю… и сердце падает в пятки. Перед фамилией "Чон" — пусто. Нет галочки. Она не пришла. Даже не смотря на то, что я лично её пригласил. Я был готов разнести всё к чёрту.

Я уже собираюсь в бешенстве бросить список, как вдруг слышу за спиной:

— Ох ты ж, мать моя женщина…

— Ты глянь на неё… — У меня азиаточек не было, но это прям огонь!

Какого хрена?!

Слышу эти комментарии, и у меня всё внутри ломается.

Поднимаю глаза — и вот она.

Тесса.

Платье тёмного бордо, облегающее, с вырезом до бедра. Высокие каблуки, волосы уложены, губы — чёрт бы побрал эту помаду — такие сочные, алые…

Я чувствую, как напрягается всё тело.

Блядь. Она пришла. И пришла не просто так. Она пришла, чтобы меня убить.

Я собираюсь дать команду охране, чтобы её подвели ко мне. И..

Вокруг неё сразу закружились — эти две тупицы Дженна и Кэссиди, визжащие, как чайки.

Волокут к своему столику.

Я уже почти вырываюсь вперёд, но не могу — колёса тормозят на ковре.

А потом... Грейсон. Этот напыщенный хлыщ с улыбкой под голливуд и руками, которые он кладёт слишком свободно на чужие талии.

Этот ублюдок присоединяется к ним и… уводит её вглубь зала.

— Что за херня? — рычу.

Он увёл её. Увёл.

Прямо у меня на глазах. Мою Тессу.

Я был готов вцепиться ему в лицо.

Я сжимаю бокал, кости белеют.

Челюсть скрипит. Злюсь. На неё. На себя. На всех этих ублюдков, кто сейчас пялится на неё так, как будто она десерт на блюде. Нет, она — не десерт. Она — яд. Мой яд. И я его уже принял.

Я прикусываю щеку изнутри, чувствую вкус железа. Боль помогает не сорваться. Потому что внутри меня начинается буря.

Я хочу его убить. И трахнуть её прямо здесь, на этом чёртовом паркете, чтобы ни у кого не осталось сомнений, чья она.

И в этот момент передо мной вырастает призрак прошлого.

— Алекс! — она смотрела на меня, как голодная собака на кость.

— Иззи? Что ты тут делаешь? — Твои родители меня пригласили… я… поздравляю тебя… — Сэкономь на чувствах, — процедил я. — Лучше уходи. Ты тут по ошибке. И не строй никаких иллюзий. — Я знаю, что ты зол… но я люблю тебя, Алекс… — Не смей мне тут заливать про любовь! — вспылил я, не давая ей договорить.

Но к нам подходят очередные гости, вынуждая меня улыбнуться сквозь злость, бросив Иззи по-

следний взгляд, полный презрения. Она поняла. Развернулась и исчезла.

Но главное — она тут. Тесс. И она не моя.

Пока. Но сегодня я себе поклялся — эта ночь закончится иначе.---- ~***Игра на вылет*** ~ —---

Пока меня окружали друзья семьи с традиционными поздравлениями и дежурными речами, я едва сдерживал себя, чтобы не сорваться. Мои губы растягивались в вымученной улыбке, а внутри меня всё продолжало бурлить, кипеть, выворачивать изнутри.

Я краем глаза заметил её — Тессу.

Стояла с моими родителями и... Грейсоном. Чёрт бы побрал этого ухоженного ублюдка с безупречной улыбкой. Они о чём-то живо беседовали. Мать смотрела на Тессу так, словно нашла себе новую невестку. Отец кивал, слушая её с неподдельным интересом. Даже хмыкнул пару раз — а он у меня не тот человек, что легко проявляет эмоции.

А она…

Невыносимо красивая. Её лицо светилось, губы мягко изогнуты в улыбке, голос — звонкий, уверенный. Она явно чувствовала себя в своей тарелке. В этом платье, как созданном для того, чтобы сжигать мужчин дотла, она казалась во-

площением всего, что я так яростно желал — и что не имел права трогать.

— Какая красавица, — вдруг слышу сзади голос Криса. Он остановился рядом, держа бокал и глядя в сторону Тессы. — Вы её знаете?

— Это Тесса Чон, — тут же отозвался Джейкоб. — Моя правая рука. Умная, работящая, и да… Она стажируется у Александра.

Я почувствовал, как напрягся.

— Вау, — протянул Крис. — И она... свободна?

Меня передёрнуло. Под ложечкой ёкнуло, а потом резко опустился холодный гвоздь прямо в грудь.

— У меня есть одна особа, — отвлёк Джейк, кивая на Мэрилин, которая хихикала у бара. — А вот у Алекса… — он бросил взгляд на меня.

Крис вопросительно смотрит мне в глаза. А я, как последний идиот, выдал:

— Нет. Она не в моём вкусе.

Что, блядь?

Это я сказал? Серьёзно?

Джейкоб замер и приподнял бровь. Я тут же одел привычное ледяное лицо.

Но внутри себя уже бил кулаком об стену. *Ты что несёшь, мудила? Ты же её ждал. Ждал, как наркоман дозу!*

Меня бросило в жар. Пот прошиб по спине. Холодный, мерзкий.

— Джейкоб, познакомь меня с ней, — спокойно, будто невзначай, сказал Крис. А у меня руки свело в кулаки.

— Здесь полно девушек. Чего ты прицепился? — раздражённо отрезал Джейк.

— Да ты только глянь на неё. Таких женщин не бывает. Я обязан узнать, какая она. Познакомь меня, брат!

— Ты заебал, — фыркнул Джейк. — Ты подросток, что ли?

Он снова взглянул на меня, словно ждал реакции. А я?

Я просто отвернулся. Тупо. Слабо. Беспомощно.

Джейк усмехнулся.

— Ладно. Будет тебе знакомство. Но…

Он замолчал, потом шагнул ближе и процедил:

— Только попробуй её обидеть — и я лично тебе яйца удалю. Без наркоза.

— Понял-понял, не ссы, — Крис вскинул руки и засмеялся.

Я наблюдал за ними, как за чужими актёрами в постановке, которую не могу ни остановить, ни переписать. Джейк и Крис направились в

сторону Тессы. Я видел, как Джейк окликнул её, она обернулась — и её взгляд скользнул по залу, прежде чем встретиться с моим.

На мгновение.

Между нами пролетела искра, дикая, напряжённая.

Она улыбнулась, и тут же повернулась к Крису, будто ничего не произошло.

А я…

Я, чёрт возьми, понял, что только что сам отдал её в руки другому. Женщину, из-за которой мои ночи стали пыткой. Которая своим голосом выдёргивает меня из темноты. Которая врывается в мои мысли, как гроза, и разносит все мои границы.

А теперь она стоит там — смеётся, улыбается, и кто-то другой рядом.

А я… Я только что отрезал себя от неё. Собственными словами. Своим "не в моём вкусе".

Поздравляю, Александр. День рождения в стиле трагикомедии. В главной роли — ты сам.

Глава 16. «Первый глоток яда»

-- ~ Александр ~ —-

Этот вечер, мать его, будто устроен, чтобы вытащить из меня всё дерьмо, что я так долго сдерживал. Всё. До последней капли. До последнего нерва. До последнего остатка хладнокровия, на котором держалась моя грёбаная выдержка.

Я сам дал зелёный свет Крису.

Я.Своими руками. Своими словами. Отдал её. Тессу.

А теперь я сижу в этом долбаном кресле — неподвижный, парализованный, злой — и наблюдаю, как она танцует.

Сначала с Грейсоном.

Его ладонь лежит у неё на талии.

Слишком уверенно. Слишком близко. Слишком… не я.

Он ведёт её легко, мягко, словно знает её движения заранее. Она ему улыбается. Склоняет голову чуть вбок. Её волосы мягко колышутся на плечах, обнажая шею — ту самую шею, к которой мне хочется припасть, вцепиться, вжаться губами.

А я?

Я только жму на подлокотники, как на спусковые крючки. Сжимаю кулаки, костяшки хрустят так громко, что кто-то из гостей даже обернулся. Но мне плевать. Пусть смотрят. Пусть видят, как я сгораю.

Музыка замирает, и сердце моё — тоже.

Вот он, момент. Она точно сейчас подойдёт ко мне. Улыбнётся. Скажет, что рада видеть. Что... всё в порядке.

Но нет.

Её перехватывает Крис.

— Сука… — вырывается у меня шёпотом. Глухо. Сорвано.

Он уже уводит её на следующий танец.

Сжимает её руку, тянет к себе. И она — идёт. Она смеётся, черт возьми. Она смеётся! Он что-то говорит ей, а она кивает, слегка запрокидывая голову, а потом прижимается ближе, чем нужно. Ближе, чем я готов видеть.

Я не дышу.

Просто… не могу.

Воздух перестал быть воздухом. Он стал сжиженным ядом, и я задыхаюсь им.

Внутри — словно воронка. Рвёт изнутри. Ярость и боль идут волна за волной. Мне хочется выбросить этот бокал. Разбить. Кричать. Поднять этот

зал к чёртовой матери. Но я не могу даже встать.

Я… в этом чёртовом кресле.

Беспомощный. Обречённый наблюдатель собственной потери.

В какой-то момент Тесса смотрит на меня.

Глаза встречаются. И я уверен — она видит. Видит всю мою ярость. Всю мою боль. Мои глаза, налитые злостью. Я будто прошептал ей: «Ты серьёзно? Ты это делаешь, зная, что я смотрю?»

Но она отводит взгляд.

Просто… поворачивается к Крису и продолжает танец.

Вот тогда я сдался.

Я разворачиваю кресло.

Спиной ко всем. Спиной к ней. Спиной к этой фальшивой музыке, к этим гостям, к этому тупому празднику.

Мне нужен воздух.

Я должен выйти. Иначе я взорвусь.

А может, я уже взорвался. Просто никто этого не услышал.

Оранжерея встретила меня мягкой, влажной прохладой и ароматом ночных цветов. Стеклянный купол наверху затуманен, сквозь него пробивается тёплый свет фонарей снаружи, мерцающий сквозь листву, как будто сам вечер

рассыпал по стеклу золотую пыль.

Повсюду — густая зелень, аккуратные ряды пальм, лимонные деревья в кадках, виноградные лозы, вьющиеся по шпалерам, и высокая колонна из белого камня, вокруг которой обвилась лиана. В самом центре — старая софа с обитыми подлокотниками и шероховатыми подушками цвета тёмного атласа.

Я глубоко вдохнул. Проклятая злость всё ещё пульсировала под кожей.

Эмоции — слабость. Эмоции не должны управлять мной. Я Уинтерс, мать его. Не подросток с разбитым сердцем. Она моя подчинённая. Мы из разных миров. Она — не для меня.

Я повторяю это как мантру.

Не для меня. Не для меня. Не для…

Дверь открывается.

Я даже не успел развернуться. В помещение входит Тесса. Тихо, легко, будто ступает по траве босиком.

Она меня не замечает. Подходит к софе, не глядя по сторонам.

Сбрасывает туфли — сначала одну, потом вторую. С выдохом, полным облегчения, откидывается назад, запрокидывает голову, позволяя свету скользить по её шее, ключицам, которые

блестят после танцев. Она издаёт стон… не громко, но с таким наслаждением, что у меня просто останавливается сердце.

Я не дышу. Я не живу. Я просто… смотрю.

Передо мной не просто женщина. Это чертовски опасное искушение, грех во плоти, красиво уставший запрет.

На ней тёмно-вишнёвое платье. Бархат обтягивает её грудь, подчёркивает линию бёдер. Тонкие бретели едва держатся на плечах. Волосы сбились в лёгкий бардак. Губы припухли. Щёки раскраснелись.

Она выглядит так, как должен выглядеть грех. И я хочу грешить.

— Танцы с Крисом тебя настолько утомили? — выдыхаю я с сарказмом, не узнавая собственного голоса.

Тесса резко дёргается, вскидывает голову.

— Господи… — шепчет она, оборачиваясь. — Я… Прошу прощения. Я вас не заметила.

— Конечно не заметила, — прохрипел я. — Сегодня всё твоё внимание забирают Грейсон и Кристиан. Кто тебе из них больше понравился?

— Я танцевала с ними из вежливости… — тихо, почти виновато. Голос срывается.

— О, а я не знал, что ты у нас мисс Вежливость, —

рычу. Глаза обжигают её. — Такая любезная… прямо золото, не девушка. Ты теперь всем подряд демонстрируешь свою вежливость? Интересно, кого ты ещё порадуешь своим вниманием?

Она опускает взгляд, потянулась за туфлями.

Нет. Нет, чёрт. Она сейчас уйдёт. Снова. *Я не могу позволить ей уйти.*

— С днём рождения вас, мистер Уинтерс, — бросает она и делает шаг к двери.

— Где мой подарок?

Она останавливается.

Молчит. Поворачивает голову.

— Простите?

— Подарок. Где он? Насколько я знаю, на день рождения дарят что-то имениннику. Или ты забыла?

Тесса чуть улыбается.

— Мы всем отделом сложились… и купили кое-что. Думаю, он лежит там же, где и остальные.

— Нет. Я не об этом. Мне нужен твой подарок.

— Мой? — она удивляется. Брови чуть поднимаются. — Именно. От тебя. Личный. — Я вцепляюсь глазами в её лицо. — Один на один.

— Хорошо… — она склоняет голову набок. — Что бы вы хотели получить?

— Желание. — Мои слова остры, как нож.

— Желание?

— Да. Сейчас. Прямо сейчас ты исполняешь моё желание.

— И… какое у вас желание?

Ох,**блядь**.

Если бы она знала.

Если бы она только могла заглянуть в мою голову и увидеть, что я хочу.

Как я хочу прижать её к этой колонне, сорвать с неё это платье, уткнуться лицом в её изгибы.

Слушать её дыхание. Её стоны. Запомнить вкус её кожи. Утопить в себе её нежность и сломать ею самого себя.

— Поцелуй, — выдыхаю я. — Один. От тебя.

Она замирает.

Стоит в двух шагах, но кажется — целая пропасть между нами. И в этой пропасти — напряжение, густое, электрическое. Она смотрит на меня в упор. Без страха. Без привычной защиты. Только дыхание сбилось, и я вижу, как дрожит её подбородок.

— Я жду исполнения моего желания, — добиваю её словами, не давая отступить.

Она делает шаг. Нерешительный, как будто борется сама с собой. И ещё один.

Осторожно, будто я могу её укусить.

Правильно. Могу.

Я наблюдаю.

С наслаждением, с ожиданием. Я не двигаюсь — только сижу, вцепившись в поручни кресла, чтобы не сорваться и не притянуть её сам. Она должна прийти ко мне. Сама.

— Вы могли бы… не смотреть так? — тихо говорит Тесса. — А лучше вообще закройте глаза.

Я приподнимаю бровь, чуть усмехаюсь. Она не знает, что я уже чувствую вкус её кожи, хотя ещё не коснулся ни на миллиметр.

— Ты меня смущаешься?

— Нет...Просто… у вас слишком внимательный взгляд, — отвечает она, поджав губы. — Вы собираетесь получать свой подарок? Или я сейчас вообще передумаю его вам дарить.

— Я тебе передумаю, — рычу я.

Хмурюсь, но всё же подчиняюсь. Медленно закрываю глаза. Чёрт, даже в темноте перед глазами она. Её силуэт, её аромат, её голос. Внутри уже всё пульсирует, сжимается, хочет вырваться наружу.

И вот — я чувствую её. Её дыхание рядом. Тепло. Нерешительное. Как будто она боится прикоснуться.

И затем — короткий, застенчивый поцелуй. Как

росчерк на холодном стекле. Почти невесомый.

Я открываю глаза. Смотрю на неё. Щёки пылают, глаза бегают — но не убегает.

— Что это было? — спрашиваю хмуро.

— Поцелуй, — еле слышно шепчет она.

— Это был самый ужасный поцелуй в моей жизни, — роняю с холодной издёвкой. — Я не игрушка. Я мужчина. И если уж даришь — дари по-настоящему.

Тесса поднимает на меня взгляд — испуганный, но не сломленный. И это… губит меня. В ней огонь. Такой же, как во мне.

— Иди ко мне, — говорю.

Хватаю её за запястье — легко, но твёрдо. Одним движением усаживаю на колени. Её глаза раскрываются от шока, от близости. Моё тело под ней стонет от напряжения, от желания.

— Ч-что вы делаете? — шепчет она, ошарашенная.

— Хочу показать тебе, что такое настоящий поцелуй.

И я целую. Не спрашивая. Без предупреждений.

Мои губы впиваются в её губы с такой силой, будто я годами ждал этого момента.

Захватываю её губы, как шторм, как ураган.

Глубоко, жадно, до мурашек. Она ахает, но не отстраняется. Только впивается в мои плечи, дрожит, прижимается ближе. Мы словно слиты в одно целое. Мои ладони на её спине, её руки — в моих волосах. Её дыхание — моё.

Мир рушится. Взрывается. Перестаёт существовать.

Я больше не контролирую ничего. Только чувствую. Только хочу.

Чёрт, я не должен был этого делать. Но, к чёрту всё.

Слишком поздно останавливаться.

Есть только она.

И этот поцелуй. И моя жажда. И её вкус.

--- ~ *Александр* ~ —-

Я целую её. Не как босс. Не как мужчина, прикованный к креслу. Не как тот, кто годами старался держать всё под контролем. Я целую её как мужчина, который больше не может. Всё. Хватит. Предел пройден. Плевать, где мы. Плевать, кто мы. Я целую Тессу, как будто за этим поцелуем — вся моя жизнь.

Она дрожит. Но не отстраняется. Не сопротивляется. Её губы отвечают. Сначала неловко, почти испуганно — как будто не верит, что это реальность.

А потом… потом — глубже. Увереннее. Словно её сковывали цепи, а я только что сорвал их. Мои пальцы впиваются в её талию, сквозь тонкий бархат её платья я чувствую, как бешено колотится её сердце. В унисон с моим. Громко. Навязчиво. До боли.

Я отрываюсь от её губ только потому, что нужно дышать. Но не отпускаю её. Никогда. Ни за что.

Её дыхание рваное. Щёки пылают. Губы припухшие, влажные. Глаза затуманены. И если ад существует — я готов туда пойти добровольно, если он пахнет, звучит и целуется, как она.

— Вот это, Тесса… — мой голос хриплый, низкий, почти животный, — был поцелуй. Один. Единственный.

Но, чёрт, я уже хочу второй.

Она смачивает губы языком, машинально, и я теряю самообладание.

Словно во мне замыкание, и я снова наклоняюсь. Прикусываю её нижнюю губу — осторожно, но с намерением. Она тихо всхлипывает, а я тут же зализываю ранку. — Почему они у тебя такие сладкие?.. — выдыхаю я ей в губы. — С каждым разом всё слаще. Ты меня с ума сведёшь.

Мои пальцы уже не только на талии. Они медленно скользят вверх — по изгибу спины, по

линии плеч.

Каждый миллиметр её тела будто создан, чтобы я держал её. Обладал ею. Запомнил наощупь. А её руки держатся за меня крепко — одна цепляется за мои плечи, вторая зарывается в волосы и сжимает. Блядь, если она продолжит так делать — я забуду, как звать меня.

Я закрываю глаза, зарываясь носом в изгиб её шеи, вдыхаю. Она пахнет вишней. Ванилью. И чем-то своим, сводящим с ума.

— Ты не представляешь, как долго я это сдерживал, — шепчу я. — Сколько ночей я не спал из-за тебя. Сколько раз хотел сорваться.

И тут — щёлк.

Звук ручки двери.

Тесса отскакивает от меня, как будто я её обжёг. Юрко, ловко, с какой-то панической грацией.

Я даже не успеваю схватить её обратно. Она уже поправляет платье, ровняет волосы. Но я вижу. Щёки горят. Губы искусаны. На нижней — след. Мой след. Она моя. Отмечена.

Дверь распахивается — и, чёрт бы её побрал, входит Изабелла.

— Александр, ты здесь? Я тебя везде ищу… Мистер Уинтерс собирается говорить тост. Тебя все ждут.

И только сейчас её взгляд падает на Тессу.

Моя Вишенка… О, она играет роль великолепно — делает невозмутимое лицо, словно между нами только что не было самого греховного поцелуя в истории вечеринок.

— Мистер Уинтерс, приятно было с вами побеседовать, — говорит она тихо, всё ещё красная, но голос ровный.

Чёртова актриса.

Я не удерживаюсь — облизываю губы. Демонстративно.

Тессу это смущает, она разворачивается и уходит быстрым шагом. Как будто может сбежать. Смешная. Милая. Абсолютно моя.

— Кто это девушка? — спрашивает Иззи, слишком резко.

— А тебе-то какое дело? — отрезаю я. — И вообще, почему ты ещё здесь?

Она хмыкает. Наклоняет голову. Вся из себя.

Фальшь сочится с каждого слова. Слушать противно.

— Я здесь ради тебя, — выдыхает она.

— Тогда сделай одолжение. Уйди.

Я разворачиваю кресло и направляюсь обратно в зал.

И в этот момент понимаю: Плевать, кто будет

говорить речи. Плевать, кто придёт поздравлять. Я уже отметил свой день рождения. Тессой. С её губами. С её дыханием на моей коже. И с этого момента — где бы она ни была, мои глаза будут следить только за ней.

Шум зала не сразу добирается до моего сознания. Голоса, смех, вспышки камер — всё это как фоновый гул, как надоедливое жужжание, от которого хочется закрыться, спрятаться. Но глаза — глаза у меня работают чётко. Я ищу её. Только её. Чёрт бы побрал, вот она — моя Вишенка. В этом дьявольски обтягивающем платье, что заставляет меня забыть про все чёртовы приличия.

Подъезжаю ближе, прокладывая себе путь через гостей, не глядя ни на кого. Касаюсь её руки — и всё, меня снова замыкает. Как будто на планете остались только двое. Мои пальцы замыкаются на её — цепко, властно, по-мужски. Она поворачивается, закусывает губу, и в этот момент я таю к чёртовой матери. Всё моё самообладание трещит по швам. Я растворяюсь, горю, сгораю к чёрту. Она даже не представляет, какую силу имеет надо мной. Или… чёрт, знает. И пользуется ей чертовски умело.

Тесса наклоняется к моему уху. Дыхание её горячее, голос — опасно сладкий:

— Мистер именинник, — шепчет она, и этот голос, этот тон — дразнящий, ласковый, обволакивающий — как капля вина на белой рубашке, — ведите себя скромнее. Люди могут подумать, что вы со мной заигрываете.

Я усмехаюсь, не в силах сдержать хрипотцу в голосе:

— Пусть думают. Мне плевать.

— Вы уверены? — её голос — лиса в платье, соблазн и угроза в одном флаконе.

Она прикасается губами к моей щеке, скользит так, будто проверяет, на сколько шагов я от взрыва. Я вцепляюсь в подлокотники, чтобы не сорваться, не притянуть её к себе прямо здесь, при всех. Только бы не спалиться — брюки предательски тесны от мыслей, какие вещи я хочу с ней делать.

— Ах ты ж лиса… — шиплю я ей, — с огнём играешь?

Она хихикает. Проклятье. Я хочу, чтобы она звучала так в моей постели. Чтобы смеялась, обнажённая, с моей рукой между её бёдер.

Но тут выходит отец.

Микрофон в руке, за ним мать, рядом, сияет как королева., зал встречает их аплодисментами.

Он говорит про компанию, про наследие, про

традиции… Слова благодарности. Речь о юбилее компании, о наследии, о моём дне рождения. Но я слышу только одно: "*Ты теперь взрослый, сын."*

Да, взрослый.

Настолько, что хочу взять свою стажёрку и поиметь её на первом же столе.

— Горжусь, что он мой сын. Он боролся, он не сдался, он ведёт нас вперёд.

Спасибо, пап. Только я сейчас борюсь с другим — с инстинктом сорваться с катушек.

И тут — чужая рука на моём плече. Тяжёлая, крепкая, привычная. Джейкоб. Он склоняется, говорит тихо, но его слова — как ведро ледяной воды:

— А ты был в курсе, что Тесса Чон — дочь самого генерала Чон Мин-Суна?

Я резко поворачиваю голову:

— Что? Ты серьёзно?

Он кивает, медленно, со значением:

— И, кстати, твои родители ею восхищены. Уильям говорит, что давно не видел девушку с таким умом и достоинством…

Мои родители. Восторг. Признание.

Он делает паузу.

— Повезёт кому-то, — продолжает Джейкоб, глядя на меня с долей вызова. — Ты же понима-

ешь, да?

И бросает взгляд в сторону, куда я уже не хочу смотреть, но не могу не глянуть. Кристиан. Этот ублюдок буквально поедает Тессу глазами. Мразь. Я готов сорваться и переехать по нему креслом.

— Если тебе не всё равно, не тормози. Потому что есть те, кто не будет ждать.

Его слова — прямой вызов. Он знает. Видит. И я сам знаю, что если сейчас отпущу этот момент — упущу её.

Нет. Ни за что.

Я зарываюсь ногтями в ладони. Внутри всё закипает. Её взгляд ловит мой. Мы соприкасаемся глазами. Она чувствует, я знаю. Она знает, что сейчас во мне — буря. Вулкан. Катастрофа. В её взгляде — вызов.

"Ты ревнуешь, мистер Уинтерс?"

"Будешь ли ты бороться за меня, мистер Уинтерс?"

Чёрт, ты даже не представляешь, как решительно я собираюсь это сделать.

Сегодня ты уйдёшь со мной, Тесса Чон.

Можешь не дёргаться. Я уже выбрал тебя. Теперь твоя очередь выбрать — насколько громко ты будешь стонать моё имя этой ночью.

Глава 17. "Когда никто не видит"

--- ~ Александр ~ —-

После захватывающей речи моих родителей нас пригласили в зал с накрытыми столами, где стояли разные закуски, десерты и многое другое — всё, чтобы гости могли и дальше наслаждаться этим вечером. Я выпил ещё несколько бокалов виски. Голова закружилась, в теле появилась лёгкость. Охмелел. Был готов покорять горы. Хотя мне нужна была только одна гора — **Тесса**.

Я хищно наблюдал за ней, как она легко и грациозно общается со всеми. Улыбается, кивает, смеётся.

Летала между людьми, как бабочка — изящная, лёгкая, сияющая. А я... сидел в чёртовом кресле, медленно глотая виски, и сгорал.

Каждый её смех отдавался в теле, как укол. Каждый её наклон вперёд — боль. Каждое прикосновение с другим мужчиной — пытка.

А теперь, после того как все узнали, чья она дочь — генерала страны, мать его, — она стала эпицентром внимания. Её буквально окружили. И я не мог к ней подступиться.

— Ну что ты, долго ещё юбку мять будешь? — не унимался Джейкоб, толкая меня в бок. — Подойди уже к ней. Обозначь свои намерения.

— Иди ты к чёрту! — вспылил я, шумно выдохнув. — Думаешь, это так просто?..

Он лишь мотнул головой, как отец, разочарованный сыном.

— Вот, смотри, момент — она свободна. Подкатывай уже. Ты чего как девственница?

Прежде чем я успел ответить, он толкнул моё кресло прямо в её сторону. Я чертыхнулся, собираясь отругать его, но тут Тесса заметила движение, обернулась и…**улыбнулась**. Шла навстречу. Медленно. С достоинством. Как будто знала — я смотрел только на неё весь вечер.

— Тесса, забери этого ворчуна, — вдруг выпалил Джейкоб, — он мешает мне побыть со своей женщиной.

Я вполголоса процедил:

— Ну ты сукин сын… Тебе не жить.

Он ржал, как конь, довольный собой.

— Смотри, заберу босса под своё крылышко — потом плакать будешь, — поддела его Тесса, бросая на меня искристый взгляд.

— Уже плачу, Тесса, — состроил страдальческую мину Джейкоб, почти изображая слёзы.

Мы все трое засмеялись.

К нам подошла Мэрилин, мило со всеми поздоровалась, что-то шепнула Джейкобу на ухо — и тот, как щенок, расплылся в улыбке, попрощался и исчез вместе с ней. Видимо, у них были планы, не терпящие отлагательств.

Я переглянулся с Тессой.

— Может, присядем? Перекусим чего-нибудь?

— С удовольствием, — мягко ответила она.

— Обещаю быть абсолютно неприличным, — сказал я, и она вздрогнула. Не от страха. От того, как именно я это сказал.

Мы прошли во второй зал, где уже активно разместились гости — кто-то наслаждался десертами, кто-то уже заказывал что покрепче. Мы заняли укромный столик — в стороне от основной массы, но не в уединении. Так, чтобы быть среди людей, но и вдвоём.

Нам принесли нарезки, морепродукты, напитки. Я хотел, чтобы Тесса попробовала всё — **со мной**. Видимо, перебрал с виски, потому что у меня проснулся**синдром заботливого ублюдка**.

Мы начали с лёгкой еды.

Поглядывали друг другу в глаза, как два заговорщика. А когда принесли торт, я не отказал себе в удовольствии покормить её с ложечки. Она упи-

ралась, смеялась, играла, но в итоге поддалась.

Потом она попыталась покормить меня.

Я придвинул её стул ближе. Очень близко.

Реснички у неё затрепетали, дыхание стало тише. Я положил руку ей на ножку, которая кокетливо выглядывала из-за разреза платья. Её кожа была горячей. Я слегка наклонился:

— Красивое платье, Тесса, — сказал я тёмным, нежным голосом.

На её щеках вспыхнул румянец.

— Благодарю, — тихо ответила она, почти не глядя в глаза.

Моя рука гладила её бёдро, и я чувствовал, как она немного напряглась. Посмотрела на меня, в глазах — тревога, но не страх**. Возбуждение**. Моя рука пошла выше. Намного выше.

Глаза Тессы расширились.

Она замерла.

Быстро оглянулась по сторонам.

Её дыхание сбивалось, она пыталась сохранять лицо. Но под столом моя рука уже орудовала как хотелось.

— Вкусный торт, — сказал я, глядя на неё с усмешкой.

— Да... очень... — выдохнула она. Голос дрожал.

Мои пальцы были почти у цели.

Она сглотнула.

Пальчики сжались на салфетке, как будто только это удерживало её от того, чтобы закричать.

— Тесса...

— Да?

— Я с ума схожу от тебя.

Она улыбнулась и наклонилась ближе.

— Вы просто пьян, мистер Уинтерс.

— Нет… Я опьянён тобой. Ты затмила весь этот чёртов вечер, Тесса. Ты… ты словно капкан, в который я с радостью попался.

Она улыбается. Вот этот её взгляд — он распускает во мне все дьявольские намерения.

— Ты ведёшь себя безумно — её голос дрожал.

— Я давно не в себе, Тесса. С того момента, как ты появилась в моей жизни.

Она не ответила. Только положила свою ладонь поверх моей. Не оттолкнула. Просто положила.

Ноги её скрещены, одна нога слегка выглядывает из разреза. Она облизывает губы, пробует клубнику. И я… всё. Я больше не могу быть вежливым.

— Раздвинь ножки, детка, — шепчу я ей.

Она вспыхивает. Краснеет.

— Александр... держи себя в руках, — шепчет сквозь зубы.. — здесь люди.

Мои пальцы скользят выше. Медленно. Неотвратимо.

Я ухмыльнулся.

— Пусть смотрят. Они всё равно не узнают, что я делаю с тобой под этим столом.

И она раздвигает. Неуверенно. Быстро оглядываясь. Я добираюсь до кружева трусиков. Провожу пальцем по ним.

— Умница моя… ммм… — я почти не двигаю губами, шепчу ей это так близко, что ощущаю, как дрожит воздух между нами.

Она держит в руке бокал шампанского, делает вид, что спокойно беседует. А я… я продолжаю ласкать её под этим чёртовым скатертым столом, как извращенец, как одержимый. Но я не остановлюсь. Уже нет.

Пальцы медленно скользят по внутренней стороне её бедра. Я не тороплюсь. В этом моё мучительное удовольствие — видеть, как она пытается держаться. Как прикусывает губу, чтобы не выдать себя.

— Всё хорошо… — я гладко, мягко вклиниваюсь в её личное пространство. — Просто улыбайся… Пусть думают, что я рассказываю тебе очень интересную историю...

Она кивает, кивок резкий, как у той, что на гра-

ни. Подносит бокал ко рту, делает глоток, чтобы спрятать всхлип — да-да, он был, я его чувствовал, как свою победу. Её клитор пульсирует под моими пальцами, как будто взывая: «Ещё».

Я массирую её сквозь ткань трусиков — кружево тонкое, промокшее. Горячее. Измученное ожиданием.

— Я хочу, чтобы ты кончила здесь. За этим чёртовым столом. — говорю ей прямо, без утайки, и голос мой уже не шепчет — он жжёт, обжигает.

Она резко сжимает моё предплечье. Пальцы тонкие, но хватка цепкая. Дрожащие губы приоткрыты, дыхание сорвалось.

— Александр… ты… — она почти не дышит. Я слышу, как её голос хрипит, как в нём столько боли, желания и смущения.

Я подаюсь ближе, мой нос касается её виска, и я чувствую аромат её волос — этот запах теперь прописался в моих фантазиях.

— Да, сладкая, я… — шепчу, и в это же мгновение медленно отодвигаю в сторону её кружевные трусики.

Подушечками пальцев касаюсь самого центра. Горячо. Влажно. Чистое наслаждение. Её мука — мой наркотик.

— Боже… — шепчет она и зажмуривается на

секунду.

— Нет, это не Бог. Это я, Тесса.

Я вхожу в неё двумя пальцами. Медленно. Очень медленно. И её тело сходит с ума. Она пытается удержать лицо, но губы выдают. Её грудь приподнимается, дыхание хрипит.

— Ты должна выдержать, милая. Держи лицо, как леди. Но под столом… будь моей шлюшкой.

Она всхлипывает. Звук такой тихий, что его бы не расслышали даже те, кто сидит рядом. Но я слышу.

— Я не могу… — её голос — едва слышный рваный ветер.

— Можешь. И сделаешь это. Для меня.

Я ускоряю движения. Её бедро дрожит. Я слышу, как внутри неё всё сжимается.

— Посмотри на меня, — прошу её тихо. — Я хочу видеть, как ты таешь… Ради меня. Здесь. Сейчас.

Она поворачивает голову. Глаза… Господи. Такие полные желания, боли и предательства всех правил. Такие, которые говорят: «Я не должна… но хочу».

Мои пальцы двигаются — мягко, в ней, всё глубже. Она хватает столешницу, ногти впиваются в древесину. Плечи напряжены, спина выгибается едва заметно. А я не останавливаюсь. Ни за что.

— Ты вся дрожишь, Тесса. Такая покорная, такая послушная. Тебе нравится, детка?

Она закрывает глаза. Кивает. Всего один раз. Но этого достаточно.

— Скажи мне, что хочешь, чтобы я не останавливался.

— Я… — она судорожно глотает. — Хочу…

— Громче, — я усиливаю давление. — Я не слышу.

— Хочу, чтобы ты продолжал… пожалуйста…

— Вот так, умница, — я чувствую, как её мышцы сжимаются, как тело предательски выдаёт её.

Она почти на грани. Я веду её туда, по тонкой грани между шоком и оргазмом. Её бёдра подрагивают, дыхание срывается, и…

— Сейчас… — она выдыхает. — Александр… я…

И тут я прошептал:

— Кончи для меня.

И она срывается. Молча. Без звука. Её рука всё ещё сжимает мою. Я чувствую, как она проникает в свою бездну удовольствия, как тонет. Ради меня. Из-за меня.

Я вынимаю руку из-под стола, тянусь к губам — пальцы ещё тёплые, влажные, пропитаны её. Я хочу почувствовать вкус победы. Её вкус. Этот момент — мой личный адреналин.

Тесса перехватывает мою руку резко. Её глаза блестят, дыхание сбивчивое, губы приоткрыты, но взгляд строгий. Или пытается быть.

— Ты что собираешься сделать? — голос сорвался, как струна. Но в нём — не страх. Там вызов. И азарт.

— Собираюсь попробовать тебя на вкус, — говорю спокойно, будто речь идёт о вине на дегустации.

Снова подношу пальцы к губам, но она резко хватает салфетку и вытирает мою руку. Её прикосновения дрожат — слишком сильно, чтобы это было безразлично. Слишком быстро, будто сама не может выносить мысль о том, что я**действительно**это сделаю.

— Ты точно совсем рехнулся, — шипит она, стараясь сохранять самообладание.

Я улыбаюсь. Медленно. С тем самым хищным прищуром, от которого она всегда теряет контроль.

— Подумаешь… — лениво откидываюсь на спинку кресла. — Значит, попробуем по-другому.

Она не успевает спросить, что именно я имею в виду. Я хватаю её за запястье, медленно, но уверенно тяну руку к себе. Поворачиваю её ладонью вверх. Её дыхание сбивается — и я чувствую это.

— Раз уж ты не дала мне попробовать твой вкус… тогда… попробую вкус на тебе, — шепчу, и мой голос уже хриплый от желания.

Я касаюсь её внутренней стороны запястья губами. Сначала едва-едва. Потом языком — медленно, намеренно. Смакую её, как редкое вино. Она вздрагивает. Я знаю, что её пульс там бешеный. Знаю, что у неё уже всё сводит внутри. Я сжимаю её руку сильнее, не давая отдёрнуть.

Тесса всхлипывает, кусает губу. Она на грани. Она либо встанет и сбежит… либо поддастся. И мы оба знаем — выбор уже сделан. Её тело приняло его за неё.

-- ~ Тесса ~ —-

Я только что кончила. Прямо за этим проклятым банкетным столом. Среди людей. В платье, в котором едва дышу. Под светом люстр и звоном бокалов.

Александр сидит рядом. Улыбается. Будто ничего не случилось. Будто его пальцы пару минут назад не были глубоко во мне.

Я вся горю. Меня трясёт изнутри. Я держу бокал, как спасательный круг, и молюсь, чтобы никто не заметил, как дрожат мои пальцы.

— Ты просто божественна, — шепчет он, едва касаясь губами мочки моего уха.

Я вздрагиваю. Сжимаю бёдра. Это — инстинкт. Как будто смогу удержать хоть что-то после того, как он сорвал с меня контроль и выкинул его к чёртовой матери.

Я никогда не считала себя склонной к эксгибиционизму, наоборот — всегда думала, что подобное меня пугает. Но, чёрт возьми… то, что делал Александр у меня между ног — это было нечто за гранью приличия и понимания. Он не спрашивал — он просто знал. Знал, как коснуться. Куда. Когда. Как заставить меня вздрагивать, замирать и буквально тонуть в собственном теле.

Я сидела за столом, будто привязанная к стулу, но на самом деле удерживала себя только силой воли. Если бы не она, я бы уже сорвалась — застонала, вскрикнула, вцепилась в него и потребовала продолжения.

Всё моё тело пульсировало, как струна, натянутая до предела, и каждый его тонкий, выверенный жест между моих бёдер только сильнее натягивал эту струну.

Боже, что он делает со мной?

Пальцы Александра действовали мягко, точно и бесстыдно, как будто мы были не в переполненном банкетном зале, а в его спальне, где он имел полное право исследовать моё тело. Я чувство-

вала, как его ладонь слегка дрожит, прячась под скатертью, как осторожно, но уверенно он скользит по моим шелковистым трусикам, а потом, касается меня там — прямо, точно, по-живому.

Моё дыхание сбилось. В висках стучало. Всё вокруг словно расплылось в мягком мареве. Речь за столом, звон бокалов, лёгкий смех — я слышала их, но как будто издалека. Всё моё внимание было сконцентрировано на ощущении его пальцев. Один скользкий круг. Второй. Третий. Я невольно прикусываю губу, пряча стон, который уже вырывался на свободу.

Мне было так хорошо, что я хотела ещё. И ещё. Но признаться ему в этом? Никогда. Он не должен знать, как легко ломает мои границы, как сводит с ума одним движением пальцев.

Он знал, что делает.

Дьявол.

Этот мужчина изучал моё тело, как будто читал его по карте. А ведь я не говорила. Не просила. Даже не дышала в его сторону особенным образом. Но он чувствовал. Чувствовал каждую дрожь, каждый мурашечный вздох, каждый миллиметр моего желания.

Мне нужно было остановить его. Я точно знала, что нужно. Но я не могла.

Моё тело уже предало меня. Оно выгибалось под скатертью, бедра чуть-чуть сдвинулись навстречу его руке. Я буквально впилась пальцами в край стола, делая вид, что внимательно слушаю соседей. Я не слушала. Я растворялась в нём. В том, что он делал. В жаре, разливающемся по венам.

А потом... Это случилось.

Я почувствовала, как по мне пронеслась волна. Она начиналась где-то глубоко внутри — как жар, как вспышка, как трещина в контроле.

Я зажмурила глаза и выдохнула.

Лёгкий, тихий выдох, но такой насыщенный наслаждением, что я сама себя испугалась.

Оргазм подкатил внезапно, обрушился, растёкся по всему телу до кончиков пальцев.

Внутри словно вспыхнуло солнце. Я едва не расплакалась — от чувства стыда, удовольствия, и... чего-то гораздо большего. Он смотрел на меня и всё понимал. Слов не нужно было.

От оргазма в голове стоял туман, сладкий и обволакивающий, как облака из розового вина. И всё, о чём я могла думать, — если он пальцами творит такое... что же он сделает, когда дойдёт до главного?

Я неосознанно крепче сжала бёдра, словно

защищаясь от собственных мыслей — и он это почувствовал. Конечно почувствовал.

— Ещё хочешь? — его голос низко и горячо прорезал пространство между нами. Я медленно открыла глаза, повернулась к нему, а он смотрел на меня с хищной ухмылкой и лукавым прищуром. — Ты только скажи. Я сделаю это снова. Прямо здесь.

Слова застряли у меня в горле. Я наверняка была цвета спелой вишни. Платье с глубоким вырезом вдруг стало казаться слишком открытым, кожа — слишком чувствительной, а его рука — всё ещё держащая мою — невероятно интимной.

Он не отпускал меня. Смотрел пристально, изучающе, как будто хотел проникнуть в меня взглядом.

Его взгляд... о, этот взгляд.

Он скользил по мне, как ласкающий огонь. Его глаза, серо-голубые, холодные и обжигающие одновременно, будто раздевали, терзали, читали мои мысли. Я чувствовала, как волна желания снова поднимается где-то внутри, хотя я ещё не оправилась от предыдущей.

— Может, уйдём отсюда? — прошептал он, наклоняясь ближе, его нос коснулся моего виска, и я с трудом сдержалась, чтобы не застонать снова

— на этот раз от одного его голоса.

Я знала, что он предлагает. И знала, что соглашусь, если он предложит чуть настойчивее.

Но я должна была сохранить лицо. Хоть немного. Хоть видимость. Хоть видимость контроля.

— Хочешь прогуляться? — выдохнула я, стараясь удержать лёгкую улыбку, но мой голос дрожал.

— Я не люблю гулять. Но с тобой… я бы не только прогулялся, — ответил он, и его голос прошёлся по моей коже, как бархатная плеть.

Прежде чем я успела что-то сказать, к нему подошли двое мужчин — важные, с деловыми лицами. Он обернулся к ним, но его рука на моей оставалась — горячая, властная. И только когда разговор начался, он отпустил меня, как будто нехотя.

Я воспользовалась этим. Встала. Ушла.

Скользнула прочь, пока он не смотрел, пока был занят.

Меня трясло.

Александр Уинтерс довёл меня до оргазма. На банкете. Посреди гостей. За столом. Это звучит как из романа. Или из порно. Но это реальность. Моя реальность. Я дрожала — и не от страха. От возбуждения. От шока. От безумного желания,

которое он только разжёг.

Я хихикнула себе под нос.

Он может быть таким пошлым. Напористым. Наглым. От него пахнет сексом. Тем самым, после которого не сможешь встать с постели. Который ломает. Который не забывается.

Я нашла Дженну и Кэссиди. Присоединилась к ним, стараясь быть собой. Смеялась, попивая коктейль, ощущая, как мои бёдра ещё отзываются послевкусием удовольствия.

Но мысли были не здесь. Не с ними.

В зале стало душно. Я извинилась и пошла на улицу, к ночному воздуху.

— Я отойду ненадолго, — прошептала я Дженне.

— Хочешь, я с тобой? — мягко спросила она.

— Нет, останься, — прошептала я, поцеловав её в щёку.

Я шла к выходу, босая внутри, пульсирующая, оголённая, хоть и одетая в бархат. Небо было тёмным и чистым, звёзды — ярче обычного. Ночной ветер обдал кожу. Он был свежим, хищным, как сам Александр. Я углубилась в сад, нашла скамью. Села. Запрокинула голову.

Прикрыла глаза. Дышала.

И вдруг услышала:

— Ты от меня прячешься? — его голос тёплый, с хрипотцой, но в нём уже наэлектризованная угроза: он не любит, когда от него ускользают.

Я вздрогнула. Повернулась. И сразу утонула в этих глазах пронзающие мою душу.

— Нет… Просто захотелось свежего воздуха, — шепнула я, не сводя взгляда с его лица. Хотя внутри всё дрожит. Не от страха — от возбуждения.

Он приближается. Плавно, как хищник, решивший, что жертва уже никуда не денется. Останавливается прямо передо мной, его колени почти касаются моих. Он в кресле, но я чувствую, как будто это я сейчас под ним.

— А мне показалось, ты сбежала. От меня. После того, что произошло.

Я молчу. Не знаю, что ответить. Да, я ушла. Потому что иначе я бы прыгнула на него прямо за тем столом, не думая ни о статусе, ни о людях вокруг. Потому что этот мужчина сводит меня с ума. А я боюсь потерять себя в нём..

— Такие ощущения для тебя в новинку? — он прикусывает нижнюю губу, наклоняется ближе, его пальцы едва касаются моего колена. Его голос бархатный, опасный. — Неужели никто не играл с тобой так прежде? — Я вижу, ты вся напряг-

лась...Скажи, что ты чувствуешь…

Я закрываю глаза, потому что не могу выдержать этого взгляда. Он смотрит на меня так, будто уже владеет мной. Будто я его собственность. И в этом есть что-то… чертовски возбуждающее.

— Александр... — прошептала я, но он перебил:

— Подожди… для начала надень это, — его голос низкий, почти бархатный, повелительный, прерывает ночную тишину.

Он снимает с себя пиджак и, одним движением — словно в кино, щёлк — раскрывает его, накрывая мои плечи. Как пледом. Как личной печатью. Как отметкой: моя.

Плотная ткань ложится на меня, как доспех, как прикосновение самого Александра. Словно он обнял меня невидимыми руками. Его тепло окутывает, пронзает, успокаивает… и одновременно заводит ещё сильнее.

Я вдыхаю. Глубоко. До дрожи.

Запах его парфюма — это не просто аромат. Это соблазн. Он пахнет деревом, кожей и грехом. Властный, мужской, хищный.

Он не просто приятный. Он сводит с ума. Тот самый мужской аромат, который цепляется к волосам, к коже, к сознанию. И я — как наркоманка — цепляюсь пальцами за ворот пиджака, втяги-

вая аромат в лёгкие. Словно им можно напиться. Словно он может заменить воздух.

Александр замечает мой жест. Его губы подрагивают в хитрой, почти хищной ухмылке.

— Что-то не так? — спрашивает, и голос у него такой, будто он уже знает ответ.

Я смотрю на него, чуть виновато улыбаюсь:

— Ты... пахнешь... вкусно, — признаюсь я. Голос предательски срывается.

Его глаза темнеют. Он двигается ближе. Медленно, опасно, с кошачьей грацией. Как лев, готовый к прыжку. Его нос скользит по моей щеке. Я замираю — весь мир вокруг исчезает. Есть только этот контакт. Его дыхание. Его кожа. Его тепло.

Я закрываю глаза. Чёрт, как же он действует на меня.

Он тянется к моим губам.

Я не отстраняюсь.

Наоборот — приближаюсь.

Наши губы встречаются. Осторожно, мягко, как будто мы боимся разрушить этот миг. Как будто не уверены, позволено ли нам это. Но затем...

Страсть взрывается.

Поцелуй становится голодным, диким, неконтролируемым. Александр сжимает меня в объя-

тиях, и за секунду — он уже усаживает меня на свои колени. Мои руки инстинктивно хватают его за шею, вцепляются в волосы.

Я тону в его поцелуе.

Губы, язык, дыхание — всё в этом мужчине сводит с ума. Он целуется так, как будто хочет вписать меня в себя, оставить на мне следы, забрать с собой каждый мой вздох.

— Чёрт… — выдыхает он мне в губы, сжимая мою ягодицу крепкой рукой, так, что я чуть не вскрикиваю от удовольствия. — Я не могу… не хочу останавливаться…

Его голос дрожит от напряжения, от желания. Он такой же на грани, как и я.

И вот сейчас, именно сейчас, мне плевать. Плевать на рамки, правила, приличия.

Плевать, что он мой босс.

Плевать, что за стеной — гости, банкет, люди.

Мне хочется только одного — его. Целиком. Без остатка. Без "потом". Только здесь и сейчас.

— Проклятье… — шепчет он, срываясь с дыханием. — Скажи только одно слово — и я заберу тебя отсюда. Сейчас. Прямо сейчас.

Его рука скользит под пиджак, на мою спину, пальцы осторожно прочерчивают линию позвоночника.

Я ощущаю, как он дрожит от сдерживаемого желания.

Он хочет. И хочет сильно.

Его дыхание тяжёлое, грудь поднимается резко, глаза горят. Он смотрит на меня, как будто я — последняя капля здравого смысла, за которую он ещё цепляется.

Он мой грех, от которого я не хочу очищения.

— А если я не скажу ни слова? — отвечаю я, глядя ему прямо в глаза.

Он улыбается уголком губ, так, что у меня по спине проходит дрожь. Его губы вновь находят мои. Этот поцелуй уже не о поиске. Это поцелуй собственника. И я сгораю в нём.

Глава 18. "Обожжённая сердцем"

--- ~ Тесса ~ —-

Если бы кто-нибудь пару месяцев назад сказал мне, что я окажусь в саду роскошного ресторана, сидя на коленях у Александра Уинтерса — легенды юриспруденции, безумно привлекательного, опасного и властного мужчины, задыхаясь от страсти, которая будто густой липкий мёд стекает по венам, я бы крутанула пальцем у виска и отправила собеседника на срочную консультацию к психиатру. Честное слово.

Но вот я здесь. Его пальцы обжигают мою кожу. Его дыхание срывается с губ, обдавая шею горячим воздухом, пахнущим дорогим виски и чем-то необъяснимо опасным. Этот человек захватил меня в плен. Сладкий, тягучий, как мёд. И мне… мне совсем не хочется вырываться.

Остатки разума всё-таки пытаются до меня достучаться.

«Нет, Тесса! Остановись! Ты же сильная, чёрт возьми! Где та холодная, дерзкая девчонка? Где твоя сталь сейчас, а? Где твоя непоколебимость? Ты уже на краю, Тесса. Остановись, дурочка! Не-

ужели всё растаяло от его поцелуев?»

Александр склонился ближе, его губы прижались к моим, и я на мгновение провалилась в это безумие.

Глубокий, жадный поцелуй.

Его язык жадно вторгся в мой рот, обжигая, требуя, беря. Чёрт возьми, как он это делает?! Мир перестал существовать. Тело пульсировало, требуя большего. Я сама уже почти стянула с себя это чертово платье, когда…

Он потянул за бретель, его ладонь скользнула по моей груди, почти коснувшись. А в его глазах… пылал огонь. Тот самый. Который либо согревает, либо сжигает к чертям.

И вот в этот момент я поняла: нужно остановиться. Немедленно. Пусть даже каждая клетка тела орёт от желания.

Я резко отстранилась и оттолкнула его руку.

— **Нет!** — сдавленно выдохнула я, тяжело дыша.

Вскочила на ноги, дрожащими руками поправляя платье и укутываясь в его пиджак, всё ещё пахнущий его парфюмом — густым, дерзким, властным ароматом, словно это могло защитить меня от него… от самой себя.

Он смотрел на меня, моргая, как будто не верил

в происходящее. На его лице отразилось всё: и замешательство, и злость, и… обида? Серьёзно? Этот человек, который едва не трахнул меня в саду — и теперь ещё и обижен?

— **Что?.. Нет?** — повторил он, хрипло, почти с усмешкой. — **Я что-то сделал не так?**

Я вздохнула, стараясь восстановить дыхание. Боже, как же сложно с ним говорить, когда внутри всё горит. Подняла взгляд. Его лицо — красивое, резкое, суровое — казалось чужим в этот момент.

— **Всё… так. Но… нам нужно остановиться.**

Он издевательски усмехнулся. Ярко, горько, с ноткой насмешки.

— **Ты серьёзно? Тесса… ты кончала от моих пальцев в зале, полном людей**. — голос его был низким, обволакивающим, но с ядом на языке. — **А теперь вдруг «надо остановиться»? Почему? Думаешь, я не смогу…?**

Я не дала ему договорить.

— **Нет! Я так не думаю!** — перебила я его резко. — **Просто… всё происходит слишком быстро.**

— **Ах, вот как?** — его глаза сузились, и я поняла — он взбешён. — **Между нами происходит то, что должно происходить между мужчиной**

и женщиной. Нас тянет друг к другу. Почему бы не получить от этого удовольствие? — его голос стал почти ласковым, но я уже слышала в нём холод.

Его слова ударили больнее пощёчины. Всё, что я до этого чувствовала — желание, тягу, дрожь, восторг — смыло ледяной волной.

Господи, да он что, всерьёз считает меня кем-то вроде развлечения на вечер? Просто тело, чтобы расслабиться? Меня накрыло злостью. Я сжала кулаки.

— Я думаю, на этом пора закончить. — холодно сказала я, подняв подбородок. **— Ещё раз поздравляю с днём рождения, мистер Уинтерс. Доброй ночи.**

Развернулась на каблуках, сердце бешено колотится. И уже почти сделала шаг, когда его голос догнал меня, грубый, хриплый:

— Тесса! Ты сейчас серьёзно?! После всего что было, ты хочешь уйти?!

Я обернулась. Он сжав кулаки, костяшки побелели. В его взгляде уже не было страсти. Только ледяное презрение и… собственнический гнев. Как будто я нарушила его планы.

А вот и плата за гордость.

Хотела что-то сказать, но тут послышался голос

со стороны.

— **А вот вы где!** — Кристиан подошёл ближе, бросив взгляд то на меня, то на Александра. — **Александр, тебя отец ищет.**

Александр молча смерил меня взглядом, в котором не осталось ни капли тепла, и покатил к двери, обдав ледяным безразличием. Я смотрела ему вслед и понимала — этот человек не привык к отказам. Он не терпит, когда с ним не по его правилам.

Мы с Кристианом пошли следом, и я чувствовала себя опустошённой. Вечер подходил к концу. Александр вышел на сцену с благодарственной речью. Говорил идеально. Выверено. Ледяным голосом. Его взгляд скользил по гостям, останавливаясь на каждом… кроме меня. Я для него как пустое место. И плевать, что ещё десять минут назад он целовал меня так, будто хотел во мне раствориться.

И тут к нему на сцену подошла блондинка. Идеальная. Глянцевая. Изящная, как кукла, вся в золоте и бриллиантах. Она положила руку ему на плечо. Не случайно. По-хозяйски. Как будто помечая территорию.

В груди что-то болезненно сжалось.

Дыхание перехватило.

Кристиан наклонился ко мне.

— **Это Изабелла Харпер. Невеста Александра. Что?!**

Всё внутри сжалось. Как будто кто-то воткнул нож и медленно проворачивает. Я уставилась на эту картинку: он и она. И поняла. Я для него действительно была просто… развлечение на вечер.

Невеста.

Вот и всё. Всё стало на свои места. А я? Глупая, наивная, что поверила в хоть какую-то искру между нами. Позор. Отвращение к самой себе затопило. Как я могла…?

Горечь заполнила горло. Позор, досада, злость на саму себя.

«Ты что, думала, что будешь особенной? Он таких, как ты, щёлкает, Тесса.»

Я не выдержала. Поспешила к выходу, чтобы не задохнуться в этой золотой клетке. Хотела вызвать такси, но Кристиан догнал меня.

— **Тесса, ты куда?** — догнал меня Кристиан.

— **Домой… Вечер закончился.** — огрызнулась я, сама не понимая, почему злость так и кипит.

И мне было плевать. Лишь бы уехать отсюда, подальше от этих взглядов, от его холодных глаз, от этой тошнотворной сцены. Лишь бы не дать волю своим чувствам..

Кристиан внимательно посмотрел на меня, будто всё понял.

Он молчал, а я пыталась не расплакаться прямо тут. Потому что на самом деле меня сдавливало в груди не от обиды. От того, что где-то там, глубоко, я на что-то надеялась. И вот теперь получила по заслугам.

— **Позволь, я тебя отвезу.**

Я кивнула, сжав зубы.

— **Буду благодарна.**

И вот только в машине, когда мы тронулись с места, я позволила себе опустить голову, прикрыв глаза. Горло жгло от сдерживаемых слёз.

«Вот и всё, Тесса. Вот ты и получила свою дозу реальности.»

-- ~ Тесса ~ —-

Я сидела в машине, глядя в окно на уличные фонари, что с ленивым равнодушием рассыпали бледный свет на мокрый асфальт. Внутри меня всё ещё клубился ком из пережитого вечера — из ревности, злости, обиды и какого-то странного разочарования. А Кристиан… он оказался удивительно тактичным человеком. Видимо, он всё понял, ничего не спрашивал, аккуратно подбирал слова, будто боялся задеть за живое. И я ценила это. По-настоящему.

Он начал рассказывать о своей работе. Спокойно, с лёгким огоньком в глазах, когда речь заходила о пациентах. Я слушала его, почти не перебивая, цепляясь за каждое слово, словно они могли вытянуть меня из того мутного болота эмоций, в котором я захлёбывалась.

— Есть у меня один мальчишка, — проговорил Крис, повернувшись ко мне боком, чтобы видеть моё лицо. — Весь в трубках, с диагнозом, от которого у многих руки опускаются. А он... держится. Такой сильный… Знаешь, Тесс, в нём, пожалуй, больше воли к жизни, чем у нас с тобой вместе взятых.

Я вскинула взгляд на него, а потом чуть улыбнулась. Этот его рассказ оказался именно тем спасательным кругом, за который я судорожно схватилась.

— Ты молодец, что борешься за таких детей, — тихо сказала я, ощущая, как мои мысли понемногу проясняются.

Кристиан кивнул и ухмыльнулся:

— Я просто делаю свою работу. А вот люди вроде тебя — это редкость.

Мы ехали медленно, как будто он специально растягивал время. А в какой-то момент вообще обнаружилось, что мы свернули не туда.

— Чёрт, — усмехнулся он. — Похоже, я намеренно хочу тебя украсть.

Я хмыкнула, впервые за вечер по-настоящему улыбнувшись:

— Да ты смотри, а то я ещё соглашусь.

Он взглянул на меня, и в его глазах промелькнуло что-то такое… тёплое, чуть озорное.

Когда мы наконец подъехали к моему дому, Кристиан вдруг остановил машину и повернулся ко мне всем корпусом. Его лицо в свете фонаря казалось удивительно мягким, искренним.

— Ты замечательная, Тесса, — сказал он, и его голос стал каким-то непривычно тёплым. — У тебя взгляд… без осуждения. Ты умеешь принимать людей такими, какие они есть. Я давно не встречал таких, как ты. И думаю, мне сегодня сказочно повезло.

Я чуть отстранилась, сдерживая улыбку.

— Кто же был до меня? — с лёгкой насмешкой спросила я.

— Моя мама, — неожиданно серьёзно ответил он. — Ты мне её очень напоминаешь.

Я замолчала. А потом, чуть запнувшись, спросила:

— А… твоя мама?..

Кристиан опустил взгляд, и в его глазах мелькнуло

нула грусть.

— Умерла. Два года назад.

— Прими мои соболезнования… — я коснулась его руки, стараясь, чтобы это касание было мягким, поддерживающим.

— Спасибо, Тесс, — улыбнулся он чуть грустно, но искренне.

Мы уже почти прощались, когда он вдруг снова повернулся ко мне.

— Знаешь… я безумно рад, что ни Джейкоб, ни Александр на тебя не претендуют, — усмехнулся он, как будто только что выиграл партию в шахматы.

Я удивлённо вскинула брови:

— Я что-то не совсем поняла…

Кристиан рассмеялся:

— Я был сражён тобой сегодня, как только ты вошла в зал. А потом… решил заранее узнать, есть ли у кого-то из парней на тебя виды. Джейкоб крутит роман с Мэрилин, ну а наш бездушный Александр… ты, оказывается, не в его вкусе.

Меня как током дёрнуло. Не в его вкусе?! Я молча уставилась на Криса, не в силах скрыть недоумение.

— Не в его вкусе? — переспросила я, стараясь, чтобы голос звучал безразлично, но, чёрт возьми,

мне это слабо удалось.

— Ну да, — пожал плечами он. — И я рад. Не хотелось бы мне соперничать с другом.

Ага… вот оно как. Значит, я не в его вкусе. Конечно. Я — полная противоположность его сладенькой, идеальной невесты. Вот же сволочь! Знала бы она, что её благоверный вытворял со мной под моим платьем, а потом ещё в саду… Господи, какая стыдоба!

Я глубоко вдохнула, с трудом подавляя прилив эмоций. Нужно было взять себя в руки.

— Не переживай, Кристиан, — выдала я с самой обаятельной улыбкой. — Александр тоже не мой типаж. А вот ты… ты совсем другое дело.

Он засиял, как ребёнок, которому подарили новую игрушку. Ещё секунда — и, кажется, готов был бросить машину и поднять меня на руки.

— Спасибо, что подвёз, — добавила я, уже открывая дверь.

— Я рад, что познакомился с тобой, Тесс, — проговорил он вслед, пока я выходила из машины.

Я направилась к своему дому, ощущая, как злость, обида и какая-то злая ирония расползаются внутри по телу, оставляя после себя лёгкое жжение. Чёртов Александр… не в его вкусе, значит? Ну-ну. Увижу я ещё, как ты будешь врать

себе дальше.

Дверь за мной захлопнулась с глухим щелчком. Дом встретил тишиной и прохладой. Я облокотилась спиной о стену, скользнула по ней плечами, закрыла глаза. Платье стало тесным, воздух — тяжёлым. Удивительно, как быстро можно устать от чужих взглядов, от фальшивых улыбок, от этого глянца, под которым ничего, кроме пустоты.

Я сбросила туфли. Голые ступни с облегчением коснулись холодного пола. На секунду показалось — вот сейчас, сейчас станет легче. Не стало.

В голове эхом отозвались его слова.

«Не в его вкусе.»

Я сама себе огонь, лёд и проклятие.

Пусть он только попробует.

Я покажу ему, что значит нарваться на Тессу Чон.

Я хрипло усмехнулась.

Да плевать. Правда. Ну правда же.

Только вот почему эта фраза вгрызлась под рёбра, словно осколок стекла? Почему вспоминается, как его пальцы вцепились в мою талию, как его губы ловили мои с такой жадностью, будто задыхался без этого? Почему дрожь пробегает по коже от памяти о его дыхании у самого уха, от этого хриплого «Тесса…» на грани срыва?

А теперь я — не в его вкусе.

Вот же ублюдок.

Я подошла к окну, приоткрыла его. Вдохнула ночной воздух. Город шумел где-то вдалеке. Звёзды равнодушно смотрели сверху, им было наплевать на мои чувства. Как и ему.

Телефон завибрировал.

Александр:

«Не смей вот так от меня уходить. Мы не закончили.»

Я усмехнулась. Этот человек никогда не оставляет ничего неоконченного. Ни дел, ни женщин, ни чужих душ. Хотела было написать всё, что накопилось — грязно, зло, откровенно. А потом выбрала самое холодное, что смогла.

Я:

"*Мистер Уинтерс, вы, кажется, ошиблись номером для своих претензий."*

Отправила. И ощутила какое-то мерзкое удовлетворение. Уж не знаю, почувствует ли он что-нибудь, прочитав это. Скорее всего — нет. Для него это игра. Для меня — слишком живая рана.

Словно в ответ, телефон снова вспыхнул. Но уже другое имя.

Кристиан:

«"Спасибо за вечер. Если захочешь завтра прогу-

ляться или просто поговорить — дай знать. К."

Я вздохнула. Этот человек — совсем другой.

Кристиан.

Я не ожидала, что человек, с которым я почти не была знакома, сможет вот так тонко почувствовать моё состояние. Он не задавал лишних вопросов, не лез в душу, не пытался разгадать по глазам, что со мной случилось. Он просто сел рядом и начал говорить.

Его голос…

Спокойный. Чистый. Без этих прокуренных ноток вечного превосходства, как у некоторых. Голос человека, который умеет слушать. Я уловила в его интонациях что-то редкое — искренность. Не натянутую, не дежурную. Настоящую.

А его глаза…

Тёмные, тёплые. Они не скользили по моему телу, не оценивающе останавливались на губах или декольте, как это делает Александр. В этих глазах я увидела спокойствие. Ту самую мужскую доброту, которая не требует доказательств. Он смотрел на меня так, будто я — человек, а не игра. Не трофей, не возможность. А просто я. И от этого внутри стало чуть легче дышать.

Он говорил про свою работу, про операции, про мальчишку, который держится из последних сил,

и в каждом его слове была забота. Та, которой так катастрофически не хватало мне в последнее время. Кристиан не пытался казаться кем-то. Не бросал громких слов. Он был внимателен к деталям: подал бутылку воды, когда я раскашлялась, аккуратно убавил громкость радио, как только заметил, что я нахмурилась. Не спрашивал, что случилось, но вёл разговор так, что я почти забыла о своей злости и обиде.

Он — полная противоположность Александру.

Если Уинтерс — это острые углы, это бескомпромиссность, это взгляд, от которого перехватывает дыхание, и власть, от которой невозможно укрыться… то Кристиан — это тёплый плед после грозы. Спокойное, уверенное присутствие, которое не давит. Он не требует доказательств лояльности, не хочет тебя завоевать. Он просто есть. И этим обезоруживает.

Мне давно никто так не говорил. Не потому что хочет что-то получить, а просто… чтобы сказать. Чтобы поддержать. Чтобы дать понять — ты не одна.

Я не знаю, что будет дальше. И не хочу спешить с выводами. Но Кристиан — это та редкая категория мужчин, о которых вспоминают с теплом, даже если всё закончится одним вечером. Потому

что он уже сделал то, чего не смог Александр — увидел во мне женщину, а не вариант на вечер.

Я ответила:

Я:

" И тебе спасибо, Крис. Мне было приятно. Договорились."

Телефон улетел на диван.

Я рухнула на кровать, закинув руки за голову. Пусто внутри. Больно. Грустно. Но больше всего — обидно. За себя. За то, что позволила себя в это втянуть. За то, что поверила. И за то, что где-то глубоко всё ещё надеюсь.

Хватит.

Я не его. Никогда не была. И больше — точно не буду.

Улыбнулась сама себе в темноте.

А завтра?

Завтра я снова надену улыбку.

Снова подниму голову.

Внутри ещё ноет и зудит от обиды, но уже просыпается другая — злая, красивая решимость. А вечером… кто знает. Может быть, и встречусь с Кристианом. Плевать. А если судьба решит свести меня с Александром Уинтерсом — то пусть хоть на голове стоит, теперь всё будет по моим правилам. Я больше не позволю ему писать сценарий

моей жизни.

--- ~ Александр ~ —-

За эти три чёртова года я ни разу не выходил вот так открыто на люди. Эти сцены, речи, тосты — для меня это всего лишь пыль. Жалкое лебезание. Они улыбаются мне, желают здоровья, поднимают бокалы, но я читаю в их глазах не искренность. Страх. Уважение ко мне давно уступило место банальному страху.

Я научился быть холодным. Научился скрывать всё, что во мне клокотало. Я стал ледяной глыбой с лицом приличного бизнесмена. Для всех этих ублюдков в зале я — властный инвалид, который держит полгорода за яйца, а вторую половину за горло.

Их взгляды скользят по креслу, по моим рукам, по неподвижным ногам. Думаете, я этого не вижу? Вижу. И именно поэтому моё имя всё ещё на устах, а не на могильной плите.

И я этого добился.

Я превратил свою слабость в оружие. Да, я в кресле. Наполовину бесполезное тело. Но моё влияние — целиком. И пусть попробует хоть кто-то забыть, кто здесь хозяин.

Все эти люди... кроме неё.

Тесса.

Моя маленькая, дерзкая, чертовски упрямая девчонка.

Именно она, чёрт бы её побрал, не испугалась. И не подчинилась. Она не боится.

Не смотрит снизу вверх. Не пытается угодить.

Она сопротивляется.

И это… сводит меня с ума.

Я открылся перед ней. Я, чёрт побери, почти сожрал её в банкетном зале. Губы, пальцы… как она трепетала передо мной. Я чувствовал её желание, чувствовал, как у неё перехватывает дыхание, как сердце в груди выстукивает бешеный ритм.

Когда я прижал её в саду — я видел в её глазах то, чего не видел давно.

Я видел, как она дрожит, цепляясь за остатки самообладания. Боялась меня. Жаждала. Сходила с ума от одного моего прикосновения. А я кайфовал от этого. Страсть, страх, желание — три стихии, взбесившиеся в её теле. И я сам тону в этой буре. Это чувство… чертовски сладкое падение в бездну. Опасное, запретное, но я жаждал ещё глубже затянуть её туда. До самого дна. Где уже нет ни страхов, ни правил. Только я и она.

Я слышал, как она стонала мне в губы, цеплялась за меня пальцами. Я знал — она хочет. Она горела этим желанием вместе со мной.

А потом…

Нет.

Ты, блядь, серьёзно?

Мне никогда не говорят "нет".

Она что, всерьёз решила, что если я в кресле, то могу доставить женщине удовольствие только пальцами?

Наивная, глупая малышка.

О, Тесса… если бы ты знала, как я тебя рвал в своих фантазиях.

Как ты стоишь передо мной на коленях.

Как я наматываю твои волосы на кулак.

Как твои губы оставляют следы на моём теле.

Ты бы, к чёртовой матери, покинула страну и изменила паспорт.

Я люблю извращённый, яркий секс. Люблю подчинять, контролировать, ломать стереотипы. Но с ней… мне захотелось большего. Её тепла. Её губ. Не просто трахнуть. А почувствовать.

А она… шарахается. От меня. От моих рук, от моего взгляда. Как от огня.

И как назло — Кристиан.

Этот чёртов правильный мальчик с честными глазами и печальными историями про маму. Что ты нашёл в ней, Крис? Чего ты там ищешь? Да пошёл ты нахрен со своей сентиментальностью.

Она моя женщина.

Да-да, моя.

Когда я увидел, как он наклоняется к ней, как шепчет что-то на ухо, как она улыбается ему…

У меня, кажется, вены вздулись на руках. Я был готов встать. ***Встать, блядь, с этого кресла.***

А потом ещё и Изабелла…

Какая же ты жалкая, Иззи. Ты нужна была мне тогда, когда я был сломлен, когда я цеплялся за тебя, потому что других не было. И даже тогда ты предпочла трахаться с врачом в соседней палате. Думаешь, я забыл? Думаешь, можешь вернуться, когда я снова на коне? Нет, детка. Иди к чёрту. Я тебя похоронил ещё три года назад.

Мой взгляд зацепился за бардовое платье. Отблеск, словно кровь.

Тесса. Она уходила. А рядом — Кристиан. Он уводит её.

Блять.

Я сам дал ему зелёный свет в начале вечера. Но теперь — нет. Теперь придётся вырвать обратно.

Достаю телефон. Пишу:

«Не смей вот так уходить от меня. Мы не закончили.»

Прочитала. Тишина.

И только эта надменная, холодная отписка:

"Мистер Уинтерс, вы, кажется, ошиблись номером для своих претензий."

Я чуть не разнёс грёбаный телефон об стену.

Ты решила меня позлить, детка?

Ты выбрала самое неудачное время. У меня всё нутро стоит на тебя. Я горю, как чертовски заминированный склад.

Вечер закончился.

Родители прощались с гостями. Иззи прицепилась к ним, как клещ. Плевать. Я больше не был зрителем этого фарса.

— **Вези меня к ней.** — коротко бросил я водителю.

Он даже не спросил адрес. Он знал. Все знают.

Потому что я всегда нахожу то, что принадлежит мне.

Сегодня эта ночь закончится так, как я захочу.

Мы подъехали к её дому, и я уже кипел. Нет, не просто злился — я был на грани того, чтобы вышибать дверь и поднять на уши весь квартал.

Я сразу взял в руки телефон и набрал её номер. Звоню. Гудки. Один. Два. Не берёт.

— Блять, Тесса, не делай глупостей… — пробормотал я себе под нос, стискивая телефон так, что пластик скрипнул. Сейчас, если она не возьмёт — я выломаю этот долбаный пандус к чёртовой

матери и на руках залезу в дом.

Второй вызов.

Гудки… И тут её голос. Нежный, тёплый, но уже с этим вызывающим оттенком.

— Алло…

Я на секунду завис. Твою мать, я же готов был разнести тут всё, а теперь как пацан после первой драки. Собрал себя.

— Тесса… — хрипло, чуть сбивчиво. — Выйди ко мне на улицу.

— Что? Зачем? — сразу с характером. Ну конечно, это же она.

Я сжал зубы.

— Поговорить хочу.

— Говорите. Я слушаю. — И голос такой, будто уже победила. Ах ты маленькая стерва…

— Нет. Я хочу говорить и смотреть на тебя.

— А много хотеть вредно, мистер Уинтерс.

О-о-о, да ты нарываешься, детка.

На губах у меня мелькнула усмешка.

— Я сказал — выйди.

— Уже поздно, я не стану к вам выходить.

Так, ты нарываешься конкретно.

— Тогда зайду я.

— Что?! Нет!

Я отключил вызов.

— Дэвид, открой дверь. — Сэр… — Я сказал, блять, открой дверь!

Дэвид уже понял по моему лицу и открыл дверь. Пандус выдвинулся — и я выехал из машины.

Холодный воздух хлестнул по лицу, а мне только этого и надо было.

Адреналин играл в венах. Я подъехал ближе к крыльцу и тут…

В окне мелькнул силуэт — и вот она выходит.

Она.

Моя сладкая заноза в заднице. С мокрыми волосами, в домашних свободных штанах, в рубашке на блестящих пуговках, которые так и хочется сдёрнуть зубами.

Ох, как же ты хороша, чертовка.

Под ней угадывается линия груди — чёрт, как же я хочу сорвать эту тряпку. И ещё этот запах — свежесть после душа, лёгкий аромат крема. Глаза сверкают, губы плотно сжаты.

Вот же бесовка.

Волосы ещё блестят от воды. Душ принимала? Ну и отлично. Значит, не с этим идиотом была. И я, как последний мудак, почувствовал облегчение.

— Чего надо? — рычит, как маленькая разъярённая тигрица.

Ну хоть кто-то во всём этом мире не стелется.

— Поговорить.

— Ну так говорите, чего молчать-то? Холодно! Блядь, какая же она…

— Пошли в машину.

— Ага, ещё чего! Говорите, что нужно — и расходимся. Вот это девочка. Вот за что я тебя и терплю.

— Не упрямься! Просто поговорим. Тем более, реально холодно.

— Это не упрямство! Вы вообще должны быть в другом месте и с другими людьми, а не под моей крышей!

Я уже почти заорал от бессилия. Она взбесила меня, а я всё равно хочу её.

— Да что ж ты вредина такая?! — рыкнул я. — Я сказал — пошли в машину. Не съем я тебя… хотя могу попробовать.

Ухмылка сама полезла на лицо. А у неё щёки чуть порозовели. Попалась.

И вот в тот момент, когда она уже почти хотела сказать «ладно»…

Но тут к дому подъезжает большой чёрный Escalade. Твою мать. Тесса сразу заметила его и побледнела.

— О боже… — она отступила на шаг. — Алек-

сандр, уезжай. Пожалуйста. Быстро. Чёрт-чёрт-чёрт…

А это что за сюрприз, мать вашу?..

Дверь открывается — выходит мужчина. Лет шестьдесят с небольшим, военная выправка, волосы чуть с проседью, резкий взгляд. С лицом человека, который может одним взглядом остановить сердечный ритм у пятерых. Всё понятно — отец.

За ним женщина. Стройная, с высоким подбородком и тонкими чертами лица. Очень красивая. А главное — это лицо я уже видел. Потому что ровно такие же глаза — у Тессы. Такая же линия скул. Такая же гордость во взгляде.

Рядом с ними высокий, крепкий парень. Брат. Похож на отца — те же жесткие черты, квадратная челюсть, взгляд, будто он тебя насквозь видит, и тоже не лыком шит.

Я в первый раз за многие годы ощутил что-то похожее на… уважение? Смешанное с адреналином. Отцу Тессы я бы не сунулся перечить. Да я даже ногами бы щёлкнул, если бы они у меня работали.

— Что здесь происходит? — голос у него тяжёлый, низкий.

Он смерил меня взглядом, от которого, кажется,

даже камни в саду съёжились.

Я вижу, как Тесса буквально замирает, но тут же выпрямляет плечи. Боевая. Вот за это я её и хочу.

— Ничего, папа. Просто… просто…

— Добрый вечер, — я вмешиваюсь, чётко и уверенно. Надо спасать положение. — Простите за поздний визит. Мне нужно было обсудить с Тессой один важный момент касаемо судебного процесса в Нью-Йорке.

Отец сверлил меня взглядом, будто примерял, каким калибром меня удобнее пустить в расход.

— Папа, познакомься. Это Александр Уинтерс. Генеральный директор Winters Co. Мой наставник. Я у него на стажировке.

Смотрю на Тессу. Она нервничает.

И вот тут — магия.

Девочка, которая ещё пять минут назад рычала на меня, сейчас стояла будто на ковре у главнокомандующего.

Чёрт, как же она при этом хороша.

— Мистер Уинтерс, это мой отец, генерал Чон Мин-Сун.

Отец подошёл, протянул руку.

Я крепко пожал его руку. Тяжёлая, твёрдая ладонь, хватка как тиски. — Приятно познакомиться, — процедил он. — Мне тоже, генерал.

Дальше к нам подошла мать Тессы.

— Ли Ми-Ён, — представилась она. Голос мягкий, но в глазах — стальной стержень. Тесса — вылитая мать. Такие же чёрные как ночь волосы, аккуратный носик, высокая шея.

Я пожал её руку.

— Приятно познакомиться, мадам.

И наконец брат.

— Чон Иль-Хун, — коротко представился он, сжав мою ладонь.

— Александр.

Вот это семейка, мать их.

Я поймал себя на мысли: охренеть, я не просто влюбился, я влип. Я хочу трахнуть дочь генерала армии США. Гениально, Уинтерс. Просто охрененно.

— Тесса, почему ты не пригласила мистера Уинтерса в дом? — сурово спросил отец.

— Я… думала… что вы дома… и поздно… — она замялась.

Генерал даже бровью не повёл.

— Александр, прошу, проходите в дом.

Я посмотрел на Тессу. Она посмотрела на меня так, будто хотела испепелить, «лучше соглашайся, пока жив»

Ну что, киска… будет весело..

Я подмигнул ей, сдерживая ухмылку.
— С удовольствием.

Глава 19. «По семейному сценарию»

--- ~ Александр ~ —-

Зайдя в дом Тессы, я первым делом уловил этот тёплый запах свежевыпеченного хлеба, дерева и какого-то еле уловимого цветочного аромата. Дом не кичился роскошью, не давил на психику золотом или бессмысленными побрякушками, как любят у нас многие. Нет. Здесь было всё как надо. Дорогая, но со вкусом подобранная мебель, правильный свет, большие окна с лёгкими кремовыми шторами, просторный холл. Дом, который строили не для показухи, а для жизни. И это чертовски подкупало.

Двухэтажное здание в колониальном стиле — с белыми колоннами, широким крыльцом и идеально выстриженной лужайкой. Каменный фасад, резные деревянные ставни, медные фонари. Чистая, крепкая, правильная классика. Я в такие места влюбляюсь с первого взгляда.

Меня провели в гостиную. И тут уже — строго, но всё так же со вкусом. Большое кресло с тёмной кожаной обивкой, в котором, разумеется, раз-

местился сам Чон Мин-Сун. По бокам — угловые диваны из плотного тёмного дерева, украшенные резьбой. Видно, ручная работа. Телевизор на стене, а рядом целая галерея фотографий: военная форма, медали, фото с президентами, награды и… Тесса на выпускном. Я поймал себя на мысли, что хочу запомнить каждую из этих деталей.

Меня усадили рядом с генералом. И тут же к нам присоединился брат Тессы — Чон Иль-Хун. Парень высокий, крепкий, с прямой осанкой и острым взглядом. Глаза как у отца. Такой и сам себе генералом станет. А женщины, как водится, ушли на кухню.

— Мы пока накроем на чай, — коротко бросила мать Тессы, Ли Ми-Ён, и утащила Тессу с собой. Я проводил её взглядом, в котором было всё: и желание, и злость, и какое-то странное уважение.

Генерал тем временем завёл разговор. Расспрашивал про Тессу на работе, про её успехи и проекты. Чёрт возьми, я, кажется, ещё никогда так не старался выстроить каждое слово. Рядом с этим человеком даже мои деньги и статус не имели такого веса, как обыкновенное уважение. Рассказал и про Нью-Йорк, что дело важное, три дня, большой судебный процесс. Никакой лжи — мне здесь врать не хотелось.

Я мельком бросил взгляд на вход. Там появилась она. Тесса. Совсем другая. В домашней одежде, волосы всё ещё влажные от душа, без боевого макияжа и строгого костюма. Уютная, домашняя… такая, какой я её ещё не видел. Скромная, хозяйственная. Ни тебе колкостей, ни острых шуточек. Другая Тесса.

— Прошу за стол, — тихо сказала она.

Мы переглянулись. В её глазах я увидел странную смесь: лёгкую тревогу, тепло и… что-то ещё. Чего она сама до конца не осознала.

Столовая тоже оказалась выдержанной в том же стиле. Большой стол из чёрного дерева, гладкий, словно зеркало. На нём десятки блюд, пахнущих так, что у меня желудок заурчал. Я не знал названия половины этих кушаний, но чертовски хотелось попробовать всё.

Меня усадили рядом с генералом. О, спасибо, жизнь. Сердце забилось как бешеное. Я мысленно выругался — будь моя воля, я бы сел рядом с Тессой, ближе к её запаху, ближе к её рукам. И чтоб случайно зацепиться пальцами под столом.

Я с замиранием смотрел, как она ловко расставляет приборы, подаёт блюда, поправляет скатерть. Совсем другая. Тихая, почти незаметная, внимательная. Да как так-то? Моя дерзкая

тигрица, способная сожрать любого в юридическом зале, а здесь… послушная девочка.

Я, чтобы хоть как-то разрядить обстановку, сказал:

— Не стоило так суетиться, госпожа Ли Ми-Ён, тем более мы с Тессой только что ужинали в ресторане.

— В ресторане? — вскинула бровь мать.

— Да, — спокойно кивнула Тесса. — У Александра сегодня день рождения.

— Вот как? — оживилась Ли Ми-Ён. — С днём рождения, Александр! И сколько вам исполнилось?

— Тридцать три, — улыбнулся я.

— Это надо отметить, — неожиданно вмешался генерал.

Вот тут я, признаться, чуть не поперхнулся. Мой отец обзавидуется, узнав, что я провожу вечер своего тридцать третьего дня рождения в доме генерала армии США.

— Иль-Хун, сын, принеси нашу особенную.

Брат Тессы кивнул и вышел. Через пару минут он вернулся с двумя бутылками благородного виски*The Macallan 25 Years Old*. Я едва не присвистнул. Вот это подход. Вот это вечер.

Тесса тем временем закончила сервировать

стол. Выглядело всё так, будто семья ждала дорогого гостя, а не случайного визита.

Я поймал себя на мысли, что впервые за долгое время мне хорошо. Не из-за выпивки. Не из-за праздника. А из-за этой девчонки, её семьи, из-за простого домашнего ужина, на котором я вдруг стал своим.

И вот знаете что? Это был чёртовски лучший вечер в моей жизни.

--- ~ Тесса ~ —-

Я впервые видела, чтобы папа и Иль-Хун с кем-то так расслабленно выпивали и вели разговоры. Обычно — всё по уставу: серьёзно, по делу, короткими фразами. А тут… сидят, смеются, бутылка уже почти опустела. Александр вписался так, будто всегда был частью этой семьи. Улыбался, поддерживал разговор про службу в армии, про политику, про какие-то старые байки. Папа хохотал, как мальчишка, Иль-Хун кивал, а я сидела с мамой напротив, стискивая ладони под столом.

Было тревожно. Жутко. В груди всё сжалось — ну вот зачем он пришёл? Что он задумал? Чего ему надо? А если он всё не так поймёт? А если отцу в голову взбредёт… Господи, нет.

И тут папа, смеясь, встал и отправился на кухню. Вернулся с подносом. Корейские закуски:

кимчи, пибимпап, кочуджан, острые кальмары.

— Надо же накормить будущего зятя по-человечески! — весело заявил он. Я аж вздрогнула от этих слов.

Александр ел с удовольствием. Прямо с таким видом, что, мол, давно этого ждал. Особенно ему кимчи понравилось — глаза аж загорелись.

— О, это шикарно. Госпожа Ли Ми-Ён, вы прекрасно готовите. Мама только скромно кивнула. А я всё смотрела на него, прикидывая, как бы так лягнуть его взглядом, чтобы он свалил по-тихому.

А мужчины всё лили разговоры — то про старую службу, то про дела, то про политику. Я только услышала кусок про выборы в Сеуле и выключилась. Пила воду, стараясь держать лицо.

И вот когда они уже на веселе, папа вдруг подался вперёд, глядя на Александра:

— Александр, скажи-ка мне… какие у тебя намерения насчёт моей дочери? И не вздумай сейчас сказки про рабочие отношения лепить. Я старый солдат, меня не проведёшь.

Я чуть стулом не поехала назад. Застыла. Всё тело напряглось.

Только не это… Александр спокойно поднял на него глаза, с лёгкой улыбкой — Самые серьёзные,

господин Мин-Сун.

Чёрт. Он это вслух сказал. Самые. Серьёзные.

Я чуть дыхание не потеряла. У меня внутри всё застонало от ужаса.

Папа довольно закивал:

— Вот это по-мужски. Когда решишь жениться на Тессе — придёшь за нашим благословением. Но спервa — познакомь нас со своими родителями. Так положено.

Иль-Хун поднял бокал:

— Поддерживаю.

Блин… Вот теперь я реально попала.

Чтобы не сгореть там же на месте, я резко встала:

— Я на кухню… посуду помою. Мама только мельком глянула, и я быстро выскользнула оттуда.

На кухне схватила тряпку, включила воду, и начала бессмысленно тереть одну и ту же тарелку. Сердце стучало так, что, казалось, услышат.

Через пару минут мама зашла, прислонилась к косяку, улыбнулась уголком губ.

— Дочка, тебя зовёт отец… Я сжала тряпку так, что аж пальцы побелели.

Ну всё. Финита.

Вытерла руки, вздохнула и вошла в комнату.

А там…

Папа, как ни в чём не бывало, хлопает Александра по плечу — Горжусь тобой. Отличного парня выбрала себе в пару.

Я реально чуть не упала. *Какую ещё пару?! Это кто кому кого выбрал?!*

Слова застряли в горле. Я просто кивнула. Что было делать?.. Спорить при всех — хуже будет.

Они опрокинули вторую бутылку. И всё никак не хотели расходиться. Минут тридцать обнимались, шутили, подливали. Папа всё норовил Александра оставить у нас дома.

— **Жених не должен ночевать в доме невесты. Плохая примета. После свадьбы — пожалуйста. А сейчас — извини**. Александр со своим хладнокровием ляпнул — Так давайте сейчас распишемся. Найду регистратора — и готово.

Я аж вскинулась:

— **Сегодня дата неблагополучная**. Все тут же уставились на меня.

Александр, хитро щурясь:

— **А я не суеверный.***Ах ты, чертов хитрец.*

Я сжала зубы:

— **А мне никто кольца не дарил!**

Александр не растерялся:

— **Пустяки. Сейчас привезут**. Ты посмотри на

него! Всё ему не почём.

— Ты у меня даже руки не просил.

— Хочешь, прямо сейчас попрошу? — Нет, не хочу! — огрызнулась я.

Александр, глядя трагично:

— Вот так всегда… всё мне отказываешь.*Артист, мать его.*

И тут папа поворачивается ко мне:

— Что? Отказываешь?

Александр, опустив голову:

— Да, господин Мин-Сун… что ни попрошу — везде «нет».*Вот гад.*

Папа сурово на меня:

— Тесса, как ты можешь так? Он же для тебя всё. А ты?..Я уже закипала.

Ну ладно. Хочешь игры? Будет тебе игра.

— Прошу прощения, Александр, что проявила к вам неуважение. Улыбка до ушей у него. **— Прощаю, моя суженая.***Щас подушкой тебя задушу…*

Мама хихикала за спиной. А я пыхтела от злости. Папа и Иль-Хун проводили Александра до машины. Причём сами усадили его. Дэвиду вручили наставления, как младенца везти. И только после этого выпустили их со двора.

Я вздохнула, как будто сняли оковы. Поднялась

к себе, рухнула на кровать.

Конец этому цирку.

Телефон пискнул. Сообщение от Александра:

«Спокойной ночи, моя невеста»

У меня аж рука дёрнулась.

Ах ты, ублюдок наглый. Отвечать не стала. Но внутри всё-таки чуть ухмыльнулась. Было смешно… ну совсем чуть-чуть.

Глава 20. «Доброе утро, невеста»

--- ~ Тесса ~ —-

Это утро было удивительно добрым и тёплым. Даже подозрительно добрым, как перед бурей. Я, еле разлепив глаза, выбралась из постели, кое-как умылась, почистила зубы, собрала волосы в пучок. Однажды, может быть, я научусь выглядеть по-голливудски даже на рассвете, но явно не сегодня.

Переодеваться смысла не было — утро раннее, впереди выходной, пусть походит мой пижамный комплект с зайцами ещё часик.

Когда я спустилась на кухню, там уже вовсю шла жизнь. Мама, в своём фирменном переднике с вышитыми журавлями, готовила завтрак. И не абы что, а рисовые лепёшки с мёдом и кунжутом, и ещё какой-то странный омлет с морепродуктами и зеленью, который у нас назывался**“хэмуль пучимгэ”**. Пахло так, что желудок сам себе аплодировал.

Свежесваренный кофе тёплой дымкой витал по кухне, придавая утру почти рекламный вид. Папа и Иль-Хун уже сидели за маленьким семейным

столом, за которым мы всегда завтракали. Ужины, торжества, допросы с пристрастием — всё в столовой. А тут — своя, домашняя территория.

Я только присела — и сразу вспомнила вчерашнюю картину. Как эти двое душевно напоили Александра, как папа чуть ли не благословил наш брак, а я едва не сгорела со стыда и ярости вперемешку. Вот же, сукин сын… Надо объясниться. Причём так, чтобы ни папа, ни брат не взбесились, и чтобы у Александра уши целыми остались.

— Доброе утро, — осторожно поздоровалась я, присаживаясь рядом.

— Доброе, — синхронно отозвались родители.

Иль-Хун лишь кивнул. Он уже вовсю жевал лепёшку, с таким блаженством на лице, будто весь мир за окном — сплошной кризис, а здесь у него личный рай.

Мама поставила передо мной тарелку с горячим омлетом и рисовыми лепёшками, а рядом — чашку крепкого кофе.

— Спасибо, мама, — пробормотала я.

Она лишь улыбнулась. Такая светлая, добрая… вот только зря вчера не остановила папу, когда тот строил свадьбу века.

Я собрала всю храбрость в кулак. Надо гово-

рить.

— Папа… — начала я осторожно, как сапёр на минном поле. — То, что было вчера… это не то, что ты подумал.

Под столом я сцепила пальцы так, что костяшки побелели.

— А что именно я не так понял? — спросил он, не отрываясь от еды.

Чёрт.

— Между мной и Александром… ничего нет. Он мой наставник и босс. И вчера он приезжал… только по работе.

Папа вдруг засмеялся. Тихо так, будто вспомнил анекдот.

Потом к нему подключились мама и Иль-Хун. И вот они уже смеются втроём, а я сижу, как оплеванная, не понимая, что за комедия тут устроилась.

— Что происходит? Почему вы смеётесь?! — возмутилась я.

— Тесса, — папа вытер уголки губ. — Ты правда считаешь, что я настолько слеп или глуп?

— Ну конечно нет!

— Мужик не станет ночью к женщине приезжать, чтобы по работе поболтать. Для этого телефон есть, дочь.

Я, пытаясь найти достойное оправдание, выдала:

— Это был не телефонный разговор…

— Ну да, конечно. Это гораздо серьёзнее, — хмыкнул отец. — Я и сам в молодости к твоей маме “по делам” наведывался. Так… стоп, это вам уже знать не надо!

Я закатила глаза. Ну хоть кто-то весело живёт.

— Только прошу, без спешки, — продолжал отец. — Весной женим Иль-Хуна, а летом замуж — тебя.

Я чуть не подавилась кофе.

— Папа! Да я вообще не собираюсь замуж пока! И мы с Александром… мы слишком разные!

Он посмотрел на меня долгим, тяжёлым взглядом.

— Тесса. Тебе двадцать пять через месяц. В этом возрасте твоя мать уже Иль-Хуна носила. Думаешь, мы с мамой одинаковые? Нет. Но этим и крепки. Александр — человек достойный. Да, у него свои особенности. Но главное — как он к тебе относится. Или ты его из-за этого гонишь?

Вот это удар под дых.

— Папа… да при чём тут это… Просто вчера он перебрал с виски и нёс всякую чушь. Не стоит принимать всерьёз.

Но глаза отца сверкнули.

— Если он хоть слово сказал лишнее и завтра забудет об этом… Я сначала поставлю его на ноги, а потом их же переломаю. Чтоб больше не вставал.

Вот теперь я поняла, что выбора у меня нет. Александр, блин, доигрался.

Я молча уткнулась в свою тарелку, слыша, как мама едва слышно хихикает, а Иль-Хун сдерживает ухмылку.

Надо срочно придумать, как спасти шкуру — и свою, и его.

После разговора с отцом я поняла одну простую вещь — так просто мне не отбиться. Надеялась, что утро развеет вчерашний бред, но нет. Папа с самого завтрака смотрел на меня как на самую удачную инвестицию своей жизни. Мама то и дело вздыхала, будто мысленно прощаясь со мной, как с человеком, который уезжает в вечный брак. А Иль-Хун… этот предатель… сидел с такой миной, будто уже заказал мне на ТаоБао свадебное платье и кольца в комплекте.

Чёрт побери.

Я поднялась в свою комнату. Внутри меня уже назревал ураган. Прямо сейчас могла бы перевернуть всё к чертям, устроить скандал на весь дом.

Но я знала — здесь одного моего скандала мало. Тут надо работать сообща с зачинщиком этой проблемы. А этот зачинщик, между прочим, спит где-то у себя в элитных апартаментах и посмеивается в подушку.

Открыв телефон, я увидела его вечернее сообщение:*«Спокойной ночи, моя невеста.»*

Ах ты ж, скотина наглая.

Пальцы дрожали от злости, пока я набирала:

— Ты в своём уме? Какого чёрта ты вчера городил перед моим отцом?! Ты вообще понимаешь, что ты натворил?!

Ответ прилетел почти мгновенно:

— Доброе утро, моя красавица. Поздно метаться. Договор скреплён рукопожатием. Не паникуй.

Вот ведь зараза. Даже по переписке бесить умеет. Удивительный талант.

— Ты подставил меня перед всей семьёй, Александр! Теперь папа уже планирует нашу свадьбу летом, а я тут одна отдуваюсь!

— Ну так чего тянуть резину — поехали сейчас в загс!

— Ты что, до сих пор пьян?! Нам нужно серьёзно поговорить. Срочно.

— Уже нет. Страдаю от головной боли. Приез-

жай ко мне. Поговорим.

Я замерла. По-хорошему, должна была послать его лесом. Но знала — пока не гляну ему в глаза и не разнесу его в пух и прах, спокойно жить не смогу. А если он сейчас с бодуна — самое то, чтоб добить.

— Хорошо. Сейчас приеду. Напиши адрес.

Чувствовала его самодовольную ухмылку сквозь экран.

— Жду.*Адрес: 1111 24th St NW, Washington, DC 20037*

Я вздохнула, надела простые джинсы, футболку. Никакого макияжа — сегодня я воительница, а не принцесса. На всякий случай сунула в сумку аспирин, ещё пару таблеток от головы и, пожалуй, валерьянку — чтоб себя не прибить раньше времени.

Такси подвезло к элитному дому, от которого у меня аж глаз задёргался. Высокое здание, сияющее стеклом и металлом, у входа — дорогие машины, а консьерж в ливрее выглядел так, будто держал под контролем весь квартал.

Вот ведь сукин сын, где живёт…

Я вышла из такси, сердце грохотало так, будто собиралось пробить грудную клетку. Чего я так боюсь? Ну что он мне сделает? Хотя… он может.

Очень многое может. Достаточно вспомнить его пальцы между моих ног… **Боже, Тесса, заткнись! Не в тему сейчас!**

Я зашла в холл, лифт сам опустился на первый этаж — видимо, тут всё по карточкам, простые смертные сюда не забредают.

Проехав на нужный этаж, я выдохнула, отгоняя дрожь в пальцах, и постучалась в дверь. Она распахнулась, и передо мной встал мужчина лет пятидесяти, в идеальном костюме, с осанкой офицера и ледяными серыми глазами.

— **Здравствуйте, мисс Чон, — произнёс он с лёгким поклоном. — Мистер Уинтерс вас ожидает. Пожалуйста, проходите.**

Я кивнула, будто не вижу, как этот старый ястреб сканирует меня с ног до головы. Ну да, джинсы, футболка. Извините, без вечернего платья сегодня.

Он провёл меня по просторной гостиной — высокие потолки, панорамные окна, дорогущая мебель в приглушённых оттенках, будто само пространство говорит:*«Здесь живёт власть.»*

И вот, наконец, я увидела его.

Александр сидел в кресле, в футболке и спортивных штанах. Лицо помятое, под глазами тень, в руке чашка кофе. И всё равно — выглядел так,

будто мир крутится вокруг него.

Он поднял взгляд, и я чуть не застонала от злости.

Самодовольная скотина.

— О, моя будущая жена приехала.

Я сощурилась.

— **Александр, у тебя две минуты, чтобы объяснить, какого чёрта ты устроил вчера это цирковое шоу!**

Он махнул рукой, приглашая сесть.

— Не кипятись. Хочешь кофе?

— **Хочу твою голову на блюде.**

Он ухмыльнулся.

— Тесса, я просто решил вопрос. По-мужски. Ты ж знаешь, я практик. Увидел цель — взял. Пожали руки — всё, вопрос закрыт.

— **А ничего, что я тоже как бы человек и имею право голоса?!**

— И ты его сейчас выражаешь. Очень громко, кстати.

Я села напротив, скрестив руки.

— **Ты отменишь это. Сегодня. Прямо сейчас. Звони моему отцу, скажи, что это была ошибка, что ты пошутил. Всё что угодно, но развяжи эту чертову сделку!**

Он сделал глоток кофе, взглянул на меня

спокойно, даже мягко. Это меня взбесило ещё больше.

— Тесса… я тебя отпускать не собираюсь. Решение принято. И да — твоему отцу я руку пожал осознанно. А у меня это серьёзно.

Я замерла. Пульс в ушах.

— **Ты… — только и смогла выдавить я, — сукин сын.**

— Знаю, — ухмыльнулся он. — Привыкай.

-- ~ Александр ~ —-

Утро.

Вернее, та мерзкая часть суток, когда всё вокруг слишком громко, слишком светло и откровенно бесит своим существованием.

Я проснулся с ощущением, будто по черепу всю ночь стучали отбойным молотком. Пульсирующая боль в висках выбивала какой-то адский марш, а во рту — пустыня Сахара.

Если в аду и есть особый уголок для тех, кто на спор пил с генералом Чоном и его породистым наследником — то вот он, я.

Я редко жалею о своих поступках. Да что там — почти никогда. Но вот этот виски, которым меня поили вчера генерал Чон и его любимый сыночек, я запомню надолго.

Эти паршивцы действовали сообща, я это понял

слишком поздно. Проверяли, кто сдастся первым. И клянусь, чёрт бы их побрал — я держался. До последнего. До той чёртовой пятой или шестой стопки, после которой реальность стала расплываться, а голова — плыть.

Как я добрался до дома?

Вопрос.

Как оказался в постели?

Ещё больший.

Арчи молча бродил по комнате, мастеря из полотенца холодный компресс и выкладывая на стол стакан воды, таблетки и крепкий чёрный кофе. Святой человек, что с него взять.

— Придуши меня, Арчи, — прохрипел я.

— В следующий раз, сэр, — спокойно отозвался он и приложил к моей башке холодный компресс.

Вот за что люблю этого парня. Ни лишних вопросов, ни осуждающих взглядов. Только забота, которая не лезет в душу.

— Напои меня святой водой, Арчи, — пробормотал я.

— Лучше таблетку, сэр.

Я не возражал. Глотнул воды, кинул в рот таблетку, откинулся на спинку кресла. В голове роились обрывки вчерашней пьянки — тосты,

злобные прищуры генерала, ухмылка Чона-младшего… и мои собственные слова, которые я выдал отцу Тессы, глядя ему прямо в глаза.

«***Женюсь на вашей дочери. И точка».***

А ведь сказал, мать его, на полном серьёзе.

— Арчи, — позвал я, когда тот бесшумно появился в дверях, как грёбаный призрак с полотенцем и кофе. — Напомни мне выслать генералу Чону ящик того самого виски. The Macallan 25 Years Old. Отличный способ проверить людей на выносливость.

— И на безумие, сэр, — невозмутимо добавил он, прикладывая холодный компресс к моему лбу.

Я бы с удовольствием пролежал весь день пластом, но телефон взорвался сообщениями. И, разумеется, от кого? От самой вздорной девчонки на планете.

И вот теперь Тесса разрывала мне телефон. Сообщения сыпались одно за другим:

«Ты в своём уме? Какого чёрта ты вчера городил перед моим отцом?! Ты вообще понимаешь, что ты натворил?!»

О, как сладко. Ничто так не бодрит с утра, как женская истерика, особенно если знаешь — причина в тебе. Я ухмыльнулся. Боже, как же её легко расшатать.

«*Доброе утро, моя красавица. Поздно метаться. Договор скреплён рукопожатием. Не паникуй.*»

Знал, что сейчас взорвётся. И она взорвалась.

«*Ты подставил меня перед всей семьёй, Александр. Теперь папа уже планирует нашу свадьбу летом, а я тут одна отдуваюсь!*»

Я громко расхохотался. Боже, как же сладко злить эту женщину.

Ну так а кто тебе виноват, что ты так чертовски хороша, что я даже в похмелье готов за тебя воевать?

«*Ну так зачем тянуть резину, поехали сейчас в загс!*»

После этого я услышал, кажется, как она кричит на телефон. Я почти видел, как она бьёт подушку, ходит по комнате, ругаясь на меня. Мне даже чуть полегчало.

«*Ты что, до сих пор пьян? Нам нужно серьёзно поговорить. Срочно.*»

Господи, какая же она красивая, когда злится. Мне бы кто-то раньше сказал, что я буду кайфовать от чужой ярости — плюнул бы в рожу. А сейчас… сейчас я бы утонул в этой её буре.

«*Уже нет. Страдаю от головной боли. Приезжай ко мне. Поговорим.*»

Она замерла, я уверен. Но её любопытство и

темперамент сильнее. Она не успокоится, пока не выбросит всё в лицо. Отлично. Именно это мне и нужно.

«Хорошо. Сейчас приеду. Напиши адрес.»

Ну конечно, детка. Добро пожаловать в мою паутину. Пишу ей свой адрес, мысленно ликуя, сегодня ты от меня так просто не сбежишь.

Я убрал телефон, откинулся на спинку кресла. Арчи вошёл с мокрым компрессом, который я тут же приложил ко лбу.

— Вы как, сэр?

— Как в аду без кондиционера, Арчи.

— Вам бы ещё аспирина.

— И ещё одну причину жить. Она как раз едет.

Через полчаса в двери постучали.

Ах, вот она, родная. Тесса. Мой личный источник головной боли и единственное существо на планете, чьи истерики я жду с откровенным садистским удовольствием.

Я на автомате поправил волосы. Даже боль отступила. Вот же зараза… какое же удовольствие я получаю от её злости.

Арчи открыл дверь.

— Здравствуйте, мисс Чон. Мистер Уинтерс вас ожидает.

Я слышал её шаги. Сердце забилось. Бешеная

девчонка идёт на войну, не зная, что я уже разминировал поле.

И вот она в дверях. Бешеная, глаза сверкают, губы поджаты. Даже без макияжа — чертовски хороша. Вот хоть сейчас бери и… кхм. кхм..

Я позволил себе самодовольную усмешку.

— Зайдёшь или будем скандалить в дверях? Хотя, если хочешь, можешь меня тут же осчастливить. Народ посмотрит. Пусть знает, какой я счастливый жених.

— Александр… — прошипела она, влетела внутрь и резко обернулась ко мне. — Ты вообще чем думал?!

Я взял чашку со стола и отпил кофе. Чёрт, всё ещё мерзкий, но хотя бы бодрит.

— Тем же, чем всегда. Я просто решил вопрос с твоим отцом. Как мужчина с мужчиной.

Злая, чёрт бы её побрал. Глаза горят, губы сжаты в тонкую линию. Видеть её такой — удовольствие выше всяких наркотиков. Я мог бы любоваться этим взглядом вечно.

— Да как ты мог?!

— Очень просто. Подошёл, пожал руку, сказал: «Женюсь на вашей красавице». Он сказал: «Одобряю». Всё.

Она схватила подушку с дивана и со всей силы

кинула в меня. Чёрт, я не ожидал — промахнулась, но близко.

Я рассмеялся.

— Ты бы видела своё лицо. Я бы повесил такой портрет над камином.

— Ты вообще в своём уме?!

— Знаешь, если б каждая женщина так реагировала на предложение руки и сердца — я бы давно открыл спортзал.

— Ты не имел права!

— Поздно. Договор скреплён. Мужики за руку пожали — дело сделано.

Она смотрела на меня так, будто всерьёз подумывает придушить. И знаете что? Я бы позволил. Потому что в этом взгляде было всё: злость, страх, желание… и то самое предательское влечение, от которого она трещит по швам.

— Александр, я не собираюсь за тебя замуж. И вообще — мы разные. И я ещё слишком молода, и у тебя невеста есть!

Блин, она ревнует. Да это же праздник какой-то.

Ты, детка, меня зажгла.

— Была. — выдаю ей. Решаю поиграть на её нервах.

Она замерла.

— Что значит была?

— Вчера её уже не стало. Отписал. Уволил с должности. Освободил место. Специально для тебя, любимая.

Я видел, как дрогнула её губа. Как в глазах метнулась паника, злость, обида и… ох, да, это предательское влечение, которое она пытается задавить. Бесполезно.

Тесса зажмурилась, приложила ладонь ко лбу.

— Ты псих.

— Ну почти, — ухмыльнулся я.

Поднял голову, встречаясь с её взглядом. Тёмные, бездонные глаза, в которых столько огня… Господи, я утону в них.

Я видел, как в ней всё кипит. Пыталась бороться — бесполезно. Я уже проиграл когда-то. Второго раза не будет.

— Я тебя придушу!

— Потом, в брачную ночь. Это будет долго, Тесс. Очень долго. Потому что, чёрт возьми… я тебя хочу. И плевать, что ты будешь орать, драться, уходить, возвращаться… Я тебя вырву. Даже если придётся сожрать весь этот чёртов мир. А пока давай по существу..

Я подъехал к ней на кресле, навис, перехватил запястье, наклонился, чтобы говорить ей почти

в губы.

— Ты моя, Тесс. Хоть бесись, хоть оскорбляй — от этого ничего не изменится. Можешь рвать когти, орать, бить посуду. Решение принято. Твой отец дал добро. Мама твоя уже выбирает дату. Брат твой одобряет. А ты… ты… побесишься — и перестанешь. Я знаю.

Она молчала. Глаза тёмные, бездонные. Её трясло от эмоций. И в этот момент я понял — всё, точка невозврата пройдена. Я окончательно сорвался. Меня уже не интересовало, чего она хочет. Будет так, как я решил. Я больной на всю голову. И чёрт возьми — мне это нравится.

— Ты сумасшедший!

— Тесс, дорогая… — я наклонился так близко, что чувствовал тепло её дыхания. — Я не шучу.

— Я к тебе за разборками приехала, Александр.

Я ухмыльнулся.

— Отлично. Разбирайся. Заодно обговорим список гостей на свадьбу.

И в этот момент я почувствовал, как у неё дрогнули пальцы в моей руке. Рыбка бьётся в сетке. Совсем чуть-чуть — и она сдастся.

И мне этого было мало. Она вздохнула, качнула головой. Всё. Рыбка на крючке.

И я внезапно понял — да будь я трезв как стёк-

лышко, я бы поступил точно так же. Дело сделано. Эта девчонка моя.

Глава 21. "В плену своих чувств"

-- ~ Александр ~ —-

Я наблюдал за ней. За этой взволнованной, упрямой, слишком красивой для моего спокойствия женщиной, которая сейчас сидела рядом, опустив голову и смотрела на наши переплетённые пальцы так, будто пыталась в них найти ответы на все вопросы. Или хотя бы забвение.

Запах её волос — терпкая, сочная вишня, от которой у меня каждый раз перехватывало дыхание. Этот аромат въелся в память, в кожу, в кровь… Я бы узнал этот аромат даже во сне. Чёрт, даже если бы я потерял память, этот запах вытащил бы меня из любой бездны. Он был дерзким, пьянящим и беспощадно притягательным… как и она."

Я чуть наклонился, вдохнул этот аромат, и не удержался от желания приблизиться ещё сильнее. Чувствовал, как она напряглась, не ожидая подобной близости. Обстановка между нами натянулась до предела — можно было бы резать ножом.

И я понимал — если сейчас не разрядить эту на-

тянутую до предела атмосферу, то взорвусь. Она взорвётся. А я больше не хочу этих стен между нами. Хватит.

— С чего ты вообще решила, что у меня есть невеста? — спросил я, не отрывая взгляда от её лица.

Она буркнула что-то себе под нос.

— Это же очевидно… — проговорила, будто отмахиваясь. — Я видела вас на вечере.

Я чуть склонил голову набок, разглядывая её.

— И сразу решила, что она моя невеста?

— Нет… — упрямо буркнула она. — Мне… сказали.

Ах вот как.

— Кто тебе сказал? — я подцепил её подбородок двумя пальцами, заставляя поднять голову и встретиться взглядом. Чёрт, её глаза… этот взгляд мог сжечь дотла любую оборону.

Она нахмурилась.

— Неважно, кто. Важно, что ты это отрицать не стал. Впрочем, мне всё равно… — бросила, и попыталась отдёрнуть руку.

Но я не позволил.

— Всё равно, говоришь? — я усмехнулся. — Тогда почему так крепко сжимаешь мою ладонь от злости?

Она дернулась было, но я крепче сжал её пальцы.

— Не злись, — сказал я чуть тише, наклоняясь ближе к ней. — Да. Она *была* моей невестой. *Очень давно*. Мы расстались. — я специально выделил эти слова.

— Так давно, что она всё ещё по пятам за тобой ходит, — процедила Тесса, её глаза блеснули злостью. Моей девочке не всё равно. И от этого я чертовски кайфовал.

Я медленно провёл пальцем по тыльной стороне её ладони.

— Мне чертовски приятно, что ты меня ревнуешь, — произнёс я тихо, склонившись к ней. — Но уверяю тебя: мой интерес направлен исключительно на тебя.

А вот теперь пришло время перейти в контратаку.

— А вот ты… Почему ты вчера ушла с Кристианом? О чём вы говорили? Куда подевалась, а?

Я чувствовал, как с каждой секундой кровь в жилах становится горячее, как разум мутнеет от злости. Думать, как этот ублюдок крутится рядом с ней. А она… она позволяла. Пусть на мгновение — но позволяла. И этого мгновения было достаточно, чтобы я готов был стереть его в порошок.

Я ощущал, как бешеная, липкая ревность стекает по венам, отравляя каждый вдох. Каждое его движение рядом с ней било по мне, как хлыстом. Кровь кипела, мысли путались, а разум требовал одного — стереть эту ухмылку с его лица. А она… чертовски подлила масла в огонь.

Тесса вздернула подбородок.

— Лучшая защита — это нападение, да, Уинтерс?

— И вообще… — выпалила она, обернувшись, — как ты там сказал? «Я не в твоём вкусе»? — с вызовом в голосе, фыркнула.

Вот оно.

Я прищурился, поймал её взгляд. В груди сразу полыхнуло. А я-то думал, чего она ходит, будто на ножах.

— А-а-а… — протянул я с усмешкой, опуская бокал на стол. — Так вот откуда ветер дует… Теперь ясно. Кристиан. Ну спасибо тебе, дружище, — хмыкнул, покачав головой.

Она скрестила руки на груди.

— А что, не так? Или ты этого не говорил? — прищурилась, словно ждущая, когда я сам себя в ловушку загоню.

Я ухмыльнулся шире, подался вперёд, поставив локти на колени.

— Да говорил, — признался я, — Говорил тогда, когда думал, что ты очередная дерзкая стажёрка, — медленно начал я, глядя ей прямо в глаза. — Знаешь, что самое смешное, детка? — я наклонился ближе, — Я сам в это почти поверил. Пока не понял, что ты у меня в голове с утра до ночи. Пока не начал сходить с ума от того, как ты смотришь на других. Пока не понял, что запах твоих волос меня преследует даже в офисе. А теперь...

Она вскинула голову, но дыхание уже сбилось. А я видел, как дрожат её пальцы, сжимающие край футболки.

— А теперь? — с вызовом спросила она.

Я наклонился к самому уху, чувствуя её горячее дыхание на своей коже.

— А теперь, Тесса, — прошептал я, — ты у меня под кожей. В голове. В каждой, блядь, мысли. Ты понятия не имеешь, как я злюсь, когда ты улыбаешься кому-то другому. Теперь многое изменилось, Тесса. И если бы ты хоть чуточку догадалась, как я хочу тебя прямо сейчас, ты бы поняла, что ты уже давно в моём вкусе. Глубоко. Без остатка.

Она вскочила с дивана, но я действовал быстрее. Потянул её за руку, и в следующий момент

она уже сидела у меня на коленях, злая, горячая и такая красивая, что у меня закружилась голова.

— Ты что себе позволяешь, Уинтерс?! — вскипела она, пытаясь выбраться.

— Я твой жених, дорогая. И могу себе позволить. А ещё могу позволить себе вот это… — я впился в её губы, не дав договорить.

Этот поцелуй был похож на глоток кислорода после долгого погружения. Она сначала хотела отвернуться, но я крепко зафиксировал её голову рукой. Не отпущу. Моя.

Я целовал её жадно, грубо, до боли. Так, как целуют тех, кого боятся потерять. Постепенно её сопротивление ослабло. Она поддалась, отвечая не менее жадно, цепляясь за мою шею, скользя ладонями по моей спине.

Когда оторвался — дыхание у обоих сбилось.

— А если ещё раз услышу от тебя эту хрень что «*ты не в моём вкусе*», — провёл большим пальцем по её нижней губе, — запру у себя в комнате на сутки. Без права выхода.

Тесса хрипло засмеялась, её щёки пылали.

— Садист, — прошептала она.

— Ещё какой, — усмехнулся я. — И только с тобой я позволяю себе быть таким.

Тесса вздрогнула, румянец залил её щёки, при-

кусила губу.

— Моя. Усекла? — прошептал я.

Она кивнула, щёки горели, глаза блестели.

Я усмехнулся.

— Вот и умница.

Провёл ладонью по её плечам, скользнул по талии, ниже.

— Чёрт, почему ты в джинсах? — хрипло выдохнул я, скользя ладонью по её бёдрам.

Она ухмыльнулась краем губ.

— Потому что я знала, куда шла, Уинтерс.

Я рассмеялся.

— Детка, ты забыла моё имя?

Она коснулась своим носом моего, и я замер.

— Его я точно не забуду… Просто мне нравится твоя фамилия.

— О, не переживай, красавица. Скоро она будет твоей.

И вот тут она подняла на меня глаза. А у меня, мать его, дыхание перехватило. Это был момент, когда ты падаешь, и кажется, что земля исчезла из-под ног. Только ты и она.

Я не выдержал. Поцеловал её вновь…

Поцелуй вышел другим — медленным, нежным, почти болезненно-ласковым. Я ласкал её губы кончиком языка, обводя их, вдыхая каждую

секунду рядом с ней.

Её пальцы зарылись в мои волосы, сжали их. Я выдохнул ей в губы.

— Тесса… — прошептал я ей в губы.

— Мм? — только и выдохнула она.

— Хочешь, я покажу тебе свою спальню?

Она чуть не рассмеялась, но взгляд её был опасно тёплым.

— Я…

И тут, блядь, за дверью голос Арчи:

— Мистер Уинтерс… — кашлянул Арчи, делая вид, что ничего не видит. — Простите… к вам пришли ваши родители.

Тесса подскочила, как от удара током, красная как мак. Я выругался про себя.

— Конечно, пусть войдут, — с трудом справившись с голосом, сказал я.

Тесса нервно оглянулась, пряча лицо в ладонях.

— Я… наверное, пойду… — выдохнула она.

Я сжал её руку.

— Ага, щас. Нет, моя дорогая. Сегодня ты знакомишься с моими родителями… как моя невеста.

Она посмотрела на меня, умоляюще, почти испуганно. Но я не собирался отступать. Ни за что. Эта девушка будет моей. И точка.

Тесса сидела рядом, и я чувствовал, как её ладонь дрожит в моей. Слабое, почти незаметное подрагивание, которое уловил бы только тот, кто знает каждую линию её руки. А я уже знал. До последнего изгиба, до тёплого пульса на запястье.

— Расслабься, сладкая. — Я склонился к ней, почти касаясь губами мочки уха. — Всё под контролем.

Она взглянула на меня. Эти глаза... тёмные, как самое опасное ночное небо перед бурей. Чёрт, она умела смотреть так, будто мир вокруг переставал существовать.

И всё-таки боялась.

Я сжал её ладонь крепче. Не до боли, нет. А так, чтобы дать понять — я рядом. Что никто и пальцем её не тронет, пока я дышу. А если тронет — пусть заказывает себе надгробие.

-- ~ Александр ~ —-

В комнату вошла мать.

Та же походка. Прямая спина, будто несёт на плечах не просто свою фамилию, а всю чёртову империю. Холодная, как айсберг, и такая же неумолимая. Её ледяной взгляд всегда умел заморозить ад к чёртовой матери. Даже самые безбашенные партнёры холдинга начинали мяться под её прищуром, забывая, кто они такие.

Волосы собраны в безупречный строгий пучок — ни одного выбившегося локона. Минимум украшений, ни капли дешёвых побрякушек. Чёрное платье, классика, сидит так, будто сшито по живой фигуре. Вот такая она, моя мать — женщина, которая может одним только присутствием заставить людей чувствовать себя не на своём месте. И я в детстве ненавидел эту её чертову надменность… пока не понял, что сам такой же.

Следом появился отец. Высокий, крепкий, несмотря на седину на висках и возраст. Годы только придали ему веса. Вечно с этой фирменной ухмылкой — как у человека, который видел больше, чем способен переварить обычный смертный, и всё равно не ожесточился. Даже наоборот. Его тяжёлый характер стал смягчённым только со мной. У других он так же отмерял людям цену одним взглядом. Глаза прищуренные, взгляд острый, как лезвие. Умел читать людей так, что любой опытный адвокат начинал ёрзать. Именно у него я научился ломать людей без слов. Но в отличие от него — с улыбкой.

— Александр, сын, — первым заговорил отец, крепко пожал мне руку, кивнул Тессе. — Рад снова видеть, мисс Чон.

Тесса аккуратно поднялась, и я увидел, как

вспыхнули её щёки. Эта девочка… так и хочется стянуть с неё это показное спокойствие и оставить одну лишь настоящую, ту, что ночами будет стонать от моих поцелуев.

— Добрый день, мистер и миссис Уинтерс, — её голос звучал на удивление твёрдо, хоть я чувствовал, как дрожит её рука в моей.

Мать медленно скользнула по ней взглядом.

— Мисс Чон, — холодно кивнула, но я всё-таки заметил… чуть смягчённые глаза. Это её максимум. Знак одобрения, который она редко кому дарила. — Какая встреча..

— Прошу, садитесь, — кивнул я, подтягивая Тессу ближе к себе. Плевать, что мать сейчас всё это видит. Плевать, что отец ухмыльнулся, заметив, как я демонстративно держу её ладонь на своём колене.

Арчи молча наклонился.

— Обед будет готов через пять минут, сэр.

— Спасибо, Арчи.

Отец откинулся на спинку кресла.

— Ты куда вчера после финальной речи делся, а? Мы тебя обыскались.

Мать смерила меня недовольным взглядом.

— Александр, мы ведь хотели сделать семейное фото после банкета. Пришлось фотографировать-

ся без тебя.

Я хмыкнул. Самый подходящий момент.

— Мама, папа… — посмотрел на Тессу, которая уже густо покраснела. — Хочу сообщить вам официально. Тесса Чон — моя невеста.

Тесса вздрогнула, но я не дал ей отстраниться. Ещё крепче сжал её руку, чувствуя, как кровь стучит в её венах.

— Тебе нечего стесняться, детка, — прошептал я ей, скользнув взглядом по её лицу. — Это наш день.

Отец расплылся в широкой ухмылке, одобрительно кивнул.

— Вот это поворот! Поздравляю, сын. Отличный выбор! А я ведь говорил, будет день, когда ты остепенишься. Чёрт побери, она крутая девчонка.

Мать… вздохнула. Медленно, тяжело. Посмотрела на Тессу чуть внимательнее. И я заметил, как уголки её губ едва заметно дрогнули.

Для обычного человека это ничего. А для меня — как чёртов аплодисмент.

— Я рада за тебя, Александр. И рада, что ты выбрал достойную девушку.

Ну вот, поздравляем, чудеса случаются.

Я ухмыльнулся.

— Вчера после банкета я был у Тессы дома. И

знаете что? Генерал Мин-Сун сам дал согласие на наш брак. Вот так, мама. Всё, как ты любишь — статусно, благородно, с официальным одобрением. Даже лучше, чем ты могла ожидать.

Отец прыснул от смеха.

— Мин-Сун? Ты серьёзно? Этот старый вояка? Ты его разговорил? Тот ещё орешек!

— Не просто разговорил, — я подмигнул. — Он вручил мне клинок их рода. Знак одобрения, так сказать.

Тесса густо покраснела.

— Это… это был подарок на день рождения, — пробормотала она.

Я хмыкнул.

— Подарок, который стоит больше, чем половина коллекции отца.

Отец хлопнул себя по колену.

— Вот это дело! Так… нужно организовать помолвку. И не абы какую. Громкую, чтобы полгорода охренело. Чтобы знали, что ты не только лучший CEO, но и жених года.

Я обернулся к Тессе, понизив голос:

— Готовься, сладкая. Ты будешь в центре внимания.

Она посмотрела на меня с недоверием и лёгкой паникой, но, черт возьми, не отдёрнула руки. А

это уже была победа.

— Надо устроить встречу двух семей, — продолжил я. — Всё по правилам. Мин-Сун — человек старой школы. И я хочу, чтобы всё прошло достойно.

Мать кивнула, отставляя бокал.

— Разумеется. Всё должно быть достойно нашего имени.

Я склонился к Тессе, шепнув ей на ухо:

— Видишь? Я же говорил — бояться нечего.

Она впервые за вечер искренне улыбнулась. Такая настоящая, без защитных масок. Боже, да я уже по уши влюблён.

Тут появился Арчи.

— Мистер Уинтерс, обед подан.

Я кивнул.

— Пойдём, дорогая. — Посмотрел на неё с той самой улыбкой, от которой у неё подкашиваются ноги.

И пока мы направлялись в столовую, я глядел на неё и не мог понять, — как, чёрт возьми, получилось, что эта дерзкая, упрямая девчонка ворвалась в мою жизнь и превратила меня в заложника собственного желания? Что каждое её движение, каждый взгляд, каждая улыбка — как игла под кожу. Я хочу её. До боли в пальцах, до

дрожи в венах. Она — как шторм в моей жизни, разрушивший всё до основания.

Боже… я пропал.

А мысль о том, что кто-то ещё может прикоснуться к ней… выламывает мне ребра изнутри. Я хочу, чтобы она была только со мной. Всегда.

Я схожу с ума, мечтая остаться с ней наедине, впиться в её губы, провести ладонью по изгибам её тела, сорвать с неё всю одежду к чертям… Боже, я безнадёжно по ней тащусь. Эта девчонка разбудила во мне хищника. И никакие договоры, приличия или люди вокруг не остановят меня, когда мы останемся наедине. Мир может катиться к чёрту — пока она рядом, мне плевать на всё. Этот бой я уже проиграл..

Эта женщина — моя. До последнего вздоха.

--- ~ *Тесса* ~ —-

Я определённо попала в какую-то параллельную реальность. Или во сне, или в дурном фильме, где героиня внезапно оказывается не в той жизни, к которой привыкла. Мой мозг будто залит густым мёдом — мысли текут медленно, вязко, не успевая за происходящим. Всё случилось слишком быстро. Совсем недавно мы с Александром обменивались ледяными взглядами, я злилась на него, а он — на меня. А теперь… теперь он держит

мою руку, то и дело переплетает пальцы с моими, нежно касается губами моих костяшек, будто мы помолвлены лет десять, и это наше семейное воскресное собрание.

Я сижу за этим роскошным столом, накрытым так, что любая дорогая ресторанная карта могла бы позавидовать. Белоснежная скатерть, тончайший фарфор с золотым кантом, хрустальные бокалы, отливающие на свету бледно-голубым. Пахнет свежей выпечкой, запечённым цыплёнком с розмарином и белым вином, травами. На серебряных подносах расставлены:

— карпаччо из говядины с соусом из трюфелей, — тартар из лосося с авокадо и юдзу, — свежие устрицы на льду с лимонным соусом, — сырная тарелка с выдержанным камамбером и голубым сыром, — мини-профитроли с муссом из копчёной утки.

В графинах рубиновое красное вино, лёгкое розе, а ещё янтарный сидр. Я не притронулась почти ни к чему. Грудная клетка сдавлена так, будто я зажата в капкан. От напряжения кусок в горло не лезет.

Я отчётливо чувствую на себе их взгляды. Особенно её — Виктории. Мать Александра. Она сидит напротив, будто коршун, и её ледяной

взгляд режет по живому. Я ловлю себя на желании укрыться пледом, спрятаться под столом или просто раствориться в воздухе. Этот её взгляд… я знаю его. Точно такой же у Александра, когда он злится или оценивает.

Вот так становится понятно, откуда он взял этот свой холод.

Рядом сидит его отец. В отличие от Виктории, он выглядит вполне довольным. Расплывается в широкой улыбке, поднимает бокал, отпускает крепкие мужские шутки. Этот человек будто рад всему происходящему, будто ему только дай повод погордиться.

А я… я не знаю, радоваться мне или бежать отсюда. Я не рассчитывала, что после пары поцелуев всё так быстро понесётся вразнос. Всё было слишком… быстро.

Я украдкой глянула на Александра. Его лицо светится. Та самая щетина, что появилась на щеках, делает его чертовски привлекательным. Глаза — сейчас светло-голубые, с тёплым отблеском. Он улыбается, разговаривая с отцом, и я вдруг понимаю — вот он умеет. Умеет быть таким… разным. Таким*простым*для тех, кого считает «своими».

Я опускаю глаза на тарелку, в которой почти

нет ничего съеденного. И тут…

— Тесса, ты совсем ничего не ешь, — прозвучал холодный голос Виктории.

Я вздрогнула, подняла голову. — Ты совсем худенькая, девочка. Худышка ты моя… А ведь тебе ещё мальчишек крепких рожать. Здоровье нужно, силы. Поешь, милая. Александру жена нужна такая, что сможет и семью крепкую построить, и детей ему подарить. А это, поверь, дело не простое. Он у нас не мальчик, требования у него серьёзные. Династию продолжать придётся — так что подкармливать тебя будем. Ты мне нужна крепкая, сильная, чтобы всё выдержать.

Я закашлялась. От вина или от шока — не знаю. Наследника? Они что, с ума посходили?

— Я… об этом ещё не задумывалась, — тихо ответила я, стараясь сохранить лицо.

Виктория смерила меня ледяным взглядом.

— А пора бы уже, — усмехнулась. — Александру уже тридцать три. Ему нужен наследник. И чем скорее, тем лучше.

Александр быстро вмешался.

— Мама, прекрати.

— А Что? Я просто забочусь о здоровье будущей матери моих внуков.

— Мы ещё даже свадьбу не сыграли, — отрезал

Александр. — Хочешь поговорить о наследниках — давай после медового месяца.

Александр взял мою ладонь, я почувствовала — он тоже не железный. Ему так же тяжело. И именно сейчас, сидя здесь, я больше не чувствовала в нём врага.

Виктория сжала губы.

— Время идёт, Александр. Тридцать три — не двадцать.

— Мама, мы сначала обручимся. Потом сыграем свадьбу. А потом уже… наследники. Не гони лошадей.

Я внутренне дернулась. Нет, ну вы это слышали?! Меня не просто поймали в капкан, меня уже официально готовят на роль инкубатора. А спросить меня кто-нибудь собирается, чёрт побери?

Вот так просто. Как будто я в магазине, и они выбрали нужную вещь.

Я чувствовала, как по телу разливается жар. От злости. От бессилия. От шока.

И в этот момент Александр положил ладонь на мою щёку. Его пальцы чуть погладили кожу, и я поймала его взгляд. Спокойный, уверенный… но с этой тихой, почти незаметной грустью.

Он наклонился ко мне, прошептав:,

— Держись, крошка. Ещё немного — и это за-

кончится. А потом … — он усмехнулся. — Я тебе всё компенсирую.

Я слабо улыбнулась краем губ, давая понять, что поняла. Что выдержу. Что буду хорошей девочкой. Хотя сама до конца не понимаю — зачем? Ради чего? Ради кого?

У нас ведь только страсть. Желание. Жар, от которого сносит крышу. Разве этого достаточно, чтобы соглашаться на всё это? На брак. На детей. На фамилию, которая весит, как цепь.

— Гляжу, сын, ты не промахнулся, хороша у тебя невеста, — усмехнулся Уильям, глядя на меня с живым интересом. — Кровь Уинтерсов, как всегда, выбирает только лучшее. Тут ты в отца, Александр.

— Надеюсь, у тебя с Александром всё серьёзно, — произнесла Виктория, глядя в бокал, словно обращаясь к воздуху.

Александр тут же перехватил слово:

— Мама, я давно не мальчик. И да — всё более чем серьёзно. Я уже просил руки Тессы у её отца. Хотя Тесса тогда не была к этому готова.

Я едва не поперхнулась вином. Уильям довольно хмыкнул, усмехнувшись в усы.

— Вот это правильно, сын, — одобрительно кивнул он. — Своё надо брать сразу, пока кто-то

другой не умыкнул. Главное — не покорная овечка, а женщина с огнём внутри. Ты же помнишь, что я всегда говорил…

— Что сильных женщин боятся только слабые мужчины, — подхватил Александр, усмехнувшись краем губ. — Помню, отец.

Уильям громко расхохотался, а Виктория смерила их холодным, недовольным взглядом.

— Всё это пустые слова, — отрезала она, её голос прозвучал как удар хлыста. — В семье важны стабильность, репутация и будущее. А не «огонь», который однажды легко погаснет. Я не позволю, чтобы имя Уинтерс оказалось в руках той, кто не понимает, какова цена этого имени.

На этот раз она посмотрела прямо на меня. В груди неприятно кольнуло.

Я почувствовала, как Александр напрягся рядом.

— Мама, я сделал свой выбор, — спокойно, но твёрдо сказал он. — И именно она станет женщиной, которая будет рядом со мной. Именно она будет носить фамилию Уинтерс. И она же подарит мне наследников. Это моё решение. И оно окончательное.

Уильям покачал головой, усмехнувшись:

— Виктория, ну оставь ты сына в покое. У нас с

тобой на момент свадьбы тоже особой любви не было. Терпеть друг друга не могли. А вон — тридцать пять лет вместе.

— Потому что я с первого дня знала своё место и роль в этой семье, — холодно бросила Виктория, её ледяной взгляд пронзал меня насквозь.

За столом повисла тяжёлая тишина.

Я поймала взгляд Александра — в нём читались раздражение и едва заметная просьба: *не отвечай, ради Бога, не подливай масла в огонь.*

Я выпила залпом остаток вина, хотя знала, что оно слишком крепкое. Но оно спасло меня от желания вскочить и уйти.

Александр наклонился ко мне, тихо, чтобы никто больше не услышал:

— Потерпи, малышка. Это всего лишь спектакль. Я знаю, как тяжело держать маску. Выдержи ещё немного. Совсем скоро этот маскарад закончится… А потом мы забудем обо всех и обо всём. Ты в моих объятиях, я в твоём сердце. Чтобы ты больше ни секунды не сомневалась. Остаться с тобой — единственное, что для меня имеет значение. И я сделаю это. Ради тебя. Ради нас.

Он всё так же держал меня за руку. Не отпуская. Не давая сбежать.

А я смотрела на него и понимала — вот и всё.

Я поймана.

Глава 22. «Когда мир сужается до неё»

-- ~ *Александр* ~ —-

Обед с родителями вышел не так, как я его себе представлял. Я ждал сложного вечера, да, но чтоб настолько…

Мать, как всегда, не удержалась от своих язвительных комментариев. Она умеет бить больно и точно, даже если говорит будто бы «по-доброму». Тесса сидела рядом, будто на иголках. Я чувствовал, как дрожат её пальцы в моей ладони. Чёрт, у меня самого в висках стучало. И было это тупое, грызучее ощущение: стоит мне ослабить хватку — она сорвётся. Убежит. Исчезнет.

А я не отпущу.

Мать не упускала возможности кинуть шпильку,

Она откинулась на спинку стула, взяла бокал с вином, медленно покрутила его в пальцах. Этот жест я знал до боли. Он всегда означал одно — сейчас последует очередной укол, красиво упакованный в пафос и воспитание.

— Тесса, дорогая… — протянула она с той са-

мой, масляно-слизкой интонацией, от которой у меня всегда хотелось стереть с лица улыбку даже ложкой для обуви. — Вы такая… необычная девушка. Чем же, интересно, вы смогли так быстро заинтересовать моего сына? Обычно он куда разборчивее.

И всё.

Тишина повисла над столом, как глухой купол.

Тесса пыталась держать лицо, но я видел: в ней уже всё сжалось в комок. Я сжал её ладонь крепче. Почувствовал, как её пальцы вздрогнули, как дыхание сбилось, и в следующий момент Тесса улыбнулась. Лишь уголками губ, еле-еле.

— Видимо, у нас с Александром взаимный вкус к «необычному», миссис Уинтерс — спокойно, но с отточенной дерзостью ответила она.

Я чуть не расхохотался. Боже, какая же она умница. Грациозная, как хищница, которая не отступает. Даже раненая. Даже на чужой территории.

Отец вовремя включился в разговор, уводя тему. Старик знает, когда надо вмешаться.

Когда, наконец, ужин закончился и мы переместились в гостиную, у Тессы зазвонил телефон. Она извинилась, встала и вышла из комнаты. И я остался на месте, с ощущением пустоты. Будто

вместе с ней из меня вырвали что-то важное. Мне хотелось сорваться с места, догнать её, прижать к себе и удержать. Хоть на секунду.

Мать первой нарушила молчание.

— Александр, — голос был мягкий, но я знал — за ним яд, — ты не думаешь, что торопишься? А как же Изабелла?

Я поднял на неё взгляд. Тот самый, от которого люди обычно отводят глаза. Но она — Виктория Уинтерс — всегда лезет в пекло.

— Мама, ты что несёшь? Какая к чёрту Изабелла? — мой голос прозвучал резче, чем я планировал, но плевать. — Я выбрал женщину, с которой хочу быть. А Изабеллу можешь оставить себе, хочешь — ужинай с ней, хочешь — в театр води. И ещё раз прошу: не упоминайте больше её имени при мне..

Мать дёрнулась.

— Я хочу, чтобы ты был счастлив, Александр, — сдавленно проговорила мать. — Я только лишь спрашиваю. Ты же собирался жениться на Изабелле. Вы были помолвлены. А теперь эта… девушка.

Отец вмешался, ровным, чуть усталым голосом:

— Виктория, мы же договорились. Давай без

этих старых историй. И если сын принял решение, значит так и будет.

Я кинул отцу быстрый взгляд. Он был старой закалки, но всегда понимал одну вещь — если я решил, значит ни мать, ни кто другой меня не свернёт. И уважал это.

— Раз ты хочешь моего счастья, мама, тогда займись нашей помолвкой. И готовься к встрече с её родителями. Только предупреждаю: генерал Мин-Сун жёсткий, бескомпромиссный. Липких словечек и твоих “дружеских” подколок в адрес своей дочери он не потерпит. Так что веди себя как подобает матери жениха, а не ядовитой светской леди… Один неверный намёк — и тебя попросят из-за стола, мама. А я не стану тебя выгораживать.

Отец усмехнулся, похлопал меня по плечу.

— Не переживай, сын, всё сделаем как надо.

— Как скажешь, Александр, — недовольно цокнула мать.

И тут зашла Тесса.

Лицо чуть напряжённое, губы плотно сжаты. Блядь… хоть бы не слышала наш разговор. Она села на диван. На этот раз — чуть дальше от меня. Всё ясно… отстраняется. Думает сбежать? Щас.

Родители, как ни в чём не бывало, продолжили

разговор. Пара дежурных фраз, ещё несколько язвительных замечаний от матери. Я молчал, стискивал зубы, пока они, наконец, не поднялись.

— Ну что ж, мы пойдём. Не будем вам мешать. — проговорил отец, взглянув на меня с тем самым выражением, что всегда значило: *Держись, парень.*

Я кивнул.

Когда за ними закрылась дверь, я выдохнул. В комнате стало ощутимо тише, даже воздух стал казаться легче. И я не мог больше держать дистанцию.

Я приблизился к объекту своего обожания и поймал её взгляд. Густые тёмные ресницы дрожали, как крылья бабочки, а в этих бездонных тёмных глазах читалась целая буря. Она пыталась казаться спокойной, но я знал — внутри у неё сейчас пожар. Такой же, как у меня.

Я знаю, она сейчас напугана. И это понятно. Влезть вот так в мой мир, где каждый взгляд — как нож, где за каждым углом чужая сплетня, а моя мать — акула, что не упустит шанса укусить… сложно. Но я не позволю её сломать. Чёрт с этим креслом. Я всё равно порву любого, кто тронет её. Пусть даже буду делать это словами,

связями, властью. Но никто. Никто не посмеет причинить ей боль.

— Ты слышала? — спросил я тихо.

Она кивнула.

Я вздохнул.

— Тесса… — сказал я тихо. — Прости за это представление. Моя мать... она такая всегда. Она привыкла контролировать всех. Но тебя ей не подмять.

— А ты? — наконец, выдохнула она. — Ты тоже привык контролировать всё и всех?

Я усмехнулся, отпуская её запястье и кончиками пальцев коснувшись её подбородка.

Она дрожащими пальцами поправила волосы.

Боже, как же она красива.

Длинные волнистые волосы обрамляли её лицо, мягко ложась на плечи, будто специально созданные, чтобы я запутывался в них пальцами. Хочешь — не хочешь, а взгляд всё равно скользит ниже. Эта чёртова ложбинка между грудями сводила меня с ума, даже если я старался смотреть в глаза. А тонкая талия… будь не этот долбаный обед, я бы уже прижал её к себе, заставив забыть о всех правилах и приличиях.

— Знаешь, что самое тяжёлое для мужчины? — я наклонился ближе, так что её дыхание обжигало

мне щёку, но руку с её запястья убирать не стал.

— Что? — её голос дрогнул, словно струна.

— Смотреть на женщину, без которой ты уже не можешь дышать… и сдерживаться. Не касаться так, как хочется. Не забрать её, не спрятать от всего мира, не выжечь к чёрту все преграды. Потому что боишься потерять её окончательно.

Я увидел, как в её глазах вспыхнула тревога, смешанная с чем-то опасно сладким.

— Я… я не знаю, как… всё так быстро, — она сбилась, кусая губу.

Я скользнул пальцами по её запястью, ощущая, как дрожит каждая жилка.

— Привыкай, Тесс. Привыкай ко мне, к этим эмоциям, к тому, что я в твоей жизни. Потому что я тебя так просто не отпущу. Ты моя, Поняла?

Она подняла взгляд, полный страха, желания и… надежды.

— Поняла, — прошептала она, и этого было достаточно.

Я медленно взял её за руку, пальцами обвёл её запястье, прочувствовал это хрупкое, живое тепло. Её губы дрогнули, и я чётко понял: она уже никуда не сбежит.

— Ты никуда от меня не уйдёшь, Тесса, — тихо сказал я. — Ни сегодня, ни завтра, ни вообще.

Усвой это.

Она чуть вздохнула. Глаза блеснули.

— Александр…

— Ш-ш-ш… — Я наклонился ближе. — Я знаю, что ты чувствуешь. Мне плевать, что говорила моя мать, что подумают люди. Мне нужна ты. И если придётся — я разнесу в хлам всё, что встанет между нами. Ясно?

Между нами всё давно решено. Осталось только дождаться, когда рухнет последняя стена её неприступности. И тогда она станет окончательно Моей.

-- ~ *Тесса* ~ —-

Я не знаю, как можно оставаться в здравом уме, когда он так смотрит на меня. Этот взгляд прожигает насквозь, проникает куда-то под кожу, в самую душу. Кажется, ещё чуть-чуть — и я потеряю контроль. Сердце стучит так громко, что я боюсь, он его услышит. А разум... разум орёт во всю глотку:*«Держи себя в руках, Тесса! Не вздумай!»*

Но это чертовски трудно, когда его тёплые ладони касаются моего тела, скользят по коже, оставляя после себя горячие мурашки. Когда его поцелуи сводят с ума, как грех, от которого невозможно отказаться. Одно его прикосновение — и

я будто взлетаю в небеса. И всё это происходит прямо сейчас.

Я сижу у него на коленях. Его объятия крепкие, властные, как будто боится, что я исчезну. А я и не хочу вырываться. Губы Александра жадно ловят мои, поглощая, затягивая в этот бесконечный водоворот желания. Я уже давно сбилась со счёта, сколько времени мы так. Каждое касание, каждый поцелуй — как первый. Отрываемся друг от друга только за глотком воздуха… и снова тянемся друг к другу.

Я чувствую, как его тело горит. Как его желание проникает в моё, будто огонь по сухой траве. Его горячее дыхание скользит по моей шее, заставляя меня закрывать глаза от нахлынувшей волны дрожи. Он дышит рвано, с хрипотцой, сжимает мою талию так, будто моя одежда — единственное, что ещё удерживает его от того, чтобы окончательно сорваться. И в этот момент я рада, что на мне джинсы. Хоть какая-то преграда.

Его губы скользят к моим ключицам, оставляя на коже влажные, чуть колючие от щетины поцелуи. Задерживаются у подбородка, цепляя зубами кожу — и я тихо выдыхаю.

— Останься у меня сегодня, — хрипло шепчет Александр, и голос у него такой, что мурашки

пробегают по спине.

Я собираю всю свою волю в кулак. Перевожу дыхание.

— Нет… я не могу… — выдыхаю я, чувствуя, как всё моё тело протестует против этих слов.

— Опять «нет»… — рычит он, уткнувшись в мою шею. — Я вытрахаю из тебя это слово. Запомнишь только одно — *«да»*. Сегодня я этим займусь.

Я распахиваю глаза. Он не шутит. В его взгляде — огонь, желание и решимость. Чёрт возьми, этот мужчина сведёт меня с ума.

Моё тело буквально кричит:*«Останься!»*, но разум цепляется за последние остатки здравого смысла.

— Я… я должна быть дома, — едва слышно говорю я, отводя глаза. — У нас сегодня ужин. Родители невесты Иль-Хуна приезжают…

Александр рычит, как зверь, зарывается лицом в мои волосы.

— Почему я не могу получить то, что хочу? — голос у него злой, обиженный, почти мальчишеский.

Я улыбаюсь, накрывая его руку своей.

— Потому что ты слишком торопишься, Уинтерс.

Он резко сжимает моё бедро, заставляя меня

всхлипнуть, и тут же впивается в мои губы жадным, дерзким поцелуем, в котором вся его ярость, ревность, желание и эта его фирменная властность, от которой у меня подкашиваются ноги.

И я точно знаю — уйти отсюда будет дьявольски трудно.

Я задыхаюсь в его поцелуе.

Этот мужчина… черт побери, он целует так, будто мир вокруг перестаёт существовать, сгорает до тлеющего пепла, оставляя только нас двоих. Его язык пробирается ко мне с жадностью голодного хищника, смешивает наше дыхание, обжигает изнутри, забирая остатки воли. Я судорожно сжимаю его плечи, вцепляясь, будто он — единственное, что держит меня на ногах в этом головокружительном водовороте желания.

Я ощущаю, как его ладонь обхватывает моё бедро, поднимаясь всё выше. Его пальцы скользят по внутренней стороне, будто уверенно расставляя границы, которые я уже не собираюсь защищать. Будто уже решая за меня, как закончится этот вечер… эта ночь… эта жизнь.

Он прижимает лоб к моему, его горячее, сбивчивое дыхание касается моих губ, щек, шеи. Я ловлю себя на том, что дрожу. Не от страха, нет — от того, как сильно хочу его. Воздух между

нами наполнился такой густой, почти ощутимой на вкус страстью, что казалось — вдохни чуть глубже, и захлебнёшься.

— Я хочу тебя, Тесса… До чёртиков, до безумия… до грёбаного сумасшествия, — его голос хриплый, сорванный, срывающийся на рычание. Его губы прикусывают мою нижнюю губу, оставляя на ней лёгкую боль.

Я пытаюсь найти в себе силы сказать хоть что-то разумное.

— Я… должна… идти… — выдыхаю я хрипло, едва справляясь с бешеным сердцебиением.

— К чёрту всё, — перебивает он меня почти мгновенно, обхватывает за талию, разворачивает к себе, прижимает, будто боится выпустить. Его пальцы скользят под мою футболку, обжигая горячую кожу на пояснице.

Я едва слышно ахаю, а он уже снова ловит мои губы. Этот поцелуй совсем другой. Медленный. Глубокий. Он пьёт меня как дорогое вино, смакуя каждый момент. Его ладонь ложится на мою шею, а большие пальцы мягко поглаживают кожу под ухом. Мурашки разбегаются по всему телу.

Я вскидываю взгляд. Его глаза… черт, в них целая буря. Океан. Там всё: похоть, желание, страх потерять, ревность… и что-то такое, от чего

внутри всё сжимается в тугой комок. Любовь. Настоящая, безумная, болезненная.

— Александр… ты должен… меня сейчас отпустить, — говорю я, неуверенно пытаясь увернуться от его поцелуев и рук, скользящих по моему телу.

— Ни за что, слышишь, ни за что не отпущу, — рычит он, доходит поцелуями почти до моей груди, от чего я едва не теряю последние остатки рассудка.

Я судорожно хватаю воздух, но в этот момент происходит то, чего я точно не ожидала.

Он берёт мою руку — резко, уверенно — и кладёт её себе прямо на член. Я настолько ошеломлена этим, что на секунду теряю дар речи, будто земля уходит из-под ног. А его взгляд… его взгляд опьяняет.

— Приласкай меня, детка… Погладь.. — его голос низкий, хриплый, будто он уже на пределе.

Он начинает водить моей рукой по своему члену через штаны. Я ощущаю, как под тканью он твёрдый, пульсирующий от напряжения. Глаза Александра затуманены. Лёгкий стон срывается с его губ.

Я почему-то чувствую странное удовольствие от того, как сильно я его сейчас держу в руках.

Его реакция, этот стон, его лицо исказилось от томительного желания…. и это сводит с ума.

Он не выдерживает и оттягивает пояс своих штанов и боксёров, засовывает мою руку внутрь. Мои пальцы касаются его горячей, пульсирующей плоти. Я будто в каком-то трансе. Сердце колотится так, что кажется вот-вот выскочит.

— Малышка… ты чего застыла? — ухмылка на его губах кривая, наглая. — Член никогда не трогала? — его голос почти насмешлив, но в глазах вспыхивает нежность.

Я рефлекторно пытаюсь отдёрнуть руку, но он не даёт. Его пальцы крепче сжимают мою ладонь, заставляя её обхватить его ствол. Я отворачиваюсь, лицо горит от смущения, но он тут же прорычал мне в ухо:

— Смотри на меня… смотри в глаза.

Я поворачиваю голову, встречаясь с его огненным взглядом. Он снова жадно целует меня, его язык проникает в мой рот, всё ещё держа мою руку на своём члене и сам направляя движения.

Его член оказался внушительным — плотный, тяжёлый, с гладкой, чуть припухшей головкой тёмно-бордового оттенка. Толстая вена тянулась по всей длине, будто подчёркивая каждую деталь. Кожа на стволе была натянута, чуть темнее,

чем остальное тело. Он был идеальной формы — ровный, сильный, внушительный, созданный для того, чтобы сводить с ума.

Я не смогла отвести взгляд. Он пульсировал, подрагивал от возбуждения, словно звал к себе, и от одного его вида у меня пересохло во рту. Александр усмехнулся, заметив мою реакцию.

— Теперь ты… я хочу, чтобы это сделала ты… сейчас… Он весь твой, — его голос дрожит от возбуждения.

— Боже… какой ты пошлый… я не умею такое… — выпаливаю я, вся красная как маков цвет.

— Что ты не умеешь?.. Дрочить? — хмыкает он, продолжая тереться об мою руку.

— Не говори так… Господи… извращуга… — я прячу лицо у него между плечом и шеей.

Но Александр не даёт. Его пальцы приподнимают мой подбородок, заставляя снова смотреть в его глаза.

— Тесса… ответь на вопрос. Ты никогда не дрочила мужчине? — его голос серьёзный, суровый, будто на допросе.

Я вздрагиваю, чувствую, как моё тело будто пульсирует от этого властного, мужского тона.

— Нет… я… я никогда… — признаюсь я почти

шёпотом.

Его взгляд становится мягче, а в уголках губ появляется тёплая, почти нежная улыбка.

— Моя сладкая вишенка… — произносит он, наклоняется, целует меня в висок. — Значит, я у тебя первый… Запомни этот момент, детка.

Он снова целует меня, и его рука вместе с моей начинает двигаться. Я чувствую, как его горячая, гладкая кожа под пальцами пульсирует, как дрожит каждый нерв.

— Смотри, как ты его сжимаешь… о, бля… ещё, детка… — он крепче сжимает мою руку на своём члене. — Вот так… Плотнее… медленно… Не спеши. Почувствуй меня.

Я будто в трансе. Рука сама начинает двигаться быстрее, крепче сжимая его. Александр уже сжал мою грудь своей ладонью, его пальцы разминают её, дразнят, сминая в ладони. Он тихо стонет, его тело дрожит от напряжения.

— Давай, сильнее… да детка… вот так… о, мать твою… — его голос срывается на рычание. — О, да… да… вот так… чёрт… чёрт… чёрт…

И в следующую секунду я чувствую, как его горячая сперма изливается в мою ладонь. Его тело вздрагивает, а он прижимается ко мне, тяжело дыша, целует меня в шею, в ухо.

— Ты… просто… охуенная… — шепчет он, по-прежнему не выпуская. — Я бы продал душу, чтобы просыпаться рядом с тобой каждое чёртово утро.

Я опускаюсь головой ему на грудь, а его пальцы медленно гладят мои волосы, будто извиняясь за то, что только что сотворили. А я ловлю себя на мысли… что мне безумно это понравилось..

Глава 23. «Ускользая от Соблазна»

-- ~ Тесса ~ —

Я еле как вырвалась из его объятий, чувствуя, как губы ноют от поцелуев, а кожа словно всё ещё помнит жар его ладоней. Александр был опасно настойчив, а я — непозволительно слаба перед ним. Он умеет касаться так, что ноги подкашиваются, умеет шептать так, что внутри всё сжимается в тугой комок. Александр не просто соблазнял, он стирал грань между дозволенным и запретным. Ещё немного — и я бы уже не смогла остановиться.

Телефон зазвонил в третий раз. Первый и второй Александр игнорировал, отбирая аппарат, как капризный мальчишка, не желающий делить игрушку. Только когда третий вызов настойчиво прорезал воздух, я вырвала мобильник из его руки.

На экране высветилось**«Мама»**. Сердце ёкнуло.

— Не бери… — хрипло выдохнул он, ловя меня за запястье.

— Это мама… третий раз уже… — я попыталась

освободиться, но его хватка была железной.

— Мне всё равно. Я ещё не насытился.

Он обхватил моё лицо ладонями, заглянул прямо в душу. Эти серые глаза, полные желания, будто молили остаться. Я сжала губы, борясь с собой.

— Ещё минуту… — попросил он, почти умоляюще. Не тот, властный и жёсткий, а другой… ранимый.

Я позволила себе эту минуту. Он поцеловал меня так, что мир вокруг снова растворился. Губы требовали, руки сжимали бёдра, тело обжигало.

Он поморщился, выпустил меня из рук, но тут же зажал за талию.

— Господи… — прошептала я, начиная судорожно приводить себя в порядок: натягивать перекошенную футболку, поправлять волосы, которые он растрепал своими жадными пальцами.

Александр наблюдал за этим театром с мрачным, хищным выражением лица, опершись на подлокотники кресла. Его взгляд обжигал. В нём было всё: желание, злость, неудовлетворённость, собственничество.

— Не уходи, — сказал он, хрипло, почти зверем.

Я подошла к нему, склонилась и осторожно

коснулась его щеки губами. Такой невинный, детский поцелуй, как будто этого могло хватить, чтобы остудить ураган между нами.

Он поймал мою руку, крепко сжав.

— Не хочу, чтобы ты уходила… — его голос стал тише, тяжелее, будто признание вышибало из него последние силы.

Я посмотрела ему в глаза, и что-то внутри снова дрогнуло. Чёрт, он опасен. Опасен для моего спокойствия, для разума, для сердца. А больше всего — для моего тела, которое с ума сходило от одной его близости.

— Я напишу тебе, как буду свободна… Хочешь? — спросила я тихо.

Он чуть улыбнулся. Этот мужчина умел всё — и быть хищником, и быть мальчишкой, и делать так, что я забывала дышать.

— Хочу… — короткий кивок. — А лучше сразу приезжай ко мне. Я пришлю Дэвида..

Я чуть улыбнулась, снова наклонилась и заключила его в короткие, крепкие объятия. Он прижал меня к себе так сильно, что я на мгновение ощутила, как бешено бьётся его сердце.

— Не дразни, Тесса… Не делай так… — выдохнул он у самого уха, его пальцы скользнули по моему бедру, едва не сорвав мой отступающий шаг.

— Надо бежать, — выдавила я, нащупывая в себе остатки воли. — Если сейчас не уйду, то уже не вырвусь.

Он вызвал Дэвида.

— Подгони машину ко входу.

Александр долго смотрел мне вслед. Его взгляд я почувствовала спиной — тяжёлый, тёплый, требовательный.

Уже в лифте я упёрлась лбом в прохладное зеркало и тихо выругалась. Этот мужчина — чёртова катастрофа.

Сообщение от него пришло уже через две минуты:

«Жду тебя. И когда ты окажешься рядом, дороги назад не будет. Я не отпущу. Ни завтра, ни спустя годы. Я твой. Ты — моя. В этой жизни и на все, что будут после. Ты — моя личная вечность...»

Я только усмехнулась. Господи, что же ты со мной делаешь, Александр Уинтерс.

Я никогда не думала, что одно сообщение может так взорвать внутри всё живое.

Казалось бы — строчки на экране, слова без голоса… но от них в груди будто расцвели алые цветы, распуская лепестки до самого сердца. Захотелось развернуться, бросить всё к черту и

вернуться — к нему. Прижаться к его широкой груди, вдохнуть запах его кожи, уткнуться лицом в изгиб его шеи, там, где бьётся его пульс.

Кто бы мог подумать, что сам Александр Уинтерс — холодный, неприступный, опасный, будет писать мне такие слова?

Что я, Тесса Чон, буду улыбаться как идиотка, глядя на экран телефона. Я уставилась на эти слова и поняла: что чувствую к нему нечто большее. Нечто сильное, пугающее и… сладкое. Меня по-прежнему жгло его прикосновение, а губы были искусаны. Мысленно возвращаясь в его квартиру, я ловила обрывки наших поцелуев, стоны, его голос, сиплый от желания. Как моя ладонь скользила по его телу, как он выдыхал моё имя — не командным, привычным тоном, а сорванным, хриплым.

Я прижала ладонь к щеке. Горячо. И точно не от стыда. Я хотела его. Боже, как я его хотела. Хотела снова услышать, как он тяжело дышит, как теряет над собой контроль. Как забывает обо всём, кроме нас двоих.

Голос Дэвида вырвал меня из этих почти неприличных мыслей.

— Мисс Чон? — тревожно произнёс он, обернувшись ко мне.

— А? — встрепенулась я, будто застигнутая на месте преступления.

— Мы приехали, — сообщил он.

Я моргнула, огляделась — и правда, стоим возле дома. Как быстро он ехал? Или я так глубоко утонула в собственных фантазиях?

— Спасибо, Дэвид, — пробормотала я, выходя из машины.

Он кивнул и, конечно, ничего не спросил. Умный мужчина. С таким боссом молчание — золото.

Я прокралась домой как мышь, потому что прекрасно знала: сегодня у нас в гостях будущие сваты. Родители с ними сидели в гостиной, обмениваясь важными семейными речами и приличествующими случаю вежливыми фразами. Мне не хотелось ни видеть их, ни выслушивать очередные нотации. А уж в моём теперешнем состоянии — тем более.

Честно говоря, в эту минуту я больше всего на свете хотела быть у Александра, а не здесь.

Прошмыгнула мимо гостиной, поднялась по лестнице, стараясь не издать ни звука, и юркнула в свою комнату. Поймала отражение в зеркале — волосы взлохмачены, губы опухшие, на шее… чёрт. Аккуратно замазала следы его губ, пригла-

дила волосы, переоделась, вдохнула поглубже. Порядок.

Спускаясь на кухню, уже почти пришла в себя, как наткнулась на картину, достойную мелодрамы. Иль-Хун и Мин-Рэ — в объятиях, губы слились в поцелуе, всё как в сериалах. Мин-Рэ на цыпочках, он держит её за талию.

Я залипла. А потом не выдержала и нарочно кашлянула.

Иль-Хун разом отстранился, спрятав Мин-Рэ за собой так, будто я была каким-то монстром.

— Тесса? — его уши моментально покраснели. — Ты когда успела вернуться?

Я улыбнулась. Он такой милый сейчас, хоть дразни его до конца жизни.

— Да вот, только что, — с невинным видом ответила я.

Мин-Рэ выглянула из-за его спины, вся красная, как мак на закате.

— Здравствуй, Тесса, — едва слышно произнесла она.

— Привет, Мин-Рэ, — я одарила её мягкой улыбкой. — От родителей прячетесь?

— Нет-нет! — моментально замахала руками девушка. — Мы… эээ… чай вот… для них… готовим.

Я фыркнула, не удержавшись.

— Ну-ну…, я видела, как вы его «делаете».

Брат цыкнул:

— Только попробуй… я…

— Спокойно, Иль-Хун. Моё молчание можно купить. Например, конфетами.

Иль-Хун бросил на меня предупреждающий взгляд, но я уже подавила смешок.

Мы вместе накрывали стол: заварили чай, расставили сладости. Брат старательно делал вид, что всё под контролем, но я ловила его взгляд и видела — всё, припомню ему это в нужный момент. Его ждал добрый десяток шуток про «застенчивого брата с горячей девушкой».

Иль-Хун наклонился ко мне, его дыхание стало холодным и прерывистым, а взгляд — намеренно острым.

— Если ты хоть слово скажешь за ужином, — прошептал он, едва сдерживая раздражение, — я сразу же расскажу маме, где ты сегодня была и с кем.

Я ответила ему не менее холодным взглядом и приподняла бровь.

— А ты уверен, что хочешь, чтобы я поделилась с твоей невестой, как ты "совершенствовался" в поцелуях с другими девчонками? — мои слова

прокололи воздух, и я заметила, как его лицо стало чуть более напряжённым.

Он снова выдохнул, обернувшись и махнув рукой.

— Ладно, ничья, — сказал он с лёгким усталым смешком, но в его глазах всё ещё горела игривая искра.

Он прикусил губу — и мы оба рассмеялись. Мин-Рэ с удивлением посмотрела на нас, но ничего не сказала.

Вот оно, моё семейное безумие. Даже после того, как весь день во мне бушевал огонь, как я теряла голову от одного взгляда Александра, здесь, на кухне, с братом и будущей невесткой, я почувствовала, как этот дом умеет вытаскивать меня обратно на землю.

Но сердце всё ещё било дрожащую, яркую ноту.

Александр…

Я достала телефон из кармана. Скользнула пальцем по экрану, вздохнула и написала:

«*Уже скучаю.*»

И отправила. Потому что он должен знать.

--- ~ Тесса ~ —-

Вечера в кругу семьи — всегда отдельная песня. Особенно когда под одной крышей собирают-

ся два рода, и начинают спорить о тканях для скатертей, количестве охраны на входе и цвете бутоньерки для племянника троюродного дяди.

Дом гудел как улей.

Предстоящая свадьба Иль-Хуна и Мин-Рэ уже разрослась до размеров всекорейского события. Пятьсот человек, банкетный зал, живая музыка, отель для гостей из Сеула, охрана, лимузины… Мама с блеском в глазах обсуждала с матерью Мин-Рэ форму десертных ложек. Всё вокруг напоминало тщательно отрепетированную постановку, где каждому отведена своя роль, кроме меня — я здесь была не актрисой, а случайным зрителем, забредшим не на тот спектакль. Откровенно говоря, я мечтала в этот момент куда-нибудь сбежать.

Я вяло ковырялась в тарелке, и честно? Чем дольше слушала, тем больше понимала — я такую свадьбу не хочу. Вообще. Ни огромного зала, ни чужих лиц, ни дресс-кода цвета «пыльная роза».

Словно по сценарию, разговор за столом незаметно свернул не туда.

— Тесса, — вдруг обратилась ко мне Кан Со-Ён, мама Мин-Рэ, с такой интонацией, от которой у меня по спине пробежали мурашки. — А тебе, дорогая, не пора подумать о подходящей партии?

У моей двоюродной сестры есть сын. Такой видный мальчик. Высокий, статный, ровесник твой. Работает в банке, очень перспективный. Хочешь, познакомлю?

Я приподняла брови, сохраняя вежливую улыбку, но внутри всё сжалось.

— Благодарю, не нужно, — ответила я сдержанно.

— Почему? — не унималась она. — Ну надо же как-то устраивать свою жизнь!

И тут в разговор, как водится, вмешался отец:

— У Тессы уже есть жених, — произнёс он с таким спокойствием, что за столом притихли. — Очень достойный человек. Я с ним лично знаком. Умный. Надёжный. Мужик с головой.

— Правда? — оживилась Кан Со-Ён, ловя взгляд матери Мин-Рэ. — А кто такой? Чем занимается?

Мама, сияя, как рождественская ёлка, тут же подключилась:

— Очень достойный молодой человек. Коллега. Умный, солидный, перспективный.

Отец гордо подхватил:

— Александр Уинтерс.

Я чуть не выронила вилку. Если бы Александр это сейчас слышал… он бы расцвёл, как мартовская сакура.

— Уинтерс? — переспросил отец Мин-Рэ, Кан Дже-Вон. — Старший или младший?

— Старший, — снова отец.

— Генеральный директор этого… холдинга?

— Он самый, — радостно подтвердил отец.

И вот оно, прозвучало.

— Это тот, который калека? — вслух выдала Кан Со-Ён.

Гул в ушах, стук сердца в висках. Я почувствовала, как кровь прилила к щекам, а в груди поднялась такая злость, что если бы рядом стоял стакан — он бы треснул.

— Что вы сказали? — голос мой был ровным, но внутри уже полыхало.

— Ну… — замялась она. — Я… я просто… Ну он же в инвалидном кресле. Я не со зла. Просто… сложно ведь с таким, правда?

Отец медленно откинулся на спинку стула, глядя ей прямо в глаза.

— Послушайте, Кан Со-Ён, — начал он тихо, но в его голосе прозвучала сталь. — Я не потерплю, чтобы моего будущего зятя обсуждали в подобном тоне. Этот человек намного сильнее, чем половина мужчин, которых я встречал за свою жизнь. Он уважаем. Умен. И достоин моей дочери.

Мама кивнула.

— Александр — настоящий мужчина, — поддержала она. — И то, что он передвигается на инвалидном кресле, делает его не слабее, а сильнее. Вы бы пообщались с ним, прежде чем лепить ярлыки.

Я уже не выдержала.

— Мне жаль, что вы судите о людях не по сердцу, не по уму, а по тому, как они ходят. — холодно произнесла я. — Александр — человек, рядом с которым я чувствую себя живой. Он не калека. А вот ваше воспитание — под большим вопросом.

Мама попыталась меня одёрнуть:

— Тесса…

Но меня уже было не остановить. Я больше не собиралась сидеть рядом с теми, кто способен так унижать человека, которого… да, именно так — которого я люблю.

— Я всегда думала, что хамство — это прерогатива необразованных. А вы, смотрю, вполне себе образованная. И при этом позволяете себе подобную дешевую мерзость?

Кан Со-Ён покраснела, будто ей влепили пощёчину.

— Простите, но я больше не хочу сидеть рядом с людьми, которые позволяют себе так отзываться о тех, кто мне дорог.

Поняв, что остаюсь на грани, я развернулась и ушла из-за стола направляясь на кухню, не дав никому вставить и слова. Бросив им в спину своё молчаливое презрение.

Я стояла у раковины, машинально ополаскивая чашки. Посуду я мыла с таким остервенением, будто отмывала весь этот разговор со своей кожи.

Грудь жгло от злости и обиды. Сколько раз я себе твердила — плевать на чужие слова. А вот не получается.

Мин-Рэ несмело зашла следом.

— Тесса… — её голос дрожал. — Пожалуйста, прости мою маму. Она… неправильно выразилась.

За ней зашёл и Иль-Хун, молча положил руку мне на плечо.

— Я знаю, что для тебя значит этот человек, — тихо сказал он. — И поверь, для нас с Мин-Рэ он — прежде всего человек, а не его диагноз. Не обижайся на неё. Она глупость сказала.

Я сжала губы и кивнула. Простить? Быстро? Потому что знала — быстро я это не прощу. Нет, я так не умею. Я такая. И за своих кусаю.

— Ладно… я попробую, — выдавила я наконец.

Мин-Рэ обняла меня.

Иль-Хун увёл Мин-Рэ. Я осталась одна. Кухня погрузилась в уютную, почти вязкую тишину, нарушаемую только тиканьем часов да еле уловимым ароматом свежего чая, который уже начал остывать в кружке. Но мне было всё равно — прикосновение его рук на моей коже, горячее эхо его голоса в голове перебивали всё.

Я стояла, опершись ладонями о край стола, и чувствовала, как внутри медленно, но неотвратимо поднимается та самая волна — смесь желания, ярости и собственничества. Всё это осталось между строк, между касаниями, между его почти хищным взглядом и тем, как он произносил моё имя.

И я чётко поняла: тот, кто осмелится тронуть его словом, кто попытается опорочить его или причинить боль — тронет меня. А я… я не та, кто стерпит. Это не угроза. Это уже моя внутренняя война. Война за того, кого я жду, хочу и не собираюсь отдавать никому. Ни под каким соусом.

И плевать, что подумают. Плевать на имена, статусы, родственные связи. Потому что с этого момента каждый, кто выступит против него — выступит против меня. И я буду защищать его. До последнего.

Я перемыла всю чёртову посуду. Каждую тарел-

ку, каждую вилку, каждую сковородку. Даже ту, которой с утра подогревали рис. Выдраила раковину, протёрла все столешницы до зеркального блеска. А когда кухня уже сияла, как витрина дорогого ресторана, я всё равно продолжала. Просто чтобы не слышать голосов из гостиной, не ловить на себе их взгляды и не вдыхать этот затхлый воздух снобизма.

Дважды ко мне заходил отец.

— Тесса, вернись за стол. Не обращай внимания на глупые разговоры, — мягко говорил он.

Я молчала, лишь сжимала губы.

Мама тоже заглянула, пыталась улыбнуться, но я видела в её глазах сожаление. А мне была противна сама мысль сидеть рядом с теми, кто легко бросает слова, не задумываясь, что завтра может оказаться на месте того, кого осуждает. Судить по одёжке, по внешности, по статусу… что может быть низменнее.

Когда посуда закончилась, а столешница сверкала, я вытерла руки о полотенце и молча поднялась в свою комнату. Закрыла дверь, бросила телефон на кровать и плюхнулась рядом. Несколько секунд смотрела в потолок, пока экран не загорелся.

Я схватила его, как утопающий спасательный

круг.

Пришло несколько сообщений от Александра.

«Ты где пропала?»

«Ты в порядке?»«Ответь, Тесса»

Я улыбнулась, даже сквозь злость и усталость. Пальцы сами набрали:

«Всё нормально. Я в комнате»

Ответ пришёл тут же:

«Позвони мне»

Я только нажала кнопку, как телефон зазвонил. Его имя на экране. И этот знакомый холодный голос, который только для меня становился тёплым.

— Ну что, бунтарка, ты как? — спросил он.

— Я? — я легла на кровать, закинув одну ногу на другую. — Выдраила кухню до блеска. Думаю, соседи ослепнут от такого сияния.

Он хмыкнул.

— Ты вечно находишь себе работу вместо того, чтобы просто сказать всем «пошли к чёрту».

— Если бы я так сказала — здесь была бы драка, — усмехнулась я.

— Жаль, что меня там нет. Я бы помог. Я сегодня в настроении покрошить пару идиотов.

Я рассмеялась.

— Уинтерс, ты ужасен.

— Я знаю. Зато ты улыбаешься, — его голос стал мягче. — Я соскучился.

Моё сердце сжалось.

— Я тоже.

— Приезжай ко мне, — снова попросил он. — Я сделаю тебе массаж, выпьем вина, закажем стейк. Или… хотя бы просто посидим и помолчим. Вместе.

Я прикрыла глаза.

— Александр…

— Что? — ворчливо.

— Я не могу. Сегодня точно нет.

Он тихо вздохнул.

— Упрямая.

— Чертовски, — подтвердила я.

Пара секунд тишины.

— Тогда зайди ко мне завтра с утра, — произнёс он уже серьёзно. — Надо поговорить.

Я нахмурилась.

— О чём?

— Серьёзный разговор. И нет, я не шучу. Мне нужно, чтобы ты зашла ко мне в кабинет с утра..

Его голос стал тяжёлым, без привычной иронии. Я почувствовала, как в груди что-то сжалось.

— Ты меня пугаешь.

— Не бойся. Я тебя в обиду не дам. Никогда.

Я молчала.

И вдруг так остро захотелось оказаться рядом, вдохнуть запах его парфюма, услышать это ворчливое «иди сюда», почувствовать, как он притягивает меня к себе, несмотря на всю свою чёртову колючесть.

— Ладно, — наконец ответила я. — Утром буду.

— Молодец, — он усмехнулся. — А теперь… воздушный поцелуй.

— Серьёзно? Ты тридцатитрёхлетний мужик.

— И что? Никогда не поздно быть романтиком, — огрызнулся он.

Я рассмеялась.

— Лови.

Издала звук поцелуя в трубку.

— Хм, слабовато. Но сойдёт. До завтра, девочка.

— Спокойной ночи, Уинтерс.

Мы повесили трубки, и я, улыбаясь, убрала телефон. Направилась в душ — горячая вода смыла с меня весь накопившийся за день хлам. Я смотрела на своё отражение в зеркале и впервые за вечер мне казалось, что я снова чувствую его пальцы, горячие, жадные, чуть грубые. Его взгляд, прожигающий до костей. Его голос, хриплый, который шепчет на ухо. А ещё — своё имя из его уст. Так, как не произносит больше никто.

Переодевшись в тонкую майку и шорты, я залезла под одеяло, обняла подушку и долго вглядывалась в темноту, вспоминая себя в его объятиях. Тёплых. Надёжных. Запах его парфюма, горячее дыхание у самого уха. Его голос, тихо шепчущий самые неприличные вещи, от которых по телу разливалась дрожь.

И я поймала себя на мысли… завтра я хочу увидеть его не потому что он позвал. А потому что я без него уже не могу.

— Безмерно благодарна, что читаете! Каждое ваше прочтение — как крепкое объятие для автора.

Глава 24. «Без неё я зверь»

-- ~ Александр ~ —-

Я никогда в жизни так не ждал утра. Даже в детстве, когда обещали первую игрушечную машинку. Не ждал выпускного. Не ждал свадеб друзей. И уж точно не ждал никаких корпоративных банкетов или важных контрактов. А вот сегодня… Сегодня я ждал её. Маленькую, упрямую, чертовски красивую девчонку, которая сумела перевернуть мой порядок, влезть под кожу и занять там почётное место.

А ещё… черт возьми. Прокручивая всё, что произошло между нами за эти дни, я поймал себя на мысли, что впервые в жизни чувствую себя… по-настоящему живым. И как бы пафосно это ни звучало — чертовски счастливым. Вот оно, да. Тесса Чон станет моей женой. С ума сойти. Не просто очередной интрижкой, не временной слабостью, а моей женщиной. Моя, до последней капли крови.

Утро началось с того, что я притащил свою тушу в ванну, привёл себя в порядок. Побрился, наполнил воздух ароматом своего парфюма —

тяжёлый, тягучий, как мой характер. Глянул на своё отражение в зеркале и усмехнулся.

— Ну что, Уинтерс, сегодня ты либо попадёшь в рай, либо в ад. Но точно не останешься равнодушным.

В голове крутились мысли, желания, планы. Сегодня хотелось творить и вытворять.

Творить я уже начал — привёл себя в ахренительный вид. Ну а вытворять мне сегодня поможет моя Тесса. Моя. Никак иначе. И я плевать хотел, что там скажет её семья, её подруги и весь этот чертов свет.

В предвкушении этой встречи я буквально сходил с ума. Галстук душил, воротник жёг кожу, а часы на запястье будто нарочно замедлили ход, издевательски тянув каждую секунду. Я дёргал галстук, ослаблял узел, снова затягивал, нервно поглядывая на циферблат, где стрелки словно закостенели.

Не выдержав этого театра ожидания, я набрал Дэвиду. Тот уже привычно понял по моему тону, что спорить бесполезно, и спустя пять минут я уже сидел в машине, глядя в окно на сонный город.

В дороге я не мог усидеть спокойно — настрочил Джейкобу пару резких сообщений, чтобы, как

только Тесса появится в офисе, тут же отправил её ко мне. Без отмазок, без задержек. И чтоб ни одна живая душа не смела её останавливать.

Джейкоб, конечно, в своём репертуаре, отпустил пару кривых шуточек, мол, «*шеф, так рано охотиться — нарушение правил приличия*», но мне было плевать. Я всю ночь не сомкнул глаз. Перебирал в голове её лицо, вспоминал вкус её губ, запах кожи, её дрожь под моими ладонями. Мне хотелось её до безумия. Ждал её, как проклятый. И сейчас я был готов снести всё на своём пути, лишь бы снова увидеть её перед собой.

Приехал в холдинг раньше всех. Там тихо. Только охрана и пара уборщиц. А я — как с парада: костюм сел как влитой, галстук чуть задушил, но мне даже это нравилось. Потому что сегодня всё было ради неё.

Как только я оказался в кабинете, даже не успев снять пальто, сразу отдал распоряжение:

— Орхидеи. Белые. И эти, чёрт бы их побрал, конфеты с кокосом, от которых она без ума… из**“Le Sucre Noir”**. Срочно, Дэвид. Чтобы через десять минут были у меня на столе.

Дэвид приподнял бровь, ухмыльнулся так, будто знал больше, чем должен, но благо у него хватило ума промолчать. Лишь коротко кивнул и

исчез, как тень. За что я его и уважаю, впрочем.

Я подъехал к своему рабочему столу, сцепил пальцы в замок, прислушиваясь к тому, как бешено стучит сердце. Это была уже не просто прихоть. Я ощущал её запах в воздухе, как будто комната помнила, как она здесь стояла, кусала губу, бросала на меня свои упрямые, упрёчные взгляды. И клянусь, я бы сейчас всё отдал, чтобы она снова стояла у этой двери…

Это наше первое утро… как пары. И я хочу, чтобы она почувствовала… да чтоб она, мать её, поняла, насколько сильно я влип. Насколько она моя.

Время шло. Тессы всё нет. Я извёлся. Наверное, обогнал по количеству нервных галстучных дёрганий всех бизнесменов за последние сто лет. Звонил ей раз пятьдесят. Ноль. Игнор. Что за…?

Я начинал закипать.

— Вот сучка… — прошипел я, вцепляясь в подлокотник. — Ну я тебе устрою.

Пишу Джейкобу:

— **Где она?** Ответ мгновенный — Ещё не пришла.

Да как так?! Уже десятый час!

У меня чуть не лопнула вена на виске. Я застонал от злости.

— Да какого хрена?!

Мне хотелось выкурить сигару. Выпить. Выбросить к чёрту этот галстук. Или ещё лучше — поехать за ней, схватить и силой привезти сюда.

Я начал злиться по-настоящему. Холодная ярость разливалась по венам. Она ведь знала, что я жду. Она должна была…

— Блядь. Тесса, ты у меня огребёшь. На коленях будешь отрабатывать.

Откинулся на спинку кресла. В груди то ли жгло, то ли щемило. Хочу её прямо сейчас. Хочу её видеть, трогать, ругаться с ней, целовать, обнимать — всё разом.

Я знал, что это безумие. Но к чёрту, я был готов на любое безумие ради неё.

Прошло ещё минут десять. Я уже начал крутиться, как лев в клетке.

И тут… долгожданный стук в дверь.

Я рванулся вперёд.

— Войдите! — голос мой прозвучал резко, даже для меня самого.

Дверь приоткрылась. И в кабинет зашла она.

Тесса.

Та самая, которую я выжидал, о которой думал, которая уже успела превратить мою жизнь в

один большой хаос.

И вот она стояла передо мной.

Я почувствовал, как сердце сжалось и тут же разлетелось вдребезги.

Ну всё, малышка. Теперь ты моя.

Моё дыхание сбилось. Серьёзно. Впервые за свои тридцать три я словил себя на этой глупости. Она вошла — лёгкая, чуть смущённая, с уличным кофе в руке. И я моментально забыл все свои проклятья, все угрозы, что мысленно адресовал ей минутами ранее. Всё, что было до этого — кануло к чёрту. Потому что она была здесь. Передо мной.

Подошла к столу, протянула кофе.

— Доброе утро, мистер Уинтерс, — произнесла она.

Голос дрогнул чуть-чуть. А я глянул на неё… и всё. Оторваться не смог.

— Доброе, Тесса. Тебя долго не было. И давай без формальностей. Мы здесь одни. И, между прочим, у нас с тобой скоро помолвка, — сказал я, не сводя с неё взгляда.

Она замерла.

— Скоро? Простите, я… — повторила, будто не веря.

— О, не стоит извинений, — оборвал я её. — Я

не сержусь. Я просто начал думать, не стоит ли тебя уволить к чёртовой матери.

Она замерла. Чистое удовольствие — видеть, как её губы чуть дрожат.

— Шучу, — усмехнулся я. — Или нет. Сегодня у меня переменчивое настроение.

Я сделал глоток кофе. Горячий, насыщенный.

— Ммм… вкусно… — буркнул я.

Она, кажется, робко обрадовалась. Маленький жест, забота. И мне захотелось ухмыльнуться — малышка, ты даже не представляешь, насколько ты влипла.

— Иди ко мне.

Она шагнула вперёд. Неловко, скромно. Я следил за каждым её движением, как голодный зверь. Её фигурка плавно двигалась ко мне, а я уже заранее знал, что с ней сделаю.

Обогнула стол, встала у края. Я протянул руку, притянул её ближе. Мне нужно было её почувствовать. Этот запах — лёгкий, женственный, с нотками вишни. Голова от него шла кругом.

Я усадил её перед собой, так что она упёрлась ладонями в стол. Картина — лучше любых порнографических фантазий. Юбка-карандаш обтягивает соблазнительные бёдра, молочная блузка подчёркивает грудь. Внутри у меня всё

сжалось.

Я скользнул взглядом по её телу. Сегодня фортуна явно на моей стороне.

Пальцы потянулись к её бедру… и тут**стук в дверь**.

— Чёрт… — процедил я сквозь зубы.

Тесса дёрнулась, собираясь отойти.

— Стоять, — отрезал я жёстким тоном.

Она вздрогнула, но послушалась.

— Войдите.

Дверь открылась. Дэвид. С букетом белых орхидей и коробкой конфет. Я напрягся. И тут же поймал себя на ревности. Потому что Тесса обернулась, поздоровалась с ним, и одарила его вежливой улыбкой. Нет. Так нельзя. Её улыбки — мои. Её взгляд — мой. Всё в ней моё.

Я забрал из рук Дэвида цветы и сладости, кивнул тому, чтобы уходил. Тот всё понял и исчез.

Вернулся к Тессе. Она кусала губу. Глаза опущены, на щеках лёгкий румянец. Я прочитал её мысли как открытую книгу. Конечно, она могла подумать, что это для кого-то другого. Глупенькая моя.

— Тесса… малышка моя, — произнёс я мягко. — Это для тебя.

Протянул ей букет. Она распахнула глаза, как

будто я ей кольцо с бриллиантом на палец надел.

— Какие красивые… Александр… — шепчет. — Спасибо.

Наклонилась и оставила короткий поцелуй в щёку. Милая, доверчивая. А я в этот момент уже с трудом сдерживал зверя внутри себя.

— Это ещё не всё, — усмехнулся я, показывая коробку.

Она ахнула, прикрыв рот рукой.

Я открыл коробку с конфетами, кокос и шоколад ударили в нос этим сладким ароматом.

Взял одну.

Поманил Тессу пальцем.

Она поняла, наклонилась, губами обхватила конфету, при этом зацепив мои пальцы… да она, мать её, понятия не имеет, что делает.

Я почувствовал, как кровь резко прилила вниз, натягивая нервные струны где-то внизу живота. Её язык едва коснулся моей кожи — лёгкий, обжигающий, будто огонь пробежал по венам. Она задержала взгляд, а потом, не отводя глаз, медленно обвила губами мои пальцы, с которых тянулись остатки растаявшего шоколада.

Горячий, влажный, её язык скользнул по ним, соблазнительно, медленно, как будто нарочно

растягивая этот момент. Я выдохнул, чувствуя, как контроль ускользает сквозь пальцы вместе с остатками этого чёртового десерта.

На последок она прикусила подушечку среднего пальца, выпуская его с характерным щелчком, и хрипло прошептала:

— Как вкусно…

Меня едва не переклинило. Всё тело вспыхнуло, пульс застучал в висках. К чёрту все границы.

Всё. Предел.

Я сорвался.

Резко притянул её к себе, и впился в её губы жадным, требовательным, голодным поцелуем. ВЗАСОС. Такой, чтобы она запомнила. Чтобы не вздумала даже смотреть на других. Чтобы каждое касание, каждый вздох принадлежал только мне.

Я чувствовал её дыхание, её дрожь, её вкус. Аромат вишни, кофе и лёгкой сладости. Моё. Всё моё.

Оторвался на секунду.

— Запомни, Тесса, — прошептал я в её губы. — Ты моя. И точка.

Её глаза блестели. Щёки горели. И я понял — эта девочка уже никуда не денется.

Я смотрел на неё, не отрываясь, словно хищ-

ник, следящий за своей добычей в последний миг перед прыжком. Но, чёрт возьми, какая она добыча… Эта женщина давно была моей. Моей слабостью, моей одержимостью, моим безумием. И пусть она сама ещё этого не признала — мне было плевать. Я чувствовал это каждой клеткой, каждым упрямым ударом сердца. Она могла играть в равнодушие, отводить взгляд, делать вид, что контролирует ситуацию… но я знал — стоит мне сделать шаг, и весь её мир рухнет ко мне в руки.

Тесса аккуратно положила букет на стол. Коснулась кончиками пальцев лепестков орхидей, словно боялась их повредить. Такой трогательной я её ещё не видел.

— Почему именно орхидеи? — спросила она тихо, не отрывая взгляда от цветов.

Я подался чуть вперёд, опершись на подлокотники кресла, и ответил ровно, с едва уловимой улыбкой:

— Потому что ты и есть орхидея. Нежная, красивая, но с характером и крепким стержнем внутри. Тебе не нравятся эти цветы?

Она улыбнулась. Какая-то чуть грустная улыбка.

— Очень нравятся… — ответила она, — просто…

мне их никто не дарил.

Вот оно. Та самая трещина в броне. Я знал — с этого дня она не проведёт ни одного утра без цветов.

— Теперь ты будешь получать их каждый день. Я буду дарить их тебе, снова и снова. Каждый чёртов день. — произнёс я, почти поклявшись себе в этом, как в самом важном обещании жизни.

Тесса подняла на меня глаза.

Этот взгляд… чёрт побери, будто душу из меня вытаскивает. Она подошла и просто обняла. Крепко. Как будто я был последним человеком в этом мире. Я обнял в ответ, уткнулся лицом в её волосы, вдыхая запах, который сносил крышу.

Она немного отстранилась… и поцеловала меня. Сама. Нежно, аккуратно, как будто боялась спугнуть. Лёгкий, мягкий, тёплый поцелуй. Лепесток цветка, скользнувший по коже. Но я таких поцелуев не терплю. Я впился в её губы, притянул ближе, сжал бёдра так, что она пискнула.

И тут её колено легло между моих ног. Чёрт… Она наверняка почувствовала мой стояк, который готов был пробить брюки.

Поцелуй стал жадным, зубы, языки, мы срывали воздух друг у друга. Я скользнул ладонью вниз по её ногам, нащупал край юбки, и медленно

начал поднимать. Ткань поддалась, открывая моему взгляду самое сладкое зрелище. Чёрные кружевные трусики. Чулки. Это был смертельный удар.

— Что ты делаешь? — выдохнула она, глядя на меня сверху вниз.

— Хочу снять с тебя трусики, дорогая. Позволишь?

— Нет, конечно! Ты с ума сошёл? А если кто-нибудь зайдёт? Уинтерс, ты совсем?!

Я усмехнулся, но голос был стальной:

— Ещё раз попытаешься опустить юбку — я сорву её с тебя. Сними трусики.

— Вот ещё! Да пошёл ты…

Я уже схватился за край кружева, чувствуя, как оно чуть поддаётся под моей хваткой.

— Снимай, или я их рву.

— Хорошо! Ладно! Сниму! — огрызается она, но глаза её сверкали.

Тесса оттолкнула мою руку, стянула трусики и сжала их в кулаке, пытаясь прикрыться.

— Отдай их мне.

— Зачем? Они тебе не по размеру. — Её глаза блестят вызовом.

— Отдай, сейчас же.

— Ты что, фетишист? — усмехнулась она, но

щеки её налились краской.

Я зыркнул на неё, и она не устояла.

— Ой, на, держи. Извращенец. А мне теперь как работать без трусов, а?

Я поднёс её трусики к носу, вдыхая этот безумный, пьянящий аромат её желания. Сладкий, тягучий, животный… с нотками её кожи, её жара, её дикого, рвущегося наружу стона. Этот запах сводил с ума, пропитывал лёгкие, проникал под кожу. Я чувствовал, как от одного вдоха напрягается всё внутри, кровь стремительно приливает вниз, а тело требует продолжения. Чёрт… этот аромат — как вызов, как обещание ночи без пощады.

Я убрал трофей в карман пиджака. И уже не сдерживаясь, поймал её за талию, и прижал к себе.

Запустил ладонь под юбку, мои пальцы встретились с горячей, влажной плотью. Она судорожно втянула воздух, раздвинула бёдра, сама приглашая меня.

— Боже, Тесса… — прохрипел я.

— Алекс… — шепчет она, пытаясь сдержать стоны.

Пальцами я провёл вдоль её влажных складок, размазывая сладкие соки по её лепесткам, оста-

навливаясь у клитора и кругами дразня его. Тесса закусила губу, запрокинула голову. Я чувствовал, как она поддаётся движением бёдер, моля о большем.

Я резко погрузил два пальца внутрь. Горячо. Влажно. Плотно. Она задрожала, обеими руками вцепившись в мои плечи.

Начинаю трахать её пальцами, играя тем ритмом, от которого она почти теряет контроль. Мышцы сжимаются на моих пальцах, доводя меня до бешенства. Я уже готов плевать на все приличия, насадить её на член, но в планах другое. Тесса задыхалась от удовольствия, стараясь не застонать вслух.

Я отстранил её, взял за бёдра и аккуратно усадил на край стола. Поднял её ноги на свои плечи. Она металась глазами, страх и возбуждение пополам.

— Доверься мне, — сказал я.

Она кивнула, тяжело дыша.

Я склонился к её центру. Этот запах… дикий, животный, женский, именно такой, от которого у мужчины срывает башню.

Провёл языком вдоль её влажных лепестков, собирая сладость. Тесса вздрогнула, её ноги задрожали у меня на плечах.

Я продолжил — обвёл языком клитор, пососал его, впиваясь в это крошечное место, вызывая у неё короткие всхлипы. Она прикрыла рот ладонью, чтобы не закричать.

Я погружал язык внутрь, раз за разом, вылизывая её соки. Тесса тряслась, сжимала край стола, ногти оставляли следы на лакированной поверхности. Стоны рвались наружу.

Когда я загоняю язык глубже, она срывается на стон. Её соки заливают мой рот. Я всасываю их, будто жизнь. Она истекает похотью для меня.

— Растегни блузку, — велел я, не отрываясь от её плоти.

Она, тяжело дыша, послушалась. Спустила блузку, обнажив упругую грудь.

— Лифчик. Сними.

Тесса подчинилась, откинула его прочь. Я на секунду оторвался, чтобы посмотреть. Передо мной — идеальный вид: задранная юбка, чулки, туфли, обнажённые груди с твёрдыми сосками. Это был чистый адреналин.

Я положил ладонь на её грудь, сжал, обхватывая твёрдый сосок. Чёрт, такие груди хочется не только целовать, а оставить следы от зубов. Но позже.

Сейчас — её сладость.

Я снова погрузился между её бёдер, языком и пальцами доводя до грани. Она задыхалась, мокрая, вся дрожала, а я не собирался останавливаться.

Её соки текли по моим губам, по подбородку. И когда я проник в неё языком, она не выдержала — её тело выгнулось, ноги сжались на моих плечах, и она простонала так, что я готов был кончить от одного только её голоса.

Я продолжал, пока не добился, чтобы она вся затряслась в оргазме, потеряв контроль.

Когда я поднял голову, Тесса лежала на столе, раскрасневшаяся, разлохмаченная, губы прикушены, грудь подрагивает.

Я усмехнулся.

— Это только начало, девочка моя.

Глава 25. «На краю дозволенного»

-- ~ Тесса ~ —

Это наверно… чудесный, сладкий, невозможный сон. Потому что ну как иначе объяснить, что я сейчас, обнажённая, лежу на столе своего начальника — Александра Уинтерса, а его чёртов язык только что довёл меня до такого оргазма, о котором даже в самых развязных фантазиях стыдно было бы подумать.

Он испил меня, как алчный грешник, забрав всё: стоны, дрожь, остатки здравого смысла. Я будто растворилась под его руками, под этим хищным, голодным взглядом. Это был мой первый подобный опыт… и, чёрт возьми, я понятия не имела, что это может быть так. Так по-взрослому. Словно моё тело — его собственность, а я просто обязана подчиняться.

Со стоном выдохнула, когда дурман в глазах наконец развеялся. Грудь всё ещё тяжело вздымалась, кожу обжигало жаркое эхо недавнего наслаждения. Я медленно открыла глаза.

Александр сидел в кресле, расслабленный,

довольный, как кот, только что сожравший канарейку. Он облизал свои пальцы — те самые, что минутами ранее были внутри меня, — и ухмыльнулся:

— Я нашёл свой лакомый кусочек…

Щёки вспыхнули алым. Я резко приподнялась, прикрывая грудь рукой, уже собираясь соскочить со стола… и тут взгляд зацепился за что-то в углу кабинета.

Чёрт. Камера.

— Твою мать… — вырвалось у меня. — Это что, камера?!

Я, как ошпаренная, соскочила со стола, в панике озираясь по сторонам в поисках своих вещей, стараясь хоть как-то прикрыться.

Александр же, этот беспредельщик, только ещё шире ухмыльнулся, словно вся ситуация его безмерно забавляла. Я подлетела к нему и, не стесняясь, принялась колотить его по плечам:

— Ты вообще в своём уме?!Как ты мог так поступить?!

Он поймал мои руки, легко перехватил и резко притянул к себе. Моя обнажённая грудь оказалась прямо напротив его лица. Александр, разумеется, этим воспользовался. Обхватил её ладонью, а затем накрыл губами. Его тёплое дыхание, влаж-

ный язык, ласковое посасывание — и я забыла, зачем злилась. Забыла, где я, кто я. Осталась только жгучая, тягучая сладость.

Он уделил внимание обеим, по очереди, медленно, с нарастающим нажимом, заставляя меня вновь затаить дыхание.

Александр снова завёлся. Я почувствовала, как его пальцы скользнули вниз, между моих бёдер. На этот раз его движения были медленными, дразнящими. Он играл со мной, демонстрируя, кто здесь хозяин.

Он шепнул:

— Я хочу, чтобы ты всегда была вот такая… мокрая. Для меня.

Ласка, лёгкий нажим, снова ласка… пока я не начала стонать, закидывая голову назад. И в тот момент, когда я уже почти сорвалась, он резко убрал руку.

Облизал пальцы, не сводя с меня глаз.

— Чёрт. Такая… сочная, — почти прорычал он.

Я опустила голову, пылая до корней волос. Убить его. Или поцеловать. Пока не решила.

Александр притянул меня к себе, коснулся языком моим губам, а затем увёл в долгий, горячий поцелуй. Его язык властно исследовал мой рот, и я почти растаяла у него на коленях. Казалось, ещё

чуть-чуть, и сердце уйдёт в пятки.

Но реальность всё же вернулась.

Я снова вспыхнула и заставила себя отстраниться. Начала в спешке одеваться. Натянула юбку, застегнула лифчик, трясущимися руками застёгивая пуговицы на блузке.

Оборачиваюсь. Он сидит, умиротворённый, смотрит, как я собираюсь, и даже не думает отводить взгляда.

— Может, теперь объяснишь, что это за камера? — хмуро спросила я, кивнув головой в чёртов объектив..

Александр только отмахнулся.

— Она давно не работает. Расслабься. Лучше подойди ко мне.

— Нет, хватит. Мне пора вернуться к работе. И, кстати… верни моё бельё, Уинтерс.

На его лице появилось что-то опасное. Глаза потемнели, голос стал низким, бархатным, но со стальным отголоском:

— Я сказал… подойди.

Этот тон… он не терпел возражений. Я почувствовала, как мурашки пробежали по спине. Сердце ёкнуло. Но подчинилась. Сделала пару шагов.

Он резко притянул меня, усадил к себе на ко-

лени, крепко прижав спиной к своей груди. Его руки обняли меня, а его нос зарылся в мои волосы, вдыхая мой аромат.

— Давай вот так посидим немного… а потом я тебя отпущу. Угу? — его голос стал чуть мягче.

Я лишь выдохнула:

— Хорошо.

Я чувствовала, как его возбуждение упирается мне в ягодицы, горячее, пульсирующее. От него пахло сексом, властью, грехом.

— Чёрт… — только и успела прошептать.

Александр повернул мою голову к себе и снова поцеловал. Тягуче, лениво, сладко. Такой поцелуй, от которого мир вновь поплыл перед глазами.

И я позволила.

Потому что с ним… я уже перестала быть собой.

Александр целовал меня так, что все мысли, чувства, страхи — всё растворилось в этом поцелуе. Он был ленивый, тягучий, словно растопленный мёд, но с таким хищным напором, что у меня подкашивались колени, а внутри всё пело и дрожало, будто тонкая струна, которую кто-то дёрнул. Я знала — если он не остановится, я сорвусь. И, чёрт возьми… мне этого до безумия

хотелось.

Он оторвался от моих губ, оставив меня едва дышащей, с горящими щеками и пульсом в ушах.

— Всё… теперь иди, Тесс, — хриплый, сорванный голос. Такой низкий, тёмный… будто бархат по голой коже. — Пока я снова на тебя не набросился.

Я попыталась подняться с его колен, но ноги предательски дрожали, будто я только что пробежала марафон. А он, мерзавец, откинулся на спинку кресла, по-хищному щурясь. Та самая ухмылка. Та, от которой у нормальных женщин моментально отваливались тормоза.

Я бросила на него разъярённый взгляд, не желая показывать, что он снова победил.

— Моё бельё, Уинтерс.

Он лениво сунул руку в карман пиджака и вытащил оттуда мои трусики, крутанув их на пальце, как завоеванный трофей.

— Заберу себе на память.

— Александр! — взвизгнула я, чувствуя, как лицо предательски заливает краска. — Немедленно верни!

Он ухмыльнулся ещё шире.

— Потом. Или приходи вечером… верну лично. Надену сам. — и вернул их обратно в карман.

Я резко выдохнула, но внутри всё снова дрогнуло.

— Ты что, хочешь, чтобы я весь день ходила по офису без трусиков среди мужчин? — спросила я с вызовом, но голос предательски дрожал.

Александр опасно сощурился, в глазах полыхнуло. Серо-голубые, обычно ледяные, вдруг потемнели, как штормовое небо перед грозой. Его взгляд прожигал.

Он потянулся к пиджаку, висевшему на спинке кресла, достал оттуда мои чёрные кружева и медленно поманил меня пальцем.

— Я верну их тебе… а вечером, — его голос стал почти бархатным, но за этой мягкостью скрывалась угроза, — с тебя их сниму. Согласна?

Что ж… хитро. Но не на ту напал, мистер Уинтерс.

— Впрочем… я тут подумала, — я лукаво вскинула бровь, собираясь к выходу, — можешь оставить их себе. Никто в конференц-зале ведь не узнает, что я без них.

Я театрально вздохнула, развернулась, сделала шаг к двери — и в этот момент:

— А ну стоять! — взревел Александр. — Ты куда собралась, чертовка? А ну быстро надела трусики.

Он протянул мне мои кружева. Я медленно подошла, схватила их, но он резко перехватил мою руку и притянул к себе.

— Дразнить меня вздумала? — прорычал он мне в губы.

— А что делать, если ты такой лёгкий на провокацию? — дерзко улыбнулась я.

Он отпустил резинку трусиков, и я поспешно натянула их на себя. Но, разворачиваясь к двери, заметила, как он напряжённо облокотился на подлокотник кресла, глядя на меня исподлобья, прикусывая палец.

— Что такое? — спросила я, приподняв бровь.

— У тебя… там на юбке… с боку… — его голос стал подозрительно мягким.

Я закрутилась на месте, осматривая себя с обеих сторон.

— Иди сюда, я уберу.

Я шагнула ближе. И как только оказалась рядом — он меня разворачивает к себе спиной и шлёпает по заднице так, что я чуть не подпрыгнула.

— Ауч! — зашипела я, потирая место удара. — Совсем обалдел?!

Он коротко расхохотался, явно довольный собой. Я отшатнулась, метнула в него испепеляющий взгляд и, не давая ему и секунды на новую

выходку, выскочила из кабинета. Шла по коридору, стараясь держать уверенную походку, хотя внутри всё дрожало, как осиновый лист.

Проходя мимо Тины, поймала себя на ужасной мысли — а вдруг она слышала всё это? Наши стоны, мои всхлипы… да я точно сквозь землю провалюсь.

— Тесса! — позвал кто-то из коллег. — Ты как? Лицо у тебя красное.

— Да жарко тут у вас, — выдавила я и пулей метнулась к себе в отдел.

Двери лифта закрылись, и я обессиленно облокотилась на стенку, запрокинув голову.

Ты сумасшедшая. Полностью. Бесповоротно.

Что это вообще было? Что я творю? На столе у босса. Господи… у Александра Уинтерса. Если кто-нибудь узнает — конец. Но самое страшное даже не это.

Страшно то, что я хочу повторить.

Телефон завибрировал. Сообщение.

Александр:*«Вечером твои трусики должны быть у меня. Или я сам за ними приду. И тогда…»*

Я прикусила губу. Сердце гулко забилось, гулким эхом разлетаясь в груди. И я ведь знала, что он имеет в виду. Что случится «*тогда*». Он забе-

рёт меня. Полностью. До капли. До последнего вздоха.

Он сломает меня, распутает, вытащит наружу все мои тайные желания. И я позволю. Потому что рядом с ним я теряю разум. Потому что его тьма — моя слабость. Она манит меня, как мотылька — к открытому, яркому, обжигающему пламени.

И, наверное… я уже сгорела.

-- ~ *Тесса* ~ —-

Створки лифта с негромким звоном разошлись, и я вышла на наш этаж. Как улей. Все сновали, что-то обсуждали, шептались, кто-то успевал перехватывать кофе на ходу, а кто-то уже лихорадочно листал документы. Атмосфера предвкушения очередного корпоративного цирка — как я это называю.

Сегодня у нас с Джейкобом важное дело. Не просто дело, а**публичное жертвоприношение на алтаре светской хроники**. Развод двух звёзд — а значит будет шоу. И да, несколько**приблатнённых журналюг с микрофонами в руках и жадным блеском в глазах**, будто они пришли не на переговоры, а на гладиаторские бои.

Все меня приветствовали, я отвечала короткими кивками, стараясь выглядеть уверенной. Хотя внутри всё ещё звенело от утреннего… приключе-

ния с Александром. Грёбаный он манипулятор.

Прошла к нашему с Джейкобом кабинету. Да, пока**"нашему"** — он всё обещает отдельный, но видимо ждет, когда я с ума сойду. Постучала.

— Заходи, — раздался его голос.

Открываю дверь — Джейкоб сидит за столом, как всегда сосредоточенный, бумагами как бронёй обложился. Внутри царила та самая предгроза. Он перебирая бумаги, выглядел так, будто готовится не к переговорам, а к мировой войне. Рядом с ним Лиана держала кипу документов и смотрела на меня с мольбой в глазах. Я сразу поняла — кто-то сегодня попал под раздачу.

— Привет, — осторожно произнесла я.

— Тесса, ты вовремя, — Джейкоб даже не оторвался от бумаг. — Нужно сделать копии этих договоров. У тебя десять минут. Потом — в конференц-зал. Ли, два кофе.

Лиана облегчённо вздохнула, положила бумаги на стол и вылетела из кабинета, словно её выпустили из-под домашнего ареста.

Я принялась за работу. В принципе, дело нехитрое — автомат, бумага, шлёп-шлёп — готово. Механика для отвлечения мыслей. Но не тут-то было.

— Что Александр от тебя хотел? — вдруг спро-

сил Джейкоб, даже не глядя.

Я замерла, машинально держа лист в руках. Вот дерьмо.

Что сказать? Что меня только что имели на столе так, что я думала, кабинет сгорит к чёртовой матери от накала? Или что его босс час назад устроил мне такую проверку на выносливость, что я до сих пор подкашиваюсь на каблуках?

— Да так… поговорить хотел, — попыталась я изобразить равнодушие.

Он хмыкнул, но к счастью не копнул дальше.

— Ты готова к поездке в Нью-Йорк? — продолжил Джейкоб.

— Сегодня просмотрю все документы по фармацевтической компании, — отчеканила я.

— Тесса, дело серьёзное. Поэтому разгони в своей голове розовый туман и соберись. Поняла?

Я стиснула зубы и кивнула.

Через двадцать минут мы уже поднимались в конференц-зал. Я шла рядом с Джейкобом и краем глаза видела, как за нами тянутся журналисты, будто стая голодных чаек.

У дверей уже толпились журналисты, щёлкали вспышки камер, кто-то успел окрестить предстоящую встречу «*битвой титанов*».

В зале уже сидела пара, ради которой весь

сыр-бор.

Андреа Мур — скандально известная порноактриса, звезда OnlyFans, инстаграма и всего, что можно монетизировать своим задом. Высокая блондинка, силиконовые губы, глаза цвета дешёвого мартини и наряд, больше подходящий для стриптиз-бара, чем для зала переговоров. Её фильмы пользовались дикой популярностью, а за спиной ходили легенды о её похождениях. Рядом с ней — её адвокатесса, стервозная брюнетка по имени*Камилла Рэйв*.

Рядом с нами — её обиженный до глубины души супруг, **Дэниэл Крофт**, основатель бренда дорогой мужской одежды*Croft Legacy*. На вид — типичный миллиардер из рекламы дорогих часов. В дорогом костюме от Brioni, с холодным взглядом хищника, он выглядел так, будто готов купить и продать всех присутствующих.

Повод развода? Ах, классика жанра. Она якобы «*репетировала*» горячую сцену с известным актёром, когда в номер ворвался ревнивый муж. Он, бедняга, явно не оценил метод погружения в роль. Андреа же уверяла, что всё ради искусства.

Переговоры должны были быть огненными.

Я еле сдержала ухмылку.

— Добрый день, — начал Джейкоб, заняв своё

место. — Рад, что все смогли выделить время. Надеюсь, мы обойдёмся без истерик.

Андреа кокетливо закинула ногу на ногу, оголяя бедро.

— Дорогуша, я всегда спокойна, — пропела она голосом проститутки с вечерней смены.

Я быстро опустила глаза в бумаги, чтобы не заржать.

— Господа, предлагаю перейти к обсуждению условий развода, — бодро начал один из ведущих адвокатов.

— Я любила его… искренне! Это недоразумение!

Дэниэл сжал кулаки.

— Ты спала с этим типом у меня за спиной!

— Это был творческий эксперимент, — невинно хлопнула ресницами Андреа. — Мы репетировали сцену для фильма.

— Ты была голая!

— Это была необходимая мера, чтоб вжиться в роль.

Журналисты шептались, кто-то уже набирал текст на ноутбуке.

— И в какую, интересно, роль? — сквозь зубы процедил Дэниэл.

— В роль обиженной жены, которая утешается

в объятиях сильного мужчины, — парировала Андреа с лукавой улыбкой.

Я уже просто не могла. Повернулась к Джейкобу.

— Можно мне попкорн, босс?

Он усмехнулся.

— Терпение, Тесса. Шоу только начинается.

Я откинулась на спинку кресла, наблюдая, как два взрослых человека, зарабатывающие миллионы, ведут себя как подростки на вечеринке.

— Давайте по существу. Раздел имущества. Кто на что претендует? — напомнил Джейкоб.

Дэниэл грозился отобрать всё имущество. Андреа требовала оставить ей дом, машину, коллекцию дизайнерского нижнего белья и 30 % от бизнеса, потому что "поддерживала морально".

Я почти наслаждалась этим абсурдом.

Камилла Рэйв моментально выложила список. Там было всё: от особняка в Малибу до коллекции наручных часов стоимостью в шестизначные суммы.

Дэниэл нахмурился:

— Ты не получишь мой Bugatti.

Андреа высокомерно:

— Он мне морально необходим.

Когда зазвонил телефон, и Джейкоб посмотрел на меня:

— Тесса, тебе придётся заняться подготовкой документов для суда.

Я вздохнула, взглянула на Андреа, которая в этот момент томно облизывала губы.

Склонившись к Джейкобу, шепнула:

— Надо было её в театралку отправлять, а не в порно — индустрию.

Джейк усмехнулся и согласно кивнул.

Переговоры длились ещё два часа. И это был настоящий цирк. Юристы спорили о цене элитных пород собак, правах на совместные интимные видео и дележке подписчиков в соцсетях.

А я сидела, мысленно ставя галочки в списке «*самые странные дела моей жизни*».

Когда мы, наконец, вышли из переговорной, Джейкоб посмотрел на меня:

— Добро пожаловать в элиту.

— Черт возьми, я только что вживую наблюдала скандал года.

Джейкоб хмыкнул, бросив на меня косой, лениво насмешливый взгляд, и потер переносицу, устало поводя пальцами, будто только что закончил разруливать международный конфликт.

— Привыкай, Тесс. И поздравляю с боевым

крещением, — усмехнулся он, хлопнув меня по плечу так, что я едва не потеряла равновесие. — Твой первый бракоразводный процесс. Не забудь про бумаги, а то Уинтерс сожрёт тебя с потрохами. И, кстати… во сколько у вас завтра вылет в Нью-Йорк?

Я на секунду моргнула, пытаясь вспомнить, какой сегодня вообще день недели. Всё вокруг давно слилось в сплошной водоворот встреч, звонков, срочных писем и тупых совещаний. Понедельник? Пятница? А может, вообще воскресенье? Кто теперь разберёт.

— Тина должна была прислать расписание на почту… — пробормотала я, машинально полезла в карман за телефоном.

Мы уже подошли к двери кабинета. Джейкоб, как всегда, галантно толкнул её вперёд, собираясь пропустить меня первой. И вот в этот момент…

Как только дверь распахнулась — мы оба замерли на пороге, будто нас кто-то окатил ледяной водой.

Воздух в комнате больше не пах офисным кондиционером, бумагой и кофе. Он пах… садами Версаля, чёрт его подери.

Густой, насыщенный аромат цветов ударил в лицо — терпкий, сладкий, почти дурманящий.

Я сделала шаг вперёд, и зрелище перед глазами выбило почву из-под ног.

Вдоль панорамных окон, там, где ещё утром стояли пара суккулентов в горшках, теперь возвышались три роскошных букета. Нет, не букета — три цветочных монстра, почти с человеческий рост, будто их только что выдрали с какого-то королевского сада или унесли из оранжереи императрицы.

Будто бы мир на секунду сошёл с ума и обернулся цветущим садом прямо в четырёх стенах юридического офиса.

Один — из алых роз, таких плотных, сочных, что казалось, они вот-вот обагрят лепестки свежей кровью. Их багрянец переливался на свету, словно дорогой бархат, гладкий и опасный.

Второй — из голубых гортензий. Мягких, словно облака, искрящихся каплями невидимой росы. Они будто только что пережили летнюю грозу, и на их лепестках ещё дрожали крохотные жемчужины воды.

А третий… третий сразил меня наповал.

Сиреневые орхидеи. Такие нежные, что лепестки казались почти прозрачными, сотканными из лунного света и дымки. Оттенки — от лавандового до глубокого пурпура. Они будто дышали в

такт моему сердцу.

И вот тогда оно — дрогнуло.

Глухо кольнуло под рёбрами. А потом сжалось в тугой узел. На глаза навернулись предательские слёзы, а в горле пересохло так, будто я часами блуждала по пустыне.

Я сделала ещё один шаг, не в силах оторвать взгляда от этой цветочной вакханалии.

— Ни хрена себе… — выдохнул Джейкоб, кажется, впервые за всё время потерявший дар речи. — Александр решил из моего кабинета устроить сад имени себя?

А я стояла, захваченная этим ароматом, этим видом, этим чувством… Щёки вспыхнули жаром, а внутри взмыло что-то восторженное, безумное, как девочка после первого поцелуя. Я не раздумывая подошла к цветам, провела пальцами по лепесткам алой розы — мягкой, будто шелк.

И тут всё стало ясно.

Александр.

Это его стиль. Его размах. Его способ оставить за собой запах, память и бешеное биение сердца.

Только он мог.

Только он знал, что именно такие орхидеи я обожала с детства. Только он мог выстроить такой цветочный триумф в этом кабинете — без слов,

без объяснений, только чтобы сбить меня с ног.

Я судорожно сглотнула, вдыхая этот медовый, дурманящий аромат. А внутри уже вовсю расцветала паника, растекалась по венам сладкая дрожь.

Что это значит?

Зачем он это сделал? Что будет дальше?..

А ещё — я знала наверняка: вечером меня ждёт нечто большее, чем просто букет.

Я даже не заметила, как губы растянулись в улыбке. Глупой, счастливой. Признаться себе в этом было чертовски неловко, но я улыбалась как идиотка.

Голос Джейкоба выдернул меня из этого сладкого транса.

— Даже не верится, что Алекс способен на такие открытые чувства, — хмыкнул он. — Но надо отдать должное… эффектно, сукин сын.

Я бросила на него быстрый взгляд. Чёрт, да мне уже было всё равно, что он там думает. Я тонула в этих чувствах, позволяла себе раствориться в них хотя бы на пару минут.

— Я отойду на минутку? — спросила я, уже зная ответ.

— На пять, — показал он пальцами. — Не больше. А потом работа.

Я кивнула и понеслась.

На крыльях. На каблуках, по коридорам, мимо секретарей, мимо чьих-то удивлённых взглядов — всё плевать. Я стремилась только к нему. К его рукам, к его глазам, к его тихому, хрипловатому голосу. Прошло, чёрт возьми, всего три часа, а мне казалось, что целая жизнь.

И я скучала. Так, как будто он уехал на годы.

-- ~ *Тесса* ~ —-

Я выскользнула из кабинета Джейкоба, едва дождалась, пока он махнёт рукой, позволяя мне отлучиться. Мой разум уже и не слушал его наставлений — всё внимание, всё нутро звенело одной-единственной мыслью: *к нему… к Александру*. Я буквально летела по коридору, на каблуках, что вонзались в ковролин, оставляя за собой лёгкий стук. Сердце бешено колотилось в груди, словно мне семнадцать, и я удираю с урока ради свидания на крыше с рок-звездой.

Воздух казался слишком густым, как перед грозой, а внутри всё сжималось и разрывалось одновременно.

Лифт показался мне пыткой — чересчур медленный, чересчур вежливый. Пока стояла, разглядывала своё отражение в зеркальной стенке: щеки вспыхнули, губы приоткрыты, глаза

светятся. Вот дура. Настоящая. А ведь видела его всего три часа назад. Но это были три грёбаных часа без его взгляда, без его голоса, без этого странного ощущения внутри, будто ты больше не принадлежишь себе. Я улыбнулась собственному отражению — глупо, беззвучно, словно впервые влюблённая девчонка.

Когда я выскочила из лифта, меня тут же перехватили Дженна и Кэссиди. Их глаза хитро заблестели, а губы растянулись в улыбках.

— А вот и наша мисс на крыльях любви. Ну всё, признавайся, куда тебя несёт, малышка? — проворковала Кэссиди. — Сдавайся, мы всё равно тебя расколем.

— Вечером — всё расскажешь. С деталями! — хихикнула Дженна.

Я лишь кивнула, едва успев выдохнуть:

— Позже, девочки. Всё расскажу. Обещаю.

И снова в путь.

Сердце бешено грохотало, ладони вспотели, а в голове уже крутились слова, которые я скажу ему. Я знала, что хочу. Коснуться его лица, почувствовать его ладонь, вдохнуть его запах — этот привычный, будоражащий аромат табака, дорогого парфюма и чего-то неуловимо родного.

Тины не оказалось на посту — странно, обычно

она как цербер охраняет кабинет босса, но сейчас… пусто.

Кабинет Александра привлекал, как чертова запретная дверь. Но меня это не остановило. Я постучала в дверь его кабинета. Три раза. Как всегда. И толкнула дверь.

И тут.

Мир остановился.

Я застыла на месте, словно в меня ударила молния.

Он был там.

А с ним — она.

Александр сидел за столом. Спокойный. Величественный. Холодный.

А напротив него — Изабелла. Та самая. Его бывшая. В обтягивающем платье цвета морской волны. С аккуратно уложенными волосами, которые, струились светлым водопадом по плечам. И губами, накрашенными так, что захотелось стереть их с её лица тыльной стороной ладони.

Она сидела на краю стола. Чересчур близко. Чересчур дерзко. Склонившись к нему, что-то шептала, чуть ли не касаясь его губ. Её ладони лежат на его плечах. Я даже видела, как двигались её пальцы. Спокойно, уверенно. Как хозяйка. А губы — влажные, будто только что… Я чуть не

задохнулась.

А он… Он смотрел на неё. Не отводил взгляда. Да, лицо у него было каменным, но всё же… *он не отодвинулся. Не оттолкнул.* Икартина сама по себе была отвратительная.

Даже не заметил, как я вошла.

Чёрт его знает, о чём они говорили, но мне казалось, что каждое их слово впивается мне в кожу, как тысячи острых игл.

Я не слышала слов.

Не чувствовала воздуха. Словно чья-то ледяная рука сжала моё сердце. Моё дыхание перехватило, внутри что-то болезненно сжалось, как будто мне ребром воткнули нож между рёбер.

— Прошу… прощения, — каким-то чужим, сиплым голосом сорвалось с моих губ.

Я развернулась на каблуках, почувствовав, как подкашиваются колени.

Дверь захлопнулась, словно хлестнула меня по спине. Мне казалось, что вместе с ней захлопнулась и моя глупая вера. В эту связь. В его чувства. В нас.

Гул в ушах, пустота в груди, а ноги сами понесли меня прочь. Какое же это было унизительное зрелище. Противное. Я ведь бежала к нему. Дура. Бежала, чтобы обнять, прижаться, сказать, как он

мне нужен. А в итоге… очередной плевок в лицо.

Коридор плыл перед глазами. Щёки горели от обиды, унижения, злости. В груди разливался яд. Сердце колотилось, как загнанный зверь.

Глупая. Наивная идиотка. Верила в эти букеты, в эти взгляды, в эту свою важность для него.

Я прикусила губу до крови, чтоб не выругаться вслух.

— Держи себя в руках… — пронеслось в голове.

Слёзы унижения подступили к глазам. Но я им не позволю. Ни за что. Не сейчас. Не здесь.

Всё внутри оборвалось резким щелчком, будто кто-то выдернул провод из сердца. Я ощутила, как сжимаются пальцы в кулак. Удар тока по венам. Боль, злость, ревность — всё одним бурлящим, ядовитым коктейлем. Глаза жгло.

Я сделала глубокий вдох и понеслась в обратную сторону. Обратно к себе. Пока не сорвалась.

В груди стоял ком. Глотать было больно. Сердце всё ещё не верило. Я шла по коридору, ни на кого не глядя, только повторяя про себя:

Вот и всё, Тесса. Вот и финал твоей глупой надежды.

Но — чёрт возьми — даже сейчас я улавливала запах его парфюма, этот тёплый древесный шлейф с нотами табака и кожи. Он преследовал

меня, как призрак.

Джейкоб, увидев меня, поднял бровь.

— Ты чего такая? — спросил.

— Всё нормально.

Хотя нормального не было ничего.

Села за стол. Взялась за документы. Буквы прыгали перед глазами, превращаясь в обрывки образов: платье Изабеллы, её руки на его плечах, его неподвижный взгляд.

Каждый раз, когда это всплывало перед глазами, я кусала губу, заглушая крик внутри.

Дура. Какого чёрта ты себе напридумывала?

Всё внутри кипело. Хотелось выйти на улицу, разбить что-нибудь, орать в небо. Или вернуться в кабинет и врезать ей. Или ему. Или обоим.

Чёрт.

И всё равно я ловила в воздухе запах его парфюма. Этот тёплый, древесный, с табачным шлейфом. Он преследовал меня. Как наваждение. Как проклятие.

--- ~ *Александр* ~ —-

Я услышал её голос.

Тихий, надломленный, будто кто-то раздавил ей сердце и отравил дыхание.

"*Прошу… прощения*"

И в этот момент я снова почувствовал свои

чёртовы ноги. Чувство, которое почти забыл. Нет, это не боль… не спазм… Это был огонь. Парализующий жар в груди и коленях, как если бы тело вспомнило, для кого ему стоит жить. Чёртово тело, которое я давно считал мёртвым ниже пояса, вдруг отозвалось. Будто ноги дернулись от собственного желания сорваться с места и просто… просто помчаться за ней.

Тесса.

Моя Тесса.

Блять.

Я резко оттолкнул от себя Изабеллу, будто её прикосновение обожгло.

— Тесса… — выдохнул почти шёпотом, но она уже захлопнула за собой дверь.

Нет. Нет. Только не так. Не сейчас.

Сегодня не так всё должно было быть. И уж точно не при Изабелле. Эта змея, как почувствовала момент, тут же издала свою мерзкую ехидную реплику:

— Ой, кажется, эта была твоя невеста, — протянула она, сладко-сладко, как яд на языке, склонив голову набок, как хищная кошка.

Я резко обернулся к ней. Глаза, наверное, вспыхнули так, что любой бы отшатнулся. Любой, кроме неё. Эта дрянь привыкла к моим вспышкам. Но

на этот раз — я был не в настроении играть.

— **Иди к чёрту, Иззи.** — Я вскинул голову, и в голосе моём зазвучало то, что она, похоже, давно не слышала. Ледяной приказ. — Рядом с тобой моя жизнь всегда рушится. Проваливай отсюда.

Она лишь лениво усмехнулась. Эта стерва никогда не понимала слова "прощай".

— Ты меня не услышала? — я подался вперёд, чувствуя, как пальцы стискивают подлокотники кресла. — Пошла вон. Разговор окончен.

— Алекс… — она сделала шаг ко мне, опуская голос, будто это могло что-то изменить. — Ты ведь знаешь, что всё равно будешь со мной. Да, у нас тяжёлое прошлое, но мы созданы друг для друга. А эта твоя Тесса…

Я даже не дал ей договорить.

— **Замолчи.** — Глухой, звериный рык, срывающийся с горла. — Не смей пачкать её имя своим поганым языком. Ты сделала свой выбор. Так и уважай его. Достаточно с меня твоих дешёвых драм.

— Я… я люблю тебя, Александр… — она сделала пару шагов ко мне, взгляд дрожащий, голос чуть выше писка.

Я скривился. Да дайте же этой актрисе уже Оскар, за самую фальшивую репризу в истории.

Чтоб отвязалась.

— Я совершила ошибку… Поддалась слабости. Тогда, в ту ночь… Эван Кроуфорд просто позаботился обо мне … он дал мне то, чего мне не хватало.

— Завязывай, Иззи, — я усмехнулся, холодно, с ненавистью. — Вся больница знала, какую именно заботу он тебе оказывал. На столе в процедурной. В моём доме. Напомнить ещё?

Щёки её вспыхнули, но она не сдалась.

— Да, я изменила тебе. Но поняла… поняла, что лишь с тобой я настоящая. Что именно ты делаешь меня счастливой. Я молю тебя о прощении. Дай нам шанс, Алекс…

— **Изабелла, достаточно.** — Я не закричал. Я выдохнул это, как приговор. — Всё, что было между нами, давно мертво. Я похоронил это сам. Теперь у меня новая жизнь. И в ней**новый человек.**

На её лице мелькнула злость. Настоящая, откровенная. Злая, мелочная, обиженная бабская зависть.

— Ах да… Тесса! Милая до тошноты Тесса. Что ты в ней нашёл, а? Тебе же с ней скучно будет. Она и внешностью особо не блещет, и характер… такая… серая мышь. Для меня это оскорбительно

— что вместо меня ты выбрал это.

Мгновение — и всё внутри меня вскипело. Грудь сдавила волна ярости. Голос сорвался в ледяной рык:

— Не смей так говорить о ней! Тебе никогда не понять, что я в ней нашёл. Потому что в тебе нет и половины того, что есть в ней. Она живая. Она настоящая. Она — та, ради кого я готов плевать на всё, даже на своё долбаное кресло.

Изабелла сжала губы, скривившись от злости.

— Наш разговор ещё не закончен, Александр.

Я посмотрел ей в глаза, не мигая.

— Мы его только что**навсегда закончили.**

Она откинула волосы, высоко подняв подбородок, но голос дрогнул. Быстрым шагом она вышла, и со злостью захлопнув дверь так, что картина на стене дрогнула.

Я остался один. Громко выдохнул, чувствуя, как сердце колотится в бешеном ритме.

Одна проблема решена.

Теперь осталась вторая.

Самая важная.

Тесса.

Господи. Эта упрямая, горячая, несносная женщина. Моя.

Я ударил кулаком по столу.

Надо идти за ней. Сейчас. Немедленно. Плевать на своё ебучее упрямство, на гордость, на правила.

Разворачиваю кресло к двери и, черт подери, если бы мои ноги могли, я бы сейчас выбежал. Но даже так — я выкатился в коридор так быстро, что пара ассистентов шарахнулась в стороны.

Тесса… Прости меня. Я должен был прогнать эту ведьму ещё на пороге. А не позволять ей разыгрывать свои дешёвые сцены в тот момент, когда ты…

Я знал, куда она могла уйти. Кабинет Джейкоба? На улицу? Мне плевать. Я найду её. Я всё ей скажу.

Хватит держать всё в себе. Хватит играть в ледяного короля. Она должна знать. Что бы это ни стоило.

Глава 26. «Между двух огней»

--- ~ Тесса ~ —-

Я так увязла в работе, что на время перестала думать о нём. Никаких его голосов в голове, никаких образов перед глазами. Чёткая цель, документы, дела и завалы. Джейкоб пару раз косился на меня, внимательно сканируя взглядом, будто пытаясь понять, жива ли я вообще.

Он пару раз спросил:

— Всё нормально? И я отвечала. — Всё отлично.

А на деле внутри клокотал чёртов вулкан. Рядом со мной на столе громоздилась кипа документов по бракоразводному процессу Андреа Мур и Дэниэла Крофта. Я добила последний отчёт, разложила всё по папкам и аккуратно подвинула к Джейкобу.

— Вот. Всё готово. Посмотри. Это к завтрашнему дню.

Я вздохнула, уже ощущая, как внутри всё сжимается от мысли — полёт, командировка… с ним.

Да чтоб эту командировку к чёрту!

— Джейк… — вдруг сама себя не узнала, как

тихо выдохнула.

Он отозвался. — А?Я опустила глаза на стол. Пальцы нервно перебирали уголок папки. — Я могу отказаться от этой поездки?

Джейкоб оторвался от документов и уставился на меня так, будто я только что попросила дать мне лопату и выкопать себе могилу.

— Отказаться? Да ты шутишь? Это ж одна из крупнейших сделок холдинга, офигенный кейс в твоё досье, Тесс! Ты что, с ума сошла? У тебя что-то произошло с Александром?

Вот этого я и боялась.

— Что? Нет! — резко мотнула головой. — Ничего. Просто… могли бы взять кого-то поопытнее, не меня…

Я даже не успела договорить. В следующую секунду дверь кабинета распахнулась, и ввалился он.

Александр.

Громкий, как всегда, но сейчас в его глазах полыхал какой-то нечеловеческий огонь. Его глаза… эти ледяные, тяжёлые, будто прожигающие насквозь. Он вцепился в меня этим своим ледяным прицелом, а я отвернулась, словно меня здесь не существовало.

— Джейкоб, выйди. На пару минут. — голос

хриплый, отрывистый, приказной.

— Что? — оторопел Джейк.

— Я сказал: выйди!

Тон — как затяжной раскат грома перед ураганом.

Я почувствовала, как ярость поднялась в груди. Ну конечно. Пришёл поговорить. Может, хочет в лицо мне сказать, что снова со своей Иззи? Чего уж там — я ведь видела их. Всё видела.

— Не стоит, Джейкоб, — отчеканила я, вставая и начиная собирать бумаги. — Я всё равно уже ухожу. Увидимся позже..

Джейкоб метался глазами между нами, явно не зная, кому подчиниться.

— Что, чёрт возьми, здесь происходит? — пробормотал он.

— Ты никуда не пойдёшь, пока мы не поговорим! — процедил Александр.

Пфф… вот так уверенность.

— И кто же меня остановит? — вскинула я бровь, даже не глядя в его сторону.

— Тесса… — голос его сорвался. — У меня с Иззи… с Изабеллой ничего не было. Всё, что ты видела… это не то, что ты подумала.

Я вскинула взгляд. Его глаза — ледяные, полные злости, боли, желания.

Я взяла себя в руки.

— Мистер Уинтерс, — отчеканила я, — не оправдывайтесь. Это ваше личное дело. Вы были в своём кабинете со своей невестой. Я поступила бестактно, вломившись. Прошу прощения. Больше этого не повторится.

В его глазах вспыхнул настоящий ад. Он двинулся вперёд — я инстинктивно сделала шаг к Джейкобу. Александра будто трясло, стиснул зубы. Весь его облик кричал: *желание, ярость, собственничество*.

— Ты моя невеста! — прорычал он.

Джейкоб чуть не рухнул на пол от таких новостей.

— Чего, блядь? Невеста? — повернулся он ко мне. — И ты молчала? Когда вы вообще успели? Я что, в отпуске был всё это время?

— Джейк, тут нечего объяснять! — выпалила я. — Всё закончилось, так и не начавшись!

— Ничего не закончилось! — наступал Александр. — Я тебя хочу. Я тебя выбрал. Только ты. Слышишь? Иззи — в прошлом. Ты должна это понять.

Джейкоб замер, глаза расширились до безумия.

— Ну нихрена себе! Да у вас тут телесериал без

сценариста. Ребята, ну хоть бы предупредили…

— Джейкоб, выйди! — взревел Александр.

— Не вздумай, Джейк! — вскинула я руку. — Нам с ним нечего обсуждать!

Я лихорадочно собирала оставшиеся бумаги. И тут взгляд Александра упал на цветы, стоящие в углу.

Он посерел.

Температура в кабинете будто упала на десять градусов.

— Это ещё что за веники? — прорычал он.

Я в оцепенении посмотрела на цветы. Джейкоб замешкался.

— Ну… э-э… я думал, это от тебя…

— Я? — голос Александра стал холодным, как лезвие ножа. — Я бы придумал что-нибудь по-оригинальнее.

Я застыла. Чёрт. Они не от него?

Он повернулся ко мне:

— От кого ты ещё, мать твою, принимаешь цветы?

Мурашки пробежали по всему телу, но я взяла себя в руки.

— От кого хочу — от того и принимаю.

И поняла, что это была ошибка, когда он двинул кресло вперёд, а в его взгляде заплясали

дьяволы.

— Повтори, что ты сказала? — голос Александра потемнел, в кабинете стало реально прохладно. — От кого они? Говори, чёрт возьми!

Я вздрогнула, по спине пробежали мурашки.

— Тише, Алекс, — вмешался Джейкоб. — Мы все думали, что от тебя…

И в этот момент дверь открылась, и влетает Кристиан с улыбкой на все тридцать два.

Он вошёл так, будто это не кабинет юридического холдинга, а дружеская встреча в баре после работы. Улыбка — та самая, от которой у половины женского персонала ноги подкашиваются, а вторая половина хочет его убить.

На нём — чёрная кожаная куртка, в которой он выглядел ещё опаснее. Тёмно-синие брюки, подчёркивающие уверенный шаг, и светлая голубая рубашка, расстёгнутая на верхнюю пуговицу. Он пах свежестью дорогого парфюма, терпким, с пряной нотой — аромат разлетелся по кабинету, мгновенно перебив и кофе, и кондиционер, и даже отголоски Версаля из тех роскошных букетов.

— О, все в сборе, — с лёгкой усмешкой бросил он. И в ту же секунду его взгляд нашёл меня. Быстрый, цепкий, как будто весь мир должен был подождать, кроме этого момента.

Напряжение в кабинете стало почти физическим, как густой туман. Я почувствовала, как по спине пробежал холодок, хотя температура в комнате не менялась.

Александр сидел в кресле, словно изваяние из мрамора. На его лице не дрогнул ни один мускул, но я заметила, как его пальцы вцепились в подлокотники кресла. Костяшки побелели, будто вся злость, которая не имела права вырваться наружу, нашла себе выход в этом простом движении.

— Может, пообедаем? Кто за? Тесс? — сказал Кристиан, будто мы обсуждали планы на выходные, а не сидели в эпицентре эмоциональной бури.

Тишина опустилась мгновенно. Тягучая, липкая, звенящая. Я слышала, как в углу что-то гудит — возможно, кондиционер, возможно, собственная кровь в ушах.

И тут я поняла, что судьба — стерва с хорошим чувством юмора.

— А почему бы и нет? Хорошая идея. Я за, — произнесла я с лёгкой улыбкой, стараясь держать лицо, хотя внутри всё обожгло огнём.

— Я пас, у меня дела, — отрезал Джейкоб, бросив на меня короткий взгляд. Я не знала, что в нём было — сочувствие или предупреждение.

Александр не сводил взгляда с Кристиана. Это уже не был взгляд обычной ревности — там плескалась чистая ярость. Та, которая обещала: ***я тебя, сука, закопаю. Прямо здесь. Прямо сейчас.***

Я уже почти схватила свою сумку и куртку, собираясь подойти к Крису, когда почувствовала движение. Александр приблизился вплотную, почти беззвучно. Между нами оставалось не больше метра, и воздух между нами загустел, как перед грозой. Стало тесно от запаха его парфюма, смешанного с отчаянной злостью. Ещё чуть-чуть — и я забуду, как дышать.

— **Ты никуда с ним не пойдёшь!** — его голос прозвучал низко, глухо, срываясь на звериное рычание.

Я подняла на него глаза. Его взгляд был таким… что сердце пропустило удар. Там была не просто ревность. Там была ненависть. К чужим рукам, к чужим цветам, к чужому вниманию ко мне. Там было отчаяние мужчины, который не привык терять.

— **Давай поговорим? Я всё объясню тебе.**

— **Не хочу,** — я отвернулась от него, стараясь казаться равнодушной. — **Не устраивай цирк.**

Сложила руки на груди. Чёткий, выверенный

жест, чтобы скрыть дрожь пальцев. Джейкоб следил за нами, удивлённо вскинув брови, с выражением лица «*что за хрень тут творится?*» Кристиан стоял на пороге, не сводя с меня взгляда.

Александр метнул быстрый взгляд по сторонам. В его тёмных глазах смешались тревога, злость и… ревность. Такая голая, неприкрытая, будто он даже не пытался её скрыть.

— **Ну так что, Тесс? Идём?** — произнёс Кристиан, явно пытаясь сыграть на опережение.

Джейкоб бросил на него многозначительный взгляд и еле заметно качнул головой: «*Свали отсюда, пока цел*». Но Кристиан только ухмыльнулся, и благополучно его проигнорировал.

— **Пошёл нахрен отсюда, Крис!** — рявкнул Александр, и этот голос резанул воздух, будто хлыстом.

Я видела, как напряглась линия его челюсти. Щека дёрнулась. Глаза — тёмные, холодные, прожигающие насквозь. Он смотрел на меня так, будто одним этим взглядом мог выдернуть из-под ног землю.

— **Да ладно тебе, Алекс… Я всего лишь приглашаю девушку на обед.**

Я посмотрела в глаза Александру. Там полыхал

ад. Чистый, безжалостный, дикий. Чёрт бы побрал эту тёмную бездну, которая манила и пугала одновременно. Там было всё: жгучая злость, боль, ярость, желание. Обладание.

— **Она с тобой никуда не пойдёт!**

Я почувствовала, как что-то сжалось внутри. Вот оно — момент истины.

— **Пойду,** — громко сказала я. И пусть у меня перехватило дыхание, пусть дрожали руки. Но голос был твёрдым, как сталь.

И я увидела, как в его взгляде мелькнула боль. На долю секунды. Быстро. Как вспышка перед грозой. А потом — ярость.

— **Я сказал, нет!**

— Вы не имеете права указывать мне, с кем и куда идти! — выпалила я. Сердце стучало в висках. — Я не ваша собственность.

— **Я имею это право! Ты. Моя. Невеста!** — прошипел он. Его голос срывался от злости, а в глазах уже не было места ни для чего, кроме ярости. — **И эти цветы, чтоб выбросила! Поняла? Только я имею право дарить тебе цветы! ТОЛЬКО ОТ МЕНЯ ТЫ ИХ БУДЕШЬ ПРИНИМАТЬ!**

Мне показалось, что от его голоса разлетелись все птицы в этом чёртовом городе. Даже стены словно вздрогнули. Я вцепилась в ремешок сум-

ки, чтобы не сорваться, не броситься к нему, не ударить, не поцеловать — сама уже не понимала, чего хочу больше.

— Эти цветы подарил я. — заявил Кристиан и… подошёл к креслу. Спокойно. Без суеты. Опустился в него, демонстративно положив руки на подлокотники.

Мы все замерли, будто кто-то нажал на паузу.

— **Твою мать,** — шумно выдохнул Джейк. — **Я ёбнусь с вами. Вы можете разных женщин выбирать, а?!**

Я обернулась к нему, и застыла. *Разных женщин?* Что это сейчас было? Почему он сказал именно так? Этот обрывок фразы врезался в память.

Кристиан покосился на меня.

— Я не знал, что Тесса твоя невеста. — сказал он уже спокойнее. — На вечере ты сам сказал…

— Я знаю, что сказал. — перебил его Александр. — Я соврал.

И снова этот взгляд на меня. Такой, от которого хотелось выть, бежать, броситься в его объятия… и одновременно врезать.

— **Тесс…**

— **Давай не сейчас,** — прохрипела я, еле дыша.

И выскочила из кабинета. Потому что не могла

больше. Не выдерживала этой бури эмоций, которая крушила всё внутри.

Коридор встретил меня прохладным воздухом. Но голову уже кружило от новой информации. *Соврал тогда, а сейчас…* Я не знала, что с этим делать.

Но судьба, видимо, решила, что одной встряски мне мало. Потому что прямо навстречу мне шагала изящная, холодная, как декабрьский лёд, Изабелла. Улыбка на её губах была ядовитой.

— **Ты куда так спешишь, Тесс?** — её голос был сладким, как цианид в бокале шампанского.

Я сжала кулаки. *Твою мать, да что ж за день сегодня такой…*

Глава 27. «Всё или ничего»

--- ~ Александр ~ —-

Как только дверь за Тессой захлопнулась, я почувствовал, будто вместе с ней из этой комнаты вышел воздух. Пустота. Холодная, вязкая, противная. Та, что разливается внутри, когда понимаешь — ты облажался. Причём так, что исправлять придётся долго. И больно.

Я смотрел на эту дверь и впервые за долгое время ощущал себя ничтожным. Беспомощным. Потому что не мог встать и пойти за ней. Потому что вонючее кресло стало частью меня. Моим проклятием. Моим якорем.

Я сжал кулаки так сильно, что костяшки побелели. Челюсть свело от напряжения.

Я провёл рукой по лицу, глядя в ту же самую точку, где секунду назад стояла она. Моя девочка. Моя будущая жена.

А напротив сидел Крис. Сидел и смотрел в пол, изображая вселенскую печаль. И вот именно это его выражение бесило меня больше всего. Хмурый, вжавшийся в кресло, будто бы не понимающий, что я готов вцепиться ему в глотку.

Только дай повод. А рядом, как и положено в самые хуёвые моменты, — Джейкоб. Встал с кресла, поправил пиджак и подошёл вплотную, сжал губы в тонкую линию.

— **Так.** — его голос был тяжёлым… — **А теперь, мать вашу, объясните, что здесь вообще происходит?!** — его голос резал, как нож по натянутому канату. — **Сначала хочу услышать твою версию, Алекс. Когда и как Тесса Чон стала твоей невестой? Я знал, что ты к ней неровно дышишь, но чтоб настолько… выкладывай.**

Я глубоко вздохнул, пытаясь унять нарастающую в груди злость. Всё это выглядело, как чёртов фарс. Какое, к чёрту, объяснение? Всё предельно ясно.

— **Я попросил руки Тессы у её отца. На свой день рождения.** — выдал я, как есть.

Джейкоб аж приподнял брови.

— **Аху… кхм… ты серьёзно?** — он откашлялся. — **Как так вообще случилось?**

Я перевёл тяжёлый взгляд на Криса. Тот всё так же молчал. Как памятник собственной жалости.

— **Я был у Тессы дома. Познакомился с семьёй. И там всё произошло. Отец дал согласие.**

Джейкоб выдохнул и вдруг заулыбался.

— **Ахренеть… ты женишься на дочери гене-**

рала. — и хлопнул меня по плечу. — **Вот это ты, Уинтерс, загнул. Поздравляю, мать твою!**

Я криво усмехнулся. В душе всё ещё гудело от сценки с Тессой.

— **Это ещё не официально. Но помолвка планируется.**

— **Всегда знал — что ты сукин сын, но чтоб так быстро…** — Джейкоб захохотал. — **С Тессой ты побил все рекорды.**

Я только собирался что-то сказать, как раздался мерзкий смешок. Крис.

— **Ты ей тоже испортишь жизнь. Так же, как Изабелле.** — его голос был холодным, как сталь.

Я медленно повернул голову, чувствуя, как холодная ярость пронзает до костей.

— **Ты что несёшь?!** — огрызнулся я, чувствуя, как снова вскипает злость. — **Повтори**.

— **Ты прекрасно слышал.** — он поднял голову. — **Ты погубишь Тессу. Наиграешься — выбросишь. Ты вообще не способен никого любить, Алекс. И именно поэтому я так просто не отступлю. Мне нравится Тесса. И, если помнишь, ты сам говорил, что она тебе безразлична. И это куда больше похоже на правду, чем твои дешёвые понты сейчас.**

Я сжал кулаки так сильно, что почувствовал,

как ногти впились в ладони.

— **Крис, ты что блядь несёшь?!** — не сдержался Джейкоб. — **Тесса станет женой Алекса. Ты чё вообще удумал? Забудь.**

Крис усмехнулся.

— **А ты сам в это веришь? Он и с Изабеллой так говорил. Помолвка. Любовь. Семья. И чем это кончилось?**

— **Изабелла ему изменила. Бросила, когда он больше всего в ней нуждался.**

— **После того как он сам её прогнал.** — парировал Крис. — **Ты не знаешь и половины того, что было между ними. А я знаю. Потому что он отнял у меня женщину, которую я любил. А теперь решил увязаться за Тессой. Но знай, Алекс — я приложу максимум усилий, чтобы защитить эту девушку от тебя.**

Он смотрел прямо мне в глаза. Говорил медленно, твёрдо. И я видел — он не блефует. У Криса давно ко мне счёты. А теперь появился повод.

— **Твою ж мать…** — выдохнул Джейкоб. — **Это надо ж было вам вдвоём выбрать одну и ту же женщину. Дважды! Что с вами не так?!**

Я продолжал сверлить Криса взглядом.

— **Всё так.** — процедил я. — **Тесса будет моей. И точка. Сообщи мне, когда она вернётся. Я всё**

равно с ней поговорю. И, Крис… — я наклонился чуть вперёд. — **Если ещё раз сунешься к ней — я тебя закопаю. Лично.**

Джейкоб кивнул, а я, не дожидаясь ответа Криса, резко развернул кресло и покатил к выходу из кабинета.

Мне нужно было уйти. Остыть. Переварить всё, что сейчас вывалил Крис. Его обвинения. Его угрозы. Его болезненное прошлое. И эту его навязчивую тягу к женщинам, на которых я когда-то положил глаз.

Ты никого не любишь, Алекс.

Его слова звенели в голове. Пытались разодрать старые раны. Я сжал кулаки.

Я влюблён в Тессу, идиот. Влюблён так, как никого до неё. Просто не умею это показывать, как все нормальные люди.

Но я научусь. И не позволю Крису встать между нами.

Я ещё никогда не был так зол. Вкатившись в кабинет, я захлопнул дверь с такой силой, что со стены сдвинулся портрет отца. Глухой звук эхом отозвался в груди, но я его не услышал. Всё, что было во мне — это злость, ярость и эта поганая, жгучая беспомощность.

Я не мог пойти за ней. Не мог, чёрт возьми,

просто встать, догнать, прижать к стене и сказать всё, что крутилось в голове. Привычное чувство бессилия сдавило грудь.

Я кинул взгляд на стол. Там всё ещё стояли цветы, те самые орхидеи, что я выбрал для неё сам. Стояли на столе, словно насмешка. Лепестки чуть обвяли, будто чувствовали, что их предназначение не выполнено. Рядом — коробка дорогого шоколада, перевязанная лентой.

Она их не взяла.

Захотелось сжечь к чертям эту дурацкую сентиментальность.

Такое ощущение, что по мне проехались катком. *Может, ей всё это не нужно? Или я сам ей не нужен?*

Но нет… Я видел её глаза, слышал её дыхание, ощущал, как она дрожит от одного моего прикосновения. Это не та игра, которую можно подделать. Между нами есть то самое безумное притяжение, которое заставляет кровь в жилах кипеть. Только одного влечения мне мало. Я хочу, чтобы она была одержима мной, чтобы она**жила мною**. Чтобы утром просыпалась с моим именем на губах, чтобы в мыслях у неё не было места для других. Чтоб она боялась потерять меня больше, чем воздух.

Вот чего я хочу. И я сделаю это. Я раздавлю всё и всех, кто встанет между мной и ею.... всё это крутилось в голове, как на репите.

Погрузившись в эту кашу из желания, ревности и собственных демонов, я не сразу понял, что в кабинет кто-то вошёл. Джейкоб стоял рядом, махая рукой у меня перед лицом.

— **Алекс, ты меня вообще слышишь?** — спросил он, внимательно вглядываясь в меня.

Я моргнул, вернувшись в реальность.

— **Чего тебе?**

— **Поговорить. Без лишних ушей.**

— **О чём?**

Он вздохнул.

— **О Тессе.**

Я напрягся.

— **Что с ней?**

— **Да всё с ней нормально. Только вот ты... уверен в своих чувствах к ней?** — выдал он осторожно.

Я скривился.

— **Ты о чём, Джейкоб?**

Он почесал затылок, явно подбирая слова.

— **Ты слишком быстро поплыл на ней. На вечере я это видел. Я не осуждаю, ты знаешь. Но, Алекс... она не просто девчонка. Она дочь**

генерала нашей страны. Это другой другой уровень ответственности. Ты же понимаешь, кто её семья. Это не просто роман на неделю. Ты хотя бы разобрался в себе? Это любовь или желание? Или, просто, способ в очередной раз доказать, что ты ещё можешь?

Я резко вздохнул, вскипев.

— **Ты что, решил мне тут лекцию прочитать? Это Крис тебя надоумил на такую хрень?**

— **Нет.** — спокойно ответил он. — **Я сам всё вижу. Просто… если ты женишься на ней, сделай это по-настоящему. А если ты затеял эту историю, чтобы дернуть Криса за яйца или самоутвердиться — остановись сейчас. Вспомни, кто её отец. Это не шутка, Алекс.**

Я посмотрел на него тяжёлым взглядом.

— **Я женюсь на ней. И точка.**

Джейкоб выдохнул, а потом неожиданно улыбнулся.

— **Ладно. Тогда ждём с Мэрилин приглашения. И знаешь что… я рад за тебя, если всё это серьёзно. Только, ради всего святого, сделай это по-настоящему.**

Я хмыкнул, немного разрядив напряжение.

— **Так ты всё-таки эту свою блондиночку в холостяцкую берлогу притащил?**

Он ухмыльнулся.

— **Холостяцкая берлога давно сгорела. Теперь это уютное гнёздышко для меня и моей женщины. И знаешь что? Я ни разу не пожалел. Она рядом. А это, брат, стоит дороже всех твоих интриг. Я влюбился, Алекс. И я собираюсь сделать ей предложение. Знаешь, чем ты меня пугаешь? Тем, что впервые за много лет вижу у тебя в глазах то же самое.**

Я посмотрел на него, чуть сощурившись**. Вот что значит спокойная, устоявшаяся любовь**. Интересно… смогу ли я так с Тессой? Захочет ли она остаться?

— **Ну так сделай это уже, женись.**

Джейкоб рассмеялся.

— **Ха! Только после тебя, Уинтерс. Только после тебя.**

Он вышел, оставив меня наедине с мыслями. Я снова посмотрел на цветы. И понял, что Тесса слишком глубоко засела в моей голове, чтобы я мог её отпустить.

Ты будешь моей, Тесса. Хоть ради этого мне придётся сжечь полмира к чёртовой матери.

Глава 28. "Сладкая месть"

--- ~ Тесса ~ —-

Эта блондинистая фурия выскочила мне навстречу, будто только и ждала, когда я выйду из кабинета. Улыбка до ушей, взгляд исподлобья. Я скользнула по ней взглядом сверху вниз. Ну да… красива. Спору нет. Эталонная такая… Тело, как обложка глянца, взгляд уверенный, как у хищницы, что уже выбрала жертву. Та, кого в фильмах показывают в замедленной съёмке под пафосную музыку, когда все оборачиваются ей вслед.

И всё бы ничего, если бы не мысли, которые тут же полезли мне в голову. Может, Александр всё ещё что-то к ней чувствует? И пусть я пыталась гнать эти мысли прочь, они впивались в меня, как занозы.

Я подняла голову и спокойно посмотрела ей в глаза.

— Вы что-то хотели, мисс Харпер? — спросила я с таким тоном, будто мы стояли не лицом к лицу, а я вела приём.

— Да, хотела. Поговорить с тобой. Уделишь мне минутку?

— Говорите.

— Прямо здесь? — с наигранным удивлением оглянулась она.

— Да. Прямо здесь.

Она подошла ближе, так, что я уловила аромат её дорогих духов — что-то терпкое, сладкое, навязчивое. В этом запахе было всё: притворство, высокомерие и желание поставить меня на место.

— Ну что ж… как скажешь. — Она поправила волосы и чуть склонила голову. — До меня дошли слухи, что ты и Александр… вместе.

Я вздохнула.

— Правда? Странно, откуда у людей столько свободного времени на слухи.

— О, я и сама удивилась. Виктория поделилась этой… смешной новостью. — Она скривила губы в усмешке. — Мы с ней… близки. Очень. Как и с Александром. Не знаю, знала ли ты, но я его первая любовь. А первая — она такая, остаётся в сердце навсегда. И да, между нами нет тайн. У нас свои, особенные отношения.

Она говорила это так сладко, будто растягивая каждое слово, чтобы оно больнее резало.

— Смешной новостью? — переспросила я.

— Конечно. Помолвка, свадьба… да за такой

срок? Это на Александра не похоже. Он такой… — она улыбнулась чуть шире. — Любит острые ощущения. Ему нужен вкус новизны. Насытится тобой, и снова ко мне. Так всегда было. Мы так… обновляем наши чувства.

Я замерла. Грудь сдавило. Перед глазами замелькали его поцелуи, прикосновения, его слова. А внутри — мерзкое ощущение. Как будто тебе только что под дых заехали. Неужели я и правда очередная игрушка? Нет. Чёрт возьми, нет!

Сволочь.

Но я не позволю ей этого увидеть.

Я сделала шаг вперёд, сократив между нами расстояние до минимального. Так, чтобы она видела каждый миллиметр моей выдержки.

Я выпрямилась, проглотила этот ком в горле и с самой стервозной улыбкой произнесла:

— Мисс Харпер, не стоит так переживать. Между мной и мистером Уинтерсом, конечно, нет ничего серьёзного. Кроме одного...

Изабелла сузила глаза.

— И чего же?

Я сделала шаг вперёд, понизила голос, будто делясь интимной тайной.

— Он отлично ублажает меня своим языком. Я порой даже к работе приступить не успеваю, как

с меня уже трусики летят. Фантастика, честное слово. А что он творит пальцами… Господи, вспоминаю — в пот бросает.

Изабелла побледнела.

— Что?..

— А про банкет слышали? Нет? Ах… — я сделала вид, что вспоминаю. — Прямо за столом. Пальцами он довёл меня до такого оргазма, что я до сих пор чувствую, как у меня подгибаются ноги. О, милая, вы даже представить не можете, на что он способен. Но вы ведь в курсе, правда?. С ним я испытала самый яркий оргазм в моей жизни. А вы ведь знаете, какая у него хватка. Наверняка помните.

Изабелла задрожала.

— Врёшь!

— Проверь кресло, в котором я сидела, — усмехнулась я. — Наверняка оно ещё горячее.

Она едва держалась на ногах.

— Ах ты… ты маленькая… шлю..

— Осторожнее со словами, мисс Харпер. А то можно подавиться собственным ядом.

В этот момент, словно по заказу, появились Дженна и Кэссиди.

— Тесс, всё в порядке? — спросила Дженна.

— В полном. — Я повернулась к девочкам, рас-

правив плечи. — Пойдёмте обедать.

Прежде чем уйти, я посмотрела на бледную Изабеллу.

— Не переживайте, если Александр чересчур увлёкся мной. Просто ему очень нравится бывать у меня между ног. Так бывает. До встречи, мисс Харпер.

Девчонки прыснули от смеха, мы двинулись прочь, а я в первый раз за этот грёбаный день почувствовала, как по венам снова течёт адреналин. Я знала — этой сценой я сделала больно не только ей, но и внутри себя что-то отстояла. И пусть мне будет потом больно — сейчас я должна была встать и победить.

А оборачиваться назад я не собиралась. Пусть тонет в собственных ядовитых словах.

Мы с девчонками двинулись в кафе за углом. У всех на лицах ещё стояли ухмылки, а в голове крутилась физиономия Изабеллы после моих слов. Да, давно я так красиво не заходила в ситуацию. Даже дыхание выровнялось.

— Вот это ты выдала, Тесса! — присвистнула Дженна, откидывая волосы назад. — Я думала, она там грохнется прямо на месте.

— Просто умничка! Так держать, девочка, — подбадривала меня Кэссиди, хлопнув ладонью по

плечу. — Пусть эта выскочка знает своё место. Я бы отдала многое, чтобы увидеть её рожу в этот момент ещё раз!

Мы зашли в небольшое уютное кафе, где всегда обедали. Заняли столик у окна, будто отгораживаясь от остального мира. Дженна сразу же махнула официанту, заказывая нам ланч без согласования. Она знала, что я всё равно сейчас не в состоянии выбирать. Они обе горели желанием выведать у меня всё.

— Ну-ка, выкладывай, подруга, — подалась ко мне Кэссиди. — Какие у тебя терки с этой пластмассовой куклой? И главное… как вообще дошло до того, что ты чуть ли не невеста Уинтерса? Я вообще охренела.

Я глубоко вдохнула. Эти девчонки заслужили правду. По крайней мере — её обрезанную версию. И начала рассказывать. Без лишней лирики, но с самыми важными деталями: знакомство, вечер, поцелуи, его визит к отцу, их разговоры. Как он неотступно держался рядом. Как признался, что не отпустит.

— Слишком многое произошло за короткий срок, девчонки… — начала я. — Мы с ним… это не просто игра. Хотя иногда мне самой кажется, что я в каком-то чёртовом сериале. А эта мисс

Харпер... Она мне сегодня такое наговорила…

Я пересказала им всё, что сказала Изабелла. Каждую мерзкую фразу. Их лица вытягивались всё сильнее с каждой минутой.

— Да она охренела, — процедила Дженна. — Вот же змея.

Они слушали, не перебивая. Только глаза расширялись.

— Чёрт возьми, Тесса… у тебя жизнь круче любого сериала, — протянула Дженна, качая головой. — Такой страсти я даже в «Секретах Палм-Бич» не видела.

— Да ты что! — подхватила Кэссиди. — Но ты тоже не дури, малышка. Эта стерва Изабелла неспроста нарисовалась. Ты видела, как она крутится возле его кабинета? Как специально ищет повода столкнуться? Готова зуб дать — она планирует вернуть Уинтерса.

— Тесса, пойми, она просто до смерти тебя боится, — Дженна даже усмехнулась. — Потому что ты для него не просто мимолётное увлечение. Если бы ничего не чувствовал — не было бы разговоров с твоим отцом, не было бы этой истерии. А Изабелла прекрасно поняла, что ты для неё угроза. Вот и вцепилась в него, как утопающая в соломинку. Последняя надежда удержать мужчи-

ну, который давно уже смотрит мимо неё.

Я откинулась на спинку стула, тяжело выдохнула.

Я слушала их, стараясь держать лицо, но внутри всё клокотало. Эта блондинка сильно попала по больному. А вдруг она права? Вдруг для него я просто острое развлечение? Нечто новое. А потом он вернётся к своей привычной кукле.

Я обхватила ладонями стакан с кофе. Пальцы дрожали. Надо взять себя в руки.

— А что, если он сам не против? — вырвалось у меня. — Ну… вдруг всё ещё держит на неё чувства? Он же любил её, чёрт возьми.

— Тесса! — Кэссиди округлила глаза. — После того, что между вами было? Ты что, с ума сошла? Видела бы ты его лицо, когда он вернулся в кабинет. У него в глазах всё горело. Он бы того Криса порвал, если б мог. А то, что он сам пришёл в кабинет и заявил, что ты его невеста… Ты вообще понимаешь, какой это шаг для Уинтерса? Этот человек не разбрасывается такими словами. Если он что-то сказал — значит, уже решил для себя.

Дженна рассмеялась, покачав головой:

— Тесса, детка, если бы ты только видела, как он на тебя смотрит… В его взгляде — такая буря, будто он готов стены снести, лишь бы быть рядом.

Поверь, мужчина так не бесится и не рвёт воздух, если ему плевать. Там чувства — и сильные, иначе он бы давно развернулся и ушёл.

Я молчала, прокручивая в голове их слова. А ведь и правда… он бился за меня. На его лице не было игры. Там было всё — ревность, злость, желание. Это я убежала, это я снова сдалась раньше времени.

— Знаете… — произнесла я, постукивая пальцем по стакану. — Может, и стоит выслушать его. Только вот слабину я ему давать не собираюсь. Хочет меня? Пусть борется. Я ему такую лёгкую победу не отдам.

Девчонки закивали, и Дженна со смехом добавила:

— Вот это я понимаю, моя ведьма! Пусть знает, что ты не из тех, кто падает в постель, как только красиво заговорили.

— Я его ещё помотаю. — прищурилась и улыбнулась. — я ещё покручу его на верёвочке. Пусть знает, что такую, как я, надо заслужить.

— Вот это правильно! — крикнула Дженна. — Никакой жалости, детка. Помучай его хорошенько.

— Пусть попотеет, — подмигнула Кэссиди. — А ты будь выше этой подстилки.

Я улыбнулась. Да, пора прекращать бояться. Пора показать, кто здесь действительно играет в эту игру. Пусть Изабелла готовится — я так просто не уйду.

Глава 29. "Ходы в тени"

-- ~ Тесса ~ —-

Мы сидели с девочками в уютном кафе, кружки с кофе обдавали нас тёплым паром, а Кэссиди оживлённо делилась подробностями своего свидания с парнем из бухгалтерии и жестикулировала так, что её ложка едва не улетела в сторону. Дженна смеялась, задавала наводящие вопросы, а я слушала их вполуха. Мои мысли кружились в хаосе — сомнения и решимость, ревность и гордость сцепились внутри меня в жестокой схватке.

Я машинально оглядела зал, взгляд скользнул по парам и компаниям, пока не наткнулся на знакомый силуэт. В углу, за небольшим столиком, сидели Грейсон, младший брат Александра, и та самая Изабелла Харпер. Она была в ударе: сияющая улыбка, безупречная укладка, глаза, полные довольства. Она склонилась к нему, что-то весело рассказывая, а он расслабленно кивал и потягивал кофе.

Меня обожгло воспоминание о её словах. В груди сжалось так сильно, что я едва не раздавила

в руках стакан. И в тот самый момент, когда я хотела отвернуться, её глаза нашли мои. Паника едва не захлестнула меня, но я заставила себя удержать взгляд — холодный, спокойный, как будто мне плевать. Изабелла улыбнулась, и эта улыбка была ближе к оскалу хищницы, чем к дружескому жесту.

— О боже… и тут эта змея, — процедила Кэссиди, проследив за моим взглядом. — Да ей, похоже, в аду места мало, решила и здесь воздух отравить.

— Тесс, с тобой всё нормально? — спросила Дженна, мягко коснувшись моей руки..

Я кивнула, отводя глаза от этой фарфоровой куклы. Сделала глоток уже остывшего кофе, стараясь не выдать дрожи в пальцах.

— Думаю, с этой особой мы ещё не закончили, — тихо произнесла я. — У неё взгляд… как будто она уверена, что все козыри у неё в руках.

— Да какие козыри? — фыркнула Дженна. — Карты-то краплёные. Ей только и остаётся, что строить рожи и надеяться, что ты сдашься.

— Не нагнетай, Тесса, — нахмурилась Кэссиди. — Ты ей точно не по зубам. Вот поэтому и скалится. Держи планку, девочка. Если она хочет войны — покажи ей, что её война ничто.

— Тесса, — подхватила Дженна, — да она же

уже проигрывает. Ей приходится цепляться за прошлое и делать вид, что она ещё чего-то стоит.

— Ха! — Кэссиди ударила ладонью по столу так, что подпрыгнула сахарница. — Если она хочет войны, девочка, то пусть знает: ты — атомная бомба в юбке. Взорвёшь — мало не покажется.

Я не удержалась, улыбнулась. Девчонки умели поднимать настроение так, что даже камень засмеялся бы.

— Но, если честно, — добавила Дженна с прищуром, — я бы на твоём месте не тратила ни секунды на эту Барби. Пусть тратит свои улыбки на Грейсона. Александр-то смотрит только на тебя.

— Вот именно! — подпрыгнула Кэсс. — А если будет выпендриваться — я лично оболью её латте.

Мы рассмеялись так громко, что пара за соседним столиком обернулась. Смех окончательно сбил с меня оцепенение.

В груди стало легче. А в голове — яснее.

Я вздохнула, чувствуя, как в груди вместо страха начинает распаляться другая искра — злость, упрямство, желание не сдаться. Если Изабелла рассчитывает сломать меня — она сильно ошибается.

--- ~ Грейсон Уинтерс ~ —-

Я откинулся на спинку стула, крутя чашку с этим бурдюком, который здесь называли кофе. Горечь во рту вязала язык, но я сделал вид, что наслаждаюсь, — ради образа.

— Ну что ж, Иззи, — сказал я с ленивой ухмылкой, — рад, что ты всё-таки на моей стороне.

Она прищурилась, подалась вперёд. Голос у неё мягкий, обволакивающий, но слова звучали как приговор:

— Главное, сделай то, что обещал. Иначе я не стану тебе помогать.

Фурия в юбке. Блондинка с лицом ангела, но когтями тигрицы. Впрочем, именно такие и нужны для грязной игры.

Я наклонился ближе, понизив голос:

— Твоя помощь минимальна, Изабелла. Пойми правильно: я подам тебе братца на блюдце, с золотой каёмочкой. Всё, что от тебя потребуется — протянуть свои нежные ручки и взять.

Она вскинула подбородок. В глазах — огонь.

— Убери Чон. — её голос был острым, как лезвие. — Чтобы эта выскочка была как можно дальше от Алекса.

Я расхохотался, не скрывая ехидства:

— Ууу, да ты ревнивица, Иззи. Не знал. Ну не

переживай — после того, что я подготовил, Алекс даже не взглянет на неё. Останется только дело за малым. Когда он будет страдать, ему понадобится утешение. А мужчина от утешения… не отказывается.

Она склонила голову набок и поправила своё декольте так, будто невзначай. А я почувствовал, как во рту набралось слюны. Чёрт… Сиськи у неё, конечно, всё ещё бомба. На вкус бы попробовать. Но нет. Иззи слишком серьёзно настроена на Александра. А мне не нужны осложнения. Ещё не хватало переспать с игрушкой брата.

— О моём обаянии можешь не сомневаться, — мурлыкнула она. — Оно работает безотказно.

Я глянул на её грудь, потом в глаза — и хмыкнул. Да, обаяние работает. Даже слишком. Но не на меня.

— Когда ты собираешься действовать? — перебила мои мысли Изабелла. В её голосе звенела нетерпеливость. — Я не намерена ждать, пока случится их помолвка. Нужно действовать незамедлительно.

Я наклонился вперёд, почти касаясь её локтя.

— Это уже моя забота, дорогая. Как только Александр улетит в Нью-Йорк, всё начнётся. А ты… держи ухо востро. Не теряй бдительности.

Поднялся, кинул на стол пару купюр, будто сбрасывая с себя её требовательный взгляд.

— Всё, чао, красавица. У меня дела. Сама понимаешь, интриги сами себя не сплетут.

Я вышел, оставив её одну за столиком. Она выглядела довольной, но я знал — в её голове крутится миллион планов. Что ж, пусть строит свои иллюзии. В этой игре выигрывает тот, кто ударит первым.

А я собирался ударить так, что братец долго не поднимется.

Глава 30. Паутина

-- ~ Тесса ~ —

Вернувшись в офис, я сразу почувствовала пустоту. Джейкоба на месте не оказалось. Тишина в его кабинете казалась непривычной и даже немного давящей. Я машинально провела взглядом по комнате — на полу у окна в вазах стояли букеты от Кристиана. Слишком безупречные, слишком правильные для такого человека, как он.

Зачем он это сделал? Что хотел сказать? И что именно имел в виду Джейкоб, когда упомянул «разных женщин»? В голове вспыхнула догадка, от которой внутри стало холодно: неужели Александр и Кристиан были влюблены в одну и ту же женщину? В Изабеллу Харпер?

Я оттолкнула эту мысль, но она упрямо возвращалась. Надо было разобраться.

Собрав документы по фармацевтической компании, я углубилась в бумаги, но сосредоточиться не получалось. К счастью, в кабинет вошла Лиана. Её появление всегда будто оживляло атмосферу: лёгкая улыбка, звонкий шаг. Она принесла

несколько папок и села рядом.

— Давай помогу с Нью-Йорком, — сказала она, раскладывая листы по порядку.

— Лиана, а ты давно работаешь с Джейкобом? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал буднично, хотя внутри всё жгло любопытство.

Она театрально закатила глаза и рассмеялась:

— Хм, дай-ка подумать… дольше, чем живут мамонты. — Её смех был лёгким, искренним. — Он приехал к нам в Манчестерский университет читать лекцию по защите прав человека. Я тогда ещё студенткой была. Мы разговорились, и он предложил мне стажировку. Так и осталась здесь.

— Но почему секретарём, а не юристом?

Лиана вздохнула, но улыбку не потеряла:

— Пробовала. Даже вела одно дело сама. Провалила его с треском. Если бы не Джейкоб, я бы утонула. Он сказал, что у меня талант к другому: быть его правой рукой, человеком, которому можно доверить всё. Так я стала не просто секретарём, а помощником. — Она гордо подняла подбородок. — И знаешь, мне нравится.

— А ты никогда не хотела попробовать снова?

Она покачала головой:

— Нет. Моё место здесь. Я знаю о компании

всё. И про всех. Иногда даже слишком. Жаль, что память не стереть… из этого можно сериал снять, и поверь, он побил бы все рейтинги.

Я улыбнулась, но внутри словно включился прожектор. Это был шанс.

— Лиана… — я сделала вид, что спрашиваю между делом, — а ты что-нибудь знаешь про Кристиана и Александра?

Она подняла брови, хитро улыбнулась:

— Кто же этого не знает? Они оба были влюблены в Изабеллу Харпер ещё со времён Принстона. Она… та ещё штучка.

Сердце ухнуло вниз. Значит, догадка верна.

— И что же между ними произошло?

Лиана закусила губу, закрутила в руках ручку. Я видела: ей хочется рассказать, но она колеблется.

— Сложная история, Тесс, — наконец сказала она. — Они были друзьями. Всегда рядом, всегда плечом к плечу. Но с её появлением всё изменилось. Она играла с ними обоими. То с Кристианом, то с Александром. Для неё это было развлечением, а для них — всё.

— Она выбрала кого-то из них?

— Она никогда никого не выбирает. Её выбор — внимание. Чем больше мужчин вокруг, тем

счастливее она. Она играла. Могла поцеловать Кристиана в пятницу, а в воскресенье появиться на вечеринке с Александром под руку. Они оба были одержимы ею. А она словно кормила их этим огнём. Но в какой-то момент Александр узнал о её двойной игре. И если Кристиан пытался закрывать глаза, но Алекс… — Лиана серьёзно посмотрела на меня. — Он не из тех, кто прощает предательство.

Я почувствовала, как дрожь пробежала по коже.

— С тех пор они не просто друзья, — продолжила Лиана. — Они соперники. За её внимание, за признание, за лидерство. И знаешь, — её голос стал тише, — мне кажется, Изабелла до сих пор держит их обоих в ловушке.

У меня пересохло в горле. Я сделала глоток воды, пытаясь скрыть, как сильно меня задели её слова. Изабелла была опаснее, чем я думала. Не просто бывшая. Она — буря, способная разрушить всё, что у меня есть.

— Спасибо, Лиана, — выдавила я. — Ты мне очень помогла.

Она лишь кивнула, снова вернувшись к бумагам. А я уткнулась в документы, но буквы расплывались перед глазами. Я уже знала: разговор

с Александром неизбежен. Я должна услышать правду от него самого.

С Лианой мы закончили сортировать последние бумаги. Её помощь была как глоток свежего воздуха: она легко ориентировалась в мелочах, на которые я могла бы потратить часы. На столе выросла аккуратная стопка документов, а в воздухе витал запах свежесваренного кофе. Лиана, устроившись поудобнее, сделала глоток и повернулась ко мне с таким внимательным, почти испытующим взглядом, что я почувствовала, как под кожей пробежала дрожь.

— Ты переживаешь, что Александр до сих пор что-то испытывает к ней? — тихо спросила она, но её слова прозвучали как гром среди ясного неба.

Я не ожидала подобного вопроса. Несколько секунд молчала, перебирая в голове ответы. Лгать? Сделать вид, что меня это не волнует? Бессмысленно. Лиана была из тех, кто видит людей насквозь.

— Просто… всё слишком быстро закружилось, — призналась я наконец, чувствуя, как с каждым словом с меня будто спадает маска. — Всё свалилось на голову. Если он до сих пор к ней что-то чувствует, то зачем всё это? Зачем я? Я не

хочу быть частью этой паутины. Не хочу стать игрушкой в чьей-то мести.

Моё сердце стучало громко, словно я призналась в чём-то страшном. Лиана отставила кружку, наклонилась ближе, её глаза сверкнули мягким пониманием.

— Я тебя понимаю, — сказала она уверенно, почти по-дружески. — Но одно я знаю точно: Александр Уинтерс не тот, кто разбрасывается чувствами. Его легко задеть, но почти невозможно заставить вернуться туда, где его предали. Изабелла ранила его слишком глубоко. Если он проявляется к тебе — значит, ты для него что-то значишь. Настоящее.

Я вслушивалась в её слова и чувствовала, как внутри рождается искра надежды. Но тут же вместе с ней — страх.

— Значит, мне просто поговорить с ним? — спросила я чуть тише, чем хотела.

— Именно, — кивнула она. — Поставьте всё на свои места. Ты удивишься, насколько он прямой, когда доверяет.

Я хотела ей ответить, но дверь в кабинет распахнулась. На пороге появился Джейкоб. Он выглядел как всегда уверенно: дорогой костюм, искренняя улыбка, лёгкость в каждом движении.

Его голос разнёсся по комнате, будто хозяин возвращался в своё царство:

— Мои девочки всё в работе. Как приятно на это смотреть.

Я чуть улыбнулась. Лиана, кажется, даже гордо выпрямилась.

— Над чем работаете? — Джейкоб прошёл к столу, обводя взглядом кипу бумаг.

— Мы разобрали дело фармацевтической компании из Нью-Йорка, — ответила я и указала на аккуратную стопку. — Подготовили все документы к отъезду.

— Дайте-ка глянуть, — он присел рядом, раскрыв папку с таким видом, будто держал в руках не бумаги, а ключи от чьей-то судьбы.

Я наблюдала за ним, и на секунду всё вокруг словно растворилось. Внутри меня всё ещё клубился тот разговор с Лианой, её слова эхом били в висках: «Если он проявляется к тебе — значит, ты действительно для него что-то значишь».

-- ~ Александр ~ —-

День тянулся как густой мёд — тягучий, липкий, невыносимо медленный. Я сидел в кабинете, делая вид, что работаю. Бумаги сменяли друг друга, но ни одно слово не оставалось в голове. Все мысли возвращались к ней. К Тессе. К её смеху,

её взгляду, к тому, что мы сделали здесь, на этом самом столе.

И к этим чёртовым цветам.

Они мозолили глаза и напоминали, что она ушла, оставив их. Словно память о ней осталась здесь, а сама она выскользнула из моих рук.

Я резко поднял телефон.

— Тина, зайди ко мне. Немедленно.

Меньше чем через минуту дверь отворилась, и моя педантичная помощница появилась на пороге, держа в руках планшет. Её взгляд говорил: «Опять вы что-то затеяли».

— Мистер Уинтерс?..

— Тина, возьмите эти цветы и конфеты, — я указал на корзину орхидей и коробку, что так и притягивали взгляд. — Отнесите их Джейкобу.

Она вскинула брови.

— Простите, что мне ему сказать?

Я позволил себе язвительную улыбку:

— Передайте, что я безумно соскучился и приглашаю его на свидание.

Краем глаза я уловил, как её челюсть едва не упала на пол. Очки съехали на кончик носа, рот приоткрылся. Тина стояла, как будто я только что объявил о свадьбе с Джейкобом.

Я хмыкнул и не удержался от тихого смеха.

— Расслабьтесь. Цветы принадлежат мисс Чон. Она забыла их забрать. Но первая версия мне нравится больше, поэтому вы скажете именно её. И ещё, Тина… — я понизил голос. — Проверьте, стоят ли в кабинете Уокера другие цветы. Доложите мне.

Она кивнула, поправила очки и, обхватив корзину, двинулась к двери, балансируя как акробат.

— Тина, — окликнул я. — Вы кое-что забыли.

Она выглянула из-за букета, с выражением обречённости вернулась и схватила коробку конфет, почти силой всучив её себе под руку, будто я совершил над ней предательство века.

Когда дверь закрылась, в кабинете стало пусто. Слишком пусто.

Без этих цветов здесь стало даже тоскливее. Их запах всё ещё витал в воздухе, и вместе с ним возвращалось воспоминание о её теле, о её дыхании, о её стоне здесь, на этом столе.

Меня пробрала дрожь. Чёрт, я хочу её. Ещё. Снова. Всё время.

Телефонный звонок вырвал меня из мыслей. Джейкоб.

Я ухмыльнулся. Значит, Тина справилась.

— Я тебя слушаю, — сказал я, включая громкую

связь.

— Ты совсем поехал?! — рявкнул Джейкоб. — Я тебя, конечно, люблю, но не настолько!

Я не выдержал и заржал в голос.

— Слушай, малыш, не разбивай мне сердце.

— У тебя его нет, сладкий, — мгновенно парировал он.

Теперь мы оба ржали, как два идиота.

— Зачем этот цирк? — спросил он, отсмеявшись. — Что ты устроил?

— Цветы и конфеты — для Тессы.

— Какие конфеты? — невинным тоном протянул он. — Не видел никаких конфет.

Я стиснул зубы.

— Джейкоб, я тебя прикончу, если ты хоть одну конфетку тронул.

— Ты поздно об этом заговорил. Все улики уничтожены, — он явно ел в трубку, смакуя момент.

— Ты подписываешь себе смертный приговор, — зарычал я.

— Я его давно подписал, ещё в тот день, когда впервые встретился с тобой, — хохотнул он.

— Это её любимые конфеты! — рыкнул я.

— Ну так купишь ещё, — хладнокровно ответил Джейкоб и… сбросил вызов.

Я уставился на экран телефона и поймал себя

на том, что улыбаюсь.

А потом — что сжимаю кулаки.

Она стала моей зависимостью. Моим наркотиком. И я чётко знал: если кто-то попытается её отобрать, ему конец.

Немного позже ко мне зашла Тина и доложила, что цветов в кабинете Джейкоба больше нет, а Тесса, как всегда, вся в работе — сидит над делом по Нью-Йорку. Сдержал усмешку. Упорная, как всегда. Упрямое создание. Не понимает, что именно эта её сосредоточенность и холодность сводят меня с ума куда сильнее, чем любые демонстративные улыбки.

Ждать удобного момента? Нет. Момент — не дар небес, момент нужно создавать самому.

Я так и сделаю.

Закончив с документами, отдал распоряжение приготовить на завтра джет в Нью-Йорк. Не хочу шумных кабинетов, посторонних глаз и ушей. В небе она будет принадлежать только мне.

Ближе к вечеру здание холдинга постепенно пустело. Люди расходились, а я чувствовал, как внутри нарастает охотничий азарт. Если я хочу перехватить её — то именно сейчас.

Спустился вниз. На парковке уже ждал Дэвид.

— Куда едем, босс? — спросил он, глядя на меня

в зеркало заднего вида.

— Пока никуда. Ждём мисс Чон.

И словно по команде — она выходит.

Моя девочка. Хмурая, уставшая, с тяжёлой стопкой мыслей на плечах. Каблуки чётко отбивают ритм по асфальту, шаг уверенный, но замедленный. Она всегда идёт так, будто весь мир должен подождать её.

— Подъедь, — бросил я.

Машина тронулась и плавно остановилась прямо перед ней.

Дэвид вышел. Я наблюдал, как Тесса отшатнулась на шаг, но тут же выпрямилась и откинула волосы назад — её маленький жест защиты. Узнаю.

— Мисс Чон, присядьте, пожалуйста, в машину, — ровно сказал Дэвид.

— Зачем это? — голос холодный, колючий.

— Мистер Уинтерс желает…

— Пусть ваш мистер Уинтерс желает дальше. Мне нужно домой.

Ох, как же сладко звучит это её сопротивление. Я почти слышал, как оно трещит от собственной слабости.

— Мисс Чон, мистер Уинтерс как раз хочет подвезти вас домой.

— Благодарю, но вынуждена отказаться.

Я уже собирался вмешаться, но Дэвид сделал то, что умеет лучше всего — нажал на правильные струны.

— Мисс Чон… прошу вас поменять своё решение.

Она прикусила губу, замерла. Я видел это даже через стекло.

Хочет упрямиться дальше, но знает: сопротивление бесполезно. И наконец кивает.

Дэвид открывает дверь. И в эту секунду я впервые за день чувствую, как дыхание сбивается.

Она рядом.

Тесса садится на сиденье рядом со мной, складывает руки на коленях, будто строит между нами стену. Смешная. Если бы она знала, как легко я умею рушить стены.

— Добрый вечер, мистер Уинтерс, — произносит она ровным голосом, не встречаясь со мной взглядом.

Я наклоняюсь ближе, позволяю себе тихую усмешку:

— Сейчас он стал намного добрее, Вишенка.

Только после этих слов она всё-таки поворачивает голову.

Её глаза цепляют мои, и в этот момент про-

странство словно сжимается. Нет машины, нет Дэвида за рулём, нет города. Есть только я и она. И эта невидимая искра, от которой горит воздух.

— Поехали, Дэвид, — сказал я, не отводя взгляда.

Машина мягко тронулась, но я продолжал смотреть только на неё.

И, чёрт возьми, ловил себя на мысли, что с каждой её попыткой держать дистанцию — я хочу её ещё сильнее.

Она сидела прямо, не давая себе расслабиться рядом со мной, будто любое неверное движение могло выдать её. Но я чувствовал — внутри она уже дрожит, как струна.

Я слегка наклонился, позволив голосу прозвучать ниже, тише, так, чтобы каждое слово проникало под кожу:

— Ну что, Вишенка?.. Поговорим?

Глава 31. «Упрямое сердце»

-- ~ Александр ~ —-

— Ну что, Вишенка?.. Поговорим? — произнёс я тихо, не сводя с неё взгляда. Она медленно повернула голову в мою сторону.

В её глазах — усталость, смешанная с упрямством. Улыбаться она явно не собиралась— А если я не хочу? — её голос был ровным, но пальцы, нервно теребящие подол юбки, выдавали всё. Я усмехнулся. — Тогда придётся хотеть. Она тяжело выдохнула, будто собираясь с силами. — Александр, я не из тех женщин, которых можно заставить силой. Если вы пытаетесь играть со мной в свои игры — зря. Я слегка наклонился ближе. Запах её духов ударил в голову. Сладкий, дерзкий. Чёрт, как же я по ней скучал. — Игры? Ты правда думаешь, что для меня всё это игра? — А разве нет? — её голос дрогнул, но она упрямо держала подбородок высоко. — Слишком быстро. Слишком резко. Я не хочу быть разменной монетой в вашей войне с прошлым. Внутри меня что-то кольнуло. Она попала в самую точку. Изабелла. Чёртова тень, которая всё ещё висела над

нами. Я отвёл взгляд в окно, на секунду давая себе время взять себя в руки. — Ты серьёзно думаешь, что я трачу на это нервы ради мести? — голос мой стал жёстким, стальным. — Поверь, если бы я хотел отомстить, сделал бы это давно. И куда грязнее. Она молчала, вглядываясь в меня, будто пыталась вычитать правду между строк. — Тогда чего вы хотите? — спросила наконец, почти шёпотом. Я снова посмотрел прямо в её глаза. И сказал то, что разрывалось во мне все эти дни — Тебя. Она замерла, словно на секунду перестала дышать. А я сидел и понимал — назад пути нет. Тесса сжала губы, будто пытаясь что-то сказать, но слова застряли у неё в горле. Тишина внутри машины становилась вязкой, давящей, каждый её вдох я слышал слишком отчётливо.

— Меня? — наконец прошептала она, и в её голосе слышалось больше недоверия, чем удивления. — А если я не хочу быть твоей?

Я усмехнулся краем губ, хотя внутри всё болезненно дёрнулось.

— Тогда это будет самая жестокая ложь, какую ты когда-либо сказала, Вишенка.

Она резко повернулась ко мне, и в её глазах вспыхнуло то самое упрямство, что всегда выводило меня из равновесия.

— Почему ты так уверен? Почему думаешь, что всё должно быть так, как хочешь именно ты?

Я придвинулся ближе, так что между нами остались считанные сантиметры.

— Потому что я слышу, как сбивается твой пульс. Потому что каждый раз, когда ты пытаешься оттолкнуть меня словами, твоё тело выдаёт тебя с головой. Её дыхание стало прерывистым. Она хотела возразить — я видел, как подрагивают её губы, — но вместо этого только зажмурилась и отвернулась к окну.

— Александр… — выдохнула она. — Всё это слишком. Я не хочу потерять себя в тебе.

Я сжал кулаки, чтобы не протянуть руку и не заставить её снова смотреть на меня.

— Потерять себя? — тихо повторил я. — А если рядом со мной ты, наоборот, впервые найдёшь себя?

Она замерла, её плечи чуть заметно дёрнулись. Молчала долго. Слишком долго.

Я не выдержал. Наклонился так близко, что её волосы коснулись моего лица, и почти шёпотом сказал:

— Я не отпущу тебя, Тесса. Ни прошлое, ни Изабелла, ни твои страхи меня не остановят. Запомни это.

Она обернулась. И впервые за всё время её глаза загорелись не только упрямством, но и чем-то другим. Тем самым, что я искал. Желанием.

Я не сводил с неё взгляда, пока она отчаянно боролась сама с собой. Видел, как сжимаются её губы, как в глазах снова появляется та холодная стена, которую она всегда поднимает, когда чувствует угрозу. Но именно это и сводило меня с ума.

Я резко откинулся на спинку сиденья и сказал громко:

— Дэвид, едем в ресторан.

Тесса повернулась ко мне в изумлении.

— Что? Нет! Я еду домой.

Я наклонился к ней ближе, голос мой стал низким и твёрдым:

— Вишенка, хватит упрямиться.

— Александр, — её глаза сверкнули вызовом, — я не собираюсь...

Я не дал ей договорить. Схватил её за подбородок и накрыл её губы своими. Упрямыми, жадными. Её губы сначала напряглись, будто сопротивляясь, но через секунду я ощутил, как она дрогнула.

Чёрт, этот вкус сводил с ума. Она пахла тем самым упрямством и страхом, но и чем-то ещё

— скрытым, запретным желанием, которое она пыталась задавить.

Я оторвался лишь на миг, так близко, что наши дыхания смешались.

— Дорогая, не упрямься, — прошептал я прямо ей на губы. — Нам ещё нужно столько всего обсудить...

Она смотрела на меня, широко раскрыв глаза. В её взгляде бушевала буря — злость, обида, смятение. Но я уловил то самое предательское мерцание — желание, которое она отчаянно пыталась спрятать.

Тесса нервно провела языком по губам, будто проверяя, реально ли это было.

— Ты… не имеешь права так делать, — прошептала она, голос дрожал.

— И всё же я сделал, — усмехнулся я, проведя пальцем по её щеке. — Потому что я не позволю тебе сбежать.

Она попыталась отвернуться, но я снова поймал её взгляд.

— Поверь, Вишенка, лучше уж обсудить всё за бокалом вина, чем продолжать мучить друг друга в этой машине.

Я жестом указал Дэвиду. Тот, ни слова не говоря, включил поворотник и свернул в сторону.

Тесса нервно сжала руки в кулаки.

— Ты не оставляешь мне выбора.

— Наконец-то ты понимаешь, — улыбнулся я. — И это только начало.

Машина плавно вливалась в ночной поток города, а я уже знал: сегодняшняя ночь станет переломной.

-- ~ Тесса ~ —-

Какой же он всё-таки упрямый. Непробиваемый. Действует напролом, словно стена, которую невозможно сдвинуть. Александр Уинтерс не умеет отступать, и именно это пугает меня сильнее всего. Но я ему так просто не дамся. Если он думает, что поймал мышку за хвост, то очень ошибается.

Мы ехали по ночному городу. Машина мягко скользила по асфальту, фары выхватывали из темноты куски улиц, витрины кафе, редких прохожих. А внутри салона было так тихо, что я слышала, как стучит моё сердце. Александр крепко держал мою руку, словно боялся, что я в любой момент выскользну и исчезну. Его пальцы были тёплыми, уверенными, почти властными. И я чувствовала его взгляд на себе — прямой, прожигающий, требовательный.

Я упрямо смотрела в окно, будто завороженная

огнями города. Пусть мучается. Пусть думает, что я не поддаюсь. Но… этот короткий поцелуй, который он оставил на моих губах, всё ещё горел в памяти. Он был не просто жадным — он был заявкой. Правом. Я чувствовала, как это пламя разливается во мне, путает мысли, тянет к нему ближе. Хотелось поверить каждому его слову, просто прижаться к нему и перестать сопротивляться.

Но нет. Я сдерживала себя изо всех сил. Не показать. Не раскрыться. Не дать ему победу.

Чтобы отвлечься, я вспомнила, как недавно Джейкоб выводил его из себя. Чёрт, это было смешно. Джейк специально дразнил его, делая вид, что съел мои конфеты. Я сидела рядом, на расстоянии вытянутой руки, и когда он включил звонок на громкую, я еле удержалась от смеха. Зажала рот ладонью, чтобы не выдать себя. Джейкоб был в своей стихии: беззаботный, хитрый, и главное — наслаждался тем, как Александр терял терпение.

Или когда днём я раздала все цветы, которые подарил мне Кристиан. Девушки из отдела были в восторге, каждая получила кусочек внимания, и их улыбки были мне дороже, чем весь этот пышный букет. Даже Дженне и Кэссиди перепало по

розе. И я тогда думала: *правильно сделала, не нужно мне этих доказательств мнимой симпатии.*

Но потом появилась Тина с букетом от Александра. Тот самый, белые орхидеи. И я поняла — всё сделала верно. От Кристиана не осталось ничего, а вот этот букет был другим. Настоящим.

И снова в голове всплыло лицо Джейка. Когда он увидел мои конфеты — настоящего ребёнка из него будто выпустили наружу. Он умолял, выпрашивал, как пятилетний мальчишка:*«Ну, Тесс, дай хоть одну!»*. Я смеялась, но всё равно не смогла ему отказать. Особенно когда он с виноватым видом признался, что обожает их, но почти никогда себе не позволяет — сахар ему противопоказан. И вот они, прямо перед глазами. Конечно, я поделилась.

— Тесс, — сказал он тогда с хитрой улыбкой, — давай помучаем этого говнюка немного. Ты не против?

Я только улыбнулась и кивнула. — Что-то ему всё слишком легко даётся, — добавил он с довольной ухмылкой.

Эти воспоминания согревали. Они напоминали мне, что мир существует и вне Александра Уинтерса. Что у меня есть свои люди, своя жизнь, где я смеюсь, дразню, делюсь конфетами и цветами.

И всё же… я сидела здесь, рядом с ним. И моя рука всё ещё была в его руке.

Я чувствовала, как напряжение между нами нарастает. Его молчание было красноречивее любых слов. Он не отпускал меня. Ни пальцами, ни взглядом.

Мы подъехали к ресторану, и машина мягко остановилась у парадного входа. Дэвид, как всегда безупречный, открыл нам дверь и проводил до самого столика. Внутри было тихо. Никого, кроме нас. Он снова забронировал весь ресторан.

Тихая классическая музыка струилась фоном, как шелк. Приглушённый свет делал обстановку почти интимной. Воздух был наполнен запахом свежих цветов и той утончённой чистоты, которая царит только в местах, где всё рассчитано до мелочей.

Официант подошёл почти бесшумно, протянул меню. Я заказала пасту с белыми грибами и сливочным соусом — простое, тёплое блюдо, будто способное укрыть меня от всех бурь. Александр, конечно, выбрал более изысканное: стейк из мраморной говядины и бутылку выдержанного бордо. Лёгкая улыбка официанта, кивок, и мы снова остались вдвоём.

Я уткнулась в бокал, делая вид, что рассматри-

ваю узор рубиново-красного вина. Его взгляд я чувствовала почти физически. Он прожигал меня насквозь, и от этого хотелось то ли сбежать, то ли — наоборот — поднять глаза и утонуть в нём. Но долго избегать не получилось.

— Тесса, — его голос прозвучал твёрдо, как приказ. — Посмотри на меня.

Мои глаза моментально нашли его. Серые, холодные, но такие глубокие глаза. И я тону в них. Сопротивляться невозможно.

— Здесь и сейчас, — произнёс он, чуть наклонившись вперёд, — ты можешь спросить меня обо всём, что хочешь знать. И я отвечу правдой. Какой бы она ни была. Я не хочу, чтобы между нами оставались тайны и недомолвки. Ведь мы почти помолвлены, Тесса. И скоро будем женаты. Я не хочу, чтобы у моей будущей жены были сомнения на мой счёт.

Я на секунду перестала дышать. Эти слова обрушились на меня, как волна. *Будущая жена*. Он сказал это так, будто решение уже принято. А я… я словно потеряла дар речи. В голове копошились десятки мыслей, сотни застрявших вопросов. Но стоило ему дать мне этот шанс, как будто всё вылетело.

— Задавай, — продолжил он, спокойно, но

твёрдо. — Я знаю, что у тебя их накопилось достаточно.

Официант вернулся и поставил на стол наши блюда. Передо мной ароматная паста, перед ним стейк, который источал насыщенный запах. Красное вино плеснулось в бокалах. Он сделал шаг назад, оставив нас, и мы снова вдвоём.

Я подняла бокал, сделала маленький глоток. Вино оказалось крепким, насыщенным, и я почувствовала, как оно медленно разливается теплом внутри. Смелость. Сейчас она мне нужна.

Была не была.

Я опустила бокал и посмотрела ему прямо в глаза.

— Что ты чувствуешь к Изабелле Харпер? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо.

На его лице ничего не дрогнуло. Ни морщинки, ни тени эмоции. Только глаза стали чуть темнее. Он положил вилку и нож на стол, переплёл пальцы и замер.

— Ты решила начать с этого? — тихо произнёс он, и в его голосе не было ни насмешки, ни раздражения. Только… тяжесть.

— Да. — Я выдержала его взгляд, хотя сердце колотилось так, будто хотело вырваться из груди. — Я хочу знать. Прямо сейчас. До того, как ты

наденешь мне кольцо на палец.

На его губах мелькнула тень улыбки, холодной и почти горькой.

— К Изабелле? — он произнёс её имя медленно, будто пробуя на вкус. — Я чувствую… ровно одно.

Он наклонился ближе, так что я ощутила его дыхание на своей коже.

— Ничего.

Но в его глазах плескалась такая тьма, что мне стало не по себе.

Глава 32. " Правда без прикрас "

--- ~ Тесса ~ —-

Его слова прозвучали спокойно. Даже слишком спокойно.

Это холодное, ровное «ничего» резануло слух, как лезвие. В нём не было ни боли, ни сожаления — только уверенность. Но я не поверила. Не могла.

Он не из тех, кто разучивается чувствовать.

А уж Изабелла — та, чьё имя он избегает произносить, — была для него не просто женщиной из прошлого.

— Ты врёшь, — выдохнула я, и сама услышала, как предательски дрогнул мой голос. — Я видела, как ты на неё смотрел.

Александр чуть приподнял бровь. Всё остальное — камень.

Лицо без эмоций, взгляд тяжёлый, холодный, как будто он сам себе запретил чувствовать.

— Думаешь, я способен любить ту, кто предала меня? — сказал он ровно, почти спокойно. — Ту, кто разрушила то, что я строил годами?

В каждом слове звенел яд.

Я впервые видела его таким — сдержанным, но внутри, под этой бронёй, бушевал ураган.

— И всё-таки, — не сдавалась я. — Когда ты произносишь её имя, твои глаза темнеют.

Он опустил взгляд, и уголок его губ дрогнул — не улыбка, скорее усталость.

— Это не любовь, Тесса. Это память. И боль.

Он сделал глоток вина, медленно, будто смывая горечь слов.

— Изабелла была частью моей жизни. Я не собираюсь отрицать этого. Но то, что было между нами, умерло в тот день, когда она выбрала другого.

Мне стало трудно дышать.

Он говорил спокойно, но я видела — ему больно. Так не говорят о тех, кто не оставил следа.

Может, он и правда не любит её. Но забыл ли?

— И что же, — прошептала я, — ты не позволил себе быть счастливым с тех пор?

Он усмехнулся, хрипло, будто от вина или от горечи.

— Может, просто не встречал женщину, ради которой стоило бы рискнуть снова.

Моя рука дёрнулась — и тут же оказалась в его ладони.

Он поймал, не отпуская. Тепло его ладони рас-

творяло моё сопротивление, будто топило лёд внутри меня.

— Не начинай, — я попыталась вырваться, но он только сильнее сжал.

— Почему? — тихо. — Мы оба знаем, что между нами есть эти… чувства. Зачем отрицать?

Я подняла взгляд — и наткнулась на его глаза.

Серая сталь. Холодная, решительная. Но где-то в глубине этой стали прятался жар, от которого у меня перехватывало дыхание.

— Какие ещё чувства? — я попыталась отшутиться, но голос прозвучал глухо.

Он улыбнулся — опасно, по-мужски уверенно.

— Те самые, Тесса. Которые ты ко мне испытываешь. Просто боишься признаться. Он чуть склонил голову. — И знай, что они взаимны. И это, чёрт возьми, так приятно — знать, что я тебе не безразличен. Особенно, когда эти чувства исходят от женщины, которая мне пришлась по вкусу.

Он облизнул губы — и от этого простого движения моё сердце будто сбилось с ритма.

Я почувствовала, как щеки вспыхнули.

Перед глазами вспыхнуло то воспоминание — я на его столе, он между моих ног, его дыхание, его руки. Тело само отреагировало: ноги невольно сомкнулись. Я почти физически почувствовала,

как мышцы сами сжались, будто тело вспоминает каждое прикосновение.

Он это заметил.

Конечно заметил. Наслаждался этим. И улыбнулся шире — нагло, уверенно, с тем самым мужским превосходством, которое сводит с ума.

Я хотела отвести взгляд, спрятаться, но он схватил меня за подбородок, заставляя смотреть прямо в глаза.

Его губы были так близко, что дыхание смешалось с моим. Он не спешил. Дразнил. Проверял — потянусь ли я первая. И я хотела. О, как же хотела. Но удерживала себя из последних сил.

Он будто чувствовал эту борьбу и ещё сильнее наслаждался ею.

Наклонился к моей щеке, голос стал хриплым, низким, почти касался кожей — Изабелла — прошлое, Тесса. Ошибка, на которой я научился быть холодным. Он провёл кончиками пальцев по моим волосам. — Но с тобой… я снова чувствую. И это чертовски страшно. Я боюсь, как и ты. Но я хочу рискнуть. Хочу, чтобы это была ты.

Я застыла.

Ни вдоха, ни выдоха. Он говорил без пафоса, без игры — просто правду. И это было сильнее любых признаний.

Он скользнул губами к моему уху, и тело будто взорвалось от электричества.

— Не смей, — я положила ладонь ему на грудь, пытаясь оттолкнуть, но он был неподвижен, как скала. — Я всё ещё злюсь на тебя, — прошептала я.

Я чувствовала, как он медленно наклоняется ко мне.

Его глаза — тьма и свет одновременно.

Он вдохнул аромат моих волос, провёл по ним ладонью, и его голос стал ниже, почти рычанием:

— Да какая уже разница… — он прикусил нижнюю губу, скользнув взглядом по моим губам. — Когда твои губы так близко к моим.

И, не дав мне и секунды, накрыл мои губы своими.

Не осторожно. Не медленно.

Поцелуй был не мягким — требовательным, почти властным.

Будто этот поцелуй был его последним шансом стереть всё, что было до — и начать заново.

В нём не было сомнений. Только притяжение, от которого кружилась голова. Он будто стирал все границы между нами, разрушал стены, за которыми я так упорно пряталась.

Мир вокруг исчез. Ни ресторана, ни музыки, ни света — только его губы, вкус вина и жар, что разгорался где-то глубоко внутри.

Он целовал меня, как будто боялся, что я растворюсь, исчезну из его рук. И, чёрт возьми, я не сопротивлялась.

Я ответила.

Сначала осторожно, будто пробуя запретное, а потом — со всей силой накопленной тоски и злости. Моя рука сама легла ему на грудь, чувствуя, как бешено колотится сердце. Второй рукой я обвила его шею, притянула ближе.

Он оторвался лишь на секунду, чтобы поймать мой взгляд.

Его дыхание было горячим, губы — всё ещё опасно близко. — Вот так, — прошептал он. — Больше никаких игр, Тесса. Ни с тобой, ни со мной.

Я не могла ответить.

Смотрела в его глаза — холодные, серые, но в них бушевала буря. И впервые я поняла — он действительно боится. Не потерять контроль. Не власть. А меня.

Он коснулся моего лица, большим пальцем провёл по щеке, и тихо добавил:

— Я не хочу, чтобы прошлое стояло между нами. Ни Изабелла, ни кто-то другой. Я устал от

призраков.

Я глубоко вдохнула, пытаясь хоть немного прийти в себя.

Сердце стучало в висках, пальцы дрожали, и только его рука оставалась якорем в этом безумии.

— Если ты действительно хочешь начать всё сначала, — прошептала я, — начни с правды.

Он прищурился, будто оценивая, сколько решимости во мне на самом деле.

— Тогда будь готова, Тесса. Правда редко бывает красивой.

Я выдержала его взгляд.

— А мне не нужна красивая правда, — сказала я тихо. — Я хочу знать её такой, какая она есть.

Он откинулся на спинку кресла, нахмурился. Несколько секунд молчал, будто борясь сам с собой. Но руку не отпустил — держал мою, будто боялся, что я исчезну, стоит ослабить хватку.

— Хочешь правды? — наконец произнёс он.

— Да, — ответила я.

Он склонил голову чуть набок, на губах промелькнула тень усмешки.

— Что я получу взамен?

Я замерла, но сказала первое, что вырвалось из сердца:

— Меня.

Он посмотрел на меня долгим, тяжёлым взглядом.

В этом взгляде было всё — желание, недоверие, и то самое чувство, от которого кровь стынет в жилах. Его пальцы чуть сильнее сжали мою руку. — Осторожно, Вишенка, — произнёс он тихо. — За такие обещания я умею требовать по счетам.

А я только выпрямилась и посмотрела ему прямо в глаза.

— Тогда счёт тебе придётся оплатить сполна, Александр.

Наши взгляды встретились.

И в этот момент я поняла: всё, что было «до» — закончено. Дальше — неизвестность. Опасная. Притягательная. Неотвратимая.

-- ~ Тесса ~ —-

Он долго молчал. Только смотрел.

Его взгляд стал другим — не тем, что раньше прожигал до дрожи, а тяжёлым, задумчивым, почти усталым. Как будто он решал, стоит ли впустить меня туда, где прячутся его демоны.

— Хорошо, — наконец сказал он. — Ты хотела правды? Получи.

Он отпустил мою руку, и мне вдруг стало хо-

лодно.

Металл ножа звякнул о фарфор, музыка сменилась на медленное звучание виолончели. Он потянулся за бокалом, сделал глоток, и я заметила — пальцы дрогнули. Совсем чуть-чуть, но я увидела. Это не был рассказ. Это была рана, которая снова начала кровоточить.

— Изабелла была для меня всем, — произнёс он тихо. — Именно с ней я решил остепениться, построить дом, семью. Я даже поверил, что способен на простое человеческое счастье.

Он чуть усмехнулся, но усмешка получилась горькой, будто обожглась на собственных словах. — Я любил её до безумия, до потери здравого смысла. Она была моей силой… и моей слабостью.

Я слушала, и сердце сжималось.

Слышать, как он произносит имя другой женщины, было больно. Но боль — не от ревности, а от того, как дрожал его голос.

— Когда я попал в аварию, — продолжил он, — врачи сказали, что я больше не смогу ходить. Тогда я сломался. И именно в тот момент, когда мне больше всего нужна была она, Изабелла выбрала не меня.

Он поднял глаза — серые, холодные, но теперь

в них стояла боль, старая, прожжённая временем. — Она выбрала того, с кем ей было выгодно.

Я почувствовала, как где-то внутри всё оборвалось.

— Это был Кристиан? — вырвалось у меня.

Александр приподнял бровь, хмуро глядя на меня.

— С чего ты взяла?

— Слова Джейкоба, — ответила я, стараясь говорить спокойно. — В тот раз он упомянул, что вы не можете выбрать разных женщин.

Он медленно выдохнул, взгляд его стал каким-то… уставшим.

— Ах это… — он сжал бокал так, что костяшки побелели. — У меня с Кристианом отдельная история. Но она тоже касается Изабеллы. Пауза. — Она изменила мне, Тесса. С моим лечащим врачом. Даниэлем Кроуфордом.

Имя это прозвучало, как удар.

Я видела, как он откинулся на спинку кресла, будто пытаясь спрятаться от собственных воспоминаний. Тяжело выдохнул. В этот момент он выглядел не как хладнокровный Александр Уинтерс, которого боялись и уважали, — а просто как человек, которому когда-то разбили сердце.

Я не выдержала.

Между нами было всего несколько сантиметров, и я просто наклонилась вперёд, прижалась к его груди. Он замер. Его рука зависла в воздухе — неуверенно, будто он не знал, как на это реагировать.

— С тобой всё хорошо? — тихо спросил он, наклоняясь ко мне.

— Да, — прошептала я. — Прости, что из-за меня тебе пришлось это всё вспомнить.

Он качнул головой.

— Мне не нужна жалость, Тесса.

Я подняла глаза.

— Это не жалость, — ответила я твёрдо. — Это… моя поддержка. Потому что я чувствую, как тебе тяжело.

На мгновение он просто смотрел на меня.

А потом обнял. Тихо, осторожно, будто боялся раздавить. Я услышала, как он выдохнул у меня над ухом. — Какая же ты у меня чувствительная…

— Угу, — только и смогла вымолвить я, уткнувшись носом в его рубашку.

Он чуть усмехнулся.

— Может, давай наконец поужинаем как следует?

— С удовольствием, — ответила я, улыбаясь. —

Жуть как проголодалась.

— Вот это я понимаю, — хмыкнул он. — Вернёмся к более приятным темам, а прошлое оставим за дверью.

Я сделала глоток вина — терпкого, густого, с лёгкой горечью. Оно словно отражало всё, что происходило между нами.

Сложное. Сильное. Честное.

— Признаюсь, — я осторожно крутила бокал в пальцах, — не думала, что этот вечер закончится исповедью.

Александр усмехнулся, подцепив вилкой кусок стейка.

— Я тоже не планировал. Но, видимо, в твоём присутствии даже мой холод тает.

— О, значит, я — тёплое воздействие на сложный организм? — парировала я, улыбаясь краем губ.

— Скорее катализатор, — он поднял бокал, — опасный, но жизненно необходимый.

Я чуть рассмеялась, и он на мгновение просто смотрел, как будто пытался запомнить этот звук.

В его взгляде не было ни прежней напряжённости, ни злости. Только интерес. Настоящий.

Мы ели молча, время от времени перебрасываясь короткими фразами.

Иногда наши взгляды встречались, и каждый раз от этого по телу пробегал ток. Я ловила себя на мысли, что впервые рядом с ним чувствую не страх, не осторожность, а… странное спокойствие.

— Что? — спросила я, заметив, что он слишком пристально смотрит.

— Думаю, — ответил он медленно. — Что я не ошибся в тебе.

— А в чём именно ты мог ошибиться?

Он отставил бокал, чуть наклонился ближе, и его голос стал ниже, мягче, но с тем самым железным оттенком, от которого у меня по коже пробежали мурашки.

— В том, что ты останешься, даже зная, какой я на самом деле.

Я замерла. Его слова повисли в воздухе, будто вызов.

— А может, я просто не боюсь сложностей? — ответила я, чувствуя, как сердце ускоряет ритм. — Ведь в каждом человеке есть и тьма, и свет.

Он усмехнулся. Не издевательски — скорее устало, с оттенком чего-то неизбежного.

— Осторожнее, Тесса. Такие слова опасны.

— Почему? — я посмотрела ему прямо в глаза.

Он чуть откинулся на спинку стула, сцепив

пальцы, и его взгляд стал тяжелее, глубже.

— Потому что тебе лучше не встречаться с моей тёмной стороной. — Пауза. Он наклонился ближе, почти касаясь губами моего уха. — Она беспощадна. И хладнокровна.

От его слов внутри всё сжалось. Это не было пустым предупреждением — в его голосе звучала правда.

Та правда, которая не требует доказательств.

Я почувствовала, как дыхание становится неровным.

— Может, я не из тех, кто отступает перед тьмой, — тихо ответила я. — Иногда её стоит увидеть, чтобы понять, кто ты на самом деле.

Он посмотрел на меня долго, внимательно, будто решая — отпугнуть или… впустить.

И в этот миг мне показалось, что он всё же выбрал второе.

Александр облокотился на спинку кресла, снова сделал глоток вина, и в его глазах появилось что-то новое — тёплое, едва заметное.

Что-то, чего я раньше в нём не видела.

— Знаешь, — сказала я тихо, — странное чувство. Ты вроде бы рядом, но всё равно будто на расстоянии вытянутой руки.

— Просто я слишком долго жил так, — ответил

он спокойно. — Когда доверие — это роскошь, а близость — риск.

Я протянула руку через стол, коснулась его ладони.

Он не отдёрнул её. Наоборот — переплёл наши пальцы, словно закрепляя нечто важное.

— Иногда риск — единственный путь вперёд, — сказала я.

Он посмотрел на меня, задерживая взгляд дольше, чем обычно.

— Тогда, может, стоит попробовать.

— Попробовать что?

— Жить. Не убегать. Не бояться.

Я чуть улыбнулась.

— Договорились. Но без обещаний.

— Никаких, — кивнул он. — Только действия.

Глава 33. «Полшага до безумия»

--- ~ Тесса ~ —-

Мы вышли из ресторана, и прохладный ночной воздух обжёг кожу.

Александр был рядом, молчал, но я чувствовала — внутри него снова буря. В нём никогда не бывает покоя. Даже в тишине он звучит громче, чем любой голос.

Дэвид распахнул дверцу, и я скользнула внутрь, ощущая, как Александр почти сразу последовал за мной. Кресло плавно покатилось по пандусу, и он устроился рядом — близко, как всегда.

Щёлкнула закрывающаяся дверь — мягко, глухо, и мир словно сузился до этого тесного пространства, где воздух был пропитан им.

Машина тронулась.

Я смотрела в окно, наблюдая, как ночной город лениво тянется огнями, и вдруг ощутила — его взгляд. Тот самый. Тяжёлый. Не просто смотрит — прожигает.

— Перестань так смотреть, — тихо сказала я, не отводя взгляда от дороги.

— Как? — его голос звучал низко, с хрипот-

цой. — Как будто ты сейчас решаешь, стоит ли похитить меня прямо отсюда.

Он усмехнулся.

— Мы оба знаем, что если бы я решил — ты бы даже не успела возразить.

— Самоуверенность тебе идёт, — я скрестила руки. — Но не забывай, завтра у нас вылет. Нью-Йорк. Ответственный день, куча встреч, журналисты...

— И что? — лениво протянул он, чуть повернувшись ко мне. — Я твой босс, Вишенка. Я решаю, когда тебе отдыхать, а когда работать. Мне можно всё. А тебе — не стоит переживать.

Я повернулась к нему. В его глазах — тьма, пламя и сталь.

— Всё, говоришь? — прошептала я, едва сдерживая улыбку. — Не уверена, что стоит тебе давать такую власть.

Он замер на долю секунды. Улыбка исчезла.

— Испытываешь моё терпение, Тесса?

— Возможно. — Я слегка склонила голову. — Кто-то должен.

Он придвинулся ближе, почти касаясь моих губ. Воздух между нами стал плотным, как перед грозой.

— Тогда готовься, — произнёс он низко. — Я

пойду ва-банк.

Я успела лишь вдохнуть — остальное растворилось в его взгляде. В нём было всё: желание, ярость, собственничество и та самая искра, от которой я каждый раз теряю почву под ногами.

Машина скользила по ночным улицам, будто неся нас прямо в эпицентр бури, что разгоралась между нами.

— Прекрасно, босс. Тогда, может, вы разрешите своей сотруднице спокойно выспаться?

Он хмыкнул, наклонился ближе.

— Сотруднице — да. Но вот женщине, которая сводит меня с ума… — его дыхание обожгло мою кожу, — …ей я ничего обещать не могу.

Я резко повернулась к нему.

— Ты неисправим.

— Возможно. — Он поймал мой взгляд, и его рука медленно легла поверх моей. — Но я всегда добиваюсь то чего хочу.

Сердце предательски ускорило ритм.

— Не строй из себя всемогущего. Я ещё не дала согласие быть твоей невестой, — сказала я с усмешкой, решив хоть немного сбить его спесь.

Он усмехнулся уголком губ.

— Знаю. — Его пальцы обвили мою ладонь крепче. — Но, клянусь, Тесса… я собираюсь ис-

править это.

— Ах вот как? — я приподняла бровь. — И как ты собираешься это сделать?

Он склонился ближе, так что между нами не осталось воздуха.

— Я решу этот вопрос сразу по возвращении в Вашингтон, — произнёс он тихо, но твёрдо, как приговор. — Устроим помолвку. Нет причин ждать. Хочу, чтобы ты была моей. Полностью. Официально.

Я замерла. Взгляд — в взгляд.

Огни за окном сменялись вспышками, отражаясь в его глазах. Он был опасен. Привлекательный, уверенный, и до безумия упрямый.

Я не сразу смогла вдохнуть.

Его взгляд прожигал меня насквозь — прямой, без тени сомнения, как у человека, привыкшего получать всё, что захочет. Свет фар изредка выхватывал черты его лица: чёткую линию подбородка, напряжённые губы, сосредоточенность. И в этих мгновенных отблесках он выглядел почти нереально — воплощением силы и запрета одновременно.

— Александр… — мой голос сорвался. — Не стоит.

— Напротив, — он провёл пальцем по моему

запястью, — самое время.

Его прикосновение было медленным, изучающим, как будто он запоминал каждую линию моей кожи.

Машина скользила по ночным улицам, а между нами воздух стал густым, горячим, почти невыносимым.

Я отстранилась, чуть улыбнувшись:

— Даже не пытайся, Уинтерс. Сегодня я не твоя.

Он улыбнулся, но в его глазах сверкнуло что-то тёмное, хищное.

— Посмотрим, Вишенка. Посмотрим.

Машина плавно остановилась у моего дома.

Снаружи — ночь, приглушённый свет фонаря, тонкий шелест листвы. Внутри — полумрак, густой воздух, в котором слышно только дыхание и тихий гул мотора.

Александр нажал на кнопку — перегородка между нами и водителем закрылась, оставляя нас вдвоём.

В этом замкнутом пространстве всё казалось ближе — его голос, его взгляд, даже тепло его тела, исходящее сквозь ткань костюма.

Он повернулся ко мне, и в его глазах не было ни тени сомнения.

— Может, поедем ко мне? — низко, почти шепотом, но с той властной интонацией, от которой сердце пропускает удар.

Его рука легла мне на колено — неторопливо, уверенно, с тем неуловимым нажимом, который будто проверяет границы.

Большой палец скользнул чуть выше, всего на пару сантиметров, но этого хватило, чтобы моё дыхание сбилось.

— Вы многого хотите, господин Уинтерс, — выдохнула я, стараясь говорить спокойно, хотя в груди всё уже горело. — Всему своё время.

Его взгляд стал опасно медленным, изучающим, как будто он взвешивал, стоит ли рискнуть и стереть эту грань между нами прямо сейчас.

— Время — понятие относительное, — сказал он, не убирая руки. — Иногда правильный момент — это тот, который мы создаём сами.

Между нами оставалось меньше ладони, и каждый сантиметр этой дистанции пульсировал напряжением. Воздух будто сгущался, становился вязким и горячим. Его дыхание щекотало мою кожу, касалось шеи, и от этого по спине прошёл ток.

Он наклонился ближе, тень от его лица легла на мою грудь, и в этот миг я ощутила, как мир

вокруг будто растворился — остались только мы, и это невыносимое притяжение.

Его рука двинулась чуть вверх, задевая край моей юбки. Движения были медленные, уверенные, почти изучающие. Каждое прикосновение отзывалось во мне дрожью, будто струна под пальцами.

— Интересно, если я сейчас залезу к тебе в трусики… ты не поменяешь своё решение? — прошептал он, его губы почти касались моих. Голос был низкий, хрипловатый, будто сдерживал что-то дикое.

Рука его замерла у самого края запретного, а внутри меня всё горело и требовало продолжения.

— Не поменяю, — ответила я едва слышно, чувствуя, как сердце выбивает бешеный ритм.

Он усмехнулся уголком губ, но в глазах мелькнула борьба.

— Как знать, сладкая… — голос стал ещё ниже, будто шёл из самой глубины. — Но если я сейчас не остановлюсь, Тесса… всё закончится совсем не так, как ты планировала.

Мои пальцы непроизвольно сжались в ткань его пиджака, будто я могла удержать им саму реальность.

— Может, я и не планировала, — прошептала я в ответ.

Он закрыл глаза на миг — короткий, но мучительно долгий. Будто боролся с самим собой. Вздох — тяжёлый, сдержанный, почти болезненный.

— Ты не представляешь, как сложно мне рядом с тобой, — тихо сказал он, глядя куда-то в сторону. — Каждый раз, когда ты рядом, я теряю чёртово самообладание.

— А я думала, тебе оно не нужно, — усмехнулась я, стараясь скрыть дрожь в голосе.

Он посмотрел на меня, глаза блеснули чем-то между желанием и усталостью.

— Пожалуй, нет. Но ради тебя, Тесса, я всё-таки попробую его сохранить. Пока.

Он резко убрал руку из-под моей юбки. На мгновение мне показалось, что в груди образовалась пустота, и я сама не поняла — разочарование это или облегчение.

— Эхх, ну раз ты настроена серьёзно, — он сделал серьёзный вид, поправил пиджак и выпрямился, словно только что вернулся из хаоса в привычную сдержанность. — То как джентльмен я готов тебя отпустить.

Я кивнула, всё ещё не веря в происходящее.

— Завтра в семь будь готова. Я заеду за тобой.

Я сидела, чувствуя, как эмоции клубятся внутри. Смятение, растерянность, тихая злость. Как так? Он просто отпускает меня? После всего, что только что было? Пусто. Даже обидно — без его руки на моей коже.

— Хорошо. Я тогда пойду? — тихо спросила я.

— Да, конечно, мисс Чон, — ответил он спокойно, почти холодно.

Ох, мы теперь на фамильярность перешли… ну что ж, Уинтерс, хорошо, раз так.

Я приподнялась, направилась к двери, но не успела дотянуться до двери — резкое движение, и я уже сижу у него на коленях. Сердце взлетело в горло.

— Неужели ты думала, что просто так уйдёшь? — его голос был низким, хищным, и в нём звучало всё то, что он пытался сдержать.

Я не успеваю ответить — он захватывает мои губы в поцелуе, жадном, властном, полном той самой невыносимой страсти, что копилась между нами всё это время.

-- ~ Александр ~ —-

Я держу Тессу в своих объятьях — будто боюсь, что если отпущу хоть на секунду, она растворится, исчезнет, как мираж. Внутри меня поднимается что-то дикое, первобытное, ощущая, как каждая

клетка её тела откликается на моё прикосновение. Она настолько мною желанна, что дрожь прокатывается до самых кончиков пальцев моих не чувствительных ног. Рядом с ней я будто оживаю, чувствую, что снова способен на невозможное. Её дыхание, вкус её губ — мой самый сладкий яд.

Её аромат вишни, сладкий и манящий, обволакивает меня, и я тону в нём без остатка, пальцы теряются в шелковистых прядях её волос. Я впитываю каждый вздох, каждое едва уловимое движение — будто хочу запомнить всё, до последней детали. Тесса трепещет в моих руках, отвечает на моё желание своей мягкой, обжигающей страстью.

Я прижимаю её ближе, сильнее, не в силах остановиться. Она сводит меня с ума одним взглядом, каждым вдохом, каждым движением. Всё внутри меня пылает, жаждет, тянется к ней. Её тело — как искра, способная разжечь пожар, от которого не останется ничего, кроме нас двоих.

Она такая тёплая, живая, хрупкая и в то же время сильная, что мне самому становится трудно дышать. От неё исходит то самое тепло, что пробуждает во мне всё звериное, всё, что я привык прятать под маской холодного контроля.

Мне хочется просто держать её в своих руках, вдыхать её запах, чувствовать, как сердце бьётся где-то рядом с моим. Но это не помогает. Желание накатывает волной, обрушивается, и я понимаю, что стою на самом краю.

Она — мой беспощадный предел. Стоит ей взглянуть снизу вверх, слегка прикусить губу — и я забываю, кто я, где я, зачем вообще пытался играть в самообладание. Её аромат сводит с ума, её кожа — как магнит, и я уже не могу отвести руку.

Я скольжу ладонью по её спине, медленно, почти мучительно, чувствуя, как мышцы подрагивают под пальцами. Каждый изгиб её тела, каждая черта лица будто выжжены в моей памяти.

С ней я становлюсь другим.

Не ледяным Уинтерсом, а человеком, который жаждет, который чувствует, который теряет голову.

Она прижимается ко мне ближе, и в груди у меня всё переворачивается. Воздух становится вязким, горячим. Сердце гремит, как выстрел.

Хочу раствориться в ней, сжать сильнее, прижать так, чтобы она почувствовала, как сильно я сгораю изнутри. Чтобы не осталось ни границы,

ни расстояния.

Я закрываю глаза. Пытаюсь вернуть себе дыхание. Пытаюсь вспомнить, кто я, кроме мужчины, который сходит с ума от женщины в своих руках.

Она откликается, и я чувствую, как весь контроль уходит. Моё тело реагирует само, сильнее, чем разум позволяет. Я бы сделал всё, чтобы не отпускать её, чтобы этот момент длился бесконечно.

Её дыхание горячее, прерывистое, щекочет мне шею. От каждого вдоха по телу идёт дрожь, такая, что я сам себе не верю. Она греет меня сильнее любого солнца. Она — как огонь, и я, идиот, лезу в него с голыми руками.

Клянусь, если бы я мог — вырезал бы этот миг из времени и жил бы в нём вечно. Мы словно одно целое, где каждый вздох, каждый взгляд, каждое движение — часть одного пылающего, неугасимого пламени.

Я жадно впиваюсь в её губы, теряя ощущение времени. Её дыхание сбивается, а я будто тону в ней, не в силах остановиться.

Пальцы сами находят дорогу вдоль её линии талии, и я чувствую, как она замирает, как будто борется — не со мной, а с собой.

— Тесса... — мой голос хрипнет, и я не узнаю его. — Если я не остановлюсь сейчас… я не смогу потом.

Она поднимает на меня взгляд — глаза блестят, дыхание сбилось.

Я касаюсь её щеки, большой палец проводит по линии подбородка, и я едва удерживаю себя, чтобы не сорваться окончательно.

Слишком тонкая грань. Слишком поздно отступать.

Я не сдерживаюсь — кладу руку ей на грудь, сжимаю, массирую… Она издаёт сладостный стон прямо в мои губы. Хочет вырваться, но я не даю — врываюсь языком глубже, поглощаю её, беру всю.

Её дыхание сбивается, пальцы цепляются за мою рубашку, а я чувствую, как мир вокруг просто исчезает.

Моя рука спускается ниже… между её ножек. Не теряя времени, дотрагиваюсь до тонкой ткани трусиков, провожу по центру — горячо, до дрожи.

Отодвигаю их в сторону — там влажно, и это радует до безумия. Нахожу пальцами её чувствительную точку, провожу вокруг, медленно, с нажимом. Тесса начинает ёрзать на мне, её тело

подаётся вперёд, и я чувствую, как теряю последние остатки самообладания.

Её дыхание сбивалось, кожа горела под моими пальцами.

Каждое прикосновение отзывалось в ней тихим дрожанием — будто от внутреннего тока. Она податлива, но не покорена. Упрямая даже тогда, когда сама тянется ко мне. Я ощущаю её пульс — не только под пальцами, но где-то глубже, в самом воздухе между нами.

Я наклоняюсь ближе, прикусываю её нижнюю губу. Она выдыхает, тихо, с хрипотцой.

Запах её желания — терпкий, тёплый, сбивающий голову. Наши движения почти неслышны, но от этого всё только напряжённее. Она хочет этого не меньше, чем я, и каждый её стон говорит об этом громче любых слов.

Мои пальцы находят её ритм, медленно, точно, будто запоминая каждую линию, каждый изгиб.

Она замирает от этой сладкой полноты ощущений. Я чувствую, как она впускает меня в свой темп — мягко, доверчиво, без остатка.

На миг я просто смотрю на неё — распалённую, дерзкую, прикусывающую губу.

Боже… эта женщина создана, чтобы рушить мои границы. Её взгляд говорит больше, чем лю-

бое признание — в нём чувства, страсть и опасная нежность. И я понимаю: *именно эта женщина должна стать всем в моей жизни.*

Каждый её вдох цепляется за мой, и между нами уже нет воздуха, только электричество.

Мои пальцы скользят по её прелестям, медленно, жадно, будто я пробую запомнить каждую линию, чтобы потом сойти с ума от одного воспоминания. Её дыхание становится рваным, губы приоткрываются, глаза закрыты — и в этот миг я понимаю, что держу в руках всё, чего когда-либо хотел.

Её стон — не громкий, но он разрывает тишину салона сильнее, чем любой крик.

Я зарываюсь лицом в её шею, чувствую, как пульс бьётся под кожей. Она пытается что-то сказать, но я не даю ей, и закрываю её рот поцелуем — слишком поздно, мы оба уже давно переступили ту грань, где слова имеют значение. Мир сузился до её дыхания, её движений, этого дикого ритма между нами. Мои движения становятся настойчивее, медленно, но уверенно я диктую ритм, и она подстраивается — будто её тело знает меня давно.

Тесса замирает, будто подхваченная волной, и я чувствую, как дрожь проходит по ней — лёгкая,

но настоящая. Она прижимается ко мне сильнее, будто ищет опору, а я едва удерживаюсь, чтобы самому не потерять почву под ногами.

Её дыхание становится горячее, рванее, каждое движение — признание без слов. Я ощущаю, как через пальцы, кожу, дыхание проходит это электричество, и всё вокруг перестаёт существовать.

Тесса запрокидывает голову, и на мгновение замирает. Свет падает на её шею, на приоткрытые губы, на тонкую линию ключиц — я вижу, как в ней смешались сила и уязвимость.

Я склоняюсь ближе, касаюсь её кожи губами — легко, почти благоговейно. Каждый поцелуй оставляет след, невидимый, но настоящий. Её тело отвечает, будто слышит меня без слов, и в этом мгновении я понимаю: всё, что я делаю, — слишком мало, чтобы выразить то, что внутри.

Она — моя буря. И я — её.

Мы оба тонем в этом чувстве, от которого не спастись.

Глава 34. "Долгая ночь перед рассветом"

--- ~ Александр ~ —-

Вернувшись домой, я долго сидел в тишине, уставившись в одну точку. От меня всё ещё пахло Тессой — её аромат вишни пропитал мой пиджак, рубашку, даже кожу. Не хотел с ним расставаться.

Но усталость взяла своё — веки тяжелели, и я начал клевать носом прямо в кресле. А ведь мне, при нынешнем состоянии, сон сидя противопоказан.

Вдалеке послышались шаги Арчибальда.

— Добрый вечер, сэр. Вам что-нибудь принести?

— Добрый, Арчи. Нет. Набери мне лучше ванну. И бокал виски со льдом. — Конечно, сэр.

Он кивнул и удалился.

Я направился в спальню, стянул с себя одежду. Через минуту в дверях снова появился Арчи.

— Всё готово, сэр. Могу помочь вам сесть в ванну?

— Не нужно, Арчи. Дальше я сам. Иди отды-

хай. — Доброй ночи, сэр.

Я лишь коротко кивнул. Ванна у меня оборудована поручнями — всё приспособлено под человека, который не может ходить.

Иногда это злит. Иногда — просто факт, с которым живёшь.

Погружаюсь в воду, закрываю глаза.

Тепло расслабляется. А мысли снова уносят к Тессе.

Рядом с ней я забываю, что сломлен. С ней дышу, будто снова могу стоять.

Тишина постепенно перетекает в странную вязкость сна.

Я будто стою — да, стою! — на ногах. Огромный зал, шум, голоса, смех. В центре — Тесса. Маленькая, беззащитная. Она обнимает себя, словно хочет спрятаться от всех. Люди вокруг кричат, осуждают. Их лица — искажённые, злые.

Я хочу закричать, защитить её, но слова застревают где-то в горле. Грудь будто сдавило.

Пытаюсь сделать шаг — и чувствую, как ноги вязнут в чёрной, густой грязи.

— Тесса! — вырывается у меня, но даже мой голос тонет в гуле толпы.

Она плачет. Люди хватают её за руки, кто-то толкает, и Тесса вскрикивает.

Я рвусь к ней, изо всех сил, но чем сильнее стараюсь — тем глубже увязаю.

— Прошу! Остановитесь! Не трогайте её!

И вдруг — вспышка ярости. Настолько мощная, что я сам не узнаю свой голос.

— УБЕРИ ОТ НЕЁ РУКИ!

Но никто не слышит.

Из толпы появляется чья-то рука — чужая, мерзкая — и тащит Тессу в тёмный туман. Люди вокруг растворяются, звук глохнет. Я остаюсь один, стою по колено в грязи. Тьма сгущается. И вот уже не вижу ни пола, ни своих рук. Дышать становится нечем.

Паника. Воздух словно выкачали из комнаты. Я бьюсь, машу руками — ищу хоть что-то.

Щелчок.

Я открываю глаза.

Холод. Мокро. Я под водой.

Инстинктивно хватаюсь за поручень, резко выныриваю, жадно вдыхаю воздух.

Проклятие срывается с губ, а сердце колотится так, будто вырвется из груди.

Сон.

Только сон. Но почему, чёрт побери, он казался таким реальным?..

Я долго сижу, тяжело дыша, чувствуя, как вода

всё ещё плещется вокруг меня.

Капли медленно стекают по коже, будто смывают остатки кошмара, но внутри — ничего не смывается. Всё наоборот: тревога только растёт.

Вынырнул я вовремя. Ещё немного — и, может быть, уже не поднялся бы.

Вот так — сгореть не от войны, не от пуль, а утонуть в собственной ванне. Ирония, достойная газетных заголовков.

Провожу рукой по лицу, отбрасывая мокрые волосы назад. Сердце всё ещё колотится, будто я бежал километр без передышки.

Но перед глазами — всё та же картина. Тесса. Её глаза, полные страха. Крик, который застрял у меня в груди. И эта чёртова рука, тащившая её в тьму.

Я не верю в сны. Не верю в знаки. Но этот сон…

Он оставил след. Не просто пугающий — болезненный, будто меня кто-то ударил изнутри.

Я сжимаю кулаки.

Не позволю никому к ней даже приблизиться. Неважно кто.

Выбираюсь из воды, опираясь на поручни. Мышцы сводит, но я злюсь на своё тело — пусть дрожит, пусть болит, но я не дам ему управлять мной.

Пока я дышу — я жив. И я мужчина, чёрт возьми, а не развалина.

Накидываю полотенце, медленно прокатываюсь к зеркалу.

Смотрю на своё отражение — глаза красные, мокрые волосы прилипли к вискам. Но в этих глазах есть то, чего я давно не видел — решимость.

Тесса.

Эта женщина перевернула всё во мне. Она — не просто желание. Она — воздух. И если кто-то посмеет причинить ей боль, я сотру всё к чертям, но не позволю этому случиться.

Беру стакан, с виски. Глоток. Второй.

Жгучая жидкость опускается вниз, но не греет. Не успокаивает. Наоборот — поднимает волны внутри.

Тишина.

Я смотрю в окно на город, который никогда не спит. Где-то там она, возможно, тоже не спит. И я не знаю почему, но чувствую: впереди что-то надвигается. Что-то, что изменит всё.

Я прикусываю губу и шепчу самому себе:

— Не отпущу тебя, Тесса. Ни за что.

Я никогда не думал, что ночь может быть такой длинной.

Каждая минута тянулась, как вечность. Я во-

рочался, засыпал — и тут же просыпался, словно боялся, что стоит закрыть глаза, и этот чёртов сон вернётся, чтобы забрать у меня Тессу.

Страх потерять её становился чем-то живым. Он поселился где-то под рёбрами и шептал, что нельзя терять времени.

Она должна быть рядом. Под моей защитой. Под моей рукой. Там, где я смогу чувствовать её дыхание и знать, что с ней всё хорошо.

К рассвету я уже сдался — сна не было и быть не могло.

Я сидел у окна, глядя, как за стеклом медленно разгорается утро, и думал, что, возможно, впервые за долгое время я по-настоящему жив. Потому что есть ради кого.

Взял телефон и набрал маму.

Она, конечно, не ожидала услышать меня в такую рань. — Александр? Что-то случилось? — в её голосе проскользнула тревога. — Всё в порядке, мама. Просто начни подготовку к помолвке, — произнёс я ровно, почти спокойно. — По приезду — знакомство с родителями Тессы, ужин, всё как положено. Подарки для всех членов семьи, я в этом доверяю тебе. На том конце провода воцарилась тишина.

— К чему такая спешка? Ты уверен? — наконец

произнесла она.

— Абсолютно мама.

Мама выдохнула, и я почти видел, как на её лице появляется знакомая улыбка — лёгкая, но с тенью волнения.

— Хорошо, Александр. Я всё устрою.

Она любит порядок, эти организационные хлопоты для неё — не бремя, а способ держать мир в гармонии.

Я знаю: всё будет сделано идеально.

Пока говорил с ней, уже мысленно прокручивал в голове план.

Джету дан приказ быть готовым к вылету. Всё, что оставалось — забрать мою Вишенку.

Она, наверное, ещё спит, укрывшись одеялом, с растрёпанными волосами, с этим её упрямым выражением лица даже во сне.

Я усмехнулся. В голове всё было просто: она — рядом, три дня покоя, три дня, где мир сузится до нас двоих.

Часы показывали семь утра, когда я выехал.

Улицы ещё дремали — редкие машины, свежий утренний воздух, запах кофе из ближайших пекарен. Я опустил стекло, позволив ветру коснуться лица. Сегодня всё должно было быть иначе. Без колебаний, без "потом".

Когда машина свернула на её улицу, сердце будто сбилось с привычного ритма.

Смешно, конечно. Я привык держать под контролем миллионы долларов, людей, сделки, — но стоило подумать о ней, и весь мой хладнокровный порядок рушился.

Дом Тессы стоял тихо, как будто укутанный в утренний туман.

Я видел, как она вышла — с чемоданом, в лёгком пальто, волосы ещё чуть влажные после душа. Никакого показного лоска — просто она. И от этого выглядела чертовски прекрасно.

Дэвид поспешил выйти и открыть ей дверь.

Тесса подняла глаза, и я уловил в них тот самый блеск — смесь удивления, настороженности и чего-то ещё... тепла, которое она не умела скрывать.

— Доброе утро, мисс Чон, — сказал я, чуть сдержанно, но внутри уже разгорался огонь.

— Мистер Уинтерс, — ответила она с лёгкой усмешкой, отдавая чемодан Дэвиду, — Вы рано сегодня.

— Не люблю опаздывать, — я провёл взглядом по её лицу, по шее, и поймал себя на мысли, что хочу прикоснуться. Но сдержался. — Особенно если речь идёт о важной встрече.

Она опустила глаза, скрывая улыбку, и села в машину.

Дверь мягко закрылась — и снова то ощущение, будто весь мир за пределами салона перестал существовать.

— Как спалось? — спросил я, хотя прекрасно знал, что сам почти не сомкнул глаз.

— Немного беспокойно, — призналась она. — Но утро, кажется, будет интересным.

Я усмехнулся.

— Ещё бы. Мы же летим в Нью-Йорк.

Она посмотрела на меня краем глаза, и на её губах мелькнула тень улыбки.

— А я думала, что вы не из тех, кто лично сопровождает своих сотрудников.

— Верно, — ответил я тихо. — Но ты — не просто сотрудник.

Между нами снова возникло то самое напряжение — тягучее, почти ощутимое.

Она отвернулась к окну, но я видел, как по её шее пробежала лёгкая дрожь. А мне снова стало тесно в собственном теле.

В машине повисла тишина, но не пустая — она была наполнена её дыханием, ароматом её духов, мыслями, которые оба боялись произнести.

Я чуть подался вперёд, глядя на дорогу, но на

самом деле думал лишь об одном:

эта женщина — мой предел и моя слабость. И как бы я ни старался, мне не уйти от того, что хочу, чтобы она принадлежала мне полностью.

-- ~Александр ~ —

Мы садимся в джет, и как только люк за нами закрывается, мир будто стихает. Снаружи — шум, ветер, аэропорт, а здесь — пространство, созданное будто только для нас. Самолёт затаил дыхание, гул турбин плавно уходит вглубь, оставляя нас в коконе тишины и уюта.

Всё здесь — как ода комфорту и вкусу: диваны цвета крем-брюле, бар из тёмного дерева, стеклянные полки, на которых отражается мягкий свет. Кресла, что будто созданы для греховных мыслей — обнимают тело лучше любой женщины. В воздухе пахнет мягким, едва уловимым запахом ванили и кожи, и до боли знакомым — ароматом её духов.

Я заранее всё устроил, чтобы Тесса сидела напротив меня. Мне важно было видеть её. Смотреть, как она двигается, как еле заметно прикусывает губу, когда думает. Я готов смотреть, изучать, читать каждое её движение, каждую тень на лице. Она — как редкое вино, которое нельзя пить торопясь.

Все мои распоряжения, как всегда, выполнены безукоризненно — нас разместили напротив друг друга. И мне хватило пары секунд, чтобы понять: в этом замкнутом пространстве всё начнётся. То, что мы оба давно чувствовали, но упрямо оттягивали.

Дэвид устроился позади нас — бесшумно, сдержанно, как тень.

Стюардессы запорхали вокруг, лёгкие, как ветер в поле, с безупречными улыбками. Они предложили напитки, и я, не задумываясь, заказал нам завтрак — лёгкий, ненавязчивый, утончённый. Фруктовая тарелка — сочные кусочки манго, клубники и киви; тёплые круассаны с маслом; и, конечно, латте с солёной карамелью. Я знал, что Тесса, скорее всего, даже кофе с утра не успела выпить. А чтобы разговор получился добрым, женщина должна быть сыта и довольна.

Тесса сидит напротив — лёгкая, дерзкая, с ногой, небрежно закинутой на колено.

Она ест неторопливо, с той грацией, которая не требует усилий. Каждое движение — будто выверено природой. В ней нет показной изысканности — только уверенность и женственность, которая сводит с ума больше, чем откровенность. Я смотрю на неё и не могу отвести взгляда. Она

чертит по моей душе острым лезвием — мягко, но больно. Ни в одном углу моей жизни раньше не было столь плотной концентрации желания и спокойствия одновременно. Она — мой хаос, обёрнутый в шелк самообладания. — Ты решила сегодня покорить небо натощак? — спрашиваю я, когда стюардесса ставит перед ней чашку. Она поднимает глаза. — А вы решили меня кормить, чтобы потом манипулировать сытым желудком? — С доброй и сытой женщиной можно говорить о серьёзных вещах. Тесса хмыкает, откидывается в кресле, делает глоток латте. Её губы касаются края чашки, и я ловлю себя на мысли, что смотрю слишком пристально. — И что же за серьёзные вещи вы задумали обсудить на высоте десяти тысяч метров? — Ничего страшного, — отвечаю спокойно.

Самолёт выруливает на взлётную, и как только колёса отрываются от земли, я чувствую этот толчок в груди — тот самый, когда разум сдается телу.

Я не отрываю глаз. И снова думаю, что держать дистанцию — это не про неё.

— Что? — спрашивает она, заметив, как я буквально прожигаю её взглядом.

— Просто смотрю, — отвечаю я с лёгкой усмеш-

кой. — И не понимаю, как вообще жил без этого вида.

Она приподнимает уголок губ. Хитро. Женственно.

— Может, начнёшь есть свой завтрак, мистер наблюдатель?

Я улыбаюсь краем губ, но руки так и не тянутся к прибору. Внутри дрожь. Не от полёта — от предчувствия.

Я знаю, что между нами надвигается не просто разговор — это столкновение, игра, возможно, даже признание.

Когда самолёт выходит на крейсерскую высоту, я откидываюсь в кресле, сцепив пальцы на коленях.

И, глядя прямо ей в глаза, произношу спокойно, как будто обсуждаю деловой контракт:

— Кстати… Я сообщил маме, чтобы она начала готовить всё к нашей помолвке. По возвращении всё будет готово — кольца, ужин, знакомство с твоими родителями.

Она моргает — спокойно, почти без эмоций. Но я вижу, как в её глазах на секунду вспыхивает огонь.

— Вот как? — тянет она. — Так просто? Думаешь, всё уже решено?

— Уверен, — отвечаю без колебаний. — Я не привык тянуть то, что и так очевидно.

— Хм… — Она делает вид, будто размышляет, потом наклоняет голову и, чуть прищурившись, говорит мягко, но с колкостью:

— А может, я передумала? Может, ты меня ещё не заслужил. Подключи голову, мистер Уинтерс. Мне нужно, чтобы ты постарался. Покажи, что ты не только деньги и статус. Ведь добыча сладка тогда, когда за неё борются… верно?

Я смеюсь. Настояще, с низким хрипом в голосе.

— Значит, игра?

— Именно, — отвечает она и скрещивает руки на груди, как будто ставит между нами стену. — Но предупреждаю: я играю жёстко.

— Прекрасно, — усмехаюсь. — Тогда сыграем в шахматы. Но не в обычные.

— В шахматы? — Она подаётся вперёд, глаза сверкают. — Что ты задумал, Уинтерс?

— Проигрываешь фигуру — снимаешь вещь. — Я говорю спокойно, деловым тоном, будто оглашаю правила сделки. — Играем на раздевание. Каждая потеря — шаг к поражению. Или к победе.

Её смех — мягкий, как шелк, и в нём сквозит провокация.

— Значит, ты хочешь рискнуть, мистер Уинтерс?

— Я не против проиграть пару пешек, если это приведёт к нужному финалу.

Она прищуривается, потом медленно наклоняется ко мне.

Её голос становится ниже, почти шёпотом — Тогда готовься. Я не стану тебе поддаваться.

— Возможно, — отвечаю, глядя прямо в её глаза, — мне придётся сделать ход, после которого ты сама захочешь сдаться.

Она улыбается — медленно, с вызовом.

И в этот момент я понимаю: между нами нет ни победителей, ни проигравших. Есть игра, где ставки слишком высоки, чтобы отступать.

Колёса джета мягко касаются взлётной полосы, и в груди будто что-то щёлкает. Нью-Йорк встречает нас неоновой серостью и промозглым ветром — типичный утренний город, где даже воздух пахнет деловыми костюмами и срочными встречами.

Я смотрю в иллюминатор, как капли дождя бегут по стеклу, и чувствую, как внутри возвращается то старое, неприятное чувство — будто меня снова затягивает в игру, из которой я когда-то выбрался с трудом.

Люк открывается, и навстречу сразу бросается гул. Внизу уже ждёт делегация — представители фармацевтического гиганта**“Helix International”(«Хеликс Интернэшнл»)**, которых мы будем защищать в суде. Трое мужчин в строгих костюмах, женщина в очках с золотой оправой, и парочка помощников с папками и телефонами. Всё чинно, сухо, корпоративно.

И всё равно, от их напряжённых лиц веет тревогой — как от людей, чья репутация трещит по швам.

Я спускаюсь по трапу первым, Тесса идёт следом — спокойная, собранная, с той самой лёгкой улыбкой, которая одним видом способна растопить мой лёд.

— Мистер Уинтерс, — протягивает руку старший представитель компании, мистер Кларк. — Благодарим, что нашли время лично возглавить защиту. — Это не альтруизм, — отвечаю сухо. — Это профессиональный интерес.

Он нервно усмехается. Все вокруг мгновенно замирают в почтительной паузе, когда Тесса подходит ближе — на ней деловой костюм глубокого изумрудного цвета, и даже мужчины, привыкшие к акульим переговорам, на секунду теряют ход мысли.

В машине до конференц-центра Кларк в общих чертах излагает стратегию: три иска, обвинения в манипуляции исследованиями, подкуп экспертов, подрыв репутации. Всё серьёзно. Но я слушаю его вполуха — город за окном шумит, пульсирует, живёт, и я чувствую, как каждый его звук пробуждает во мне прошлое.

Конференц-зал ослепляет светом.

Сотни камер, журналисты, вспышки — каждый взгляд цепляется за меня, будто за трофей. Я не появлялся на публике почти два года, и теперь ощущаю на себе этот голодный интерес прессы. Всё, что я когда-то умел игнорировать, сегодня возвращается с утроенной силой.

Я направляюсь к подиуму, и колёса кресла катятся по ковровому покрытию с едва слышным звуком. Зал словно замирает. Люди всегда реагируют одинаково — лёгкое замешательство, мгновенный взгляд вниз, и потом натянутая вежливость. Я привык к этому. Привык к тому, как мир пытается делать вид, будто ничего не замечает.

Я вижу, как кто-то из журналистов исподтишка фотографирует мои руки на колёсах. Холодная волна проходит внутри, но лицо остаётся каменным.

Тесса идёт рядом, чуть позади, её шаги лёгкие и уверенные. Когда мы приближаемся к сцене, она наклоняется, и её пальцы едва касаются моей руки — почти невесомо, но я чувствую это до дрожи.

Этот короткий жест — как спасательный круг. Она чувствует мой внутренний зажим. И своим присутствием будто даёт понять: *ты не один*. Не демонстративно. Не из жалости. Просто тихая, уверенная поддержка.

Я поднимаю взгляд — и встречаю десятки объективов.

Камеры уже нацелены на нас. Каждая вспышка — как выстрел.

Но я не отвожу глаз.

Пусть смотрят. Пусть видят не инвалида, а человека, который пережил больше, чем они способны понять.

На сцене — логотип компании, микрофоны, пресс-листы, и ощущение, что воздух стал на градус плотнее.

Я говорю уверенно, голос поставлен — Наша команда готова отстаивать интересы “Helix International”. Вся информация, представленная оппонентами, искажена и не имеет юридической силы. Мы действуем строго в рамках закона.

Журналисты терпеливо ждут, пока я закончу, а потом начинается то, чего я ожидал, но всё равно ненавижу — вопросы.

Камеры приближаются. Вспышки бьют в глаза.

— Мистер Уинтерс, — первая журналистка с микрофоном “CNN”, — вы вновь в Нью-Йорке. Это значит, что вы вернулись к публичной жизни после… вашего расставания с Изабеллой Харпер?

Я чувствую, как челюсть напрягается. Секунда — и мир вокруг будто сужается.

— Я здесь по делу, мисс. — мой голос холоден, как лёд. — Личная жизнь не обсуждается на профессиональных площадках.

— Но правда ли, что вы поддерживаете с ней отношения? — не унимается другая, с табличкой “New York Times”.

— Правда ли, что именно она настояла, чтобы вы покинули Лондон?

Кулаки сами сжимаются на коленях.

С каждым вопросом во мне растёт раздражение — не от того, что они спрашивают, а от того, что я чувствую себя снова загнанным. Как в тот день, когда всё рухнуло.

Тесса наклоняется чуть ближе и тихо, почти шёпотом говорит:

— Не трать нервы на мёртвое прошлое, Алекс.

Пусть питаются крошками.

Я перевожу взгляд на неё. В её глазах — сталь и тепло одновременно.

Одним этим взглядом она возвращает мне контроль.

Я выпрямляюсь, наклоняюсь к микрофону и произношу спокойно, отчётливо:

— С Изабеллой Харпер нас связывает только прошлое. У меня нет привычки жить оглядкой назад. Если для кого-то это новость — запишите. Тесса сидит рядом, расстояние между нами меньше метра, её присутствие я чувствую даже не глазами — спиной, кожей, всем телом. Она не вмешивается, не пытается прикрыть меня. Она просто рядом. И это даёт мне ту самую уверенность, которую не купить ни за какие деньги.

Журналисты что-то бурно обсуждают, камеры вспыхивают, но я уже не слушаю.

Тесса кладёт ладонь на моё запястье под столом — не демонстративно, а тихо, как умеет только она. Я отвечаю тем же, легким нажатием пальцев.

И впервые за долгое время чувствую, что дышу свободно.

Не потому что забыл прошлое. А потому что рядом — человек, ради которого теперь хочется

не просто выжить, а победить.

Глава 35. «За тонкой дверью»

-- ~ Тесса ~ —

Нью-Йорк встретил нас холодным воздухом и сухим ветром, пахнущим асфальтом и тревогой. Внизу под крылом самолёта тянулись огни — длинные, как нервы, блестящие змейки улиц. Я всегда любила этот город, но сегодня он казался слишком громким, слишком живым, как будто нарочно хотел напомнить Александру, что жизнь вокруг идёт дальше, даже когда тебе больно.

Когда самолёт мягко коснулся полосы, я бросила взгляд на него.

Он сидел неподвижно, взгляд устремлён куда-то за илюминатор. Плечи прямые, пальцы на подлокотнике напряжённо сжаты — будто сдерживал себя от внутреннего рывка. Я знала это выражение. Это была его броня. Та, что держала его на плаву, когда весь мир хотел видеть, как он тонет.

У выхода нас уже ждала делегация — строгие костюмы, холодные улыбки, фразы вроде:

— Мистер Уинтерс, миссЧон, мы так рады приветствовать вас в Нью-Йорке. И вся эта фальшь,

этот корпоративный блеск, как витрина, за которой прячут нервы, запах пота и страха перед грядущим судом.

Александр молча кивнул, его руки легли на ободки колёс кресла. Я шла рядом, почти вплотную, стараясь быть не обузой, а поддержкой — той самой тенью, которая всегда готова подставить плечо, но никогда не затмевает свет.

Конференц-зал “Helix International” ослеплял блеском стекла, микрофонов и чужих амбиций.

Журналисты то и дело задевали его за живое, возвращали к тем воспоминаниям, от которых он пытался отгородиться. — ***Мистер Уинтерс! Правда ли, что вы до сих пор общаетесь с Изабеллой Харпер? — Александр, как вы себя чувствуете после аварии? — Вы жалеете о своём уходе из HarperCo?***

Он не моргнул. Его голос был стальным, ровным, холодным:

— Я не комментирую личную жизнь.

И всё. Без эмоций. Но я видела — под этим спокойствием бушует буря.

Он прищурился, челюсть напряглась, пальцы побелели от напряжения. Я почувствовала, как воздух вокруг него стал плотным. Этот город, эти люди, их голоса — всё рвало его старые шрамы,

заставляя вновь проходить через боль.

Я наклонилась к нему и тихо прошептала:

— Не трать нервы на мёртвое прошлое, Алекс. Пусть питаются крошками.

Он бросил короткий взгляд — благодарный, тёплый.

Одного мгновения хватило, чтобы я поняла: он держится. Хоть и с трудом.

После пресс-конференции нас пригласили в отдельный зал — встреча с владельцем “Helix International”, Хеликсом Кингсли.

Он был воплощением нью-йоркской власти: высокий, безупречно собранный, с лёгкой улыбкой и взглядом, от которого хотелось держаться настороже.

— *Мисс Чон,* — он протянул мне руку, чуть задержав прикосновение, — *вы проделали колоссальную работу. Ваша аргументация в прошлом деле была… впечатляющей.*

Я улыбнулась вежливо, но в глубине зала уловила ледяной взгляд Александра. Он не произнёс ни слова, просто наблюдал — ровно, спокойно, но его пальцы снова чуть сжались на подлокотнике.

Кингсли продолжал говорить, обращаясь к нам обоим, но его взгляд слишком часто возвращался

ко мне.

Я чувствовала, как напряжение между мужчинами становится почти ощутимым — как электричество перед грозой. Александр не вмешивался, но его молчание было громче любого слова. Это была та самая тишина, что давит, заставляя других нервничать.

В отель мы прибыли поздним вечером.

“The Empire Grand” — роскошный, сверкающий, будто сам Нью-Йорк собрал свои лучшие иллюзии в одном здании. Нас провели через мраморный холл, где пахло свежими орхидеями и кофе, а свет мягко отражался от хрустальных люстр. Менеджер сообщил, что номера зарезервированы владельцем “Helix International” лично для нас. — *Ваши апартаменты совмещены, мистер Уинтерс. Как вы просили.*

Я замерла.

Совмещённые. Между нами — только тонкая дверь. Он обернулся, и я поймала его взгляд. Без намёков, без флирта — просто уверенность. Решение. Он привык держать всё под контролем, даже расстояние между нами.

Его люкс — строгий, глубокий, в сдержанных оттенках серого и синего. Панорамное окно открывало вид на Манхэттен, где огни казались

бесконечными.

Мой — мягкий, светлый, с ароматом ванили и жасмина. Почти контраст, но как будто идеально дополняющий его.

Дэвид занёс багаж, оставил карточку на тумбе, а потом, словно невзначай, достал из внутреннего кармана небольшой футляр.

В нём — телефон. Не обычный. Матовый корпус, на экране — эмблема“ Winter Security”. Эксклюзивная модель, доступная только для своих. — Мисс Чон, — он подал устройство двумя руками, как нечто большее, чем просто вещь. — Если что-то понадобится — свяжитесь через этот канал. Защищённая линия. Никто не подслушает. Я подняла бровь, чуть усмехнувшись — Настолько серьёзно? — Распоряжение мистера Уинтерса, — спокойно ответил он. — Для вашей безопасности. И его спокойствия.

Я кивнула, приняв телефон, чувствуя вес — не только устройства, но и того, что стояло за ним.

Этот человек не делал ничего просто так. Даже способ остаться на связи с ним превращался в часть его контроля.

Позже, стоя у двери, разделяющей наши комнаты, я положила ладонь на прохладное дерево.

По ту сторону — он. Я слышала, как тихо скрип-

нуло колесо кресла, как он остановился. Тишина. Мгновение — и я почти почувствовала, как он собирается постучать. Моё дыхание сбилось. Но... ничего.

Тень в его комнате шевельнулась — и медленно отдалилась.

Я стояла, слушая, как стихает шум за дверью, и думала, что, может быть, у каждого из нас есть своя дверь, за которой мы прячем не тело — а боль, к которой пока не готовы прикоснуться.

Моё ожидание растворилось в этих люксовых апартаментах. Тишина была почти осязаемой — густой, как мёд, в ней тонул шум города.

Видимо, Александру нужно было побыть одному. Переварить всё, что случилось сегодня. Его можно понять — конференция выжала его до последней капли. Каждый вопрос журналистов был, как выстрел в старую рану. И хоть снаружи он держался безупречно, я видела, как внутри он снова проживает ту боль, что когда-то едва не сломала его.

Я прошлась по комнате, скользя пальцами по гладкой поверхности стола, по тяжёлым шторам, по прохладному стеклу окна. Нью-Йорк внизу горел, как нервный импульс.

Я открыла чемодан, достала свой пижамный

комплект — шёлковые расклешённые штаны цвета жемчуга, тонкую майку и длинный, мягко струящийся халат в пол. Халат пах новым домом и чем-то сладким, уютным.

Ванная комната здесь была как из глянцевого журнала: просторная, выложенная белым мрамором с прожилками серебра, подсветка мягко стекала по стенам, будто тёплый закат. Огромная ванна стояла у панорамного окна, из которого открывался вид на ночной Манхэттен — светящиеся башни, движение огней, будто сам город дышал подо мной.

На полках — целая коллекция ароматных масел, баночки с солями, флаконы с пеною, каждая с пометкой “для восстановления”.Иронично. Восстановление. Возможно, это то, что нам обоим сейчас нужно.

Я включила тёплую воду, добавила немного пены с ароматом сандала — глубоким, тёплым, почти мужским. Стянула с себя одежду, и, когда кожа встретилась с влажным воздухом, всё напряжение дня будто осыпалось.

Вода обволакивала тело, приглушая мысли, растворяя их, как чернила.

Я опустилась в ванну, закрыла глаза.

Тепло. Покой. Музыка едва слышно струится из

наушников — медленные ритмы, будто сердце, которое наконец-то разрешили не биться в панике. Я глубоко вдохнула — этот запах сандала смешался с ароматом кожи, и я поймала себя на мысли, что он немного напоминает Александра. Тот же терпкий оттенок силы и чего-то хрупкого внутри.

Меня накрыло спокойствие, редкое, хрупкое, как первый снег.

Я расслабилась, позволив телу утонуть в этом ощущении дома. Дверь даже не закрыла — зачем? Никто ведь не зайдёт…

Я улыбнулась этой мысли и снова закрыла глаза, не зная, что за тонкой перегородкой кто-то сидит в тишине, не в силах уснуть, прислушиваясь к звукам воды, к моему дыханию, к той самой тишине, в которой мы оба искали покой.

-- ~Александр ~ —-

Прилетев в этот город, меня накрыло волной прошлого. Нью-Йорк встретил меня неоном, холодным ветром с Гудзона и запахом жареных каштанов, от которого когда-то кружилась голова у Изабеллы.

Каждый перекрёсток будто шептал:*“Помнишь?”*

Я помнил.

Эти улицы — немое досье моей юности. Тот самый мост в Бруклине, где я впервые поцеловал её, держа за руку, пока над нами плыли огни города. Маленькое кафе на углу Сохо, где мы прятались от дождя, смеялись, делили один кофе на двоих, и где она оставила след от губной помады на моей чашке. Парк у Бэттери, где мы танцевали под скрипку уличного музыканта, не обращая внимания ни на кого — будто мир схлопнулся до нас двоих. И всё это теперь — будто кинохроника, выцветшая, но болезненно чёткая.

Я ошибся в человеке. В женщине.

Ошибся так, что расплачиваться пришлось не только сердцем, но и телом. *Как я мог не заметить, что она — мой самый опасный выбор?* Я задал себе этот вопрос, глядя в окно лимузина, когда мы въезжали в Манхэттен. Но ответа не нашёл.

Теперь рядом со мной — другая.

Тесса. И если Изабелла была ураганом, который разрушил всё, то Тесса — штиль после бури. В ней нет лжи, показного блеска, только тепло и реальная сила — тихая, настоящая.

Я специально сделал так, чтобы наши номера были совмещены. Хотел, чтобы она была рядом, чтобы даже через стену чувствовать её дыхание.

Её присутствие — мой якорь в этом море воспоминаний.

Когда администратор сообщил, что комнаты соединены дверью, я заметил, как Тесса чуть нахмурилась. Я уже готовился к возмущению, к её колкому “серьёзно?”, но она только кивнула. Не сказала ни слова. И этим безмолвным согласием сделала для меня больше, чем могла бы любая поддержка вслух.

На встрече с Кингсли я с трудом удерживал себя. Этот тип слишком уж часто позволял себе задерживать взгляд на ней. Пожал руку, улыбался — и смотрел на Тессу так, будто перед ним не юрист по его делу, а лакомый кусочек торта, к которому он уже прикинул, с какой стороны удобнее подступиться.

Так и хотелось намекнуть Дэвиду слегка “выровнять ему прикус”, если он продолжит смотреть в том же направлении.

Но я молчал. В груди всё свело в тугой узел. Он смотрел на неё слишком долго. Слишком открыто. А я сидел и чувствовал, как под кожей медленно закипает кровь. Пальцы сами сжались в кулаки — не от ревности даже, а от чистого, животного желания сорваться и поставить его на место. Каждый его взгляд на Тессу был как

пощёчина, и я ловил себя на мысли, что вот-вот потеряю контроль. Внутри клокотало, будто кто-то подлил бензина в уже тлеющий костёр. Я молчал, но взглядом резал его до крови. Хотелось одним взглядом выжечь у него эту самоуверенность, заставить понять: — есть вещи, к которым лучше не приближаться.

После конференции я был выжат.

Сцена, свет, вспышки, вопросы журналистов — всё это выдернуло наружу то, что я тщательно хоронил. Имя Изабеллы прозвучало в микрофон — и на секунду у меня пересохло горло. Они спрашивали, видимся ли мы, общаемся ли, какие у нас отношения. Я отвечал ровно, холодно, как положено. Но пальцы непроизвольно сжались в кулак. Тесса заметила. Я видел, как она смотрела — спокойно, без паники, с какой-то непостижимой верой в меня. Этого оказалось достаточно, чтобы я не дал себе сорваться.

Когда мы вернулись в отель, я решил оставить её в покое. Пусть тоже выдохнет.

Она не обязана тянуть мою боль на себе, хотя, кажется, делает это даже неосознанно.

Тишина.

Я сижу у окна, в кресле, глядя на город, который когда-то был всем, а теперь — просто декорацией

к моей внутренней пустоте. С той стороны стены — она. Я чувствую. Слышу, как вода льётся в ванной, как она передвигается по комнате, как ставит что-то на стол. И эта простая бытовая симфония возвращает мне ощущение жизни, которое я давно потерял.

Я провожу ладонью по подлокотнику кресла и мысленно улыбаюсь.

Если бы кто-то сказал, что одна женщина сможет вытащить меня из тьмы — я бы рассмеялся. А теперь просто слушаю её дыхание за тонкой дверью… Я не выдерживаю — направляюсь к ней в комнату. Сначала постучал — тишина. Ещё раз. Ни звука. Дёрнул за ручку — дверь поддалась. Странно. Обычно она осторожна, закрывает всё за собой.

Двигаюсь дальше, осматриваюсь. Ловлю её аромат — тёплый, чуть сладковатый, и он будто впивается в кожу. Вдыхаю глубже, прикрываю глаза от удовольствия.

Слышу звук воды. Льётся — мягко, ритмично. Понимаю: Тесса в ванной.

Стоял пару секунд, борясь с собой: войти или уйти к чёрту, пока не поздно. Но, как назло, первая мысль всегда побеждает вторую.

Приоткрываю дверь, тихо, ровно настолько,

чтобы заглянуть.

Если судить по моей прошлой жизни, женские тела я видел. Много.

И не просто видел. Но то, что сейчас передо мной — словами не передать. Это зрелище было слишком совершенным, чтобы отвести взгляд. Это не просто тело. Это искусство. Сквозь пар и блики света я увидел её — Тессу, расслабленную, погружённую в свой мир. Она лежит в ванне, пена мягко ложится на её кожу — чуть прикрывает грудь, скользит по шее, плечам. Но не скрывает. Нет, наоборот — подчеркивает. Я вижу всё. Соски, которые будто дразнят меня — слишком настойчиво, чтобы отвести взгляд.

Она в наушниках, тихо напевает под музыку, слегка покачивая ногой в воде. Мягкой губкой, вся в пенной роскоши, медленно проводит по телу. Волосы упали на одно плечо, и свет скользит по линии ключиц, заставляя её кожу блестеть.

Она словно создана, чтобы сводить меня с ума. Возможно, я выглядел последним придурком, подглядывающим через приоткрытую дверь. Но мне было плевать. Я просто стоял, не в силах двинуться.

Но вдруг — она чувствует мой взгляд.

Поднимает глаза. А я, как идиот, застываю, не

зная, куда деться. Поздно. Пойман с поличным.

— Ах ты, скотина, Уинтерс! — закричала Тесса и метнула в меня мыльную губку.

Я не успел увернуться — и всё, смех вырывается сам.

Она злится — по-настоящему, но даже в этом злом блеске есть что-то невыносимо милое. Стоит там, вся в пене, старается спрятаться, но от неё прячется только пена, не тело.

— Прости, дорогая, я не удержался, — смеюсь, приближаясь ближе.

— А ну пошёл вон отсюда! — рычит моя пантера.

А меня это только больше забавляет.

— Если ты не заметила, сладкая, я давно уже не способен ходить, — ухмыляюсь, ловя её взгляд, в котором и ярость, и смущение, и искра.

— Тогда катись отсюда, Уинтерс! Или ты ещё и глаз лишишься!

Она хватается за всё, что под руку попадётся — флакон, щётка, мыло — и начинает швырять в меня, а я уворачиваюсь как могу, смеясь.

Мою дикую, взбешённую кошку этим, конечно, не остановить.

— Ладно, ладно, ухожу! — сдаюсь, пятясь к двери. — И, кстати… попка твоя — ммм… вели-

колепна.

Закусываю нижнюю губу, не скрывая довольной ухмылки.

— Я сказала — пошёл вон!!! — визжит она, но я замечаю, как уголки её губ дрогнули — едва заметно, но всё же.

Она дотягивается до бутылька и уже замахивается. Я быстро разворачиваюсь, ухмыляюсь и вылетаю из ванной, пока цел.

За спиной слышится её смешок — короткий, раздражённый, но настоящий.

И всё внутри меня чертовски ликует.

Чёрт возьми, эта женщина сведёт меня с ума.

И, если честно, я не против.

Глава 36. "Партия на двоих"

-- ~Тесса ~ —

Это что было только что? Александр стоял в дверях и смотрел на меня так, как будто я — редкий экспонат, привезённый с чёртовой полки удовольствий. Блеск в его глазах можно было увидеть с космоса: желание, хищность… Мне не приходилось видеть ничего подобного даже у самых свирепых хищников. Это была чистая, голодная жажда. Та, от которой у нормальной женщины либо дрожат колени, либо вспыхивает ярость. У меня, разумеется, второе.

Я смыла с себя пену, вылезла из ванной, натянула нижнее бельё, пижаму и накинула халат — и буквально вылетела из ванной, как из катапульты. Вытираю волосы на ходу, завязываю пояс потуже, и в голове один мыслевсплеск: как он посмел?

Если бы взглядом можно было убивать, Уинтерс бы уже не пил свой виски, а валялся в виде красивого обугленного пятна на паркете.

Он, кстати, именно это и делал — сидел у бара, спокойно, будто ничего не случилось.

В руке — бокал с янтарной жидкостью, в глазах — довольство хищника после удачной охоты. Повернулся ко мне через плечо и... улыбнулся. Самодовольно. Провокационно.

— Какого чёрта это было, Уинтерс? — взорвалась я с порога. Голос сорвался на крик, но я даже не пыталась его сдерживать.

Он не торопясь развернул кресло. Вид, который открылся мне, говорил сам за себя: величественно, деловито — как будто он на заседании совета директоров, а не в моей комнате.

На коленях — шахматы. Не просто шахматы, а дизайнерский набор из чёрного оникса и белого мрамора, с золотыми вставками. Дорогие, как грех, и такие же притягательные.

— Возможно, ты забыла, дорогая, что обещала мне увлекательную партию, — усмехнулся он, глядя прямо мне в глаза.

И этот его тон… спокойный, уверенный, с тенью вызова. Как будто всё под контролем, включая меня. В кресле он выглядел вдвойне увереннее: человек, который знает правила и умеет их менять.

Я шла к нему, халат прилипал влажными складками, волосы ещё мокрые, щеки горячие. Хотела кинуться с криком — растерзать за то,

что подсматривал — но получилось смешно. Раздражение смешалось с тёплой злостью, а тёплая злость — она, признаться, почти приятна.

— И ты не мог подождать, пока я выйду? — продолжила я, перетягивая халат на плечо и делая вид, что мне холодно. — Стоял и подсматривал за мной! Я ведь не врываюсь к тебе в ванну! — Врывайся, дорогая, — усмехнулся он. — Я буду только рад. И на тебя посмотрю заодно. Я начала метаться по комнате, кидая взгляд на всё подряд — подушки, пульт, журнал, что угодно, чтобы не встретиться снова с этим его взглядом. Потому что этот взгляд прожигал. И чем больше я злилась, тем сильнее внутри поднималось что-то другое — опасное, горячее. — Ты уже всё видел, — буркнула я, поворачиваясь к нему. — Так зачем тебе эти шахматы на раздевание? Что ещё хочешь увидеть? Он чуть склонил голову, и улыбка исчезла. Голос стал низким, твёрдым — Я хочу видеть это всегда. Всю оставшуюся жизнь. Слова повисли в воздухе — тяжёлые, искренние, не о сексе, а о настоящей плоти намерений, о чувствах. На секунду я даже забыла, что злюсь. Сердце ухнуло в пятки, и я резко отвернулась — чтобы он не заметил, как сильно эти слова задели меня. — Ты хитёр как лис, — выдохнула я,

сдерживая улыбку, которая никак не хотела убираться. — Ну так что? — сказал он, делая глоток виски и постукивая пальцами по краю шахматной доски, — Ты готова проиграть мне, Тесса Чон? Я подошла ближе, немного наклонилась к нему и встретила его взгляд. В нём — ни капли сомнений, только эта тёплая, наглая уверенность, от которой внутри всё сжимается. — Только если ты готов проиграть*мне*, Уинтерс. И, кажется, на его лице впервые промелькнул тот самый огонь — не ледяной взгляд серых глаз, а чистое, тёплое, человеческое желание. Он не двинулся, не сказал ни слова, просто смотрел — будто проверял, насколько близко я осмелюсь подойти. А я стояла, чувствуя, как между нами искрит воздух, и поняла: злость слабеет, а вместо неё поднимается что-то куда опаснее. Он улыбнулся — медленно, чуть лениво, будто уже знал, что победа за ним. И в этой улыбке было не столько самодовольство, сколько уважение — к игре, и к противнику. Александр налил виски, протянул мне бокал и, не сводя взгляда, произнёс — Для храбрости.

Лёд звякнул о стекло, будто смеялся надо мной.

Я сделала глоток — крепкий, обжигающий, точно его взгляд.

— Готова? — спросил он. Голос низкий, спокой-

ный, но в этой «спокойности» слышался задор.

— Готова, — ответила я, затягивая пояс халата потуже.

Он усмехнулся, сделал плавный, почти театральный жест, указывая на кресло, — словно приглашал не к партии, а к поединку.

Доску он выставил между нами с тем самым педантичным изяществом, что было в каждой его привычке. Это был не просто шахматный набор — а произведение искусства. Тяжёлая резная доска, холод мрамора под пальцами, фигуры из слоновой кости и тёмного дерева, ферзь с гравировкой «W» — метка владения, власти, его почерка. Даже ладьи выглядели так, будто помнили десятки сыгранных им побед.

Я провела пальцами по гладкой поверхности, ощутив под кожей твердь, холод, уверенность. Между нами пролегала не просто шахматная линия — тонкая граница желания и провокации.

— Правила прежние, — произнёс он с лукавой ноткой. — Каждая срубленная фигура — минус одна вещь. Не спорим — до конца.

— Не надейся, что я лёгкая добыча, — подмигнула я. — Тихо молись, чтобы к концу партии тебе не пришлось сидеть в одних запонках.

На мои слова он лишь усмехнулся — чуть,

краем губ, но так, что по спине прошёл электрический разряд. Эта улыбка — редкая добыча. Её не купишь и не выманишь, она появляется только тогда, когда ему действительно интересно. Каждый раз, когда она проскальзывает на его лице, мир будто делает паузу, воздух становится гуще, а сердце стучит чуть громче. Улыбку Уинтерса увидеть — всё равно что застать северное сияние в одиночку: красивое, непредсказуемое и чертовски завораживающее явление.

— Белые или чёрные?

— Чёрные. — ответила я.

Партия началась.

Я смотрела на него и ловила мелочи: как небольшая морщина у виска появляется, когда он сосредоточен; как пальцы, касаясь фигуры, дрожат на мгновение; как глаза — серые, строгие — становятся мягче, когда смотрят на меня. Взгляд цепкий, будто он не только играет, но и просчитывает мои мысли. Эти детали были для меня дороже откровений.

— Ты слишком серьёзен, Уинтерс, — сказала я, когда его ферзь съел мою ладью. — Как хирург: точно, аккуратно, и без капли сожаления. — Это и есть стратегия, — отозвался он, — но ты-то знаешь: стратегия — скучная часть, удовольствие

в другом. Он откинулся в кресле, и я почувствовала, как он наблюдает, как будто ждал, что я сделаю. Я медленно развязала пояс халата. Ткань соскользнула с плеч, оставляя кожу открытой для взгляда. Его губы дрогнули в тени улыбки, но он не шелохнулся — вот же мерзавец, выдержка как у камня."Рано расслабился", — мелькнуло у меня в голове. Как говорил профессор Гринвард: *дай сопернику почувствовать победу, и считай секунды до его поражения*. С каждой потерянной пешкой в комнате становилось тише, и этот звук — пустоты — звучал громче всяких слов. Я выигрывала — и одновременно знала, что теряю не только одежду, но и защиту, которая привычно казалась моей бронёй. Это было страшно и возбуждающе одновременно. Я ловила себя на мысли: а не в этом ли и заключается романтика? — Ты не расслабляйся, — предупредила я, когда ему оставалось сделать довольно рискованный ход. — У меня ещё достаточно сюрпризов. Он улыбнулся уголком губ, переставил коня и сказал: — А я люблю риск. Особенно если он приводит к хорошему финалу. Мы обменивались парой колких «тактических» замечаний, смеялись, спорили о правилах, хотя оба знали — правила писаны не для нас. Он иногда делал вид, что теряет фокус, а я — что не

замечаю его украдкой скользящего взглядом по моей шее. Это была игра на предельной концентрации: кто первым сдастся — тот и проиграл. Я уже сняла с Александра пиджак, туфли, носки… Теперь между нами почти не осталось барьеров. И всё же я дрожала от странного чувства близости, которое с каждой секундой становилось плотнее. Мы оба знали: ещё немного — и одежда перестанет иметь значение. Его взгляд прожигал сквозь ткань, кожа отзывалась на каждый его жест. Мы сидели почти раздетые, но на самом деле — до предела обнажённые душой. Воздух будто сгустился между нами, пропитанный теплом и напряжением. Его движения были точны, уверены, как у человека, привыкшего побеждать, а мои — дерзки, непредсказуемы, как у той, кто не собирается сдаваться. Он шёл на рискованные ходы, я отвечала на них дерзостью — и между нами натянулась нить, хрупкая, как стекло, и горячая, как огонь.

Иногда он подолгу задерживал взгляд — на моих губах, на шее, на каждой мелочи, где дыхание выдавало моё волнение. А я делала вид, что не замечаю. Хотя замечала всё. Каждый его вдох. Каждое мельчайшее движение.

На очередном ходу он забрал мою фигуру — не

решающую, но значимую. И в ту же секунду я почувствовала, как воздух между нами будто вспыхнул. Его пальцы едва заметно дрогнули, в глазах загорелся знакомый голод — хищный, нетерпеливый. Он ждал.

— Ну что, — произнёс он тихо, с опасной усмешкой. — Правила есть правила.

Чёрт… На мне только пижама и бельё. И, конечно, именно сегодня — тот самый комплект, который кричит «не смотри» и «смотри» одновременно.

Я подняла глаза, медленно встала, чувствуя, как сердце грохочет в груди. Его взгляд прожигал каждое моё движение. Я неторопливо стянула с себя штаны, и ткань мягко скользнула по коже, оставив за собой едва заметный холод.

Под столом почти ничего не видно — но это «почти» его явно не устраивало. Александр следил за мной, не моргая. Взгляд стал тяжелее, глубже. Он провёл языком по губам — медленно, с той ленивой уверенностью мужчины, который знает, что его ждёт.

Комната будто сжалась до размеров доски между нами. Воздуха стало мало, дыхания — слишком много. Тишина звенела, как струна.

А я вдруг поняла — он играет не ради победы.

Он играет, чтобы смотреть, как я горю.

--~ Александр ~ —-

Игра затянулась, но дело было уже даже не в шахматах. Тесса держалась уверенно — чертовски уверенно. Я наблюдал, как она двигает фигуры: спокойно, без спешки, будто каждое её решение уже заранее продумано на десять шагов вперёд. Чёрт, где она так научилась играть?

Я всегда выигрывал. Всегда. Любой противник — коллега, партнёр, бизнесмен — все они ломались, едва я начинал играть всерьёз. Но с ней всё иначе.

Она не боится ошибиться. Не дрожит, не смущается. Тесса будто чувствует мои намерения раньше, чем я их осознаю. Ставит оборону там, где я ещё только думаю атаковать. И это… выводит меня из равновесия.

Каждый её взгляд — точный, острый, как лезвие. Когда она прикусывает губу, обдумывая ход, я чувствую, как внутри всё сжимается, как будто она этим движением дёргает за мой нерв.

Она достойный противник. Да и в жизни, похоже, тоже не из тех, кто сдаётся без боя. И чёрт возьми, как же меня заводит это её упорство — то, как она сражается, как будто всё в ней кричит:*«Не отдамся!»*

Пока я тону в собственных мыслях, Тесса делает ход — и ловко срубает моего коня.

Чисто. Тихо. Без тени сомнений.

Она откидывается на спинку кресла, скрещивает руки на груди, подбородок чуть приподнят — довольная, триумфальная, невероятно женственная.

— Хм… умница моя, — выдыхаю я, наблюдая, как уголки её губ едва дрожат от сдерживаемой улыбки. А в глазах — чистый огонь победы.

— Ну так что, Тесса, — спрашиваю я с ленивым прищуром. — Что ты снимешь с меня?

Она мгновенно напрягается.

Лёгкий румянец проступает на щеках. Она делает вид, что спокойна, но я то вижу — сердце у неё колотится не меньше моего.

— Мне всё равно, — отвечает тихо, почти шёпотом.

— Так уж и всё равно, сладкая? — усмехаюсь я. — Неужели ты упустишь возможность сделать выбор?

— Я тебе такой шанс не предоставлю, — рычит она, но голос предательски дрожит. — Снимай уже что-нибудь.

— Выбирай, — парирую я. — Штаны или рубашка.

Она на секунду застывает, прикусывает губу, взгляд метается между моим лицом и руками. А я тем временем медленно, с явным наслаждением, начинаю расстёгивать запонки.

Неспешно, будто каждое движение — **испытание**.

Первые две — легко, третья — чуть медленнее.

Я замечаю, как её зрачки расширяются, как щёки наливаются тёплым румянцем. Она следит за каждым движением моих пальцев, будто я держу в руках не ткань, а её собственные нервы.

— Ты ведь уже как-то пыталась стянуть их с меня, — говорю, не отводя взгляда. — Может, повторим?

Она выдыхает, хрипловато отвечает:

— Тогда был совсем другой случай.

— Возможно, — усмехаюсь я, расстёгивая последнюю пуговицу. — Но результат, кажется, обещает быть тем же.

Она поднимает глаза, и наши взгляды встречаются.

На долю секунды — ни шахматы, ни правила, ни одежда больше не имеют значения. Только это напряжение, этот тонкий ток между нами.

— Снимай уже штаны, — произносит она резко, будто хочет скрыть своё волнение решитель-

ностью.

— Слушаюсь и повинуюсь, — с лёгкой ухмылкой отвечаю я и тянусь к ремню.

— Нет, постой! — останавливает. — Лучше рубашку. Штаны оставь.

— Не могу ослушаться свою богиню, — произношу я низким, чуть насмешливым тоном, медленно расстёгивая рубашку.

Тесса закатывает глаза, но не удерживает улыбку. Та самая — живая, теплая, настоящая. И я понимаю, что выиграть у неё невозможно. Да и, если честно, мне это больше не нужно.

Потому что с каждой её улыбкой я всё глубже проваливаюсь туда, где не действуют никакие правила.

Ни шахмат, ни игры, ни здравого смысла. Только она. Только Тесса. Ткань мягко скользит по коже, обнажая грудь, а взгляд Тессы, вопреки её стараниям, цепляется за каждое движение. Она пытается сохранять самообладание, но пальцы на столе выдают — дрожат, будто от холода, хотя в комнате жарко. Я вижу, как её дыхание сбивается, и внутри всё сжимается от желания дразнить её ещё сильнее.

— Делай ход, малышка, — тихо произнёс я, удерживая её взгляд, будто проверяя, кто из нас

первым дрогнет. — Или сдаёшься?

— Даже не мечтай, — отвечает она, и голос звучит хрипло, почти шёпотом.

Я усмехаюсь. Она не знает, как красиво выглядит сейчас — со вспыхнувшими щеками, с упрямо поднятым подбородком, вся в этой игре, где ставки давно перестали быть просто одеждой.

Каждый её ход — **шаг в огонь**. Каждое моё движение — **пламя в ответ**. И между нами больше нет шахматной доски. Только напряжение, огонь и то, что не удержать никакими правилами.

Тесса старается увести взгляд в сторону — будто прячется. Её пальцы замирают над доской, а я ловлю этот миг с каким-то хищным удовольствием.

Если быть честным — для меня это особенный момент. Впервые я «раздеваю» женщину с помощью шахмат. Чёрт, даже не знал, что древняя игра может быть настолько чувственной.

Пока Тесса задумчиво изучает фигуры, я решаю немного ускорить события.

Пора переходить к делу — не только к игре, но и к изучению… её.

— Что получит победитель? — произношу тихо, наклоняясь вперёд, глядя прямо в глаза.

Она поднимает взгляд — ясный, сосредоточенный.

— Проигравший выполняет одно желание. — Опасное заявление, малышка. Ты уверена? — Более чем, — отвечает твёрдо, но уголок губ дрогнул.

Она делает ход — и открывает свой фланг.

Вот и всё, девочка, ты попалась.

Я не раздумывая беру её фигуру. Тесса замирает, смотрит на доску с видом проигравшей, тяжело выдыхает.

И вот теперь начинается самое интересное.

Она колеблется, ресницы дрожат, пальцы нервно касаются ткани. Потом решительно хватается за край тонкой майки и начинает медленно снимать её.

Мир будто замедляется.

Я вижу каждое движение, каждое колебание её дыхания. Белая кожа — будто светится в полумраке. Контраст с бордовым кружевом сводит с ума. Это не просто желание — это жгучая пытка.

Если бы не этот чёртов стол между нами, она бы уже знала, **во что именно я хочу играть дальше.**

Моё внимание приковано к ней. Грудь Тессы поднимается в ровном, но частом ритме, и я уже не могу заставить себя отвести взгляд.

Всё тело натянуто как струна, жар располза-

ется под кожей. Мне кажется, ещё немного — и я сорвусь.

Я совершаю очередной ход, почти машинально.

Хоть разум и говорит «играй», тело требует другого: чтобы она подошла ближе, сняла с меня всё, и дала мне наконец вкусить её дыхание, её тепло, её проклятую сладость.

— Что-то ты совсем расслабился, — произносит Тесса, и в голосе её столько лукавства, что я едва не усмехаюсь.

Но слышу я её будто издалека.

Все эти фигуры, доска, правила — всё уходит куда-то на второй план. Сейчас я сосредоточен не на игре. Я хочу совсем другого. Я готов хоть встать с этого чёртова кресла, если это даст мне шанс прижать её к себе и зацеловать каждый дюйм её горячей, сладкой и ароматной кожи.

Пальцы щёлкают перед моими глазами — резкий звук, возвращающий в реальность.

— Эй, ты вообще со мной? — Прости… ты что-то говорила? — произношу, моргая, будто выныривая из собственных мыслей.

Она усмехается, глаза сверкнули — опасно, хищно.

— Я говорю, как жаль, что партия закончилась

на самом интересном.

— Закончилась? — я нахмурился, переводя взгляд с неё на доску.

Но стоит мне проследить расстановку фигур, как всё становится ясно.

Тесса медленно, демонстративно подвигает ладью, потом лёгким движением ставит короля на место, словно ставит подпись под победой.

Пальцы мягко скользят по фигуре.

— Шах… и мат, — произносит она, и это звучит не как объявление конца игры — а как приглашение.

Я охренел.

Буквально. Сижу, не веря, что она меня только что уделала. Меня! Как, чёрт возьми, это вообще произошло?

Она сидит напротив — самодовольная, чуть улыбается, смотрит прямо в глаза, и в этом взгляде всё: триумф, дерзость, искра желания.

И я понимаю, что вот она — моя настоящая партия.

Глава 37. " Ход Королевы "

- ~ Тесса ~ —

Какие же мужчины всё-таки предсказуемые. Даже немного обидно за род человеческий. Я сразу поняла, что Александр намеренно тянет партию — не из спортивного интереса, а чтобы растянуть удовольствие. Он искусно выстраивал оборону, иногда позволял себе слабину — ровно настолько, чтобы я не теряла интерес. А между ходами — его привычные приёмы: полуулыбка, фраза с двусмысленным подтекстом, вопрос, от которого кровь приливает к щекам.

А когда понял, что этого мало, пустил в ход свой главный козырь — обаяние.

Он заговорил низким, ленивым голосом, который будто скользил по коже, провоцируя мурашки, и попытался завязать не слишком приличный разговор. Всё это должно было сбить меня с толку.

И, чёрт возьми, у него почти получилось — ровно на минуту, когда он снял с себя рубашку.

О боги… Лучше бы я выбрала штаны.

Серьёзно.

Кто бы мог подумать, что Уинтерсу вообще противопоказано раздеваться в общественных местах?

Эта грудь — широкая, сильная, с лёгкой порослью, будто нарочно создана, чтобы к ней прикасались. Мускулы на руках напряжены даже в покое, линии плеч чёткие, уверенные, а под тонкой кожей перекатываются сухожилия. Не идеальная глянцевая красота, нет — живая, теплая, настоящая сила мужчины, который знает, чего стоит.

Я буквально поймала себя на том, что уставилась.

И не просто — с интересом, а с голодом. Глаза скользнули вниз по груди, застряли на животе, где кожа чуть темнее, где каждая линия будто вырезана скульптором. Боже, да я, кажется, дышать забыла. Если он заметил — то всё, партия проиграна.

Мне даже показалось, что у меня пересохло во рту.

Я едва не сглотнула вслух. Вот уж точно — лучше бы сняла штаны. Хотя, зная Уинтерса, и там он устроил бы засаду.

Пришлось собрать волю в кулак.

Он делал это намеренно. Проверял меня. Испы-

тывал. Как будто хотел узнать — где мой предел.

Что ж… ты хочешь меня раздеть, Уинтерс? Отлично. Только давай посмотрим, кто из нас первый проиграет самообладание.

Если он решил, что я его лёгкая добыча — зря. Я умею использовать слабости противника. Даже если это слабость… к моему телу.

Я позволила себе риск.

Немного открыла оборону — чтобы он клюнул. Он и клюнул, конечно. Его глаза блеснули, губы растянулись в победной ухмылке. Думает, поймал. А я уже видела наперёд — этот ход станет его поражением.

Я сняла с себя майку — медленно, с лёгким выдохом, словно признавая проигрыш. Сделала вид, будто смущаюсь.

Хотя, если честно, сердце билось так, будто я стою не перед ним, а на краю пропасти.

Александр застыл.

Его взгляд стал тяжёлым, обжигающим, таким, что дыхание перехватывает. Он не просто смотрел — он изучал, смаковал каждое движение, будто читал моё тело. Я чувствовала его глазами каждую клеточку кожи. Видела, как он сжимает челюсть, как подрагивают пальцы, как глаза темнеют от желания.

В этот момент мне стало ясно — он думает, что держит ситуацию под контролем.

Но он ошибается. Потому что я тоже умею играть. И сейчас**мой ход**. Именно в этот момент я сделала один точный, просчитанный шаг — и его король оказался загнан в угол.

Пока он залип на мне и буквально пускает слюни, я спокойно ставлю емушах и мат. По его взгляду видно — ему уже плевать на игру. Всё его внимание приковано не к доске, а ко мне, к каждой линии моего тела, к груди.

Не зря я выбрала этот бордовый комплект. Да, он чертовски откровенный, всё просвечивает — зато победа у меня в руках. Судя по его манере игры, будь его воля, он бы не только снял с меня всё, но и поставил мне мат ещё неизвестно каким способом. Уинтерс, если и загадал желание, то точно не сыграть в шашки.

Он возбужден, взбудоражен, и я вижу это — каждая клеточка его тела кричит об этом. Моё нижнее бельё стало моим главным козырем.

Александр ошарашенно смотрит то на доску, то на меня, пытаясь понять, как я провернула этот манёвр, как перевернула его же игру против него.

— Я восхищён тобой, — выдыхает он. — Ты

единственная, кто смог это сделать.

— Видимо, потому что твои соперники не сидели напротив в нижнем белье, — ухмыляюсь я.

— Смело могу заверить — мужчины в трусах меня не привлекают, — усмехается он.

Мы оба смеёмся. Но его глаза уже не смеются — в них темнеет азарт, почти хищный.

— Готов выполнить любое твоё желание, — его голос стал ниже, серьёзнее.

— Абсолютно любое? — уточняю, глядя прямо в глаза. — Даже если оно тебе не понравится?

Он замирает, будто обдумывает не слова, а последствия. Я чувствую его напряжение. Знаю, чего он хочет, чего ждёт — и мне безумно хочется того же. Коснуться его, прижаться к его груди, вдохнуть запах его кожи... но нет. Сейчас — не время.

Я заставляю себя улыбнуться.

— Хорошо, — говорю тихо.

Встаю. Даю ему возможность рассмотреть меня полностью. Пусть получает свою награду за игру. Он хочет, чтобы я попросила остаться. Но я собираюсь выбить почву из-под его ног.

Александр сглатывает, его пальцы вцепились в подлокотники кресла. Взгляд бегает по моему телу, будто он запоминает каждый изгиб. Он

буквально пожирает меня глазами.

Я делаю шаг к нему. Он затаивает дыхание. Его взгляд — прямо на моей груди.

Я склоняюсь чуть ближе, так, чтобы наши лица оказались почти на одном уровне. Его глаза — потемневшие, жадные, голодные.

— Я хочу, чтобы ты покинул мою комнату, Уинтерс, — шепчу я.

Он замирает. В его взгляде сначала недоумение, потом — вспышка злости.

— Что? — едва слышно.

— Я сказала, — повторяю твёрже, — покинь мою комнату.

В его глазах вспыхивают черти — злость, обида, уязвлённое мужское эго. И, возможно, потом я об этом пожалею. Но сейчас он должен понять: даже если я разденусь перед ним, получить меня — не так просто.

Я выпрямляюсь, накидываю халат. Уинтерс молчит, поднимает свои вещи, бросает на меня последний взгляд — долгий, тяжёлый, почти прожигающий.

И уходит, тихо прикрыв за собой дверь.

После его ухода стало холодно. Не телом — душой. Воздух, ещё недавно густой от желания, теперь будто вымерз из комнаты.

Меня охватило странное чувство — будто я сделала что-то не так. Может, сказала слишком резко? Может, он решил, что неприятен мне… или, хуже того, что я жалею из-за его инвалидного кресла?

Я не находила себе места.

Металась по комнате, как загнанный зверёк. Внутри царил хаос — тревога, вина, какое-то дурацкое, липкое беспокойство. Подошла к двери, прислонилась ухом. Тишина. Абсолютная. Даже дыхания не слышно.

Что он там делает?

Может… ему плохо?

Перед глазами вспыхнула картина — тот день, его кабинет, как он вдруг потерял равновесие и рухнул на пол.

Чёрт! А если и сейчас… хотел перебраться на кровать и упал?

Сердце сбилось с ритма. Я зажала рот ладонью.

Что делать? Ворваться к нему? А если всё в порядке, и я покажусь идиоткой? Что я ему скажу — *«извини, проверяю, не свалился ли ты?»*?Мысли носились, как на карусели, и каждая — всё тревожнее предыдущей.

Так, стоп. Решение есть. Дэвид.

Он же оставил мне телефон на случай «форс-

мажора». Вот он — аппарат с логотипом*Winters Security*.

Я хватаю его, пальцы дрожат. Набираю номер.

Один гудок. Второй. На третий он отвечает — чётко, спокойно, будто и не ночь за окном.

— Да, мисс Чон? Что-то случилось?

— Дэвид, простите за поздний звонок, — быстро говорю. — Но… в комнате Александра слишком тихо. Совсем тихо. Не могли бы вы проверить, всё ли с ним в порядке?

— Конечно, без проблем, — отвечает он без тени удивления.

— Спасибо, — выдыхаю.

Он отключается.

А я остаюсь стоять у двери, снова прислушиваясь к тишине за стеной, которая разделяет наши комнаты. Но звуков всё так же нет. Только моё собственное сердце гулко бьётся где-то в горле.

-- ~ Тесса ~ —-

Я стояла у двери, затаив дыхание. Тишина будто давила на уши, превращая каждую секунду в пытку. Минуты тянулись мучительно долго, прежде чем за дверью послышались шаги — уверенные, тяжёлые. Узнать их было несложно. Дэвид. Но никаких разговоров не последовало, только приглушённый звук открывающейся

двери и еле различимый голос. Это сводило с ума. Что там происходит? Почему всё так тихо? Я едва удержалась, чтобы не распахнуть дверь и не проверить всё самой.

Тихий стук заставил сердце подпрыгнуть к горлу. Я вздрогнула, будто пойманная на горячем, и быстро открыла дверь.

Передо мной стоял Дэвид. — Мисс Чон, — его голос звучал ровно, без эмоций, но в нём было что-то странно успокаивающее.

Он, как всегда, выглядел безупречно — строгая форма, собранный вид, лёгкая тень усталости под глазами.

— Всё в порядке, — спокойно сказал он. — Мистер Уинтерс просто отдыхает на балконе. — На балконе? — переспросила я, не скрывая удивления. Напряжение моментально ослабло, будто кто-то снял с груди тугую повязку. — Да. — Дэвид слегка кивнул. — Похоже, день у него выдался непростой. Но он в порядке.

Я выдохнула, чувствуя, как по телу расползается облегчение.

Конечно. Пока я тут чуть не поседела от тревоги, этот упрямец, наверное, сидит под лунным светом, с бокалом виски, и рассуждает о вечном. — Спасибо, Дэвид, — сказала я мягко. — Все-

гда к вашим услугам, мисс Чон, — кивнул он и бесшумно удалился по коридору.

Когда дверь закрылась, я ещё долго стояла, глядя в пустоту. Сон не приходил. Стоило закрыть глаза — и передо мной снова появлялся он: сидящий на балконе, задумчивый, с усталым взглядом и бокалом виски..

Я ворочалась всю ночь. Было то жарко, то холодно, мысли путались, как оборванные нити.

Утром я проснулась от тихого сигнала телефона. На экране — короткое сообщение:

Александр:*Завтрак в ресторане отеля. Через тридцать минут. Не опаздывай.*

Сухо. Без привычной иронии. Ни намёка на подкол.

Сердце неприятно сжалось.

Ресторан встречал мягким светом, ароматом свежего кофе и шелестом утренних газет. За окнами — утренние лучи играли на бокалах, отражаясь в белоснежных скатертях.

Я заметила его сразу.

Он сидел у окна, безупречно одетый, но взгляд… выдал всё.

Лицо собранное, слишком серьёзное. Тени под глазами выдавали бессонную ночь. Он поднял взгляд, когда я подошла.

— Доброе утро, — произнесла я, стараясь звучать бодро.

— Доброе, — отозвался он. Голос хриплый, низкий — в нём сквозила усталость и что-то ещё…

Между нами повисла пауза. Официант подошёл, принял заказ, а я всё не сводила взгляда с Александра. Он будто отгородился невидимой стеной. Никаких привычных подколок, никакой хищной улыбки — лишь холодная сосредоточенность и ещё… может, сожаление?

— Ты не спал, — сказала я тихо.

Он опустил взгляд на чашку. — Было о чём подумать, — коротко ответил.

Я не стала спрашивать о чём. Ответ знала и без слов.

Я наблюдала за ним, будто впервые.

Каждое движение — выверенное, сдержанное, но каким-то странным образом уставшее. Он больше не был тем Александром, который шутил и излучал обаяние. Сегодня передо мной сидел мужчина, которому пришлось столкнуться с собственными демонами, и который одним взглядом мог заставить дрожать полмира. И он явно не спешил менять своё настроение.

Он медленно отпил кофе.

Тишина между нами была густой, почти ощу-

тимой. На фоне играла тихая музыка — саксофон и пианино, словно специально под нас, под это утро.

Я опустила взгляд на бокал с апельсиновым соком и, стараясь говорить спокойно, спросила:

— Ты готов к сегодняшнему дню?

Он поднял глаза.

— А у нас есть выбор? Уголок его губ чуть дрогнул, но привычной иронии не было. Только усталость, смешанная с горечью.

— У нас всегда есть выбор, — тихо ответила я.

— Возможно, — сказал он. — Но не сегодня.

Он допил кофе и отодвинул чашку. Резкое, короткое движение — как будто поставил точку в разговоре.

Я заметила, как напряглась линия его челюсти. Даже сейчас — внешне спокойный, внутри он был как буря, готовая разорвать тишину.

— Нам пора, — сказал он. — Машина ждёт у входа.

В машине стояла напряжённая тишина.

Я смотрела в окно: отражения города, прохожие, утро Нью-Йорка в сером тумане. Александр сидел рядом с планшетом, но я знала — он не читает. Просто делает вид. Он всё время сжимал и разжимал пальцы — маленький жест, выдаю-

щий тревогу, хотя он пытался её скрыть.

— Нервничаешь? — спросила я, не поворачивая головы.

— Нет. — Врёшь. Он усмехнулся, тихо, почти беззвучно. — Вы сейчас не на том сосредоточены, мисс Чон.

— Я просто переживаю за тебя, — ответила я, и наши взгляды встретились.

Внутри всё дрогнуло. И на мгновение между нами проскочила искра — живая, тёплая, совершенно чуждая этому утреннему холоду.

Но он тут же отвёл взгляд, словно испугался этой слабости.

Лицо осталось каменным, но в этом молчании и сдержанности чувствовалась сила. Он снова был собран, хищен и хладнокровен — тот самый Уинтерс, которого я знала.

Но я видела чуть глубже: за этой бронёй прятался человек, который провёл ночь в одиночестве… с бокалом виски и, возможно, мыслями обо мне.

Зал суда всегда пахнет одинаково — смесью старой бумаги, кофе и нервов.

Воздух здесь вязкий, как смола, и кажется, что если вдохнуть слишком глубоко — можно почувствовать чужое напряжение. А тишина… она особенная. С характером. С такой, которая давит

на грудь, заставляя говорить только тогда, когда абсолютно уверен в каждом слове.

Сегодня она будто стала тяжелее.

Высокие окна впускали в зал холодный свет. Где-то наверху тихо трещал кондиционер, а под потолком еле слышно качались флаги.

Снаружи здание суда выглядело внушительно — мраморные колонны, серый гранит, чёрные двери. Городской монолит, созданный, чтобы напоминать людям о законе. Но внутри всё дышало людьми — их страхами, амбициями и надеждой на оправдание.

Мы с Александром прошли к своему столу. Я чувствовала, как сердце бьётся слишком быстро, будто отмеряя время до чего-то важного.

Он — рядом. Собранный, непроницаемый, хищно-спокойный. В его взгляде ни капли лишнего. Только холодная сосредоточенность и бесконечная глубина. Он листал документы, но я знала — на самом деле он не читает. Он просто готовится. Мысленно выстраивает ходы. Как всегда.

Ночью он пил, не спал, а теперь выглядел так, будто способен свернуть гору.

Только глаза выдавали усталость. И в этой усталости пряталось что-то, чего он не хотел показывать никому. Даже мне.

Мы сели.

Вдоль стен — присяжные. Сосредоточенные, почти безликие, каждый с этим типичным взглядом людей, которые ещё не поняли, каково это — вершить чужую судьбу. Слева — потерпевшая сторона. Их адвокаты — будто из рекламы роскоши: холодные улыбки, идеальные костюмы, уверенность в каждом жесте. Прокурор держался жёстко, чётко. Он уже выбрал себе цель. И она сидела по правую руку от Уинтерса.

Мистер Кинг и его заместители расположились рядом с нами. Бумаги, планшеты, лёгкий шелест страниц.

Александр отодвинул документы, повернулся ко мне. Его голос тихий, низкий, но каждый слог выверен — Потерпевшая сторона — “Weller Pharm”. Их основная цель — дискредитация отчёта об исследовании. Прокурор — Гаррисон, старый пёс системы. Работает на показ. Если пойдёт в нападение — не отвечай на провокации.

Я слушала, но в какой-то момент поймала себя на том, что смотрю не на бумаги, а на его губы.

Они шевелились медленно, почти гипнотически, а у меня внутри — лёгкий трепет. И вдруг — голос Кинга — Всё готово, мисс Чон? — он поправил галстук, будто проверяя не меня, а сам

факт моего спокойствия. — Да, — ответила я, чуть ровнее, чем чувствовала. — Готово.

Александр едва повернул голову. Его взгляд скользнул по мне — коротко, но достаточно, чтобы дыхание сбилось.

Тихо, почти шепотом, будто для нас двоих — Готова? — Да. — Тогда не дай им ни малейшего повода усомниться в тебе. Без ошибок, Тесса. Сегодня нельзя проиграть.

От его голоса по спине пробежала дрожь.

Всего одно слово — моё имя, а прозвучало так, будто между нами снова стоит шахматная доска. Он делает первый ход.

Я просто кивнула. Без слов.

Между нами уже сказано достаточно — и слишком много. Теперь — только холодная логика. Только работа.

Дверь открылась.

Судья вошёл. Все встали.

Гул голосов стих, и зал наполнился тем самым напряжением, которое почти звенит в воздухе.

Александр выпрямился. Ровно, как натянутая струна. На лице — привычная маска уверенности. Но я вижу: пальцы сжаты в подлокотниках кресла, суставы побелели. Он держится. До последнего.

И я знаю — если он сейчас рухнет, я подниму его.

Потому что сегодня — наш общий бой.

Глава 38. «Выкрутиться красиво»

-- ~ Тесса ~ —

Судебное заседание началось — и с первых секунд зал будто сжал воздух. Все шорохи, кашель, шелест бумаг растворились в напряжении, которое повисло между сторонами. Прокурор Гаррисон, мужчина с аккуратно уложенными седыми волосами и слишком самодовольной улыбкой, поднялся первым. Его голос был громким, уверенным, рассчитанным на эффект.

— Ваша честь, — начал он, — сегодня речь пойдёт не просто о компании “Helix International”, но о человеческой жизни, которой, как мы считаем, было пренебрежено ради выгоды.

Он говорил методично, с нажимом, словно каждое слово должно было воткнуться в сознание присяжных.

Я знала: сейчас начнётся игра. Не просто юридическая — психологическая. Гаррисон играл не только на фактах, он всегда бил по людям.

Когда очередь дошла до нас, Александр слегка наклонился ко мне и тихо сказал:

— Начни. Уверенно. Не давай им почувствовать

слабину.

Я кивнула. Поднялась.

Сердце било в висках. — Ваша честь, защита готова, — произнесла я, делая шаг вперёд.

Первые минуты прошли ровно.

Я представила позицию нашей стороны, обозначила несоответствия в доводах обвинения, показала, что ключевые документы Гаррисона основаны на неточных данных. Но тот слушал не аргументы. Он ждал. Ждал, когда я сделаю паузу.

И как только она случилась — ударил.

— Мисс Чон, — протянул он, голосом, в котором сквозила ирония, — полагаю, вас тщательно подготовили к этому делу? Или вы тоже решили действовать… по наитию, как ваш коллега мистер Уинтерс?

В зале кто-то сдержал смешок.

Я почувствовала, как внутри всё обожгло. Это была не просто провокация — удар ниже пояса. Он сделал паузу, ожидая моей реакции.

Но прежде чем я успела что-то сказать, Александр заговорил.

Голос — стальной, ровный, уверенный.

— Мисс Чон — один из лучших юристов, с кем мне доводилось работать. — Он не повысил тон, но его слова отозвались в стенах, будто

выстрел. — И, в отличие от некоторых, она не прячется за чужими ошибками, чтобы казаться сильнее.

Гаррисон усмехнулся, склонив голову.

— Ах да… Александр Уинтерс. Я уж думал, вы забудете, каково это — защищать кого-то, кроме себя.

Александр повернулся к нему, и на мгновение воздух в зале стал плотнее.

— Вы, как всегда, путаете личное с профессиональным, Гаррисон. Наверное, поэтому вы до сих пор не можете пережить поражение в 2018-м.

Легкий гул прокатился по залу.

Гаррисон побледнел. Судья поднял брови, но промолчал.

Александр продолжил, как будто не замечая его раздражения:

— Факты, ваша честь, остаются фактами. И эти факты — на стороне “Helix International”. Ни один документ не доказывает халатности. А вот обвинение строится на догадках и эмоциональных манипуляциях.

Он говорил спокойно, размеренно, но в каждом слове чувствовалась мощь.

Не громкость — сила. Не агрессия — уверенность.

Я смотрела на него и видела, как напряглась линия его плеч, как губы сжались в тонкую черту.

Он сражался — не только за Кинга, не только за компанию. Он сражался за меня. Чтобы меня не унизили, не принизили, не поставили под сомнение.

Гаррисон попытался вернуть контроль.

— Вы слишком эмоциональны, мистер Уинтерс, — сказал он, поправляя очки. — Это мешает объективности.

Александр усмехнулся.

— А вы слишком бесчеловечны, Гаррисон. Это мешает справедливости.

В зале кто-то шумно втянул воздух.

Судья постучал молотком. — Господа, без личных перепалок. Продолжайте по существу.

Александр слегка наклонился вперёд, не отводя взгляда от Гаррисона:

— С удовольствием, Ваша честь. По существу — все обвинения строятся на недостоверных сведениях. И если господин прокурор позволит, я хотел бы представить доказательства того, что представленные им исследования — подделка.

Он подал мне знак.

Я передала документы. Александр говорил, не повышая голоса, но каждое слово било точно

в цель.

Я наблюдала за ним — за каждым движением, каждым вздохом, каждым жестом.

Он был сосредоточен, собран, холоден, но под этим холодом — вулкан. И я поняла: именно в такие моменты он становится собой. Настоящим. Тем мужчиной, который не бросает своих. Тем, кто идёт до конца.

Когда заседание завершилось, и судья объявил перерыв, Гаррисон лишь бросил ему короткое:

— Твоя защита звучит убедительно, Уинтерс. Но в этой игре не только закон решает.

Александр спокойно повернул голову.

— Тогда берегись, Гаррисон. Потому что я играю не ради игры.

Он развернулся к выходу, и я пошла следом.

Когда мы вышли на перерыв, я выдохнула — впервые за всё это время.

Плечи будто рухнули вниз, дыхание вернулось, а сердце наконец позволило себе стукнуть свободно. Мы покинули зал почти одновременно, но он выехал чуть впереди — уверенно, как всегда, только движения сегодня были медленнее, тяжелее. Колёса кресла мягко катились по мраморному полу, отражая свет из высоких окон. Он остановился у большого окна в конце коридора,

где солнце падало прямо на его лицо, очерчивая резкие линии скул и усталый изгиб губ. В этом свете он казался ещё сильнее — и ещё мужественнее.

Свет пробивался сквозь стекло и ложился на его лицо — мягко, но безжалостно, подчёркивая каждую линию усталости.

Этот свет делал его похожим на солдата после боя. Победителя — но с выжженным взглядом.

Я подошла ближе.

— Тебе нужно поспать, — тихо сказала я.

— После суда, — коротко ответил он, даже не глядя в мою сторону.

— Или хотя бы поесть.

— Тесса, — произнёс он моё имя так, будто предупреждал: «Остановись».

Но я не послушала. — Ты выглядишь так, будто несёшь на себе весь мир.

Он чуть усмехнулся. Безрадостно.

— Иногда так и есть.

Молчание стало густым, почти осязаемым.

Я смотрела на него и понимала: вчерашняя партия не закончилась. Она просто перешла на другую доску.

Он снова отгородился.

Словно я задела что-то личное, слишком близ-

кое. Вчера я пошатнула его уверенность, и теперь он будто возводил стену — кирпич за кирпичом.

И в этот момент подошли мистер Кинг и его команда.

Улыбки, рукопожатия, лёгкий гул голосов — будто ничего не происходило. Кинг выглядел самодовольно — как человек, уверенный в победе, даже если ещё не видел финала.

Он приблизился ко мне и чуть пригладил лацкан своего пиджака.

— Мисс Чон, вы сегодня превзошли себя, — произнёс мистер Кинг, чуть наклоняясь ко мне, и в его голосе зазвучала та самая самоуверенность, что бывает у мужчин, привыкших получать всё, чего хотят. — Я тут подумал… может, после суда мы могли бы немного отвлечься? Прогуляться по Нью-Йорку. Есть одно место — *Bergman's*, уютное кафе на углу Пятой авеню. Вино — превосходное, кухня изысканная, а вид на закат просто… — он на секунду задержал взгляд на моих губах, — незабываемый.

Я растерялась.

То ли от его уверенности, то ли от самого приглашения. Это было неловко, странно, и… чересчур не вовремя. Тем более — при Александре.

И, конечно же, ничего не ускользнуло от его

внимания.

Он даже не повернулся сразу — просто выпрямился, отвёл взгляд от окна и заговорил тем самым голосом, от которого в суде люди предпочитали не дышать.

— Я бы не был так самонадеян в нашей победе, мистер Кинг. — Его тон был ледяным. — В любой момент факты могут повернуться против нас. Советую сосредоточиться на защите вашей компании, а не на приглашениях моего стажёра на прогулки. Она здесь исключительно по рабочим вопросам.

Воздух в коридоре стал холодным.

Настолько, что я почувствовала, как мурашки пробежали по коже. Он сказал это спокойно, но за этим спокойствием стояла сила, от которой хотелось либо спрятаться, либо… подчиниться.

Я подняла взгляд — и встретила его глаза.

Я не знала, что в них страшнее: ярость или боль. Они сверкали, как лёд под молнией. Радужка — ярко-голубая, почти светящаяся, зрачки сжаты в тонкие точки.

Сердце ушло куда-то в пятки.

Я видела Александра раздражённым, видела хищным, но не таким. Этот взгляд пробирал до костей.

Мистер Кинг, явно не ожидавший такого приёма, отступил на шаг.

Он вскинул руки, будто защищаясь. — Прошу прощения, мистер Уинтерс. Я вовсе не хотел, чтобы мои слова прозвучали неподобающим образом. Это была просто… попытка выразить признательность мисс Чон за её выдающуюся работу.

— Она будет выдающейся, когда судья официально признает вашу компанию невиновной, — холодно бросил Александр. — А пока ваши "приглашения прогуляться" неуместны.

Он специально выделил это слово — *прогуляться*.

Так, что в нём чувствовался укол ревности и презрения одновременно.

А я, прекрасно понимая, что градус сейчас зашкаливает, сделала то, что должна была — спасла ситуацию.

Взяла себя в руки, вдохнула и с самой безмятежной улыбкой вмешалась — Мистер Уинтерс, вы неправильно поняли. Мистер Кинг приглашал не только меня, но и вас включительно.

Кинг моргнул. Потом снова.

Выражение его лица было бесценно — смесь паники, растерянности и лёгкой готовности упасть

в обморок. — Я?.. Да?.. — выдавил он из себя.

— Разве не так, мистер Кинг? — улыбнулась я, делая шаг ближе к нему.

Он торопливо кивнул, вытирая вспотевший лоб носовым платком.

— Да, да, конечно, мисс Чон! — быстро подтвердил он. — Я… я именно это и имел в виду. Прогулка… втроём. Отличная идея!

Александр смотрел на меня.

Долго. В упор. В его взгляде мелькнула едва заметная тень усмешки. Та самая, когда он словно говорит без слов:*“Выкрутилась. Ловко.”*

Я лишь ответила ему таким же взглядом:*“Женская логика непобедима.”*

И впервые за этот день он позволил себе едва заметную улыбку.

Не ту — властную, не ту — насмешливую, а человеческую. На миг — живую.

-- ~ Тесса ~ —-

После перерыва зал снова наполнился тяжёлым, почти вязким воздухом. Возвращение ощущалось как вход на поле боя: никто не говорил, но все знали — вот сейчас начнётся самое главное.

Судья занял место.

— Продолжаем слушание по делу “Weller Pharm

против Helix International”.

Гаррисон поднялся первым.

Сразу, без вступлений, с хищной уверенностью. В его голосе не было ни грамма сомнения, только ледяная агрессия — Ваша честь, прошу обратить внимание на пункт 6 договора и документ № 47. Согласно этим данным, компания “Helix International” допустила халатность при проведении клинических испытаний. Один неверный отчёт — и последствия могли стоить человеческой жизни.

Он говорил красиво, с нажимом.

Каждое слово — выстрел. Каждая пауза — рассчитанный шаг в сторону победы.

Присяжные слушали, кивая.

Александр сидел спокойно. Слишком спокойно. Он не моргнул ни разу, пока Гаррисон выкладывал документы на стол.

— Итак, — прокурор повернулся в нашу сторону, — мистер Уинтерс, вы можете отрицать очевидное сколько угодно, но факты — упрямая вещь. Ваши подписи, ваши отчёты, ваши цифры. Вы ведь сами их утверждали, не так ли?

Александр чуть приподнял подбородок.

Хищник перед броском. — Факты, мистер Гаррисон, — произнёс он холодно, — действительно

упрямая вещь. — Вот именно, — удовлетворённо бросил тот. — Но проблема в том, — продолжил Александр, — что вы не умеете их читать.

Тишина.

Как будто воздух перестал двигаться.

Александр слегка выпрямился в кресле.

Движение — минимальное, но в нём было больше силы, чем в десятке чужих шагов. Плечи расправлены, взгляд — прямой, твёрдый, почти ледяной. И в этот миг никто в зале не видел перед собой человека в инвалидном кресле. Перед ними стоял Уинтерс — адвокат, которого не сломила ни боль, ни прошлое.

— Ваша честь, прошу приобщить к делу внутренний аудит компании “Helix International”, — произнёс он ровно, чётко, с тем самым тоном, которому подчиняются даже те, кто не хочет. — Проверка проведена независимыми экспертами. Вот официальные заключения.

Он передал документы через помощника судьи.

— В этих материалах указано, что отчёт, на который ссылается обвинение, был подделан. Версия, предоставленная “Weller Pharm”, содержит фальшивые подписи и даты. Настоящий отчёт — вот он. С печатями, регистрационными

номерами, зафиксированными в базе данных Министерства здравоохранения.

Гаррисон моргнул.

На секунду потерял уверенность. Потом попытался вернуть инициативу.

— Вы утверждаете, что все эти документы подлинные?

— Нет, я не утверждаю, — спокойно ответил Александр. — Это утверждает закон.

Он повернулся к присяжным.

— Господа, вы видите перед собой два отчёта. Один — с исправленными цифрами, другой — оригинал. А теперь посмотрите на временные метки. Разница — шесть часов. Кто-то спешил переписать реальность. И, судя по всему, делал это очень неуклюже.

И именно в этот момент я поднялась и добавила:

— Ваша честь, — голос мой прозвучал чуть громче, чем я планировала, — мы также предоставили экспертное заключение независимого аналитика, подтверждающее факт подделки. Оно приложено к материалам дела под № 5.

Судья кивнул, делая пометку в деле.

Гаррисон побледнел. Он понял, что теряет почву. Гаррисон бросил в мою сторону холодный

взгляд — такой, каким смотрят на человека, который разрушил идеально выстроенный план. Но не сдавался.

— И всё же, — сказал он, подаваясь вперёд, — у вас есть личный интерес, мистер Уинтерс. Вы защищаете не компанию, а свою репутацию.

Александр медленно выдохнул.

Пауза. И — тот самый взгляд, от которого люди начинают терять уверенность.

— Вы правы, Гаррисон, — произнёс он спокойно. — Я защищаю свою репутацию. Но не только. Я защищаю людей, которых вы пытаетесь уничтожить ради статистики.

Я защищаю истину, потому что без неё вы превращаете суд в цирк. И если для вас это игра — помните, что в этой игре я не проигрываю.

В зале воцарилась тишина.

Такого даже судья не перебил. Только коротко кивнул, давая понять — всё сказано.

После этого Гаррисон попытался что-то добавить, но было поздно.

Каждый его довод терял вес. Каждое слово — распадалось, натыкаясь на документы, на доказательства, на железную логику Уинтерса.

Когда судья отложил молоток и объявил решение, даже воздух в зале будто выдохнул.

— Суд постановил: обвинения в адрес компании “Helix International” признать необоснованными.

Компания “Helix International” невиновна. Истец — “Weller Pharm” — обязан выплатить компенсацию в размере 150 000 долларов за моральный и репутационный ущерб.

Всё.

Финал. Один короткий удар молотка — и напряжение растворилось.

Я повернулась к Александру.

Он не улыбался. Не праздновал. Просто закрыл глаза на секунду, как человек, который слишком долго держал удар. Плечи расслабились, дыхание стало ровным.

Я сжала кулаки — чтобы не коснуться его руки прямо сейчас, не сказать “*ты был великолепен*”.

Он медленно повернул голову, взглянул на меня и тихо произнёс:

— Мы сделали это. Это была красивая победа. Твёрдая, убедительная и… такая дорогая. Я смотрела на Александра и понимала — он доказал не просто невиновность компании. Он доказал *себя*. И весь зал это почувствовал.

Он — человек, которого жизнь однажды сбила с ног, но который научился стоять, не поднимаясь.

В его голосе, в его холодной чёткости, в каждом

слове — сила. Настоящая, мужская, выстраданная.

Я не могла перестать думать, как мне повезло быть рядом. Работать рядом. Учиться у него.

Сколько бы книг я ни прочла, ни один том не научил бы меня тому, что он показал сегодня. Хладнокровию. Уверенности. Спокойствию, за которым прячется целый шторм.

Не знаю, почему он решился выйти в свет после стольких лет молчания.

Знал ведь — противники рвут воздух от желания вцепиться ему в горло. Знал, что каждая камера, каждый микрофон будут ловить его ошибку. Но всё равно пришёл. Вышел. И победил.

Мистер Кинг и его коллеги сияли, как дети, выигравшие сладкий приз.

Радостные рукопожатия, поздравления, взволнованные фразы — Блестящая защита, мистер Уинтерс! — Фантастическая работа, мисс Чон!

Когда мы покидали зал, толпа уже ждала нас.

Вспышки. Камеры. Десятки голосов, перекрикивающих друг друга. — Мистер Уинтерс, как вы оцениваете исход дела? — Планируете ли вы вернуться в судебную практику на постоянной основе? — Это правда, что вы отказались от работы

в “Harper Co” ради собственного бюро? — Каково снова быть в центре внимания, мистер Уинтерс?

Я успевала только поворачиваться на голоса.

Они тянули руки с микрофонами, почти в лицо. Кто-то наступил мне на ногу, другой — задел локтем. Александр — напротив, ни на секунду не потерял самообладания.

Он держался прямо, взгляд спокойный, лицо невозмутимое.

Каждый его ответ — ровный, точный, без фальши. — Я не обсуждаю личные решения. Суд вынес вердикт — это главное. — Рад, что правда победила. — Да, возможно, я вернусь к практике. Время покажет.

Всё в нём было благородно.

Спокойствие человека, который не оправдывается, не ищет славы, просто делает своё дело — и делает его безупречно.

Мистер Кинг, сияющий, конечно, не удержался:

— Мы специально пригласили самого лучшего адвоката, чтобы решение было максимально честным и объективным! Толпа зашумела, камеры сверкнули, кто-то выкрикнул — Значит, Уинтерс снова в игре?!

Александр только слегка улыбнулся краем губ,

не подтверждая и не отрицая.

И в этом была вся его сущность — загадка, вырезанная из стали.

Толпа сжалась плотнее, шагу было не сделать.

Журналисты окружили нас, как рой. Я уже не различала лиц — только свет, вспышки, шум.

И вдруг — широкая фигура заслоняет свет.

— Отойдите! — низкий голос Дэвида прорезал воздух, как нож. Его плечи двигались, как бетонные плиты. Он буквально рассёк толпу, создавая коридор. — Вперёд, сэр, мисс Чон.

Я почувствовала, как Александр слегка потянул колёса вперёд, и мы начали двигаться.

Дэвид шёл впереди, расталкивая всех, кто пытался сунуться ближе. Наконец, свежий воздух, шаг до машины, и я почти выдохнула, когда закрылась дверь.

В салоне повисла тишина.

Я повернулась к Александру. Он сидел спокойно, смотрел в окно, но я видела — рука на подлокотнике чуть дрожала. Не от слабости. От напряжения, которое только что выплеснулось.

— Всё в порядке? — тихо спросила я.

Он повернул голову, его глаза были спокойными, но в них мелькнуло что-то человеческое. Тёплое. — Всё, — ответил он. — Теперь да.

Я улыбнулась.

— И всё-таки вы впечатляете, мистер Уинтерс. — Осторожнее, мисс Чон, — сказал он, чуть хрипло, с той самой тенью улыбки. — Привыкну к этому — и перестану быть скромным.

Мы оба засмеялись.

А за окном Нью-Йорк снова шумел, как будто ничего не произошло. Александр откинулся на спинку кресла, прикрыл глаза. А я смотрела на него и думала: *Вот он — человек, который умеет побеждать. Не силой. Не громкими словами. А внутренним светом, который даже тьма не способна погасить.*

Глава 39. «Тонкая линия между нами»

-- ~ Тесса ~ —

Когда мы вернулись в отель, в коридоре стояла тишина — редкое, даже роскошное ощущение после всего, что случилось за день. Александр выглядел бледным. Даже под идеально выглаженной рубашкой виднелась усталость — не физическая, а глубокая, та, что тянет изнутри. Он ничего не сказал, только коротко кивнул, как человек, которому сейчас нужно остаться наедине с тишиной, чтобы не рассыпаться на части.

— Тебе нужно отдохнуть, — тихо сказала я, когда мы остановились у дверей номеров.

— Да, пожалуй, — ответил он, глядя куда-то мимо. — Всего пару часов.

Он исчез за дверью, и на душе стало пусто, как после грозы.

Я зашла в свою комнату, стянула пиджак, выдохнула. Тело ныло от напряжения, мысли путались, но в груди бурлило что-то странное — смесь облегчения, гордости и… тревоги.

Телефон завибрировал.

На экране высветилось «Мама». Я улыбнулась, нажала «ответить».

— Тесс! — воскликнула мама, и где-то на заднем плане послышался довольный голос отца. — Мы вас видели! По новостям показывали! Ты — просто умница, дочка!

— Отлично смотритесь… — добавил отец, чуть хрипловато, с тем самым намёком, который я знала с детства. — Из вас, между прочим, выйдет красивая пара.

— Папа! — всплеснула я руками, не сдержав смех.

— А что? — невозмутимо ответил он. — Я ведь только говорю правду. Такого мужчину трудно не заметить — в нём есть стержень. Рядом с ним ты будто взрослеешь на глазах.

Я закатила глаза, хотя внутри всё равно стало тепло.

Вот уж кто умеет выбить почву из-под ног даже через телефон — так это мой отец.

И вдруг он добавил уже другим, более серьёзным тоном:

— Кстати… мне сегодня звонила Виктория.

Я замерла.

— Виктория?.. — переспросила я, хотя прекрасно поняла, о ком речь.

— Да, мать Александра, — подтвердил он. — Очень воспитанная женщина, надо сказать. Мы немного поговорили.

— О чём? — осторожно спросила я, чувствуя, как сердце делает лишний удар.

— О вас, конечно. О том, что она хотела бы познакомиться поближе. Упомянула… — он сделал паузу, будто нарочно тянул момент, — возможность официальной помолвки.

— Что?! — вырвалось у меня.

На том конце линии мама что-то ахнула, а отец с лёгким смешком продолжил:

— Не волнуйся, я не устраивал никаких обручений за твоей спиной. Но она говорила серьёзно. Сказала, что считает тебя достойной парой для своего сына.

— Папа!.. — выдохнула я, прикрыв глаза ладонью. — И что ты ей ответил?

— Что я не имею ничего против, — спокойно сказал он. — И что, когда вы с Александром вернётесь в Вашингтон, я с радостью приглашу их на ужин. Знакомство двух семей, так сказать.

— Ты пошутил, да? — в голосе моём послышалась слабая надежда.

— Ни капли, — твёрдо ответил он. — Такие разговоры не ведут шутя, Тесс.

Я стояла посреди комнаты, растерянная, с телефоном в руке, чувствуя, как щеки заливает жар.

— Папа, — только и смогла выдавить. — Ты… с ума сошёл.

— Возможно, — усмехнулся он. — Но, дочка, иногда мужчины просто видят очевидное раньше женщин.

— Очевидное?..

— Что он тебе не безразличен. И, судя по тому, как он на тебя смотрит, — ты ему тоже.

Мама на заднем плане вздохнула, шепнув:

— Твоя судьба тебя уже догнала, Тесс. Не сопротивляйся.

А я стояла, слушала их, и внутри всё переворачивалось.

Потому что, несмотря на панику, злость и смущение… где-то глубоко-глубоко внутри я понимала: *они, возможно, правы.*

Я слышала их смех, знакомые интонации, даже стук посуды — они, наверное, сидели на кухне, обсуждая всё как футбольный матч.

Сердце потеплело. — Я вас люблю и очень скучаю, — сказала я тихо. — Мы тоже, — ответила мама. — И гордимся тобой, Тесс. Очень.

Потом позвонил брат — с типичной братской прямотой:

— Ну, сестрёнка, ты теперь звезда! Все новости только об этом Уинтерсе и тебе! — Не начинай, — устало вздохнула я. — Да ладно, не притворяйся. Там, где ты — там всегда сюжет.

Следом — звонки от Джейкоба, Кэссиди, Дженны.

Смешные, добрые, все с одной интонацией — радость и немного зависти. Я отвечала всем, улыбалась, благодарила, но внутри чувствовала нарастающую усталость. Хотелось просто упасть на кровать и закрыть глаза.

Ближе к вечеру, когда солнце уже клонилось к Манхэттену, телефон снова завибрировал.

На экране короткое сообщение:

Александр:

Может, поужинаем?

Я поймала себя на том, что улыбаюсь.

Может… С ним даже одно слово звучит как приглашение в совершенно другой мир.

— Конечно, — ответила я.

Через двадцать минут мы уже сидели внизу, в ресторане отеля.

Мягкий рассеянный свет отражался в хрустале бокалов, струился по залу, будто специально выверенный дизайнером.

Тихая фоновая музыка — ненавязчивая, с но-

тами джаза, — заполняла пространство между редкими голосами гостей. В воздухе витал тонкий аромат дорогого кофе, древесных нот и свежих цветов, стоящих на каждом столе. Всё вокруг дышало утончённым спокойствием — без суеты, без случайных деталей. Это был не просто ресторан, а сцена, где всё создано для тех, кто умеет ценить вкус, тишину и хорошее вино. Он выбрал столик у окна — подальше от лишних глаз. На нём была тёмная рубашка, чуть расстёгнутая у ворота. Волосы — чуть растрёпаны, тёмные, с мягким блеском, будто в них застрял свет из окон. Несколько прядей упали на лоб, придавая ему ту небрежную привлекательность, от которой трудно отвести взгляд. Сероголубые глаза — холодные на первый взгляд, но стоило задержаться на них дольше, и в их глубине появлялось тепло, живое, почти обжигающее. Он выглядел не идеальным — слишком настоящим, чуть уставшим, растрёпанным, но именно в этом и было его безупречное очарование. Он казался не просто ближе — **опаснопритягательным, таким, что хотелось протянуть руку и коснуться.**

— Рад, что ты согласилась, — сказал он, когда я села напротив.

Его голос был чуть ниже обычного, усталость

придала ему мягкости, почти интимной.

— А я рада, что ты позвал. — Я улыбнулась, скользнув взглядом по столу, накрытому идеально, как всё, к чему прикасается Уинтерс. — Думала, ты весь вечер проведёшь у себя в номере...

— Я тоже так думал, — признался он, чуть наклонив голову. На лице — усталость, а в глазах то самое серебристо-голубое свечение, от которого внутри всё сжимается. — Но, кажется, не смог.

Он сидел напротив, слегка опершись на подлокотники кресла.

В полумраке ресторана кожа казалась чуть смуглее, а глаза — глубже, цвета стали. Смотрел он прямо, открыто, будто хотел прочитать меня целиком.

Я сглотнула, чувствуя, как воздух между нами густеет.

Он выглядел до невозможности привлекательно. Слишком близко — от кого невозможно уйти, не оставив частичку себя.

Официант принёс ужин — перед Александром поставили **филе миньон с соусом демиглас**, украшенный веточкой розмарина и запечёнными молодыми овощами.

Передо мной — **тёплый салат с лососем, авокадо и грейпфрутом**, сбалансированный, свежий,

с ароматом лайма и оливкового масла. На серебряном подносе — два бокала холодного**Совиньон Блана**, из тех, что подают только в заведениях, где знают цену вину и тишине.

Тонкие струи пара поднимались от тарелок, перемешиваясь с лёгким ароматом цитрусов и жареного мяса.

Никакой суеты, никакого официозного блеска — только мягкий свет, полумрак, акцент на каждом движении.

Мы ели молча.

И это молчание не тяготило — наоборот, оно было как спасение. Ни давления, ни фальши. Только тихая, почти домашняя тишина.

— Сегодня ты была на высоте, — сказал он внезапно, чуть наклонившись вперёд. Его голос прозвучал низко, уверенно, но с мягкой хрипотцой, которая почему-то задела меня глубже, чем стоило бы.

Я подняла глаза, и на мгновение наши взгляды встретились.

— Я просто делала свою работу, — попыталась отмахнуться я, будто эти слова могли разрядить напряжение.

Он медленно покачал головой, уголок губ едва заметно дрогнул.

— Нет, Тесса, — произнёс он тихо, но с той внутренней силой, от которой всегда замирает сердце. — Ты сделала гораздо больше. В его голосе не было флирта. Только признание. Чистое, настоящее.

Я почувствовала, как внутри что-то дрогнуло.

— Спасибо. Но если бы не ты… — Не начинай, — перебил он мягко. — Это была командная победа.

Он откинулся в кресле, глядя в окно.

— Знаешь, что самое странное? — сказал он после паузы. — Когда я сегодня увидел эти лица — журналистов, присяжных, старых врагов — я понял, что мне больше не страшно. — Почему? — Потому что рядом был тот, кто верил.

Я не знала, что сказать. Просто смотрела на него — на сильного, гордого мужчину, который впервые позволил себе немного слабости.

Музыка зазвучала чуть громче. Где-то позади кто-то рассмеялся.

А в моём бокале отражались огни вечернего города.

Он вдруг наклонился чуть ближе, его голос стал почти шёпотом:

— Знаешь, Тесс, я всегда считал, что доверием нельзя делиться. Но с тобой всё иначе.

Я не ответила. Только кивнула.

Потому что любые слова в тот момент были бы лишними.

Мы сидели долго — слишком долго, чтобы это можно было назвать просто ужином.

Разговор тёк легко, почти неуловимо, будто между нами никогда**не было линий, которые нельзя пересекать**. Не начальник и подчинённая. Не адвокат и стажёр. А просто — **мужчина и женщина**, которых тянет друг к другу с каждым словом, каждым взглядом, каждым вдохом.

Он говорил — спокойно, размеренно, но в его голосе было что-то опасное, то, от чего кожа покрывается мурашками.

Я ловила себя на том, что слушаю не смысл, а**тембр**, не слова, а**паузы между ними**. Он рассказывал про клиентов, про давление, про предательство… а я вдруг поймала себя на мысли, что ревную. Ревную к тем, кто видел его раньше — в зале суда, на вершине славы, в тех днях, когда он был недосягаем. Ревную к той женщине, что когда-то имела право быть рядом, к Изабелле Харпер, имя которой до сих пор шепчут в кулуарах юридического мира.

Он говорил о прошлом, а я — о настоящем. О том, каково это — работать с ним, быть рядом, и чувствовать, что каждое его движение, каждый

взгляд на меня — **больше, чем просто профессиональный интерес**.

Где-то в середине разговора наши руки почти соприкоснулись.

Случайно? Возможно. Но ни он, ни я не отдёрнули руку. На секунду — лишь дыхание, тишина, и пульс, стучащий в висках.

Между нами не было «игры» — она**уже давно превратилась в притяжение**.

Опасное, неподконтрольное, почти служебное преступление, за которое мы оба, кажется, были готовы расплачиваться.

Мы говорили обо всём и ни о чём — о Нью-Йорке, о людях, о работе… и о том, что остаётся за кулисами громких побед.

А потом — он вдруг рассказал. Не сухо, не сдержанно, как обычно, а по-настоящему.

О том**, почему ушёл из "Harper Co."**, как устал от лжи, предательства и бесконечной борьбы за место под солнцем, которое в итоге не стоило ничего. Как долго оставался в тени, не потому что сдался, а потому что хотел наконец**дышать**.

Я слушала, боясь перебить.

Это был не тот хладнокровный адвокат, которого знала весь этот день, а мужчина — живой, уставший, с надломом, который он тщательно

скрывал за бронёй уверенности. И в этот момент я почувствовала не просто симпатию, а восхищение — **доверие**. Настоящее. Он позволил мне заглянуть туда, куда, казалось, никто не имел права.

Когда мы поднялись в свои номера, в воздухе между нами повисло нечто невидимое — **тонкое, электрическое**.

Он задержал взгляд, и в нём мелькнуло то самое чувство, которое не нуждается в словах. Желание. Тепло. Нежелание расставаться.

Он смотрел на меня чуть дольше, чем позволено, а я… я не отвела взгляда.

Казалось, если он сделает хоть шаг, я забуду, где нахожусь, кто я, и зачем всё это. Он манил — не движениями, не словами, а чем-то глубже, чем просто тело. Будто**нитями**, невидимыми, тянул меня к себе. Ещё чуть-чуть — и я бы поддалась. Но он лишь тихо произнёс:

— Спокойной ночи, Тесса.

И этого было достаточно, чтобы сердце на секунду забыло, как биться.

- ~ Тесса ~ —

Я зашла в свой номер, прислонилась к двери и шумно выдохнула. В груди всё горело. Душа рвалась наружу — прямо к нему. Но Александр

лишь холодно пожелал мне спокойной ночи и скрылся за дверью своего номера, будто поставил стену между нами. Он весь день держал дистанцию — ровно, сдержанно, но так, что я всё равно чувствовала его дыхание где-то рядом. Его тень висела в воздухе даже тогда, когда его уже не было рядом.

Я ловила себя на глупых мыслях.

Мне не хватало его слов.**“Вишенка”, “сладкая”...**— раньше я отмахивалась от этих обращений, считала их легкомысленными. А теперь... теперь я отдала бы всё, чтобы услышать хотя бы одно. И, наверное, уже никогда.

Чтобы отвлечься, я включила телевизор — и, конечно же, на всех новостных каналах — мы.

Наш суд. Наше дело. А мистер Кинг сиял во всей красе, как будто выиграл не благодаря Уинтерсу, а потому что сам себе аплодировал. Я усмехнулась, натянула пижаму, сделала маску, налила себе немного вина и устроилась на диване. Где-то на фоне шептал телевизор, но мысли всё равно были о нём. Так я и задремала.

Резкий звук стекла вернул меня к реальности.

Что-то громко разбилось. Я подскочила. Звук шёл из соседнего номера. Его.

— Чёрт, — только и выдохнула я, уже неслась к

нему в комнату.

Без стука распахнула дверь.

Комната была полутёмная, светил только торшер. Воздух стоял тяжёлый, будто в нём растворилась усталость. На полу — осколки графина, вода растеклась по паркету. А он...

Александр лежал на кровати, рука на лбу, глаза прикрыты.

Бледный, уставший, измученный. — Александр! — я подбежала к нему. — Что случилось?!

— Тесса?.. Что ты тут делаешь? — голос у него был хриплый, сиплый, совсем не тот властный тон, которым он обычно бросает приказы.

— Я услышала шум. Ты в порядке? — я уже стояла рядом, не дожидаясь разрешения.

— Просто хотел налить себе воды. Не вышло. Ничего страшного.

Он попытался сесть — но по его лицу я сразу поняла: врёт.

— Не смеши меня, — перебила я. — Бледный как лист, губы сухие, взгляд мутный.

Он хотел возразить, но я уже наклонилась, аккуратно собирая осколки.

— Тесса, не надо… — начал он. — Не драматизируй, я сейчас сам...

— Так, Уинтерс, — отрезала я. — Успокойся.

Мне не составит труда тебе помочь. И без твоего разрешения я всё равно сделаю то, что считаю нужным.

Он тяжело выдохнул, будто сдался.

— Ты упрямая женщина, — пробормотал он.

— А ты уже понял это не в первый раз, — ответила я, собирая последние осколки.

Я вытерла пол, проверила, не осталось ли стекла, и ощутила на себе его взгляд.

Густой, тёплый, прожигающий. Он смотрел так, будто впервые позволил себе не скрывать, насколько я ему нужна.

Я нашла новый графин, наполнила его водой, налила в бокал и подошла.

— Пей, — коротко сказала я, протягивая бокал.

Он убрал руку с лица, поднял глаза, и я едва не задохнулась от его взгляда.

Тусклый свет лампы высвечивал резкие линии лица, уставшие глаза, тень щетины. Бог устал. Но даже в таком состоянии он выглядел слишком красиво, чтобы на него было безопасно смотреть.

— Спасибо, Тесс, — тихо сказал он, принимая стакан.

Его пальцы коснулись моих — горячие, обжигающие.

— Ты весь горишь, — прошептала я и невольно

положила ладонь ему на лоб. — У тебя жар!

— Ничего страшного, — усмехнулся он, — просто немного устал.

— Сиди тихо, герой, я сейчас приду.

Через минуту я уже вернулась с аптечкой и бутылкой воды.

Вытащила таблетки и протянула ему.

— Пей, — сказала я строго.

Он взял таблетки, прищурился, уголки губ чуть дрогнули:

— Что это? Надеюсь, не экстази?

— Оно тебе и не требуется, — фыркнула я.

— Почему это?

— Потому что ты и без этого — ходячая катастрофа тестостерона, — сказала я и улыбнулась.

Он хрипло засмеялся, взгляд стал мягче.

— Катастрофа, значит?

— Угу. И не спорь. Пей, пока я добрая.

Он подчинился — впервые без сопротивления. Выпил таблетки, залпом.

А я смотрела на него и понимала, передо мной был мужчина, которому я уже принадлежала, хотя он ещё ни разу не прикоснулся ко мне по-настоящему.

И вдруг, когда я хотела встать, схватил меня за запястье.

Не сильно. Просто... чтобы не отпустить.

— Спасибо, Тесс, — тихо сказал он. — За то, что ты рядом.

Я замерла.

Этих слов хватило, чтобы внутри всё перевернулось.

— Просто ложись, — прошептала я. — И постарайся уснуть.

— Не уходи, — тихо прошептал он. — Останься со мной, Тесс.

Эти слова прошли по телу, как электрический ток.

Сердце дрогнуло, словно кто-то дёрнул за невидимую нить. Эти слова прожгли всё. Я почувствовала, как волна жара пробежала по коже, от горла до кончиков пальцев.

— Хорошо, — выдохнула я, едва слышно. — Я буду рядом.

Я хотела просто присесть рядом, на край кровати, но он распахнул одеяло и тихо похлопал по простыне.

— Ложись рядом.

Я замерла на секунду, сердце гулко ударило в груди.

Ни один аргумент в голове не находил слов — только тихий, внутренний шёпот: *останься.*

Обошла кровать и легла рядом.

И не успела выдохнуть, как его рука притянула меня к себе. Крепко. Почти властно. Он прижал меня к себе так близко, что я чувствовала жар его тела сквозь тонкую ткань. Его кожа горела, а дыхание было сбивчивым. А грудь часто вздымалась, и я слышала, как глухо бьётся сердце где-то под моей ладонью.

Я коснулась его ног под одеялом — и вздрогнула.

Холодные. Почти ледяные. Сердце сжалось.

— У тебя очень холодные ноги, — сказала я, нахмурившись.

— Тебе это мешает? — хрипло ответил он, приоткрывая глаза. — Нет, просто… это неправильно. Их нужно согреть.

Он что-то пробурчал, но не остановил меня.

Я приподнялась, раскрыла одеяло, и, увидев насколько холодны его ноги, почувствовала тревогу. Взяла с тумбочки свой крем, капнула немного на ладони и начала растирать. Медленно. Тёплыми движениями, от лодыжек вверх, чтобы вернуть кровь, чтобы прогнать этот чёртов холод из его тела.

— Тесса, какого чёрта ты делаешь? — его голос стал ниже, опаснее.

— Спасаю тебя, Уинтерс, — бросила я. — У тебя плохое кровообращение. Если это запустить, завтра можешь вообще не подняться с постели.

Он тихо выдохнул сквозь сжатые зубы.

— Я попросил остаться не для того, чтобы ты мне массаж делала. Я хочу, чтобы ты была рядом. Просто рядом.

Я не подняла глаз, всё ещё растирая ему ноги.

— *Я и есть* рядом. Но сейчас тебе нужен уход. — Не нужен мне твой уход, — рыкнул он. — Для этого я найму специалистов.

Я застыла.

— Значит, мне уйти? — произнесла я, глядя прямо в его глаза.

Всё замерло.

Мир, дыхание, время. Если он сейчас скажет «да», я рассыплюсь на тысячу мелких осколков прямо здесь, на его полу.

— Нет, — наконец выдохнул он. Голос низкий, хриплый, с оттенком усталости. — Просто будь рядом. Не крутись вокруг меня как сиделка. Вернись в кровать. Обними меня. И всё. Я просто хочу почувствовать, что ты здесь.

Разве я многого прошу?

Воздух вылетел из лёгких.

Эти слова… они были… Просто откровенность

в чистом виде.

Я молча кивнула.

Осторожно укрыла его ноги, вернулась на кровать. Он поднял руку, приглашая меня ближе. Я легла рядом, скользнув под его руку. Он обнял меня, так крепко, будто боялся, что я исчезну.

Его грудь — горячая, тяжёлая, сильная.

Я прижалась к нему, чувствуя, как каждая мышца его тела напряжена. Он положил подбородок мне на макушку, дыхание обжигало кожу.

— Я обожаю твой запах, — прошептал он. — Ты знала? Я узнаю тебя с закрытыми глазами. Из тысячи. Даже в темноте.

Я только улыбнулась, не в силах вымолвить ни слова.

Мои пальцы машинально рисовали узоры на его груди — круги, линии, символы, которых не существовало. Это было почти молитвой.

— Моя Вишенка… — тихо сказал он, и от этого слова всё внутри у меня дрогнуло.

Голос его был низким, усталым, но тёплым — таким, каким я давно не слышала. Он прижал меня к себе ещё сильнее, уткнувшись носом в мои волосы.

Я не выдержала.

Наклонилась и поцеловала его грудь — ти-

хо, осторожно, словно прикоснулась к чему-то запретному. Он вздрогнул, тело напряглось, дыхание стало рваным.

— Тесс… — хрипло выдохнул он, запрокинув голову.

А я чувствовала, как жар между нами стал другим.

Опасный. Желанный.

И я впервые не побоялась в нём сгореть.

Просыпаться в его объятиях было странно. Не привычно, не спокойно — *опасно*. Я чувствовала, как грудь Александра двигается в ритме дыхания, как его рука лежит у меня на талии, цепко, властно, будто даже во сне он держит меня, чтобы не отпустить. И, если быть честной… я не хотела, чтобы отпускал.

Тело было тяжёлое от сна и тепла. Его кожа обжигала, а дыхание — горячее, с запахом чего-то терпкого, почти пьянящего.

Всё внутри просыпалось — не разум, а инстинкты.

Я чуть шевельнулась, и его хватка мгновенно усилилась.

— Куда собралась? — его хриплый голос прозвучал прямо у моего уха. Я вздрогнула. Он не спал. Он ждал.

— Мне… жарко, — прохрипела я, ощущая, как в груди всё сжимается. — Сколько время?

— Неважно, — лениво протянул он, чуть сильнее прижимая меня к себе. — Самое важное сейчас — вот здесь.

Я закатила глаза, но губы сами дрогнули в улыбке.

— Может, ослабишь хватку, пока я не задохнулась? — Никогда, — коротко бросил он. — Уинтерс, я серьёзно, ты меня задушишь. — Если только от любви к тебе, — пробормотал он и, не давая мне вырваться, поцеловал в висок.

Я застыла. Его голос звучал совсем не шутливо, и легкомысленно. Там было другое — то, чего он не привык показывать.

— Мне правда жарко, — сказала я тише, почти умоляюще. — Привыкай, сладкая, — его голос стал ниже, плотнее. — Я буду греть тебя ночами. Мёрзнуть тебе не придётся. Он хрипло усмехнулся. — Я и так не мёрзну, — буркнула я. — У меня одеяло тёплое. — Я теплее. — Зато одеяло не пытается меня задушить. — Это моё проявление любви, — ухмыльнулся он, — чтобы ты не сомневалась, что моё тепло — только твоё. — Моё тепло сейчас выжаривается, как в аду, — огрызнулась я, ёрзая под его рукой.

Он что-то пробурчал, потом одним движением откинул одеяло.

— Так лучше? — спросил, глядя прямо на меня. Я сглотнула. Лучше? Смотря в каком смысле.

Под тонкой тканью простыни *совсем* не оставалось места для воображения.

И, судя по тому, что я видела, воображение мне больше не требовалось.

— Кхм… да, гораздо лучше, — выдохнула я. — Только вот тебе бы не помешало… эээ… прикрыться.

— Почему это? — он даже не попытался пошевелиться, только приподнял одну бровь. — Ну… у тебя недавно был жар. Осторожность, знаешь ли, не повредит.

Он заметил мой взгляд, приподнял голову, посмотрел вниз — и ухмыльнулся так, что у меня запылали щёки.

— Тебя смущает мой стояк?

— О, боже, — закрыла я лицо ладонями. — Уинтерс, ты неисправим.

— А что такого? — он засмеялся, громко, с хрипотцой, и потянулся ближе. — Радуйся, дорогая, что у меня на тебя такая реакция. — На меня? — переспросила я, делая вид, что не понимаю, хотя сердце уже билось в горле. — Конечно на

тебя, — он поймал мой подбородок пальцами и заставил посмотреть на него. — Ни одна женщина не способна так сводить меня с ума, как ты, Тесса. Невыносимо тебя хочу. С того момента, как вдохнул твой запах. Пол ночи со стояком и без сна — знаешь, не самое простое испытание. Его взгляд прожигал. — Радость только в одном — ты рядом.

Я молчала.

Не знала, что сказать. Не могла. Потому что он не врал. И его слова, такие прямые, искренние — ударили сильнее любого поцелуя.

Он медленно притянул меня ближе, его лоб коснулся моего.

Между нами остался один вдох. Один. И я знала: если сейчас не остановлюсь — назад дороги не будет. — Александр… — выдохнула я, глядя прямо в его глаза.

— Всё потом, Тесса, — прошептал он, его голос был низкий, хриплый, будто пропитан жаром желания. — А сейчас… ты — моя.

И прежде чем я успела ответить, он накрыл мои губы поцелуем — глубоким, требовательным, но таким нежным, что у меня подогнулись колени.

Всё вокруг растворилось — стены, воздух, рассудок.

Мир сузился до этого поцелуя — до огня, который прожигал нас изнутри, и от которого уже не было спасения.

-- ~ Тесса ~ —

Я утонула в его поцелуе, как в бездонном омуте. Его губы были горячими, требовательными, и в то же время нежными — словно боялся, что я растаю прямо в его руках. Но я уже тонула. Не в силах, да и не желая вырваться.

Александр притянул меня к себе, одной рукой удерживая за талию, другой — гладя по спине, будто уговаривал, будто разговаривал со мной не словами, а прикосновениями. Моё тело отзывалось на каждое его движение — дрожью, вздохами, тихими стонами. Всё, что было в голове, растворилось. Остались только он и я.

Он легко подхватил меня, будто я ничего не весила, и усадил на себя. Его дыхание стало чаще, а мой пульс — быстрее. Я чувствовала, как его тело напряглось подо мной, и невольно начала двигаться, будто неосознанно, будто ведомая какой-то первобытной силой. Каждое движение — как взрыв искр под кожей.

Его руки легли на мои бёдра, пальцы скользнули вверх-вниз, слегка сжимая, и от этого простого касания я словно теряла рассудок. Он играл с мо-

ими ощущениями, подчиняя их себе — властно, уверенно, но с той осторожной нежностью, что сводит с ума сильнее любой грубости.

Когда он дотронулся до пуговиц на моей ночной рубашке, я затаила дыхание. Щёлк — одна, ещё одна… Он не спешил. Каждое движение было как признание, как обещание. И вот ткань скользнула вниз, открывая тело. Александр поднял взгляд — и в его глазах был целый мир: желание, восторг, нежность, и то самое притяжение, против которого невозможно идти.

Он потянулся к застёжке бюстгальтера, пальцы уверенно, легко справились с замком. Мгновение — и я почувствовала его руки. Тёплые, крепкие. Он обхватил мою грудь, сжал — чуть сильнее, и от этого я тихо выдохнула, запрокидывая голову.

Александр наклонился, губы нашли мою грудь, дыхание обожгло кожу. Его язык, горячий и влажный, касался сосков, заставляя меня стонать всё громче, всё беспомощнее. Я вцепилась в его плечи, чтобы не упасть, не раствориться окончательно, но тело уже предало — поддалось, дрожало, жаждало продолжения.

Он знал, что делает. Знал, как именно свести меня с ума. И я позволяла ему всё. Потому что это был**он**— мой Александр. Мой плен. Моя сладкая

катастрофа.

Его губы скользили по моей груди, по шее, оставляя за собой горячие следы — будто он метил каждое место, к которому прикасался. От его дыхания по коже пробегали мурашки — мягкой волной, от ключиц до самого низа. Я чувствовала, как он сдерживает себя, как борется с желанием, будто боится причинить боль. Но в этой внутренней борьбе жила страсть — дикая, неукротимая, как шторм над морем.

— Тесса… сладкая моя, — прошептал он мне в ухо, и от этих двух слов мир будто качнулся. Его голос был низким, хриплым, пропитанным тем самым жаром, от которого по спине пробегает дрожь.

Я прижалась к нему, ощущая, как под ладонями бьётся его сердце. Оно било чаще, чем моё, громче, будто отмеряло ритм только для нас двоих. Между нами не осталось воздуха — лишь дыхание, перемешанное с шёпотом и тихими стонами.

Он осторожно приподнял моё лицо, глядя прямо в глаза.

В этом взгляде было всё — желание, нежность, неуверенная осторожность.*«Ты уверена?»*— он не произнёс ни звука, но я поняла. Я просто кивнула. Медленно. Без слов.

Я дала ему волю — ту самую, которую раньше сдерживала. Хотела прожить с ним этот момент до конца, без остатка, так, чтобы запомнить каждое мгновение.

Александр не отводил взгляда. Его глаза потемнели, зрачки расширились, когда он поднял меня чуть выше и стал стягивать с меня одежду. Его пальцы касались кожи — осторожно, будто каждый миллиметр имел значение.

Я помогла ему — привстала, позволив ткани скользнуть вниз по телу. Тишина в комнате стала почти звенящей. Когда я осталась перед ним обнажённой, он шумно выдохнул, сжал челюсти, словно пытался совладать с самим собой.

Его взгляд невозможно было описать словами. Это был не просто интерес, не просто вожделение — это был взгляд мужчины, который видит *свою* женщину. Ту, которую не хочет отпустить, и не сможет забыть.

— Иди ко мне, малышка, — хрипло сказал он, и от этого голоса по телу прокатилась волна жара.

Я не стала заставлять его ждать — словно сама тянулась к нему всем телом. Перебравшись ближе, я устроилась сверху, обвивая его руками за шею. Александр будто только этого и ждал: его ладони сразу легли на мои бёдра, затем скольз-

нули выше — по талии, по спине — посылая по коже быстрые, горячие волны, от которых я едва удерживалась, чтобы не задохнуться.

Я наклонилась к нему и впилась в его губы так жадно, будто пережила долгие месяцы засухи… и наконец получила глоток живой воды. Поцелуй был не просто страстным — он был отчаянным, тянущим, глубоким, как будто нам обоим давно не хватало именно этого.

Мне совсем не хотелось отрываться — наоборот, хотелось тонуть в нём, в его вкусе, в его дыхании, в том, как он прижимает меня каждым сантиметром, будто боится, что я растаю в его руках. Александр отвечал с той же силой, с тем же голодом, прижимая меня к себе крепче, сильнее, заставляя наши тела сливаться в единый жар, от которого внутри всё буквально плавилось.

Александр притянул меня к себе так резко и уверенно, будто всю ночь до этого, он сдерживал волка внутри себя — и вот теперь дал ему свободу. Его рука легла мне на бёдра, и я почувствовала, как он без слов задаёт ритм, движение, направление… как будто всё моё тело — его территория, его решение, его право. Второй рукой он повёл нас ниже по кровати увлекая меня за собой, — уверенно, легко, словно знал каждое движение

наперёд.

Когда его спина коснулась простыней, он поднял на меня взгляд — горячий, глубокий, полный желания, и я едва не потеряла дыхание, когда его руки сомкнулись на моих бёдрах. Сила его пальцев была такой, что по коже побежал жар, как будто он одним прикосновением мог расплавить меня изнутри.

Он притянул меня к себе резким, властным движением, словно забирал, присваивал, не оставляя шанса на сомнение. Мир сорвался с оси.

Он смотрел на меня снизу вверх — голодным, тёмным взглядом, в котором читалась одна мысль:*«ты — моя»*. Я даже не успела вдохнуть, как его губы коснулись самой чувствительной части меня — своим дыханием, своей жаждой, своей безжалостной, всепоглощающей нежностью. Будто он забирал моё дыхание, мой голос, мою способность думать — и всё внутри сорвалось в шторм. Я*чувствовала*его. Каждый его вдох. Каждый ритм. Каждое намерение. Стоны вырывались сами собой — то тихие, то сильнее, будто волны накатывали одна за другой. Александр не останавливался. Не колебался. Не сомневался. Каждое моё движение. Каждый дрожащий звук. Каждый вздох, который срывался с губ, когда он

усиливал напор или менял ритм. Он прикасался ко мне языком так, будто давно знал карту моего тела — с её скрытыми тропами, опасными изгибами и запретными точками. Будто чувствовал саму суть. Знал, где я становлюсь слабее. Где внутри меня открывается бездна, в которую можно падать бесповоротно. Где та единственная точка, от прикосновения к которой всё во мне рушится — и тут же собирается вновь, но уже по-другому, сильнее, ярче, оголённее. Мне казалось, он пытается испить меня до конца — как воду в пустыне, как спасение, к которому добирались слишком долго. И я сама тянулась к нему, не в силах сопротивляться этому сладкому безумию. Я извивалась, теряла опору, хваталась за него, словно он был последним, что удерживает меня на поверхности. Комната стала далёкой, призрачной. Остался только он — горячий, ненасытный, властный, полностью сосредоточенный на том, чтобы довести меня до грани и перешагнуть её вместе со мной.

В какой-то момент я поняла, что уже не управляю собой.

Он забрал контроль. Всю власть. Каждую часть моего дыхания.

И мне было нечем защищаться — да и не хо-

телось.

С ним не хотелось ничего кроме того, чтобы раствориться полностью. Моё сердце колотилось так, будто пыталось пробить ребра — дерзко, отчаянно, не спрашивая меня ни о чём. Голос пропал, растворился в моих же стонах, в том жадном, сорванном дыхании, что само просило Александра не останавливаться. Вся сила, вся выдержка, которой я так гордилась, таяла под его прикосновениями. Моё тело отзывалось без условий и без защиты, дрожью откликаясь на каждый его жест. Он чувствовал это. И забирал меня всю — то ли губами, то ли зубами, то ли этой своей властной жаждой, которую я ощущала кожей. Будто он нажимал на скрытые кнопки, о которых знала только я… да и то — не до конца.

Он входил языком глубже, медленно и точно, будто вычерчивал свою траекторию, подчиняя дыхание каждому движению, — доводя меня до края, затягивая туда, где всё рвётся на свет.

Я взорвалась в его руках — резко, ослепительно. Будто внутри вспыхнуло белым огнём, разорвав меня на тысячи частиц. Мир исчез, осталась только волна, накатившая так сильно, что я не смогла сдержать ни одного звука. Тело дрожало, вибрировало, выламывалось из-под контроля, и

затрепетало в горячих конвульсиях.

Но Александр даже не думал сбавлять темп. Его рот скользил по моей коже — захватывал, вкушал, продлевал моё безумие. Я чувствовала каждое касание так остро, будто кожа стала прозрачной.

Когда волна прокатилась и отпустила, я обмякла — расплавленная, влажная, дрожащая. Но он не дал мне погрузиться в сладкую пустоту. Сильными руками поднял меня и усадил на свой торс, возвращая к себе так резко, что воздух вырвался из груди.

— Попробуй себя на вкус, малышка… — его хриплый шёпот прошёлся по мне горячей волной.

И он притянул меня ближе, впившись в мои губы глубоким поцелуем. Властным, тёмным, таким, от которого у меня подкашивались ноги, хотя я и сидела на нём. Его язык вошёл в меня так же уверенно, как и всё в нём: требовательный, вылизывающий, присваивающий.

Мне не хватало воздуха. Грудь жгло. Плечи, руки — всё дрожало от нахлынувших чувств.

А затем он приподнял меня — легко, что я почувствовала себя пушинкой в его руках — и стянул с себя трусы. Его член выскользнул на-

ружу, тяжёлый, горячий, дерзко дёрнувшийся, словно приглашая меня сесть на него без лишних слов.

Александр удерживал меня за талию одной рукой, второй направляя себя к моей влажной, доверчивой мягкости. Я не думала. Не могла. Внутри всё будто отключилось, оставив только одно — его, и нас, и то, что сейчас должно произойти.

Он размазывал мою влажность по центру, и это лёгкое трение заставило меня выгнуться, будто от электрического разряда. Чувствительность подскочила до какого-то нереального уровня — каждая секунда резонировала во мне, как удар пульса.

Я начала опускаться на него сама — медленно, чувствуя каждый сантиметр его горячей плоти. Его головка пульсировала, скользила, истекая теплом, и это сводило меня с ума.

Александр крепко взял меня обеими руками за талию — и уверенно, настойчиво, почти грубо — помог мне принять его полностью.

Он поднимал меня медленно, уверенно, давая мне почувствовать каждое мгновение рядом с ним. Я потеряла ориентиры — где верх, где низ, где я, где он. Был только жар и его руки, направля-

ющие меня так точно, будто он чувствовал мою душу через кожу.

Глава 40. "Нежность, ставшая ядом"

-- ~ Александр ~ —

Когда её тело было в моих руках, я ощущал, как во мне просыпается всё то, что давно считал мёртвым. Ноги у меня давно не слушались, но руки… чёрт, руки были сильнее стали. Я держал Тессу так, будто мог одним движением утащить её под себя, закрыть собой от всего мира.

Она скользнула ближе, горячая, мягкая, доверчивая — и в этот момент меня пробило до костей. До желания владеть ею полностью, без остатка.

Мои пальцы сжимали её талию так, что она стонала от одного прикосновения. Я направлял её, задавал ритм не спеша — власть всегда вкуснее, когда её держишь уверенно, без суеты.

— Только посмотри на себя… — мой голос сам опустился до низкого, хриплого баритона. Я провёл пальцем по её нижней губе медленно, заставляя её раскрыться для меня. — Ты вся мокрая, горячая… И вся… для меня.

Она ускорилась сама. Сама задала темп — резче, смелее, голоднее. Тесса цеплялась пальцами за

мою шею, тянулась ко мне, словно ей не хватало воздуха, и единственный способ вдохнуть — это быть ближе ко мне.

Она дрожала, выгибалась, цеплялась за мои плечи, будто я был единственное, что держит её на плаву. И да, так и было.

Я выругался тихо — не сдержавшись — и притянул её к себе до боли сладко. Она вскрикнула и тут же вцепилась в меня, а я поймал её губы слегка покусывая, чтобы не дать ей потеряться в этом крике.

Когда Тесса прошептала «ещё», не осталось ни капли самоконтроля.

— Дам, — сказал я, прижимая её к себе. — Всё дам, малышка.

Я изменил угол, подтянул её ближе, и она почти рухнула мне на плечо — вся дрожа, теряя дыхание, задыхаясь в моём имени.

Каждое её движение я встречал корпусом, сильными руками, каждым сантиметром той силы, что у меня осталась. Ноги мне были не нужны, чтобы довести её — всё, что требовалось, у меня работало куда лучше: плечи, спина, грудь, дыхание, хватка.

Когда она вонзила ногти мне в плечи, я лишь крепче притянул её:

— Вот так… держись за меня… — мой голос был низким, почти рычащим. — Я чувствую, как ты сжимаешь меня. Ещё чуть-чуть, Тесс…

Её дыхание сбилось, волосы падали мне на лицо, щекотали кожу, заставляя меня держать её ещё сильнее. Тесса почти раскрылась на моих руках — и это зрелище выбивало из меня последние остатки самоконтроля.

Она подняла голову — глаза блестели, зрачки расширены, губы приоткрыты. Бог ты мой… она была создана для того, чтобы мужчины теряли остатки разума.

Я ухватил её за затылок, подтянул ближе, заставил посмотреть на меня:

— Смотри на меня, малышка. Не закрывай глаза.

Её губы дрогнули.

И она посмотрела. Так, что у меня в груди всё сжалось до боли.

Я наклонился ближе, прижался лбом к её лбу:

— Ты моя. Поняла?

— Поняла… Александр…

Тесса тихо выдохнула, пальцы скользнули к моему лицу — и я почувствовал, как внутри всё рвануло. В ней было столько доверия, столько нежности, что мне хотелось забрать её целиком,

спрятать под свою грудь, держать, пока дыхание нас не покинет.

Когда её движения стали резче, глубже, я понял — она подходит к краю. Почувствовал, как внутри неё напряглось всё, как будто она собиралась взлететь. И когда она сорвалась — это было не просто прекрасно. Это было так будто свет вспыхнул внутри нас обоих.

Тесса вскрикнула — звонко, искренне, без попыток сдержаться. И это было так красиво, так по настоящему, что я потерял контроль. Моё дыхание сорвалось, движения стали рваными, и я вошёл в неё глубже, чем прежде, позволяя себе то, что сдерживал всё это время.

Волна накрыла меня резко, мощно, выжигая всё лишнее. И на какое-то мгновение было ощущение, что мы растворились друг в друге полностью.

Потом наступила тишина.

Тёплая. Живая. Настоящая.

Я не отпустил её. Не позволил ей отстраниться ни на миллиметр. Просто прижал ближе, закрывая собой весь мир, и коснулся губами её виска.

— Всё хорошо, — прошептал я. — Я рядом. Всегда.

Она тихо улыбнулась, спрятав лицо в моей шее.

Её тело ещё дрожало, но внутри стало спокойно — я чувствовал это кожей.

— Не отпускай, — прошептала она едва слышно.

Я провёл пальцами по её спине, притягивая ещё крепче.

— Никогда, Тесс. Ты слышишь? Никогда.

И впервые за долгое время внутри стало по-настоящему спокойно.

Будто весь мир действительно существовал только для нас двоих.

Тесса лежала на моей груди — тихо, красиво, будто создана для утреннего света, который ложился на её плечо. Волосы разметались по простыне мягкой тёмной волной, обрамляя лицо, за которое мне хотелось благодарить всех богов сразу.

Я чувствовал её дыхание — мягкое, тёплое — и ритм её сердца, который странным образом совпадал с моим. Её маленькая ладонь лежала на моём животе, будто она держала меня даже во сне.

Я смотрел на неё — и понимал, что никогда, ни одна картина в жизни не была прекраснее.

Как же она красива…

Даже когда тихо сопит, как ребёнок. Даже когда

откидывает голову чуть назад, открывая линию шеи, которую я хочу целовать каждую ночь.

Я смотрел на её тело, на светлую кожу, на плавные изгибы — и у меня внутри поднималось чувство, которое трудно описать.... именно то тёплое, настоящее чувство, которое бывает только к своей женщине.

Скоро она станет моей женой.

И чем больше я смотрел на неё, тем сильнее понимал — я не ошибся, когда попросил её отца о благословении. Это было решение, которое казалось импульсивным... но оказалось самым верным в моей жизни.

Я сделаю всё, чтобы эта женщина была счастлива со мной.

Чтобы её глаза всегда светились, когда она смотрит на меня.

Тесса спала крепко, дышала глубоко. Я аккуратно выскользнул из-под её руки, поднялся, по привычке опираясь на силу рук, и отправился в душ.

Я не хотел, чтобы она видела, как я перетаскиваюсь в кресло. Не то что бы стеснялся... просто**ещё не время показывать ей эту часть меня**. Не хочу, чтобы жалость коснулась её взгляда хотя бы раз. Я наклонился, убрал прядь со щеки. В груди

поднималась тёплая, глубокая волна — такое ощущение бывает только рядом с человеком, ради которого готов отдать всё.

Пока она спала, я заказал завтрак: запеканку, ягоды, немного сладостей, кофе… и, конечно, вишнёвое мороженое — маленькая слабость моей девочки.

Персонал накрыл стол в гостиной — аккуратно, тихо.

Принесли орхидеи — белые, чистые, такие же невинные, как она, когда спит рядом со мной.

Я уже собирался вернуться в спальню — лечь рядом, поцеловать её в щёку, медленно, нежно разбудить…

И тут**раздался телефонный звонок.**

На экране — Мэйсон.

Что ему нужно так рано?

Я ответил, взгляд всё ещё был на двери спальни.

— Мистер Уинтерс, доброе утро, — голос Мэйсона дрожал.

— И тебе доброго утра, Мэйсон. В чём срочность? — спокойно, без тепла.

— Тут такое дело, босс… — он замялся.

Я почувствовал, как внутри что-то дернулось — неладное всегда чувствуется заранее.

— Переходи сразу к сути, Мэйс, не мямли.

Он сглотнул, это слышно было даже через динамик.

— Да-да… дело в том что…

Его неуверенность начала выбешивать.

Внутри поднялось раздражение.

— Всё, Мэйсон, давай потом, как соберёшься с мыслями, — сказал я резко. — У меня сейчас дело есть поважнее твоих невнятных разговоров.

Я уже собирался отключиться.

И тут он сказал:

— Мы нашли крысу, Босс…

Воздух вокруг меня стал ледяным.

— Что ты сказал? Повтори.

— Мы нашли кто сливает информацию с наших серверов и неплохо на этом зарабатывает.

Его слова входили в меня медленно, как ржавые иглы.

Я сжал подлокотник так, что суставы хрустнули.

— Кто? — спросил я тихо.

Пауза.

Секунда. Две. Сердце сжалось в кулак.

— Это Тесса Чон. Доказательства на лицо. Мы вычислили её по рабочему ноутбуку. Пробили IP — адрес и коды. Всё подтвердилось.

Всё вокруг меня замолчало.

Перестало существовать. Слова перестали быть звуками — они стали ударами. Тяжёлыми. Медленными. Разрушающими.

Я смотрел в сторону спальни.

На ту самую женщину, ради которой мог свернуть чёртову планету. На ту, чьё дыхание согревало мою грудь этой ночью. На ту, которой я за считанные часы мысленно надел кольцо. И в один миг… всё это превратилось в яд. И каждое слово Мэйсона падало мне в грудь тяжёлыми камнями.

Тесса.

Моя Тесса. Предательница. Лгунья.

Гнев вспыхнул так ярко, будто кто-то поджёг мои сосуды изнутри.

Грубая, дикая боль полоснула по груди.

Я не слышал Мэйсона.

Голос мутнел, тонул в реве крови. Я видел только её. Красивую. Спокойную. Уютную. И — теперь — лживую.

Боль пришла первой.

Глухой волной. Та боль, что прожигает грудь изнутри.

За ней — злость.

Грязная, густая, как нефть.

И затем — ненависть.

Та, что затмевает всё. Даже любовь.

На секунду мне действительно захотелось подползти к ней… и сжать горло ладонью.

Не убить. Нет. Наказать. Чтобы она знала, что значит предательство.

Голос Мэйсона прорезал эту тьму:

— Мистер Уинтерс? Так что нам предпринять?

— Пока ничего не делать, — процедил я. — Ждать моего возвращения.

— Я вас понял.

Я положил телефон. Медленно.

Чтобы не бросить, не метнуть его в стену.

Внутри всё кипело.

Грудь сжимало, будто внутри был раскалённый металл. Руки дрожали — от ярости, от боли, от мысли, что всё прекрасное, что было между нами, оказалось ложью.

Я набрал Дэвида.

Гудки били по нервам, как удары по железу.

Он ответил сразу:

— Да, сэр.

— Дэвид, через десять минут будь готов. Мы вылетаем в Вашингтон.

— Понял.

Я отключился.

И внутри меня поднялась такая ярость, что захотелось разорвать этот мир до основания.

Это утро могло быть идеальным.

Оно должно было быть идеальным. Но превратилось в начало войны, которую я начну...

Конец первой части.